

А. А. ФЕТЪ

Полное Собраніе Стихотвореній

Томъ II

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ

А. А. ФЕТА

Съ вступительными статьями Н. Н. Страхова и Б. В. Никольскаго
и съ портретомъ А. А. Фета.

Томъ второй.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1912 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ.
1912.

Артистическое заведенiе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

БАЛЛАДЫ.

СОЛОВЕЙ И РОЗА.

Небесъ и земли повелитель,
Творецъ плодотворнаго міра,
Далъ счастье, далъ радость всей твари
Цвѣтущихъ долинъ Кашемира, —

И равны всѣ звенья предъ Вѣчнымъ
Въ цѣпи непрерывной творенья,
И жизненнымъ трепетомъ общимъ
Исполнены чудныя звенья.

Такая дрожащая бездна
Въ дыханьи полудня и ночи,
Что ангелы въ страхѣ закрыли
Крылами звѣздистыя очи.

Но тамъ же, въ саду мірозданья,
Гдѣ радость и счастье—привычка,
Забыты, отвергнуты счастьемъ
Кустарникъ и сѣрая птичка.

Листовъ, окаймленныхъ пилами,
Побѣговъ, скрывающихъ спицы,
Боятся летучіе гости,
Чуждаются пѣвчія птицы.

Безгласная сѣрая птичка
Одна не пугается терній,
И любятъ другъ друга, но счастья —
Ни въ утренній часъ ни въ вечерній.

И пó небу вѣки проходятъ,
Какъ волны безбрежнаго моря, —
Никто не узнáетъ ихъ страсти,
Никто не увидитъ ихъ горя.

Однажды сіяющій ангелъ,
Купаяся въ безднахъ эѳира,
Узрѣлъ и кустарникъ и птичку
Въ долинѣ ночной Кашмира, —

И нѣжному ангелу стало
Ихъ видѣть такъ грустно и больно,
Что съ неба слезу огневую
На нихъ уронилъ онъ невольно.

И къ утру свершилося чудо:
Краснѣя и млѣя сквозь слезы,
Склонилася къ вѣткѣ упругой
Головка душистая розы.

И къ ночи съ безгласною птичкой
Еще перемѣна чудеснѣй:
И листья и звѣзды трепещутъ
Ея упоительной пѣсней.

О н ъ.

Рая вѣчнаго изгнанникъ,
Вешній гость я, пѣвчій странникъ:
Мнѣ чужіе здѣсь цвѣты,
Страшны искры мнѣ мороза, —
Другъ мой, роза, дѣва-роза,
Я бъ не пѣлъ, когда бъ не ты.

О н а.

Полночь—мать моя родная:
Незамѣтно расцвѣла я
    На зарѣ весны;
Для тебя жъ у бѣдной розы
Ароматъ, краса и слезы,
    Заревые сны.

Онъ.

Ты такъ нѣжна, какъ утреннія розы,
Что̀ предъ зарей несетъ землѣ востокъ.
Ты такъ свѣтла, что поневолѣ слезы
Туманятъ мнѣ внимательный зрачокъ.

Ты такъ чиста, что помыслы земные
Невольно мрутъ въ груди передъ тобой.
Ты такъ свята, что ангелы святые
Зовутъ тебя ихъ смертною сестрой.

Она.

Ты поешь, когда дремлю я·
Я цвѣту, когда ты спишь;
Я горю безъ поцѣлуя,
Безъ отвѣта ты грустишь;

Но ни грусти ни мученья
Ты обманомъ не зови:
Гдѣ же пѣсни безъ стремленья?
Гдѣ же юность безъ любви?

Онъ.

Дѣва роза, доброй ночи:
Звѣзды въ небесахъ.
Двѣ звѣзды горятъ, какъ очи
Въ голубыхъ лучахъ.

Двѣ звѣзды горятъ привѣтно
Нынче, какъ вчера.
Сонъ подкрался незамѣтно, —
Роза, спать пора!

Она.

Зацѣлую тебя, закачаю,
Но боюсь надъ тобой задремать:
На зарѣ лишь уснешь ты; я знаю,
Что всю ночь будешь пѣть ты опять.

Закрываются милыя очи,
Голова у меня на груди...

Вѣтеръ, вѣтеръ съ суровой полночи,
Не тревожь его сна, не буди!

Я сама притаила дыханье,
Только вѣжды закрылъ ему сонъ,
И надъ спящимъ склоняюсь въ молчаньи,-
Все боюсь, не проснулся бы онъ.

Вѣтеръ, вѣтеръ лукавый, поди ты,
Я умѣю сама цѣловать!
Я устами коснуся ланиты,—
И мой милый проснется опять.

Просыпайся жъ! Заря потухаетъ:
Для пѣвца — золотая пора...
Дѣва-роза тихонько вздыхаетъ,
Отпуская тебя до утра.

Онъ.

Ахъ, опять къ ночному бдѣнью
Вышелъ звѣздный хоръ!
Эхо ждетъ завторить пѣнью,
Ждетъ лѣсной просторъ.

Вѣетъ вѣтеръ надъ дубровой,
Пышный листъ шумитъ,—
У меня въ тѣни кленовой
Дѣва-роза спитъ.

Хорошо ль ей, сладко ль спится,
Я предузнаю̀
И звѣздамъ, что̀ ей приснится,
Громко пропою.

Она.

Я дремлю, но слышитъ
Роза соловья.
Вѣтерокъ колышитъ
Сонную меня.

Звуки остаются
Всѣ въ моихъ листкахъ.

Слышу,—а проснуться
Не могу никакъ!

Заревыя слезы,
Наклоняясь, лью...
Пой у сонной розы
Про любовь мою!

И во снѣ только любитъ и любить,
И отъ счастія плачетъ и спитъ!
Эти пѣсни она приголубитъ,
Если эхо о нихъ промолчитъ.

Эти пѣсни землѣ разсказали
Все, что̀ розѣ приснилось во снѣ,
И глубоко, глубоко запали
Ей въ румяное сердце онѣ.

И въ ночи подъ землею коренья
Влагу ночи сосутъ да сосутъ,
А у розы росой умиленья
Бриллiантами слезы текутъ.

Отчего жъ подъ навѣсомъ прохлады
Раздается такъ голосъ пѣвца?
Роза! Пѣсни не знаютъ преграды!
Безъ конца твои сны, безъ конца!

Подъ палаткою пунцовой,
Безъ невольниковъ, одинъ,
Съ одалиской чернобровой
Разстается властелинъ.

— «Сара, гурія Пророка,
Солнце дней, источникъ силъ,
Сара, утро недалеко, —
И проснется Азраилъ...

Гдѣ-то завтра послѣ бою
Снова ноги подогну
Иль усталой головою
Беззаботно отдохну?

Съ новой ночью, съ новой кущей,
Пылкой страсти вопреки,
Не коснусь твоей цвѣтущей,
Нарумяненной щеки,

Предъ тобою на бездѣльѣ
Свой кальянъ не закурю
И въ глаза твои газельи,
Полонъ думъ, не посмотрю —

И рукой моей усталой
У тебя не обовью
Черныхъ косъ по фескѣ алой
Чешуйчатую змѣю...»

———

КРЕЗЪ.

Въ Сардахъ пиръ. Дворецъ раскрылъ подвалы.
Блещутъ камни, жемчуги, фіалы, —
Самъ Эзопъ, недавній рабъ, смущенъ, —
Нѣтъ числа треножникамъ, корзинамъ:
Давъ законы суетнымъ Аѳинамъ,
Къ Крезу прибылъ странникомъ Солонъ.

— «Посмотри на эти груды злата:
Здѣсь и то, что̀ несъ верблюдъ Евфрата,
И надъ чѣмъ трудился хитрый грекъ;
Видишь рой моихъ рабынь стыдливый?
И скажи,—промолвилъ царь кичливый:—
Кто счастливый самый человѣкъ?»

— «Царь, я вспомнилъ при твоемъ вопросѣ,—
Былъ отвѣтъ:—двухъ юношей въ Аргосѣ:
Клеобисъ одинъ, другой Битонъ.
Двухъ сыновъ вь молитвахъ сладкой вѣры
Поминала жрица строгой Геры
И на играхъ славу ихъ именъ.

Разъ быки священной колесницы
Опоздали къ часу жертвы жрицы,
И народъ не вѣдалъ, что̀ начать;
Но ярмо тяжелое надѣто, —
Клеобисъ и Битонъ, два атлета,
Къ алтарю подвозятъ сами мать.

«О, пошли ты имъ всѣхъ благъ отнынѣ,
Этимъ дѣтямъ!»—молится богинѣ
Жрица-мать и тихо слезы льетъ;
Хоръ умолкъ, потухъ огонь во храмѣ,
И украсилъ юношей вѣнками,
Какъ побѣду чествуя, народъ.

А когда усталыхъ въ міръ видѣній
Сонъ склонилъ, съ улыбкой тихій геній

Опрокинулъ факелъ жизни ихъ,
Чтобъ счастливцевъ, и блаженъ и свѣтелъ,
Сонмъ героевъ и поэтовъ встрѣтилъ
Тамъ, гдѣ нѣтъ превратностей земныхъ».

— «Неужель собралъ я здѣсь напрасно
Все, что такъ безцѣнно и прекрасно?—
Царь прервалъ Солона, морща лобъ. —
Я богатъ, я властенъ необъятно!
Мнѣ твое молчанье непонятно».
— «Не пойму и я», — сказалъ Эзопъ.

— «Царь, — сказалъ мудрецъ: — все прахъ земное!
Безъ боговъ не мысли о героѣ;
Кто въ живыхъ, счастливцемъ не слыви.
Счастья нѣтъ, гдѣ нѣтъ сердецъ смиренныхъ;
Нѣтъ искусствъ, нѣтъ пѣсенъ вдохновенныхъ
Тамъ, гдѣ нѣтъ семейства и любви».

При свѣтѣ лампады надъ чернымъ сукномъ
Монахъ сѣдовласый сидитъ
И рукопись держитъ въ изсохшихъ рукахъ
И въ рукопись молча глядитъ.

И красное пламя, вставая, дрожитъ
На умномъ лицѣ старика;
Старикъ неподвиженъ, — и только порой
Листы отгибаетъ рука.

И вѣритъ онъ барда пѣвучимъ словамъ,
Хоть дней тѣхъ давно не видать:
Они передъ нимъ, въ его кельѣ нѣмой, —
Про нихъ ему сладко читать.

И сладко и горько!.. Вѣдь жили жъ они
И вѣрили тайной звѣздѣ!..
И взоръ на распятье... И тихо слеза
Бѣжитъ по густой бородѣ...

ЛЕГЕНДА.

Вдоль по берегу полями
Ѣдетъ сынъ княжой.
Сорокъ отроковъ верхами
Слѣдуютъ толпой.

Страшенъ ликъ его суровый,
Все кругомъ молчитъ.
И подкова лишь съ подковой
Часто говоритъ.

— «Разгуляйся въ полѣ»,—сыну
Говоритъ старикъ:
Знать, сыновнюю кручину
Старый взоръ проникъ.

Съ золотыми стременами
Княжій аргамакъ,
Шемаханскими шелками
Вышитъ весь чепракъ, —

Но, печаленъ, въ полѣ чистомъ
Князь себѣ не радъ
И не кличетъ громкимъ свистомъ
Кречетовъ назадъ.

Онъ давно душою жаркой
Въ перегарѣ силъ
Всю неволю жизни яркой
Втайнѣ отлюбилъ.

Полюбить успѣвъ вериги
Молодой тоски,
Переписываетъ книги,
Пишетъ кондаки —

И не разъ, въ минуты битвы
Съ жизнью молодой,
Въ увлеченіи молитвы
Находилъ покой.

Ѣдетъ онъ въ раздумьѣ шагомъ
На лихомъ конѣ, —
Вдругъ пещеру за оврагомъ
Видитъ въ сторонѣ:

Тамъ душевной жаждѣ пищу
Старецъ находилъ,
И къ пустынному жилищу
Князь поворотилъ.

Годы страсти, годы спора
Пронеслися вдругъ,
И пустыннаго простора
Онъ почуялъ духъ:

Слѣзъ съ коня, оборотился
Къ отрокамъ спиной,
Снялъ кафтанъ, перекрестился —
И махнулъ рукой.

ТАЙНА.

Почти ребенкомъ я была...
Всѣ любовались мной:
Мнѣ шли и кудри по плечамъ
И фартучекъ цвѣтной.

Любила мать смотрѣть, какъ я
Молилась поутру;
Любила слушать, если я
Пѣвала ввечеру.

Чужой однажды посѣтилъ
Нашъ тихій уголокъ.
Онъ былъ такъ нѣженъ и уменъ,
Такъ строенъ и высокъ.

Онъ часто въ очи мнѣ глядѣлъ
И тихо руку жалъ,
И тайно глазъ мой голубой
И кудри цѣловалъ...

И помню, стало мнѣ вокругъ
При немъ все такъ свѣтло,
И стало мутно въ головѣ
И на сердцѣ тепло.

Летѣли дни, — промчался годъ, —
Насталъ послѣдній часъ, —
Ему шепнула что-то мать,
И онъ оставилъ насъ.

И долго-долго мнѣ пришлось
И плакать и грустить,
Но я боялася о немъ
Кого-нибудь спросить.

Однажды, вижу, — милый гость,
Припавъ къ устамъ моимъ,
Мнѣ говоритъ: — «Не бойся, другъ,
Я для другихъ незримъ».

И съ этихъ поръ онъ снова мой,
Въ объятіяхъ моихъ,
И страстно, крѣпко онъ меня
Цѣлуетъ при другихъ.

Всѣ говорятъ, что яркій цвѣтъ
Ланитъ моихъ — больной...
Имъ не узнать, какъ жарко ихъ
Цѣлуетъ милый мой!

ЛИХОРАДКА.

— «Няня, что-то все не сладко, —
Дай-ка сахаръ мнѣ да ромъ.
Все какъ будто лихорадка,
Точно холоденъ нашъ домъ...»

— «Ахъ, родимый, Богъ съ тобою:
Подойти нельзя къ печамъ!
При себѣ всегда закрою, —
Топимъ жарко, знаешь самъ».

— «Ты бы шторку опустила...
Дай-ка книгу!.. — Не хочу!..
Ты намедни говорила,
Лихорадка... Я шучу!..»

— «Что̀ за шутки! Спозаранокъ,
Ужъ повѣрь моимъ словамъ,
Сестры, девять лихоманокъ,
Часто ходятъ по ночамъ.

Вишь, нелегкая ихъ носитъ
Сонныхъ въ губы цѣловать!
Всякой бо̀лѣсти напроситъ
И пойдетъ тебя трепать».

— «Вѣрю, няня! Нѣтъ ли шубы?..
Хоть всего не помню сна, —
Цѣловала крѣпко въ губы...
Лихорадка ли она?»

ЗМѢЙ.

Чуть вечернею росою
Осыпается трава,
Чешетъ косу, моетъ шею
Чернобровая вдова

И не сводитъ у окошка
Съ неба темнаго очей, —
И летитъ, свиваясь въ кольца,
Въ яркихъ искрахъ длинный змѣй.

И шумитъ все ближе, ближе,
И надъ вдовьинымъ дворомъ,
Надъ соломенною крышей,
Разсыпается огнемъ.

И окно тотчасъ затворитъ
Чернобровая вдова;
Только слышатся въ свѣтлицѣ
Поцѣлуи да слова...

МЯТЕЛЬ.

Ночью буря разозлилась,
Крыша снѣгомъ опушилась,
И собаки по щелямъ.
Липнетъ глазъ отъ рѣзкой пыли,
И огни ужъ потушили
Вдоль села по всѣмъ дворамъ.

Лишь въ избушкѣ за дорогой,
Одинокой и убогой,
Огонекъ въ окнѣ горитъ.
Въ той избушкѣ только двое.
Кто ихъ знаетъ, — что̀ такое
Братъ съ сестрою говоритъ?

—«Помнишь то, что̀, умирая,
Говорили намъ родная
И родимый? — Отвѣчай!..
Вотъ, — теперь, что̀ день, то гонка,
И крикливаго ребенка,
По̀-вѣкъ дѣвкою, качай!

И когда же вражья сила
Васъ свела? — Вѣдь нужно жъ было
Завертѣться мнѣ въ извозъ!..
Иль отвѣтить не умѣешь?
Что̀ молчишь и что̀ блѣднѣешь?
Право, дѣвка, не до слезъ!»

— «Братецъ, милый, ради Бога,
Не гляди въ глаза мнѣ строго:
Я въ ночи тебя боюсь».
— «Хоть ты бойся, хоть не бойся,
А сойдусь, — не безпокойся, —
Съ нимъ по-свойски разочтусь!»

Вѣтеръ пуще разыгрался, —
Кто-то въ избу постучался...
— «Кто тамъ?» — братъ въ окно спросилъ.
— «Я прохожій, и отъ снѣга
До утра ищу почлега», —
Чей-то голосъ говорилъ.

— «Что жъ ты руки-то поджала?
Люльку вдоволь, чай, качала...
Хоть грусти, хоть не грусти, —
Нѣтъ меня, такъ нѣтъ и лѣни!..
Побѣги проворнѣй въ сѣни
Да прохожаго впусти».

Чрезъ порогъ ступилъ прохожій;
Помолясь на образъ Божій,
Поклонился брату онъ, —
А сестрѣ какъ поклонился
Да взглянулъ, — остановился,
Точно громомъ пораженъ...

Всѣ молчатъ. Сестра блѣднѣетъ,
Никуда взглянуть не смѣетъ...
Исподлобья братъ глядитъ...
Все молчитъ, — лучина съ трескомъ
Лишь горитъ багровымъ блескомъ,
Да по кровлѣ вѣтръ шумитъ.

КУРГАНЪ.

—«Другъ вѣковъ, повѣренный преданій,
Ты одинъ средь братіи своей
Сохранилъ сокровищъ и дѣяній
Вѣковую тайну отъ людей:

Что же дубъ съ кудрявой головою
Не взращенъ твой подвигъ отмѣчать,
И не свѣтитъ въ сумракъ надъ тобою
Огонекъ—избранія печать?

Какъ на всѣхъ, орелъ съ неизмѣримой
На тебя слетаетъ высоты,
И срѣзаетъ плугъ неумолимый
Всѣхъ примѣтъ послѣдніе слѣды...

Что жъ ты дремлешь? Силой чудотворной
Возрасти темно-кудрявый дубъ,
Сокруши о камень непокорный
Злого плуга неотвязный зубъ!..»

—«Оттого-то, странникъ, безпримѣтный,
На степи я вѣчно и молчу,
Что навѣкъ въ груди мой кладъ завѣтный
Ото всѣхъ я затаить хочу».

МѢСЯЦЪ И РОЗА.

Онъ.

Всталъ я рано надъ горой,
Чтобъ расцвѣтъ увидѣть твой,

И гляжу съ мольбой всю ночь.
Ты молчишь, не гонишь прочь,

Но навстрѣчу мнѣ твой кустъ
Не вскрываетъ алыхъ устъ...

Она.

Не сравнится вздохъ ничей
Съ чистотой твоихъ лучей,

Но не имъ будить меня:
Жду лобзаній жаркихъ дня,

Жду вѣнчаннаго царя!
Для него таитъ заря

Благовонныя красы
Подъ алмазами росы.

25 сент. 1891.

—«Ты такъ любишь гулять,—
Отчего ты опять
Робко жмешься?
Зори—нѣтъ ихъ нѣжнѣй!
И такихъ ужъ ночей
Не дождешься!»

—«Милый мой, мнѣ не въ мочь:
Истомилась, всю ночь
Тосковала,—
Я бѣжала къ прудамъ,
А тебя я и тамъ
Не сыскала.

Но ужъ дальше къ пруду
Ни за что не пойду,
Хоть брани ты:
Тамъ, надъ самой водой,
Странный, черный, кривой
Пень ракиты.

И не вижу я пня,
И хватаетъ меня
Страхъ напрасный:
Такъ и кажется мнѣ,
Что стоитъ при лунѣ
Тотъ ужасный!»

— — —

П О Э М Ы.

САБИНА.

Надъ міромъ царствовалъ Неронъ—
И шумный дворъ его шептался,
Когда въ раздумьѣ мрачномъ онъ
Въ своемъ дворцѣ уединялся.
Тамъ, сочинялъ ли онъ стихи
Иль новыхъ ужасовъ затѣи,—
Но мѣрно слышались шаги
Его вдоль узкой галлереи.
Какъ передъ бурей затихалъ
Въ подобный часъ дворецъ просторный,
И каждый молча ожидалъ
Судьбы, склоняя взоръ покорный.

Шумѣлъ лишь Римъ.—Въ пяти шагахъ
Граждане въ праздничной одеждѣ,
Позабывая вѣщій страхъ,
Кричатъ пронзительнѣй, чѣмъ прежде.
Все льститъ ихъ взорамъ и ушамъ,
Все пища для страстей мгновенныхъ.
Тамъ торжество и новый храмъ,
Здѣсь судъ царей порабощенныхъ.
Народъ шумитъ. Давно привыкъ
Онъ къ торжеству своей гордыни,
Онъ всѣмъ народамъ шлетъ владыкъ
И въ Римъ увозитъ ихъ святыни.
Какъ прежде, плѣнные цари
Влачатъ по форуму оковы,
И рядомъ стали алтари
И Озириса и Еговы.

Минутнымъ жаромъ увлеченъ
Всегда кипучій духъ народа:
Сегодня богъ ему Неронъ,
А завтра богъ ему свобода.
Онъ такъ же рвался и кричалъ
Иль такъ же отступалъ, нѣмѣя,
Когда у статуи Помпея
Брутъ окровавилъ свой кинжалъ.

I.

Давно собрали виноградъ,
Сѣрѣй туманъ на Апеннинахъ,
И въ Римъ, пестрѣя на долинахъ,
Тибура жители спѣшатъ.

Лишь юный Мундъ не ѣдетъ въ Римъ,
Его столица не плѣняетъ,
И онъ на все друзьямъ своимъ
Однимъ молчаньемъ отвѣчаетъ.
Какъ быстро лѣто передъ нимъ
Крылатыя промчали Оры,
Какимъ сіяньемъ голубымъ
Все время покрывались горы,
Какъ сельскій бытъ онъ полюбилъ,
Забывъ о купленномъ весельѣ,
И въ этомъ замкнутомъ ущельѣ
Элизій полный находилъ!

По цѣлымъ онъ сидѣлъ ночамъ,
Кидая взоры за ограду,
Пока заря свою лампаду
Внесетъ къ тибурскимъ высотамъ
И, какъ алтарь любви живой,
За дымомъ скроется долина:
Быть-можетъ, снова въ садикъ свой
Пройдетъ надменная Сабина,
Не подымая глазъ своихъ,
Пройдетъ въ величіи суровомъ, —
Но онъ любви крылатымъ словомъ
Ее смутитъ хотя на мигъ,
Иль безъ свидѣтелей опять

Ее принудитъ онъ отвѣтить,
Чтобъ только взоръ блестящій встрѣтить
Или насмѣшку услыхать.
Онъ зналъ давно, что ничему
Не внемлетъ строгая Сабина,
Что равнодушіе къ нему
Хранитъ супруга Сатурнина.

Недавно прибылъ Сатурнинъ
Изъ знойной Сиріи съ женою.
Тамъ долго, полный властелинъ,
Богатой правилъ онъ страною.
Сабина, властью красоты
И саномъ мужнинымъ хранима,
Смотрѣть привыкла съ высоты
На юныхъ вѣтрениковъ Рима.
Коней, гетеръ, ночныхъ пировъ
Она въ душѣ имъ не прощала
И втайнѣ на однихъ боговъ
Порывы сердца обращала.
Какъ чистъ молитвы ѳиміамъ!
Какъ гаситъ онъ огонь преступный!
Сабина покидала храмъ,
Подобна Герѣ недоступной.
Когда же Мундъ, пробравшись въ садъ,
Ее смущалъ любви привѣтомъ,
Живой упрекъ и гордый взглядъ
Бывали дерзкому отвѣтомъ.
Но въ Мундѣ блескъ ея очей
Лишь распалялъ любви желанья:
Онъ тосковалъ, не спалъ ночей
И жаждалъ новаго свиданья.

Сегодня Мундъ стоитъ одинъ,
Глядя въ раздумьѣ на долину:
Вчера уѣхалъ Сатурнинъ
И въ Римъ увезъ свою Сабину.
«Что̀ дѣлать?—часто Мундъ твердитъ.—
Безплодно дни промчались лѣта!»
—«Что дѣлать?»—эхо говоритъ
Сто разъ—и не даетъ отвѣта...

А тамъ, врываясь въ нѣдра скалъ,
Какъ бы живой упрекъ безсилью,
Кипучій Аніо ропталъ
И разсыпался тонкой пылью,
Да, разгоняя горный дымъ,
Какъ и вчера, передъ разлукой,
И нынѣ Фебъ золотолукій
Три кинулъ радуги надъ нимъ.

II.

Сабина въ Римѣ. Но и тамъ
Живетъ по-прежнему Сабина:
Въ дому лелѣетъ Сатурнина
И въ храмахъ жертвуетъ богамъ.
Молиться чуждымъ, какъ своимъ,
Обучена чужой страною,
Она и въ Римѣ жертвы имъ
Несетъ съ покорною душою
И, въ дѣлѣ вѣры и добра
Послушна сладостнымъ влеченьямъ,
Она проводитъ вечера,
Жрецовъ внимая поученьямъ.

Но чаще всѣхъ съ недавнихъ поръ
Къ ней жрецъ Анубиса приходитъ,
Заводитъ жаркій разговоръ
И зоркихъ глазъ съ нея не сводитъ,
Награду темную сулитъ
И сердца слушаетъ тревогу,
Влечетъ къ таинственному богу
И наконецъ ей говоритъ:

— «Недаромъ ты у алтарей
Съ мольбами жертвы приносила,
Сабина: вѣрой ты своей
И жизнью небу угодила;
Твои молитвы сочтены;
Но никогда непосвященный
Не приподыметъ пелены,
На ликъ Изиды опущенной.

Мужайся: шагъ еще—и ты
Войдешь въ блаженные чертоги,
Гдѣ блескомъ вѣчной красоты
Сіяютъ праведные боги.
Тебя я въ тайну посвящу,—
Но, вѣчной истины ревнитель,
Я самъ, Анубиса служитель,
О ней повѣдать трепещу.

«Богамъ отъ юности служилъ
Я и молился ежечасно,
Но никогда такъ громогласно
Со мною богъ не говорилъ.
Вчера стою у алтаря,
И вдругъ оракулъ мнѣ вѣщаетъ,
Что, страстью пламенной горя,
Тебя Анубисъ избираетъ.
Всю ночь очей я не смыкалъ,
Молясь въ смятеніи великомъ,
И пологъ брачный разосталъ
Передъ Анубисовымъ ликомъ,
А нынѣ самъ почтить готовъ
Тебя колѣнопреклоненьемъ:
Внимать велѣнію боговъ
Намъ подобаетъ со смиреньемъ.
Сегодня съ вечера луна
Не озираетъ стогновъ Рима:
Ты, какъ богиня убрана,
Ко храму приходи незрима;
Служанокъ бойся пробудить,
Пусть дремлетъ мужъ твой утомленный,
Чтобы не могъ непосвященный
Тебя и взоромъ осквернить;
Тебя я на ступеняхъ жду;
Иди, давай мнѣ руку смѣло...
Придешь ли, новая Семела,
Во храмъ Анубиса?»

—«Приду».

III.

Давно звѣздами ночь блеститъ.
Смолкаетъ шумная столица.
Порой лишь громко колесница
Веселыхъ юношей промчитъ.
Одна подъ сѣнію ночной
Сабина бережно ступаетъ.
За нею сладкою струей
Сирійскій нардъ благоухаетъ.
Какъ долго прождала она,
Чтобъ сонъ низшелъ на Сатурнина!
Пора: сейчасъ блеснетъ луна
Надъ темной грудой Эсквилина!
Нѣтъ, этой позднею порой
Никто не могъ ея замѣтить,—
Лишь только бъ оргіи ночной
Да яркихъ факеловъ не встрѣтить!
Какой-то духъ ее несетъ
Неотразимо и упрямо
Все дальше,—вотъ она у храма,
И жрецъ ей руку подаетъ.

—«Молчи, мнѣ все повѣдалъ богъ:
Ты опоздала поневолѣ.
Вступи одна черезъ порогъ:
Анубисъ ждетъ,—не медли болѣ».

Какъ мавзолей, безмолвенъ храмъ,
Лишь ходитъ облакомъ куренье,
И ногъ ея прикосновенье
Звучитъ по мраморнымъ плитамъ.
Повсюду мракъ. Едва-едва
Небесъ полночныхъ синева
Средину храма озаряетъ.
О, ночь блаженства и трево..!
Сомнѣньемъ слабый духъ мятется:
Какое тѣло приметъ богъ?
Въ какой онъ образъ облечется?

Но вотъ луна лучомъ своимъ
Посеребрила изваянья,
Сильнѣй заволновался дымъ
И облака благоуханья...
Шаги... Такъ, точно,—различилъ
Ихъ слухъ Сабины безпокойный—
И кто-то, трепетный и стройный,
Ее въ объятья заключилъ.
Благоуханьемъ окруженъ,
Незримый, сердцу онъ дороже.
О, чтȯ за чудный, страстный сонъ
И храмъ, и дымъ, и это ложе!
Какъ будто нѣтъ уже земли—
Она исчезла, закрываясь,—
И, въ лунномъ свѣтѣ развиваясь,
Ихъ въ небѣ тучи понесли...

Сильнѣе свѣтъ дрожитъ въ очахъ,
Сильнѣе ароматъ разлился,
И ликъ Анубиса въ лучахъ
Улыбкой Мунда озарился.

Угрюмъ, безмолвенъ Сатурнинъ:
Онъ промолчалъ передъ закономъ,—
Но не повѣдалъ ли одинъ
Онъ грустной тайны предъ Нерономъ?
Старикъ, испытанный въ бояхъ,
Какъ мальчикъ не былъ малодушенъ,
Но храмъ Анубиса во прахъ
По волѣ цезаря разрушенъ,
Толпа ругалась надъ жрецомъ,
Онъ брошенъ львамъ на растерзанье,—
И долго-долго Мундъ потомъ
Вдали влачилъ свое изгнанье.

ТАЛИСМАНЪ.

I.

Октавами и повѣсть, признаюсь!
И, полноте, ну, что̀ я за писатель?
У насъ бѣда, и—право, я боюсь!—
Такъ, ни за что, услышишь: подражатель!
А по размѣру—я на васъ сошлюсь—
И вы нерѣдко судите, читатель.
Но что̀ же дѣлать? Видно, такъ и быть:
Бояться волка—въ лѣсъ нельзя ходить.

II.

Вы знаете, деревню я люблю
И зимній бытъ. Плохой я горожанинъ,
А этой жизни душной не терплю
И повѣстью напомню образъ Танинъ,
Сугробами деревню завалю,
Какъ нѣкогда январьскій «Москвитянинъ»...
Но — виноватъ: я знаю, вамъ милѣй
Тверской бульваръ невѣдомыхъ полей.

III.

Васъ не займетъ отлогій косогоръ,
И ветхій храмъ съ безмолвной колокольней,
И синій лѣсъ по скату бѣлыхъ горъ;
Не станете вы внутренно довольнѣй

Разсматривать старинный барскій дворъ
И въ тѣхъ мѣстахъ молиться богомольнѣй;
Но, вѣрно, есть въ нихъ скрытая печаль:
Иначе, чтȯ жъ,—зачѣмъ же мнѣ ихъ жаль?

IV.

Тамъ у меня ни близкихъ ни родни,
Но, знать, душѣ напомнили тѣ горы
Мѣста иныя, гдѣ, въ былые дни,
Звучали въ зȧмкахъ рыцарскія шпоры,
Блистали въ окнахъ яркіе огни
И дамскіе роскошные уборы,
И гдѣ теперь—давно ли былъ я тамъ?—
Ни залъ, ни шпоръ, ни благородныхъ дамъ.

V.

Да, все пройдетъ своею чередой!
Давно ли онъ, романтиковъ образчикъ,
Про степь и глушь бесѣдовалъ со мной?
Онъ былъ и славный малый и разсказчикъ, —
Но вотъ вся жизнь его покрыта мглой,
Онъ самъ давно улегся въ долгій ящикъ...
Но помню я въ его разсказахъ ночь:
Я вамъ разсказъ тотъ передамъ точь въ точь.

VI.

«Шестнадцать лѣтъ, я помню, было мнѣ.
Близъ той деревни жилъ и я когда-то.
Не думайте, что я герой вполнѣ,
Что жизнь моя страданьями богата.
Пришла пора,—и вздумалось роднѣ
Почти ребенка превратить въ солдата.
Казалось, въ даль стремился я душой,
Но я любилъ, то былъ обманъ пустой.

VII.

«Кто юныхъ лѣтъ волненія не зналъ
И первой страсти, пылкой, но послушной,
Во дни надеждъ о счастьѣ не мечталъ

Съ веселіемъ улыбки простодушной
И кто къ ногамъ судьбы не повергалъ
Кровавыхъ жертвъ любви великодушной?
И все пройдетъ,—нельзя же вѣкъ любить!..
Но есть и то, чего нельзя забыть.

VIII.

«Пора, пора изъ теплаго гнѣзда
На зовъ судьбы далекій подниматься!
Смеркался день. Вечерняя звѣзда
Вдали зажглась. Я началъ одѣваться.
До ихъ села не дальняя ѣзда:
Передъ отъѣздомъ должно распрощаться.
Готова тройка,—порскій снѣгъ взвился,
И колокольчикъ жалко залился.

IX.

«Пошелъ, пошелъ: всего верстъ двадцать пять!
Да льдомъ поѣдемъ: тамъ ѣзда ровнѣе.
Смотри, чтобъ намъ въ село не опоздать,
Хотя домой пріѣдемъ и позднѣе.
Ты коренной-то не давай скакать.
Я нашей тройки не видалъ дружнѣе—
И вамъ, я чай, случалось ѣздить льдомъ?
Да вотъ и церковь, вотъ господскій домъ!

X.

«Не стану я описывать фасадъ
Стариннаго ихъ дома. Изъ гостиной
Въ стекло балкона виденъ голый садъ
Съ бесѣдкою и сонною куртиной.
Признаться вамъ, ребяческій мой взглядъ
Тогда иною занятъ былъ картиной,
И маменькѣ, хозяйкѣ дома, чуть
Я не забылъ промолвить что-нибудь.

XI.

«Зато она разсыпала слова...
За хлѣбъ и соль ее хвалили міромъ.

Радушная сосѣдка и вдова,
Какъ водится, была за бригадиромъ;
Ея сынокъ любимый (голова!)
Жилъ въ отпуску усатымъ кирасиромъ.
Гдѣ онъ теперь, не знаю, право, я.
Но что̀ за дочки!—Чудная семья!

XII.

«Ихъ было двѣ. Намъ должно ихъ назвать:
Пожалуй, мы хоть старшую Варварой,
Меньшую Александрой станемъ звать.
Онѣ прекрасны были. Чудной парой,
Для всѣхъ замѣтно, любовалась мать,
Хоть иногда своей красою старой
Блистать хотѣла (что̀ грѣха таить!):
Но женщинѣ какъ это не простить?

XIII.

«Мы младшую оставимъ: что̀ намъ въ ней?
Она блондинка стройная, положимъ,
Но этотъ взглядъ и смыслъ ея рѣчей
Все говоритъ, что и лицомъ пригожимъ
И таліей горда она своей,
Что весело ей нравиться прихожимъ.
Зато Варвара—томная луна...
Какъ ты была прекрасна и скромна!

XIV.

«Ее не разъ и прежде я видалъ,
Когда случался близко у сосѣдства
Когда-нибудь необычайный балъ
По случаю крестинъ или наслѣдства,
Но въ этотъ мигъ въ душѣ припоминалъ
Я образъ, мнѣ знакомый съ малолѣтства,—
И не ошибся: въ городѣ одномъ
Мы съ ними жили, рядомъ былъ ихъ домъ.

XV.

«Что̀ жъ можно лучше выдумать? И мать
Припомнила ту счастливую пору

И прочее. Я долженъ былъ внимать
Хозяйки доброй искреннему вздору.
Сынокъ меня придумалъ занимать:
Велѣлъ привесть любимую мнѣ свору—
И я хвалилъ за стать его борзыхъ...
А мнѣ, признаться, было не до нихъ.

XVI.

«Я и забылъ: день святочный былъ тò.
Зажгли огни. Мы съ Варенькой сидѣли.
Большое блюдо было налито,
Дворовыя надъ блюдомъ пѣсни пѣли,
И сердце ими было занято,
Съ гаданьями предчувствія кипѣли...
Я посмотрѣлъ на милое лицо...
И за меня она дала кольцо.

XVII.

«Съ какимъ отраднымъ страхомъ я внималъ
Тѣхъ вѣщихъ пѣсенъ роковому звуку!
Но вотъ мое кольцо—я услыхалъ
Въ моемъ припѣвѣ близкую разлуку:
Какъ будто я давно о томъ не зналъ!
Но Варенька мнѣ тихо сжала руку,
И капли слезъ едва сдержать я могъ;
Но улетѣлъ неосторожный вздохъ.

XVIII.

«Другой сосѣдъ пріѣхалъ—онъ женихъ.
Но столъ готовъ въ диванной съ самоваромъ,
И Варенька исчезла. Въ этотъ мигъ
Сосѣдъ-женихъ мнѣ былъ небеснымъ даромъ:
Имъ занялись. Я ускользнулъ отъ нихъ.
«Вы не въ столовой?»—Обдало какъ варомъ
Меня отъ этихъ словъ,—но этотъ взоръ...
О, я вполнѣ ей вѣрилъ съ этихъ поръ!

XIX.

«Мы говорили Богъ знаетъ о чемъ:
Скучаютъ ли онѣ въ своемъ имѣньи,
О сельскомъ лѣтѣ, о веснѣ, потомъ
О Шиллерѣ, о музыкѣ и пѣньи...
«Я вамъ спою... Скажите, вамъ знакомъ
Романсъ такой-то?»—Въ сладкомъ упоеньи
Едва-едва касался я земли,
Но чай простылъ, и самоваръ снесли.

XX.

«Въ столовую я вышелъ... Боже мой,
Какое счастье: заняты гаданьемъ!
И я прошелъ нарочно предъ толпой
И тихо скрылся. Чуднымъ обаяньемъ
Меня влекло за двери. За стѣной
Дрожали струны сладостнымъ бряцаньемъ...
Нѣтъ, я не въ силахъ... Больше не могу—
На тайный зовъ я къ милой побѣгу.

XXI.

«Серебряная ночь глядѣлась въ домъ.
Она безъ свѣчъ сидѣла за роялью.
Луна была такъ хороша лицомъ
И осыпала полъ граненой сталью.
А звуки пѣсни разлились кругомъ
Какою-то мучительной печалью:
Все вмѣстѣ было чувства торжество,
Но то была не жизнь, а волшебство.

XXII.

«И, самъ не свой, я, наклоняясь, чуть
Не покрывалъ кудрей ея лобзаньемъ,
И жаждою моя горѣла грудь:
Хотѣлось мнѣ порывистымъ дыханьемъ

Всю душу звуковъ сладостныхъ вдохнуть—
И выдохнуть съ послѣднимъ издыханьемъ!
Дрожали звуки на ея устахъ,
Дрожали слезы на ея глазахъ.

XXIII.

«Вы знаете, — сказала мнѣ она:—
Что я владѣю чуднымъ талисманомъ?
Хотите ли, я буду вамъ видна
Всегда, вездѣ, съ луною, за туманомъ?»
Несбыточнымъ была душа полна,
Я счастливъ былъ ребяческимъ обманомъ.
Чтò бъ ни было, я вѣрилъ всей душой—
И для меня слилась она съ луной.

XXIV.

«Я былъ вдали, ее я позабылъ,
Иныя страсти овладѣли мною,
Я даже снова искренно любилъ,—
Но каждый разъ, когда, ночной порою,
Засвѣтится воздушный хоръ свѣтилъ—
Я увлеченъ волшебницей-луною»...
. . . .
. . . .

СОНЪ ПОРУЧИКА ЛОСЕВА.

Némésis. Muette encore! Elle **n'est**
pas des notres: elle **appar-**
tient aux autres puissances.
«Manfred». **Byron.**

I.

Мнѣ не спалось. Томителенъ и жгучъ
Былъ темный воздухъ, словно въ устьяхъ печки.
Но все я думалъ: сколько хочешь мучь
Безсонница, а не зажгу я свѣчки.
Изъ ставень въ стѣну падалъ лунный лучъ,
Въ рѣзныя прорываяся сердечки,
И, шевелясь, какъ будто ожило
На люстрѣ все трехгранное стекло,

II.

Вся зала. Въ залѣ мнѣ пришлось съ походу
Спать въ качествѣ служащаго лица.
Любя въ домашнихъ комнатахъ свободу,
Хозяинъ въ нихъ не допускалъ жильца
И, указавъ мнѣ залу по отводу,
Просилъ ходить съ параднаго крыльца.
Я очень радъ былъ этой благодати
И помѣстился на складной кровати.

III.

Немного въ Дерптѣ есть такихъ домовъ,
Гдѣ вѣетъ жизнью средневѣковою,
Какъ нашъ. И я, признаться, былъ готовъ
Своею даже хвастаться судьбою.

Не выношу я низкихъ потолковъ,
А тутъ, какъ куполъ, своды надо мною,
Кольчуги, шлемы, ветхіе портреты
И всякіе отжившіе предметы.

IV.

Но ко всему привыкнешь. Я привыкъ
Къ немного строгой, сумрачной картинѣ.
Хозяинъ мой, уживчивый старикъ,
Жилъ вдалекѣ, на новой половинѣ.
Все въ домѣ было тихо. Мой денщикъ
Въ передней спалъ, забывъ о господинѣ.
Я былъ одинъ. Мнѣ было душно, жарко,—
И стекла люстры разгорались ярко.

V.

Пора была глухая. Всѣ легли
Давно на отдыхъ. Улицы пустѣли.
Два-три студента подъ окномъ прошли
И «Gaudeamus igitur» пропѣли,—
Потомъ опять все замерло вдали.
Одинъ лишь я томился на постели.
Недвижный взоръ мой, словно очарованъ,
Къ блестящимъ стекламъ люстры былъ прикованъ.

VI.

На ратушѣ въ одиннадцатый разъ
Дрогнула мѣдь уклончиво и туго.
Ночь стала такъ тиха, что каждый часъ
Звучалъ какъ голосъ новаго испуга.
Гляжу на люстру. Свѣтъ ея не гасъ,
А ярче сталъ средь радужнаго круга.
Кругъ этотъ росъ въ глазахъ моихъ, и зала
Вся пламенемъ лазурнымъ засіяла.

VII.

О, ужасъ! Въ блескѣ трепетныхъ лучей
Все желтые скелеты шевелятся,
Безъ глазъ, безъ щекъ, безъ носа, безъ ушей,
И скалятъ зубы, и ко мнѣ толпятся...

«Прочь, прочь! Не нужно мнѣ такихъ гостей!
Ни шагу ближе! Буду защищаться...
Я вотъ какъ васъ!» Ударомъ полновѣснымъ
По призракамъ махнулъ я безтѣлеснымъ.

VIII.

Но вотъ иныя лица. Что за взглядъ?
Въ немъ жизни блескъ и неподвижность смерти.
Арапы, трубочисты—и нарядъ
Какой-то пестрый, дикій... Что за черти?
«У насъ сегодня праздникъ-маскарадъ, —
Сказалъ одинъ преловкій:—но, повѣрьте,
Мы вѣжливы, хотя и безпокоимъ.
Не спится вамъ, такъ мы здѣсь балъ устроимъ.

IX.

«Эй! живо тамъ, проклятые! Позвать
Сюда оркестръ, да вынесть фортепьяны.
Свѣтло и такъ достаточно». Я глядь
Вдоль стѣнъ подъ своды—пальмы, да бананы,
И виноградъ подъ ними наклонять
Сталъ злакъ вѣтвей, по всѣмъ угламъ фонтаны,
Въ нихъ радуга и пляшетъ и смѣется...
Такихъ баловъ вамъ видѣть не придется.

X.

Но я подумалъ: «Если не умру
До завтрашняго дня (что можетъ статься),
То выкину имъ штуку поутру:
Пусть будутъ нѣмцы надо мной смѣяться,—
Пусть ихъ смѣются, но не понутру
Мнѣ съ господами этими встрѣчаться,
И этотъ балъ мнѣ вовсе не потребенъ:
Пусть батюшка здѣсь отпоетъ молебенъ».

XI.

Какъ завопили всѣ: «За что же гнать
Вы насъ хотите? Безъ того мы нищи!
Нашъ бѣдный клубъ! Ужели притѣснять
Насъ станете вы въ нашемъ же жилищѣ?»

«Домъ развѣ вашъ?»—«Да, ночью. Днемъ мы спать
Уходимъ на старинное кладбище.
Приказывайте все, что̀ вамъ угодно,—
Мы въ точности исполнимъ благородно.

XII.

«Хотите славы?—Слава затрубитъ
Про Лосева поручика повсюду.
Здоровья?—Врачъ нашъ такъ васъ закалитъ,
Что плюйте и на зной и на простуду.
Богатства?—Вѣчно кошелекъ набитъ
Вашъ будетъ: денегъ натаскаемъ груду,—
Неси сундукъ!» Раскрыли—ярче солнца!
Все золотые, вѣсомъ въ три червонца.

XIII.

«Что̀,—мало, что ли? Эти вороха
Мы просимъ васъ считать ничтожной платой».
Смотрю—кой чортъ? Да что̀ за чепуха?
А впрочемъ, что̀ жъ? Они народъ богатый...
Взяло раздумье. Долго ль до грѣха?
Вѣдь соблазнятъ: ужъ родъ такой проклятый.
Брать, иль не брать? Возьму—чего я трушу?
Вѣдь не контрактъ, не продаю имъ душу.

XIV.

Такъ, стало-быть, все это забирать!
Но отъ кого я вдругъ разбогатѣю?
О, что̀ бъ сказала ты, кого назвать
При этихъ грѣшныхъ помыслахъ не смѣю?
Ты, дней моихъ минувшихъ благодать,
Тѣнь, предъ которой я благоговѣю,
Хотя бы ты мой разумъ озарила!
Но ты давно, безгрѣшная, почила.

XV.

«Вамъ нужно посовѣтоваться? Что̀ жъ,
И это можно: мы на все артисты.
Намъ къ ней нельзя,—нашъ братъ туда не вхожъ:
Тамъ страшно,—вѣдь и мы не атеисты;

Зато живыхъ мы ставимъ ни во грошъ:
Вы, напримѣръ, кажись, не больно чисты?
Мы вамъ покажемъ то, что̀ видимъ сами,
Хоть съ ужасомъ, духовными очами».

XVI.

«Вонъ, вонъ отсюда!»—крикнулъ старшій. Вдругъ
Исчезли всѣ, юркнувъ въ одно мгновенье,
И до меня донесся свѣтлый звукъ,
Какъ утренняго жаворонка пѣнье
Да шорохъ шелка. Ты ли это, другъ?
Постой, прости невольное смущенье!
Все это сонъ, какой-то бредъ напрасный...
Такъ, такъ, я сплю и вижу сонъ прекрасный.

XVII.

О, нѣтъ—не сонъ и не обманъ пустой:
Ты воскресила сердца злую муку!
Какъ ты блѣдна, какъ ликъ печаленъ твой!
И мнѣ она, поднявъ тихонько руку,—
«Утишь порывъ души твоей больной»,
Сказала кротко. Сладостному звуку
Ея рѣчей внимая съ умиленьемъ,
Предъ свѣтлымъ весь я трепеталъ видѣньемъ.

XVIII.

«Мой путь оконченъ. Ты еще живешь,
Еще любви въ груди твоей такъ много,
Но, если смѣло, честно ты пойдешь,
Еще свѣтла передъ тобой дорога.
Тоской о прошломъ только ты убьешь
Тѣ силы, что̀ даны тебѣ отъ Бога.
Безплотный духъ, къ земному не ревнуя,
Не для себя уже тебя люблю я.

XIX.

«Ты помнишь ли на югѣ тѣнь вѣтвей
И свѣтъ пруда, подобный блеску стали,
Бесѣдку, столъ, скамью въ концѣ аллей?..
Цвѣтущихъ липъ вершины трепетали...

Ты мнѣ читалъ «Онѣгина». Смѣлѣй
Дышала грудь твоя, глаза блистали...
Полудитя, сестра моя влетѣла,
Какъ бабочка, и рядомъ съ нами сѣла...

XX.

«А счастье было,—говорилъ поэтъ,—
Возможно такъ и близко»... Ты отвѣтилъ
Ему едва замѣтнымъ вздохомъ... Нѣтъ,
Нѣтъ, никогда твой взоръ такъ не былъ свѣтелъ—
И по щекѣ у Вари свѣжій слѣдъ
Слезы прошелъ. Но ты—ты не замѣтилъ...
Да, счастья было въ этотъ мигъ такъ много,
Что страшно больше и просить у Бога.

XXI.

«Съ какой тоской боролась жизнь моя
Со дня разлуки,—отъ тебя не скрою.
Передъ кончиной лишь узнала я,
Какъ нѣжно ты любимъ моей сестрою.
Въ безвѣстной грусти, слезы затая,
Она томится робкою душою.
Но часъ насталъ. Ее ты скоро встрѣтишь
И въ этотъ разъ, повѣрь, уже замѣтишь.

XXII.

«А этого...—и нѣжный звукъ рѣчей,
Я слышу, перешелъ въ оттѣнокъ строгій:—
Хоть собственную душу пожалѣй
И грѣшнаго сокровища не трогай,
Уйди отъ нихъ и не забудь: смѣлѣй
Ступай впередъ открытою дорогой.
Прощай, прощай!»—И вкругъ моей постели
Опять толпой запрыгали, запѣли.

XXIII.

Проворно каждый подбѣжитъ и мнѣ
Трескучихъ звѣздъ въ лицо пригоршню броситъ.
Какъ мелкій иней свѣтятся онѣ,
Колеблются, и вѣтеръ ихъ разноситъ.

Но бросятъ горсть—и я опять въ огнѣ,
И нѣтъ конца, никто ихъ не упроситъ.
Шумятъ, хохочутъ, ѣдкой злобы полны,
И зашатались сами словно волны.

XXIV.

Вотъ пріутихли. Но во мглу понесъ
Челнокъ меня, и стала мучить качка—
И вижу я: съ любовью лижетъ носъ
Мнѣ бѣлая какая-то собачка.
Ужъ тутъ не помню. Утро занялось,
И говорятъ, что у меня горячка
Была дней шесть. Оправившись по-малу,
Я съѣхалъ—и чертямъ оставилъ залу.

ДВѢ ЛИПКИ.

И. С. Тургеневу.

I.

Близъ рощи, на пригоркѣ, сѣрый домъ,
Въ полуверстѣ отъ рѣчки судоходной,
Стоитъ лѣтъ сорокъ. Нынче пустырёмъ
Онъ сталъ смотрѣть, угрюмый и негодный:
Срубили рощу на дрова кругомъ,
Не находя ее статьей доходной,
По трубамъ галки, ласточки въ окошкахъ
И лопухи на англійскихъ дорожкахъ.

II.

Семь крышъ, одна причудливѣй другой,
Вамъ говорятъ про барскія затѣи.
Домъ этотъ прежде флигель былъ простой;
Понадобились залы, галлереи,
И въ дѣвичью сталъ нуженъ входъ другой,
Не обошлось и безъ оранжереи;
Однако вкусъ былъ, на манеръ столичный,
Во всемъ фасадѣ сохраненъ отличный.

III.

Помѣщикъ Русовъ не любилъ дремать:
Служилъ въ гусарахъ, ротмистра дождался,
Женился по любви лѣтъ въ сорокъ пять
И всей душой къ хозяйству привязался:

Сталъ горы рыть, пошелъ пруды копать,
На мельницы, на риги разорялся,
Всѣмъ уяснилъ значеніе капусты,—
У самого жъ карманы стали пусты.

IV.

Въ поляхъ съ утра до вечера верхомъ.
Никто не смѣлъ въ лѣсу сорвать орѣха.
Самъ полевымъ онъ хвастался конемъ:
Ужe, бывало, не пройдетъ огрѣха:
На рыхлой пашнѣ ткнется—и хлыстомъ
Не перегонишь—и пошла потѣха:
«Чей это клинъ?» Приводятъ на расправу
Виновнаго и угостятъ на славу.

V.

А все ты милъ мнѣ, сѣрый, ветхій домъ,
Съ твоею кровлей странной, кособокой.
Такъ иногда надъ полусгнившимъ пнемъ
Припоминалъ я осенью глубокой
Весенній вечеръ, прожитой вдвоемъ
Подъ грустный вопль кукушки одинокой,
Припоминалъ несбыточныя грёзы,
И на глазахъ навертывались слёзы.

VI.

Почти три года съ той поры прошло,
Какъ Русовъ нашъ женился на Наташѣ.
Не знаю, что̀ съ ума ее свело
Въ восьмнадцать лѣтъ. Тутъ дѣло ужъ не наше.
Ее невольно къ Русову влекло,
Для ней онъ былъ умнѣе всѣхъ и краше,
Ей Ваня дорогъ съ головы до пятокъ,—
А Ванѣ скоро на шестой десятокъ!

VII.

Какъ Русовъ гордъ и свѣжъ! Считать лѣта—
Ребячество смѣшное, даже дѣтство.
Въ мужчинѣ воля—лучшая черта,
У избранныхъ семейное наслѣдство.

«Да, Русовы счастливая чета»,—
Такъ въ первый годъ рѣшило все сосѣдство.
Сталъ изрѣдка онъ дома какъ-то скученъ,—
Но сплинъ съ семейнымъ бытомъ неразлученъ.

VIII.

Тотъ понялъ жизнь съ превратной стороны
И собственное горе преумножитъ,
Кто требуетъ всей жизни отъ жены,
А самъ ничѣмъ пожертвовать не можетъ.
Мы, безъ любви, любовью стѣснены;
Чужой порывъ холоднаго тревожитъ.
Все станетъ жертвой: слышать друга, видѣть,—
И сердце начинаетъ ненавидѣть.

IX.

Наташа смутнымъ чувствомъ поняла,
Что мужнинъ глазъ судья ей безпристрастный.
У старика-отца она была
Въ дому хозяйкой полной, самовластной.
Какъ май тиха, какъ птичка весела,
Она отца душой любила страстной.
Больной старикъ не могъ быть равнодушенъ
И какъ дитя во всемъ былъ ей послушенъ.

X.

Въ одномъ лишь съ ней онъ мнѣній разныхъ былъ
И утверждалъ, что Русовъ ей не пара.
Какъ онъ сердился, какъ ее молилъ
Не выходить за бойкаго гусара!
Ей онъ, конечно, этотъ шагъ простилъ,
Но самъ, бѣднякъ, не перенесъ удара
И скоро умеръ. Горькая утрата,—
Но Натали послало небо брата.

XI.

Онъ годомъ старше былъ. Они росли,
Учились вмѣстѣ и сходились нравомъ.
Чѣмъ больше развивалась Натали,
Тѣмъ меньше предавался братъ забавамъ.

Къ сестрѣ всѣ чувства юношу влекли.
Онъ видимо гордился нѣжнымъ правомъ,
Когда другіе ловятъ взглядъ сестрицы,
Ей цѣловать и брови и рѣсницы.

XII.

Грѣшно сказать, чтобъ съ самыхъ первыхъ лѣтъ
Замужества Наташа тосковала,
Иль Русовъ съ нею холоденъ былъ: нѣтъ,
Онъ о женѣ заботился сначала,
Самъ ей убралъ уютный кабинетъ,
Съ улыбкой слушалъ, какъ она мечтала
Въ дому порядкомъ замѣнить избытокъ,
И жемчугу ей подарилъ пять нитокъ.

XIII.

Въ душѣ Наташи крылись сѣмена
Стремленій свѣтлой, избранной природы.
Быть-можетъ, ихъ взлелѣяла бъ она
На доброй почвѣ счастья и свободы:
Дочь нѣжная и страстная жена
Была сидѣть готова съ мужемъ годы
Глазъ-на-глазъ, лишь бы то, что̀ онъ хоть мало
Привыкъ цѣнить, любимца окружало.

XIV.

Придетъ ли къ ней, бывало, онъ сердитъ,
Иль рѣзкостью бѣдняжку озадачитъ,—
Наташа все, что̀ въ сердцѣ закипитъ,
Съ болѣзненно-отраднымъ чувствомъ спрячетъ,
Какъ будто улыбаяся, смолчитъ,
А утро все одна потомъ проплачетъ;
Но въ часъ обѣда и глаза не красны,
И локоны душисты и прекрасны.

XV.

Прошло три года. Птичкѣ молодой
Несносна стала золотая клѣтка.
Чѣмъ менѣе бываетъ правъ иной,
Тѣмъ онъ охотнѣй въ жертву цѣлитъ мѣтко;

Такъ Русовъ, насмѣхаясь надъ женой,
Давалъ понять, что ты-де вотъ поэтка:
Замашку эту видѣть было въ мужѣ
Всего на свѣтѣ для Наташи хуже.

XVI.

Но время шло. Былъ чудный вешній день,—
Одинъ изъ тѣхъ, что въ сердце льетъ тревогу,—
Балконъ раскрытъ, и сладостная лѣнь
Наташей овладѣла понемногу.
Вдругъ зазвенѣло въ рощѣ, и, какъ тѣнь,
Сѣдая пыль шибнула на дорогу,
Вотъ ближе, ближе подъ крыльцо... «Ахъ! Саша!»
И брата съ воплемъ обняла Наташа.

XVII.

Какъ передать безсвязный разговоръ,
Живой восторгъ того или другого?
Что скажетъ звукъ, движенье или взоръ,
Упрямое не перескажетъ слово.
Но вотъ и Русовъ самъ спѣшитъ во дворъ,
Объѣхавши посѣвы ярового.
Онъ, видимо, радъ женниному брату,—
Хитритъ некстати старому солдату.

XVIII.

Дня черезъ два по новымъ колеямъ
Жизнь Русовыхъ тихонько покатилась.
Наташа свѣтлымъ чувствамъ и мечтамъ
При братѣ предаваться не стыдилась,
Внимательнѣй къ женѣ сталъ Русовъ самъ,
Какъ будто ревность въ немъ зашевелилась.
Сговорчивъ, милъ, въ лицѣ ни тѣни скуки—
И все цѣлуетъ у Наташи руки.

XIX.

Какъ упивались маемъ братъ съ сестрой,
Когда лѣса слегка позеленѣли,
И сталъ туманъ качаться надъ рѣкой,
А соловьи въ черемухѣ запѣли!

Всю ночь, бывало, по тропѣ лѣсной
Вдвоемъ проходятъ безо всякой цѣли.
Къ обѣду вновь и планы, и разсказы,
И ландышей на столикѣ двѣ вазы.

XX.

Спѣшатъ зарею резеду полить,
Дорожку дальше вывесть за куртиной.
Иль двѣ-три клумбы новыхъ очертить,
Пока не кликнетъ голосъ соловьиный.
Еще съ пріѣзда Саша посадить
Успѣлъ двѣ липки подъ окномъ гостиной.
Ему сама Наташа помогала
И молодые корни поливала.

XXI.

Какъ страненъ Русовъ! Точно самъ не свой.
Какъ будто чѣмъ-то сдержаннымъ томится:
Уступчивъ, шутитъ ласково съ женой
И съ братомъ милъ,—но вдругъ проговорится,
Съ улыбкой судъ произнося такой:
«Нѣтъ, господа, цвѣтникъ вашъ не годится:
Все это выйдетъ даже слишкомъ бѣдно.
Но что жъ? Напрасно, да зато безвредно».

XXII.

Проговоритъ—и видно по всему,
Что человѣкъ вполнѣ собой доволенъ
И собственному явно радъ уму,
Хоть умъ его, разливомъ желчи боленъ,
Относитъ ко внушенью своему
Такой порывъ, въ которомъ онъ не воленъ
Понявъ намекъ подобный, братъ съ сестрой
Внимательнѣе смотрятъ за собой.

XXIII.

Настало лѣто. Грустно сознавать,
Какъ быстро миновалось это лѣто.
Быть-можетъ, въ жизни ужъ ничѣмъ опять
Не будетъ сердце нѣжно такъ согрѣто!

Весной придется брата провожать,—
Когда-то вновь увидишься и гдѣ-то?
Пришла зима и съ ней катанья, чтенья,—
А Русовъ сталъ щедрѣй на поученья.

XXIV.

Бывало, вешнихъ золотыхъ лучей
Наташа втайнѣ ждетъ и не дождется:
«Да скоро ль этотъ снѣгъ сойдетъ съ полей?
Когда у насъ Святая-то придется?»
Спѣшитъ оконко выставить скорѣй,
Увидитъ свѣжій дернъ—и улыбнется:
Теперь, какъ взглянетъ за окно порою,
Совсѣмъ къ канвѣ приникнетъ головою.

XXV.

А все пришла тяжелая пора.
Въ далекій путь уже собрался Саша.
«Богъ дастъ, опять увидимся, сестра:
Судьба, быть-можетъ, улыбнется наша!
А такъ я не поѣду со двора...
Ну, полно плакать, добрая Наташа!
Я отъ тебя дождусь-таки улыбки:
Смотри, какъ наши распустились липки».

XXVI.

И братъ уѣхалъ. Сколько было слезъ,
Когда четверка унесла коляску!
Казалось, братъ съ собою все увезъ:
Домашній миръ, веселіе и ласку.
Ходить сталъ Русовъ, раздувая носъ,
Молчалъ съ женой, слугамъ давалъ острастку
И, чтобъ, пожалуй, не покончить драмой,
Пускалъ въ Наташу злою эпиграммой.

XXVII.

Прогнать стараясь нестерпимый сплинъ,
Хозяйничать Наташа стала тупо
И сто упрековъ слушать въ день одинъ:
То Русовъ скажетъ, что нельзя ѣсть супа,

То онъ не Ротшильдъ, то не мѣщанинъ,
То слишкомъ расточительно, то скупо.
«Да кто велѣлъ?—слугѣ онъ повторяетъ:—
Кто?»—«Барыня-съ».—И онъ при ней вздыхаетъ.

XXVIII.

А между тѣмъ все время шло да шло,
И будущность отрады не сулила.
И говорить и вспомнить тяжело,
Что̀ бѣдная жена переносила.
И ни къ чему страданье не вело:
Наперекоръ уму она любила.
Любовью можно все исправить въ мужѣ:
А тутъ, что̀ годъ, что̀ новый день, то хуже.

XXIX.

Какъ разгадать? Что̀ дѣлать? Чѣмъ помочь?
Но въ этотъ годъ само пришло спасенье.—
Богъ сжалился: послалъ Наташѣ дочь.
Какой восторгъ! Какое утѣшенье!
Мать отъ малютки не отходитъ прочь
И караулитъ каждое движенье,
Шьетъ, крошечной любуется одеждой
И выхитрила дочь назвать Надеждой.

XXX.

Спѣшитъ супруга часмъ напоить
И, какъ-нибудь расчеты дня уладя,
Уйдетъ къ себѣ малютку тормошить,
Иль сладко плачетъ, на ребенка глядя:
«Скажи: ты будешь ли меня любить,
Моя красотка, тихій ангелъ, Надя?
Нѣтъ, не меня,—промолвитъ вдругъ уныло:—
Люби отца, какъ я его любила».

XXXI.

Хлопочетъ Русовъ больше съ каждымъ днемъ,—
Прошенья пишетъ, счеты да замѣтки.
Въ чужомъ имѣньи сталъ опекуномъ:
Осталася вдова да малолѣтки.

День цѣлый ѣздитъ по полямъ верхомъ
Или живетъ недѣлю у сосѣдки.
Сосѣдка—другъ Натаcи, безъ сомнѣнья,
И въ именины шлетъ къ ней поздравленья.

XXXII.

Въ дому угрюмъ, въ гостяхъ уменъ и милъ,
По мнѣнью всѣхъ, былъ Русовъ мужъ прекрасный
Жалѣли только, что себя сгубилъ
Женитьбой онъ неровной и напрасной.
Межъ тѣмъ Натаща выбилась изъ силъ
И ревностью измучилась ужасной.
Болѣзни быстро развились зачатки:
Мигрень, тоска, истерики припадки.

XXXIII.

Сѣдѣть сталъ Русовъ, хоть еще далекъ
Отъ дряхлости. Пошло хозяйство худо.
Онъ говорилъ, что все, что могъ, извлекъ,
Да помощи не видитъ ниоткуда.
А Наденькѣ пошелъ седьмой годокъ,
И дѣвочка—безъ прибавленья—чудо.
Ее сама Натаща учитъ въ дѣтской
По азбукѣ французской и нѣмецкой.

XXXIV.

Шесть лѣтъ—еще велики ли года?
Немного мать извѣдала отрады!
Къ иному какъ привяжется бѣда,
Такъ отъ нея не жди себѣ пощады:
Сталъ Русовъ, послѣ долгаго труда,
Кидать на дочь задумчивые взгляды...
«Ты рада ль, Надя, что пришелъ папаша?» —
«Какъ дочь онъ любитъ!»—думаетъ Наташа.

XXXV.

«Пора бы намъ подумать и о ней:
Я самъ учить никакъ ее не стану.
Ты все больна, а брать учителей
Хотя бъ желалъ, да мнѣ не по карману.

И не согласенъ я никакъ дѣтей
Довѣрить незнакомому болвану.
Я лучше Надю—вотъ мое рѣшенье—
Въ казенное пристрою заведенье».

XXXVI.

Ни слезы ни мольбы не помогли:
Весною дочь въ карету посадили
И по дорогѣ къ рощѣ повезли.
Глаза Натащи Надю проводили...
Просилась мать до станціи: нашли,
Что будетъ вредно ей.—и не пустили.
Наташа долго на крыльцѣ стояла,
Потомъ пошла, шатаясь, и упала.

XXXVII.

Прошло еще лѣтъ восемь. Старъ и хилъ
Сталъ въ это время Русовъ очевидно,
А хлопотать попрежнему любилъ
И за обѣдомъ кушалъ онъ завидно,
Но по хозяйству съ костылемъ ходилъ,
Хоть говорилъ шутя, что это стыдно.
Быть-можетъ, и дворовые стыдились,—
Что, барина завидя, сторонились?

XXXVIII.

Наташа стала до того слаба,
Что цѣлый день почти уже лежала.
Довольно длилась трудная борьба,
Довольно мукъ бѣдняжка испытала.
Теперь во всемъ покорная раба,
Наташа мужу и не возражала.
Онъ къ ней войдетъ, присядетъ у постели
И дома не бываетъ три недѣли.

XXXIX.

Былъ лѣтній вечеръ и такая тишь,
Что, распахнувъ окно, Наташа сѣла.
Надъ цвѣтникомъ носился черный стрижъ,
И поздняя пчела вкругъ вѣтки пѣла.

«Какъ хорошо! О, Господи, услышь
Мои мольбы: я только бы хотѣла
Увидѣть Надю и проститься съ нею.
Другого счастья и просить не смѣю».

XL.

Задумалась Наташа подъ окномъ:
За рощею румяный день уходитъ.
Верхушки липъ въ сіяньи золотомъ.
И Русова съ любимцевъ глазъ не сводитъ.
Но вотъ садовникъ прямо съ топоромъ
И лѣстницей къ одной изъ нихъ подходитъ.
«Что̀ это ты, Степанъ?»—«Да уѣзжали,
Такъ эту вотъ срубить мнѣ приказали».

XLI.

«Кто приказалъ?»—«Извѣстно, баринъ самъ,—
Отвѣтилъ ей Степанъ, не скрывъ улыбки:—
А потрафлять должны мы господамъ».
—«Да быть не можетъ! Нѣтъ ли тутъ ошибки?»
—«Помилуйте-съ! Докладываю вамъ,
Изволили сказать: у этой липки
Ты отъ земли сруби на два аршина;
Ослушаться нельзя намъ господина».

XLII.

Подъ сукъ подставивъ лѣстницу въ упоръ,
Полѣзъ Степанъ и плюнулъ въ горсть сначала.
Сталъ, мѣрно въ стволъ звеня, стучать топоръ,
И стройная верхушка задрожала.
Ушла Наташа прочь, потупя взоръ,
И, какъ упала липка, не слыхала.
Поутру, рядомъ съ липою густою,
Стоялъ обрубокъ, залитой смолою.

XLIII.

И Русова немало удивилъ
Такой исходъ приказа господина.
Степана онъ позвалъ и разбранилъ:
«Вѣдь я тебѣ, безмозглая осина,

Довольно ясно, кажется, твердилъ,
Чтобъ снизу сучья снять на два аршина!
Но дерево вѣдь дѣло наживное:
Одно пропало,—посажу другое».

XLIV.

И точно, первой раннею весной,
Чтобъ не смущаться глупою ошибкой,
На дрогахъ онъ велѣлъ со всѣмъ, съ землей,
Привезть какой-то стволъ съ макушкой гибкой,
А вслѣдъ затѣмъ, увидѣвшись съ женой,
Сказалъ: «Теперь опять ты будешь съ липкой».
—«Благодарю. Но вотъ моя примѣта:
Ты—липка та, здоровая, я—эта»...

XLV.

И не могли больную убѣдить
Ничѣмъ, что это предразсудокъ странный.
За жизнью липки молодой слѣдить
Она въ тревогѣ стала постоянной.
Хотѣлось ли самой, бѣдняжкѣ, жить,
Иль съ дочерью увидѣться желанной,—
Но каждый разъ, когда на липку взглянетъ,
Ей кажется, что съ ней она увянетъ.

XLVI.

Иныя странно дѣйствуютъ слова:
Услышишь ихъ, и сердце вдругъ сожмется.
Еще хирѣла липка года два:
Придетъ весна, и почка вся нальется,
А тамъ и листъ, но такъ, едва-едва
На солнышкѣ и съ боку развернется...
Еще весны отрадная улыбка—
Но въ этотъ разъ не распустилась липка.

XLVII.

А въ сѣромъ домѣ, въ залѣ, подъ парчой,
Закрывъ глаза, въ гробу спала Наташа,
И Русовъ самъ, съ поникшей головой,
Твердилъ, что воля Божья, а не наша.

Онъ говорилъ, что въ жизни ни одной
Еще усопшей не запомнитъ краше.
Казалось, точно, что она простила
Всѣмъ въ мірѣ, всѣмъ—и, кроткая, почила.

XLVIII.

Въ оградѣ церкви, съ сѣверныхъ дверей,
Тамъ, гдѣ къ землѣ склонилась грустно ива,
Лежитъ плита, и золотомъ на ней:
«Покойся, другъ» написано красиво.
Холмъ ниже всѣхъ ввалился, и дружнѣй
Растетъ по немъ засѣвшая крапива.
Когда, крестясь, народъ валитъ къ кладбищу,
Никто нейдетъ къ Наташину жилищу.

XLIX.

А сѣрый домъ, угрюмый и пустой,
Стоитъ давно съ безмолвіемъ гробницы.
Онъ только оживляется весной,
Когда въ него таскаютъ гнѣзда птицы.
Балконъ скривился, тонкою травой
Замѣтно прорастаютъ половицы.
Ступени шатки, и перила зыбки,
И нѣтъ ни новой, нѣтъ ни старой липки.

СТУДЕНТЪ.

(Посвящается С. Н. Хитрово).

I.

Гляжу на васъ я, умница моя,
Какъ на своемъ болѣзненномъ вы ложѣ
Откинулись, раздумье тая,
А противъ васъ, со сказочникомъ схоже,
И бормочу и вспоминаю я
О временахъ, какъ былъ я молодъ тоже,
Когда не такъ казалась жизнь пуста,—
И просятся октавы на уста.

II.

Я былъ студентомъ. Жили мы вдвоемъ
Съ товарищемъ московскимъ въ антресолѣ
Родителей его. Ихъ старый домъ
Стоялъ близъ сада на Дѣвичьемъ полѣ.
Насъ старики любили и во всемъ
Предоставляли жить по нашей волѣ
Лишь на верху; когда жъ сходили внизъ,—
Быть скромными, таковъ былъ нашъ девизъ.

III.

Нельзя сказать, чтобъ тяжкіе грѣхи
Насъ удручали. Онъ долбилъ тетрадки
Да Гегеля читалъ, а я стихи
Кропалъ: стихи не выходили гладки.

Но, Боже мой, какъ много чепухи
Болтали мы! Какъ намъ казались сладки
Поэты, насъ затронувшіе, всѣ:
И Лермонтовъ, и Байронъ, и Мюссе.

IV.

И былъ ли я разсѣянъ отъ природы
Или застѣнчивъ,—не могу сказать,
Но къ женщинамъ не льнулъ я въ эти годы;
Его жь и Гегель самъ не могъ унять:
Чуть женщины лишь не совсѣмъ уроды,—
Глядишь, влюбленъ, уже влюбленъ опять.
На лекціи идемъ,—бранюсь я вволю,
А онъ вприпрыжку по пустому полю.

V.

По праздникамъ ѣзжали къ старикамъ
Различныя почтительныя лица
Изъ сослуживцевъ старыхъ и ихъ дамъ.
Бывала также томная дѣвица
Изъ институтскихъ (по ея словамъ,
Былъ Ламартинъ всѣхъ ярче, какъ денница),
Двѣ дѣвочки—и ту, что̀ поблѣднѣй,
Звала хозяйка крестницей своей.

VI.

Свершали годы свой обычный кругъ,
Гамлетъ-Мочаловъ согрясалъ насъ бурно,
На фортепьянахъ игрывалъ мой другъ,
Пѣвала Лиза—и подчасъ не дурно—
И уходила подъ вечеръ. Но вдругъ
Судьбы встряхнулась роковая урна.
—«Вы слышали? А я отъ нихъ самихъ:
Вѣдь къ Лизанькѣ присватался женихъ!

VII.

«Не говорятъ худого про него;
Съ имѣніемъ, хоть небольшого чину:
У генерала служитъ своего,
Ведетъ себя какъ должно дворянину:

Ни гадкихъ картъ ни прочаго чего.
Серебряную подарю корзину
Я ей свою большую. Что жъ мнѣ дать?
Я крестная, а не родная мать».

VIII.

Женихъ! Женихъ! Коляска подъ крыльцомъ.
Отецъ и дочка входятъ съ офицеромъ.
Не вышелъ ростомъ, не красивъ лицомъ,
Но могъ бы быть товарищамъ примѣромъ:
Весь раздушенъ, хохолъ торчитъ вихромъ,
Торчатъ усы изысканнымъ манеромъ,
И воротникъ какъ жаръ, и бѣлый кантъ,
И сахара бѣлѣе аксельбантъ.

IX.

—«Вотъ, Лизанька, Богъ далъ и женишка!
А вы ее, мой милый, берегите:
Ребенокъ вѣдь! Немножечко дика,
Неопытна,—на насъ ужъ не взыщите».
А мнѣ ея отецъ:—«Вы старика
Утѣшьте, вы и ей не откажите:
Мы съ Лизою рѣшились васъ просить
Съ крестовымъ братомъ шаферами быть.

X.

«Ты, Лизанька, ужъ попроси сама:
Вы, кажется, другъ другу не чужіе—
Старинной дружбой связаны дома,
А съ крестнымъ братомъ даже и родные».
—«Я васъ прошу».—«Ахъ, Боже, дѣла тьма!
Пора и дальше, люди молодые,
И къ тетушкѣ мнѣ нужно васъ завезть.
Такъ по рукамъ?»—«Благодарю за честь».

XI.

Горитъ огнями весь иконостасъ,
Хрустальное блеститъ паникадило,
И дьякона за хоромъ слышенъ басъ.
Она стоитъ и вѣки опустила,

Но такъ блѣдна, что поражаетъ глазъ:
Испугана ль она иль загрустила?
Мы стали цѣпью всѣ, чтобы народъ
На нашихъ дамъ не налѣзалъ впередъ.

XII.

—«Гдѣ жъ мой платокъ?—старикъ воскликнулъ нашъ.
Дай мнѣ хоть свой; отдамъ тебѣ на балѣ.
Что̀ возишься! Да скоро ли подашь?
Ну дайте вы, хоть вы бы отыскали».
—«Да не найду».—«Вотъ завели cache-cache!»
—«И у меня,—и у меня украли!»
—«Обчистили? Народецъ-то каковъ!»
Вся наша цѣпь безъ носовыхъ платковъ.

XIII.

Стою да мелькомъ на нее взгляну:
Знать, отъ свѣчей ей томно,—отъ угара...
И жалко-жалко мнѣ ее одну,
Но жалко тожъ индѣйскаго фуляра.
— А не такую бы ему жену!
Пожалуй, что она ему не пара.—
Вотъ повели кругомъ ихъ наконецъ,
И я топчусь, держа надъ ней вѣнецъ.

XIV.

Все кончено. Пустѣетъ Божій храмъ.
Подробностей ужъ не припомню далѣ,
Но помню, что съ товарищемъ я тамъ,
У нихъ въ дому, на свадебномъ ихъ балѣ,
Стою въ гостиной полусвѣтлой самъ,
А музыка гремитъ и танцы въ залѣ.
Не знаю, что̀ сказать, а предо мной
Давнишняя подруга молодой.

XV.

—«Пойдемте вальсъ! Вы не хотите? Нѣтъ?
Но вы должны,—вѣдь я вознегодую...
Вы сердитесь за давешній отвѣтъ?»
—«Я не сержусь; я просто не танцую».

—«Ну, дайте жъ руку! Ссориться не слѣдъ.-
Та къ сердцу ближе.—Руку ту,—другую».
И безъ перчатки стала хлопотать,
Чтобы съ моей руки перчатку снять.

XVI.

Но тутъ товарищъ мой влетаетъ въ дверь:
- «Вотъ гдѣ они! Куда запропастились!
Васъ кавалеръ, какъ разъяренный звѣрь,
Повсюду ищетъ. Вы бъ поторопились.
Да ты-то что? Не кисни хоть теперь,
Ступай за мной: тамъ словно взбѣленились».
—«Нѣтъ, ужъ уволь. Тебѣ оно подъ стать,
Ты по полу давно привыкъ плясать».

XVII.

Вотъ грянула мазурка. Я гляжу,—
Какъ королева средневѣковая,
Вся въ бархатѣ, туда, гдѣ я сижу,
Сама идетъ поспѣшно молодая
И говоритъ: «Пойдемте, я прошу
Васъ на мазурку». Голову склоняя,
Я подалъ руку. Входимъ, стульевъ шумъ,
И музыка гремитъ свое румъ-румъ.

XVIII.

—«Вы, кажется, не въ духѣ?»—«Я? Ничуть,
Напротивъ, я повеселиться рада
Въ послѣдній разъ». И молодая грудь
Дохнула жарко.—«Мнѣ движенья надо:
Безъ устали помчимся! Отдохнуть
Успѣю послѣ—тамъ, въ гортани ада».
—«Да что вы говорите?»—«Вѣрьте мнѣ,
Я не въ бреду и я въ своемъ умѣ.

XIX.

«А хоть въ бреду, безгрѣшенъ этотъ бредъ!
Несчастію не я теперь виною,
И говорить о немъ уже не слѣдъ,—
Умру и тайны этой не открою.

Тутъ маменька виновница всѣхъ бѣдъ:
Распорядиться ей хотѣлось мною.
Я поддалась,—всю жизнь свою сгубя.
Я влюблена давно!»—«Въ кого?»—«Въ тебя!»

XX.

И мы неслись подъ пламенные звуки—
И—Боже мой!—какъ дивно-хороша
Она была! И крѣпко наши руки
Сжимались, и навстрѣчу къ ней душа
Моя неслась въ томленьи новой муки.
—«И я тебя люблю!—едва дыша,
Я повторялъ.—Что̀ намъ людская злоба!
Взгляни въ глаза мнѣ: твой,—я твой до гроба!

XXI.

Что̀ было дальше, трудно говорить
И совѣстно. Пришлось намъ поневолѣ
Съ товарищемъ усерднѣе ходить
Въ домъ, гдѣ бывали рѣдко мы дотолѣ.
Тотъ все виномъ старался угостить:
Пьешь, и душа сжимается отъ боли...
Да къ всенощной спѣшишь, чтобъ какъ-нибудь
Хоть издали разокъ еще взглянуть.

XXII.

О, сладкій намъ, знакомый шорохъ платья
Любимой женщины, о, какъ ты милъ!
Гдѣ бъ могъ ему подобіе прибрать я
Изъ радостей земныхъ? Весь сердца пылъ
Къ нему летитъ, раскинувши объятья.
Я въ немъ расцвѣтъ какой-то находилъ.
Но въ двадцать лѣтъ—какъ несказанно дорогъ
Краснорѣчивый, легкій этотъ шорохъ!

XXIII.

Любить всегда отрадно, но писать—
Такая страсть у любящихъ къ чему же?
Вѣдь это прямо дѣло выдавать,
И ничего не выдумаешь хуже.

Казалось бы, ну какъ не помышлять
О братѣ, объ отцѣ или о мужѣ?
Въ затменіи влюбленные умы—
И ревностно писали тоже мы.

XXIV.

Я помню живо: въ самый Новый годъ
Она мнѣ пишетъ.—«Я одна скучаю.
Мужъ ѣдетъ въ клубъ: я выйду изъ воротъ,
Одѣтая крестьянкою, и къ чаю
Приду къ тебѣ. Коль спроситъ вашъ народъ,
Вели сказать, что изъ родного краю
Зашла къ тебѣ кормилицына дочь.
Укутаюсь—и не замѣтятъ въ ночь».

XXV.

Съ товарищемъ переглянулись мы.
Хотя не очень прытки были сами,
Но видимъ ясно: этой кутерьмы
И бабушка не разведетъ бобами.
Практическіе подлинно умы!
Нашли исходъ: рядиться мужиками!
Голубушка! Я звать ее не могъ:
Я не себя,—ее я поберегъ.

XXVI.

А время шло. Кто любитъ, такъ не знаетъ,
Чего онъ ждетъ, чѣмъ мысль его кипитъ.
Спросите вы у дома, что̀ пылаетъ:
Чего онъ ждетъ? Не ждетъ онъ, а горитъ—
И темный дымъ весь искрами мелькаетъ
Надъ нимъ, а онъ весь пышетъ и стоитъ.
Надолго ли огни и искры эти?
Надолго ли?—Надолго ль все на свѣтѣ?

XXVII.

Однажды мы сидѣли на верху
Съ товарищемъ, витая въ думахъ нѣжныхъ.
Вдругъ горничная. Весь платокъ въ снѣгу,
Лицо у ней блѣднѣе хлопьевъ снѣжныхъ.

—«Да что ты?»—«Все пропало! Быть греху:
Всѣ письма отыскалъ онъ въ нотахъ прежнихъ,
Да какъ пошелъ,—въ столахъ, въ шкапахъ, въ трюмо
И въ туфляхъ даже, глядь,—сидитъ письмо.

XXVIII.

«Подъ крикъ его и гамъ тутъ горькихъ слезъ
Изъ дѣвичьей я слышала немало:
Не треснулъ ли ее проклятый песъ!
Онъ самъ ушелъ. Въ испугѣ написала
Вамъ тутъ она. Не помню, какъ донесъ
Меня Господь. Отвѣтъ я обѣщала.
Прочтите же, а я пока пойду
И за калиткой стану—подожду».

XXIX.

Читаю: «Все провѣдалъ этотъ звѣрь.
Съ тобою онъ стрѣляться, вѣрно, станетъ,
И если ты убьешь его теперь,
Тогда—тогда и счастіе настанетъ.
Я вѣрую, ты тоже сердцемъ вѣрь,
Оно меня, я знаю, не обманетъ.
Я убѣгу въ деревню за тобой
И тамъ твоею стану я женой.

XXX.

«А послѣзавтра въ восемь приходи
На монастырь и стань тамъ у забора
И на калитку съ улицы гляди—
Хоть на часокъ уйду изъ-подъ надзора,—
Стой тамъ въ тѣни и терпѣливо жди:
Какъ восемь станетъ бить, приду я скоро.
Недаромъ злые видѣла я сны!
Но, вѣрь ты мнѣ, мы будемъ спасены».

XXXI.

Безъ опыта, безъ денегъ и безъ силъ,
У чьей груди я могъ искать спасенья?
Серебряный я кубокъ свой схватилъ,
Что подарила мать мнѣ въ день рожденья,

И пѣнковую трубку, что хранилъ
Въ чехлѣ, какъ рѣдкость, полную значенья,
Былъ и бинокль туда же пріобщенъ
И съ репетиромъ золотой Нортонъ.

XXXII.

Тебѣ въ могилу тихую привѣтъ,
Мой старый другъ, я, старецъ, посылаю.
Ты былъ у насъ деканомъ много лѣтъ.
Къ тебѣ, бывало, ѣду и читаю
Я грѣшные стихи, пускаясь въ свѣтъ,
И за полночь мы за стаканомъ чаю
Сидимъ, вникаемъ въ римскаго пѣвца...
Тебя любилъ и чтилъ я какъ отца.

XXXIII.

Зачѣмъ всю дрянь къ наставнику я везъ?
Но, лишь вошелъ, онъ крикнулъ мнѣ: «Что съ вами?»
Я объяснилъ, какъ могъ, повѣся носъ,
И вдругъ, какъ мальчикъ, залился слезами.
Меня онъ обнялъ и почти донесъ
До кресла. Самъ онъ съ влажными глазами
И съ кроткой рѣчью, полною любви,
Сталъ унимать рыданія мои.

XXXIV.

«Спасти ее!»—я только могъ твердить.
—«Спасти-то нужно васъ,—разстроить эту
Безумную попытку. Заложить
Немедленно я прикажу карету...
Инспектора васъ въ карцеръ посадить
Я попрошу на мѣсяцъ по секрету.
Когда своей не жаль вамъ головы,
То хоть ее-то не губите вы».

XXXV.

Давно стою, волнуясь, на часахъ,
И смотритъ ярко мѣсяцъ съ тверди синей.
Спитъ монастырскій дворъ въ его лучахъ.
Съ церковныхъ крышъ блеститъ колючій иней.

Удастся ли ей вырваться-то? Ахъ!
И олуха такого быть рабыней!
На колокольнѣ ровно восемь бьетъ.
Вотъ заскрипѣлъ слегка снѣжокъ... Идетъ!

XXXVI.

Откинула покровъ она съ чела,
И мѣсяцъ свѣтомъ ликъ ей обдалъ чистый.
Уже моихъ колѣнъ ся пола
Касается своей волной пушистой.
И на плечо ко мнѣ она легла,
И разомъ кругъ объялъ меня душистый!
И молодость, и дрожь, и красота—
И въ поцѣлуѣ замерли уста.

XXXVII.

И я ворвался въ этотъ міръ цвѣтовъ,
Волшебный міръ живыхъ благоуханій,
Горячихъ слезъ и устъ, рѣчей безъ словъ,
Міръ счастія и пылкихъ упованій,
Гдѣ, какъ во снѣ, таинственный покровъ
Отъ насъ скрываетъ всю юдоль терзаній.
Нельзя душой и блекнуть и цвѣсти:
Я въ этотъ мигъ не могъ сказать: «прости».

XXXVIII.

А вамъ не жаль? Чего?—спросить бы надо:
Что былъ я глупъ, или что сталъ умнѣй?
Какая же за это мнѣ награда?
Бывало, точно, и не спишь ночей,
Но сладокъ былъ и самый кубокъ яда;
Зато теперь, чѣмъ дальше, тѣмъ горчѣй,
Всѣ тѣ же рельсы, и машина та же,
И мчитъ тебя, какъ чемоданъ въ багажѣ.

XXXIX.

Дня черезъ два хозяйка за столомъ
Вдругъ говоритъ: «А наши молодые
Уѣхали—и старики вдвоемъ
Остались. Онъ сказалъ, что тамъ большія

Въ деревнѣ хлопоты у нихъ: кругомъ
Падежъ скота, и есть дѣла другія...
А вы чѣмъ сыты, молодой народъ,
Что капельки вы не берете въ ротъ?»

XL.

Затѣмъ,—затѣмъ настала конецъ. А вы
Простите, если сказка надоѣла.
Я скоро самъ уѣхалъ изъ Москвы,
И мнѣ писали: Лиза овдовѣла.
Позднѣй искалъ я милостей вдовы.
Но свидѣться она не захотѣла.
Болтали,—тамъ... какой-то генералъ...
А можетъ-быть, кто говорилъ,—совралъ.

ЛИЗІАСЪ И ВАКХИДА.

Идиллія.

Вакхида.

О, непонятные, жестокіе мужчины!
И охлажденье ихъ и страсть къ намъ—безъ причины.
Семь дней тому назадъ еще въ послѣдній разъ
Здѣсь предо мной вздыхалъ и плакалъ Лизіасъ;
Я вѣрила, я имъ гордилась, любовалась...
Ты видишь, Пиѳія, все нынче миновалось:
Зову—не слушаетъ... Спроси, отвороженъ
Онъ зельемъ, что ль, какимъ? Или обиженъ онъ
Вакхидой вѣрною? Давно ль, склоня колѣна,
Меня преслѣдовалъ богачъ изъ Митилены,
Швырялся золотомъ, несъ мирры, пышныхъ розъ,
И руку предлагалъ?—О, сколько горькихъ слезъ
Мнѣ стоилъ Лизіасъ!..

Пиѳія.

Я помню. ревновала
Его ты къ флейтщицѣ: я знаю, та Цимбала
Тяжелокосая съ Филлидою-змѣей
Всегда вдвоемъ... Куда ты, Лизіасъ? Постой,
Признайся лучше!

Лизіасъ.

Въ чемъ?

Пиѳія.

Я правдой не обижу,—
Не даромъ флейтщицъ я лезбейскихъ ненавижу:

Вотъ всепобѣдныя сирены!.. Слушай смѣхъ:
Вѣдь не Вакхида я смиренница! При всѣхъ
Скажу, что видѣла на-дняхъ! Бываю часто
На пышныхъ я пирахъ. Наслѣдникъ Θеофраста
Звалъ ужинать. Онъ самъ краснорѣчивъ, пригожъ
И ласковъ. Собрались. Въ вѣнкахъ вся молодежь,
Вся раздушенная; въ вѣнкахъ на крайнемъ ложѣ,
Съ сѣдою бородой, мудрецъ извѣстный тоже
Возлегъ,—мнѣ не забыть суроваго лица!—
Всѣмъ хочется рѣчей послушать мудреца, —
Вдругъ флейты ласковой, игривой, вдохновенной,
Фригійской флейты зовъ раздался вожделѣнный,
И, легкая какъ лань, лезбіянка вошла,
Остановилася, всѣхъ взоромъ обвела
И старцу мудрому, исполнена тревоги,
Кудрявой головой, въ цвѣтахъ, поникла въ ноги.
Но старецъ ей, смѣясь: «Нашла же, гдѣ упасть!
Бесѣдѣ радъ мудрецъ, но презираетъ страсть»,—
И оттолкнулъ ее. Смущенная позоромъ,
Лезбіянка встаетъ,—но флейты страстнымъ хоромъ
Зовутъ танцовщицу—и вотъ уже она
Несется,—кружится,—полуобнажена
И беззавѣтнаго исполнена желанья...
Я женщина,—и то!.. Нѣтъ, страшныя созданья!..
Смотрю,—философъ нашъ, порыва не тая,
Встаетъ, кричитъ: «Всѣ прочь! Сюда! Она моя!»
Вмѣшался тутъ Дифилъ, повѣса и гуляка,
Поднялся общій шумъ, и завязалась драка;
Вѣнокъ у мудреца сорвали съ головы...
Смѣхъ!—Вотъ лезбіянки, ты видишь, каковы!
А ты еще ее, Вакхиду, голубицу,
Рѣшился промѣнять на флейтщицу-срамницу,
На черноглазую Цимбалу?..

Вакхида.

Нѣтъ, постой,
Подруга Инойя! Мнѣ хочется самой
Ему напомнить ночь, какъ, вѣря юнымъ силамъ,
Онъ пилъ на перебой съ Тразономъ и Дифиломъ.
Позвали флейтщицъ къ вамъ,—я не спускала глазъ...

Хотя Цимбалу ты поцѣловалъ пять разъ,
Ты этимъ лишь себя унизилъ: но Филлида...
Я все замѣтила, не подавая вида,—
Какъ ты глазами ей указывалъ фіалъ,
Тобою отпитый, какъ ты рабу шепталъ,
Наполнивъ вновь его, тайкомъ снести къ Филлидѣ,—
Нѣтъ, вспомнить не могу я о такой обидѣ!—
Какъ, закусивши плодъ и видя, что Тразонъ
О Діогенѣ въ споръ съ Дифиломъ погруженъ,
Ты яблоко швырнулъ—и на лету поймала
Она его, смѣясь, потомъ поцѣловала
И спрятала... Ну, что? Что скажешь ты теперь?

Лизіасъ.

Я пьянъ былъ и шутилъ. Нѣтъ, Пноія, не вѣрь
Ты ревности ея. Ее ты защищаешь,
Но скажешь ты не то, когда ты все узнаешь.
Вакхида, выслушай! Довольно я молчалъ!
На ложѣ съ отрокомъ я самъ тебя засталъ!

Вакхида.

Меня? О, боги! Гдѣ? Когда? Въ какую пору?

Лизіасъ.

Ты знаешь, что, меня строжайшему надзору
Отецъ изъ-за тебя подвергнувъ, приказалъ,
Чтобъ рабъ мнѣ по ночамъ дверей не отпиралъ.
Семь дней тому назадъ, желаньемъ истомленный,
Позвалъ Дримона я. Мой сверстникъ благосклонный
Подставилъ у стѣны мнѣ спину, и по ней
Я перелѣзъ. Бѣгу—и вотъ я у дверей
Моей возлюбленной. Была ужъ полночь. Пѣли
Вторые пѣтухи. Дверь заперта. Ужели
Стучать, гремѣть? Махну я черезъ дверь,—знакомъ
Мнѣ этотъ путь! Вхожу я ощупью въ твой домъ,
Нащупалъ я постель...

Вакхида.

О, боги! Умираю!
Что скажетъ онъ еще?

Лизіасъ.

Я слухомъ различаю
Дыханіе двоихъ. Сперва мнѣ мысль пришла—
Рабыню Лиду спать ты, видно, позвала:
Но тихо я впотьмахъ къ вамъ простираю руки...
О, Пиѳія! Пойми, какія злыя муки
Я вынесъ! Ищущей рукою я напалъ
На кожу нѣжную: то отрокъ возлежалъ,
Благоухающій, съ обритой головою...
О, если бъ ножъ тогда случился подъ рукою!..
Не смѣйся, Пиѳія! ужасенъ мой разсказъ!

Вакхида.

И только? Вотъ за что ты въ гнѣвѣ, Лизіасъ?
То Пиѳія была.

Пиѳія.

Къ чему ты все болтаешь!

Вакхида.

Зачѣмъ скрывать? Теперь, мой Лизіасъ, ты знаешь:
То Пиѳія была.

Лизіасъ.

Съ обритой головой?
Ну, скоро жъ у нея роскошною косой
Успѣли локоны густые увѣнчаться:
Самъ Фениксъ быстро такъ не можетъ возрождаться:
На бритой головѣ коса узломъ, въ шесть дней!

Вакхида.

Боясь, чтобы болѣзнь недавняя кудрей
Ей не испортила, она безъ сожалѣнья
Обрилась—и на ней чужое украшенье.
Сними жъ его на мигъ, другъ Пиѳія! Глазамъ
Ревнивецъ наконецъ пускай повѣритъ самъ!
Ты видишь,—вотъ она, невинная прикраса,—
А вотъ и отрокъ злой, что̀ мучилъ Лизіаса!

САКОНТАЛА.

1.

Саконтала, изъ всѣхъ царицъ, украшавшихъ индійскій
Тронъ, народу любезная, милая сердцу супруга—
Мудраго государя Викрамы, встрѣчала однажды
Праздничный день своего рожденья общимъ весельемъ.
Радость кругомъ разлилась по чертогамъ и хижинамъ царства,
Только живѣй и нѣжнѣе ея раздавалися звуки
Въ сердцѣ каждаго. Ликъ царицы былъ тихъ и прекрасенъ,
Око ея сіяло любезно и кротко. Какъ солнце
Въ часъ вечерній, когда, садясь за дальнія горы,
Росу шлетъ и прохладу оно, долины и выси
Влагой съ высотъ окропляя отрадной,—таковъ былъ
Ликъ Саконталы: затѣмъ-то, съ дѣтскимъ смиреніемъ въ сердцѣ,
Жители Индіи взоръ къ своей несравненной царицѣ,
Полный любви, обращали и ей приносили посильно
Разнаго рода дары,—растенья лучшія царства,
Благоуханный елей, злато и каменья цвѣтные;
Благословенія ей другіе молили у Брамы.
Вотъ въ средину ликующихъ, тѣсной толпою стоящихъ
Около царскихъ воротъ, Браминъ выходитъ. Корзинку
Несъ онъ въ рукахъ, изъ лозъ плетеную. Край у корзинки
Мохомъ простымъ былъ покрытъ. Придворные слуги, увидя
Старца, стоя въ переходахъ, другъ друга спрашивать стали:
«Знать, Браминъ поприблизиться хочетъ сіянью престола—
Съ лозниковой корзинкою, полною мохомъ кудрявымъ?»
Но Браминъ подошелъ свободно, поставилъ корзинку

Саконталѣ къ ногамъ и сказалъ ей: «Видишь ли, наша
Добрая мать и владычица нашего царства: вотъ эти
Лозы корзинки и этотъ мохъ и цвѣты полевые —
Дѣти долины на самой далекой границѣ обширной
Нашей земли, гдѣ стопы твои блуждали въ то время,
Какъ еще первая жизни весна предъ тобой улыбалась».
Такъ Браминъ говорилъ, и у ногъ Саконталы стояла
Съ мохомъ корзинка. Тогда царица взоръ обратила
На корзинку, на мохъ и цвѣты, что̀ лежали въ корзинкѣ,
И съ престола она улыбнулась привѣтливо, нѣжно
Скромнымъ цвѣтамъ долины давно миновавшаго дѣтства.
Тихо Браминъ возвращался къ своей одинокой долинѣ,
И казалася роскошь полей для него превосходнѣй:
Онъ не могъ позабыть улыбки лица Саконталы.

2.

Саконтала, прекрасная, милая сердцу царица
Индіи, день своего рожденья встрѣчала молитвой
Тихою къ Брамѣ: война ужасная все государство
Опустошила, и царь индійскій, супругъ Саконталы,
Былъ вдали отъ нея средь ужасовъ битвы кровавой.
Но еще болѣе то̀ умножало горесть царицы,
Что больша̀я часть преданныхъ въ битвѣ погибли, и много
Было такихъ, что̀ забыли царскую милость, съ какою
Почестями онъ ихъ осыпалъ, и вдругъ показали
Неблагодарность и трусость сердецъ измѣной въ годину
Бѣдствія. Вотъ почему Саконтала въ тиши проливала
Слезы, и день рожденія былъ ей дню смерти подобенъ.
Въ это время вошла одна изъ женщинъ служащихъ
Тихо къ печальной царицѣ и ей сказала: «Опять здѣсь
Тотъ Браминъ, что̀ къ тебѣ приходилъ съ цвѣтами долины».
Но Саконтала вздохнула и ей отвѣчала: «Какъ могутъ
Быть отрадны цвѣты моему сокрушенному сердцу
Или служить украшеньемъ моей поблѣднѣвшей ланитѣ?
Все же,—сказала потомъ царица добрая:—старца
Ты введи, чтобы я изъ его приношенья сознала,
Какъ вѣрна мнѣ въ печали любовь незлобивыхъ сердцемъ».
Старый Браминъ вошелъ и сказалъ, главу наклоняя:

«Видишь ли, добрая мать и владычица нашего царства:
Горе твое и печаль тебя сердецъ не лишило
Жителей той долины, гдѣ ты блуждала въ то время,
Какъ еще первая въ жизни весна предъ тобой улыбалась.
Шаткаго счастья измѣна любви и вѣрности узы
Не разрѣшаетъ,—напротивъ: она ихъ прочнѣе связуетъ.
Только цвѣтовъ я тебѣ не принесъ: въ нашей долинѣ
Стоптаны всѣ; но они расцвѣтутъ еще лучше, коль Брама
Послѣ бурь ниспошлетъ весны благодатной дыханье;
Я принесъ тебѣ въ даръ—драгоцѣннѣйшій нашей долины
Камень, которому въ Индіи равнаго нѣтъ красотою».
Молча, полна удивленья, царица взглянула на старца,—
Онъ же, рѣчь продолжая, сказалъ: «Тебѣ приносилъ я
Въ даръ цвѣты, когда на юномъ челѣ твоемъ радость
Расцвѣтала, ничѣмъ не смущенная: но—испытанье
Брама наслалъ на тебя: я вижу, что горе ланиты
Блѣдностью твои овѣяло; зналъ я, что будешь
День своего рожденья ты провожать со слезами
(Для прекрасныхъ душъ слёзы—небесная влага,
Отъ которой онѣ вполнѣ расцвѣтаютъ: такъ Брама
Освящаетъ своихъ любимцевъ); вотъ почему я
Нынѣ къ тебѣ подхожу съ благороднѣйшимъ даромъ природы».
Такъ Браминъ говорилъ и, полный почтенья, поставилъ
Чернаго дерева ящикъ къ ногамъ Саконталы. Чудесно
Свѣтлый камень игралъ, отвсюду охваченный чернымъ.
Тутъ склонила царица чело и взглянула на ящикъ
И на камень, своими лучами его наполнявшій,
И съ ланитъ у нея покатились прозрачныя слезы.
Тихо Браминъ возвращался къ своей одинокой долинѣ;
Медленно шелъ онъ, и грустью отрадною полонъ былъ старецъ:
Все, казалось ему, онъ видитъ слезу Саконталы.

3.

Грустенъ скитался Браминъ въ своей одинокой пустынѣ:
Помнилъ царицы-страдалицы тяжкое онъ испытанье.
Вдругъ опять поднялась война ужасная: мощный

Истребитель съ своей толпой необузданныхъ полчищъ
Всталъ на западѣ, съ тѣмъ, чтобъ зѐмли восточныхъ предѣловъ
Опустошить; и того, о чемъ, наругаясь, задумалъ,
Онъ достигнуть успѣлъ; но все населенье стонало.
Старецъ Браму день и ночь умолялъ за Викраму
Правосуднаго и за Саконталу царицу,
Сердцу любезную,—но тщетны были моленья,
И военная буря неслася грознымъ потокомъ
Къ самой долинѣ Брамина, и бичъ притѣснителя всюду
Жертвъ настигалъ. Тогда печальный Браминъ удалился
Въ дикія горы и жилъ между скалъ, чуждаяся встрѣтить
Ликъ человѣческій. Тяжкою скорбью исполнено было
Сердце старца, и смерти желанной алкалъ онъ душою;
Но желанье его не исполнилось.
Много онъ прожилъ
Лѣтъ въ своемъ одиночествѣ между скалами пустыни.
Вдругъ кругомъ раздались вдали веселые звуки
Пѣсенъ побѣды и мира подъ рокотъ трубы и кимвала.
Тутъ главою къ землѣ склонился старецъ въ молитвѣ,
Всталъ, помазалъ главу и сказалъ: «Передъ смертью я должень
Правыхъ побѣду и ликъ царицы кроткой увидѣть».
Тутъ наполнилъ Браминъ опять корзину цвѣтами
Самыми лучшими въ цѣлой долинѣ и сверху прикрылъ ихъ
Пальмы и маслины тучной младыми побѣгами; тутъ же
Вѣтвь положилъ благовонную нѣжно лепечущей мирты.
Скоро потомъ онъ къ престольному граду лицомъ обратился
И въ молчаньи пошелъ чрезъ толпы торжествующихъ гражданъ.
Радостью ликъ засіялъ у старца, когда въ воротахъ онъ
Былъ дворцовыхъ. Отверзши уста, слугамъ онъ придворнымъ
Сталъ говорить: «Ведите меня къ царицѣ, чтобъ могъ я
Жертву свою ей принесть! Семь лѣтъ не видѣлъ я міра».
Слыша рѣчи такія, слуги взглянули на старца,
Смолкли и стали плакать. Браминъ же спросилъ ихъ: «Чего вы
Плачете, и отчего измѣнилися такъ ваши лица?»
Слуги на это ему отвѣчали: «Иль ты не житель
Здѣшняго міра, когда одинъ ты не знаешь, что̀ сталось?»

И на могилу царицы они повели его: «Видишь?—
Такъ говорили они:—Въ ней сердце не вынесло горя».
Больше они ничего сказать не могли и рыдали.
Тутъ у старца ликъ засіялъ, и затеплилось око,
Будто у юноши; къ небу онъ поднялъ чело и воскликнулъ:
«Развѣ не вижу я Брамы жилища, не вижу сіянья
Вѣчнаго моря лучей, его окружающихъ блескомъ?
И Саконтала предъ нимъ на облакѣ ранняго утра
Смотритъ на насъ: примиренной отчизны чистѣйшая жертва,
Жрицею нынѣ она сіяетъ небеснаго міра!..
Видишь ли ты, просвѣтленная? Я, какъ и прежде бывало,
Здѣсь предъ тобою стою съ моими земными цвѣтами».
Тутъ умолкнулъ старецъ, склонясь на цвѣты и могилу,
Тихимъ повѣяло вѣтромъ,—и Брама пріялъ его душу.

--- ---

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Предисловія Фета къ прежнимъ изданіямъ.

I.

КЪ ИЗДАНІЮ 1863 ГОДА.

Изданіе моихъ стихотвореній, появившееся въ 1856 году, распродано. Въ этомъ я вижу доказательство, что муза моя не безъ добрыхъ людей. Для нихъ-то предпринимаю новое полное собраніе, въ которое войдутъ не только оригинальныя пьесы, но и переводы. Не могу при этомъ не заявить искренней признательности тѣмъ друзьямъ-поэтамъ, эстетическому вкусу которыхъ я ввѣрилъ вполнѣ изданіе 1856 года. Эти друзья могутъ убѣдиться, что и въ предлежащіе два тома вновь вошла всего одна пьеса, случайно ими забытая, изъ прежней моей дѣятельности, а изъ послѣдующей и всѣхъ переводовъ включены только тѣ, которые, хотя и по одиночкѣ, были ими одобрены.

II.
КЪ ТРЕТЬЕМУ ВЫПУСКУ
Вечернихъ огней.

Pro captu lectoris habent sua fata libelli.
Terentianus Maurus,
грамматикъ III в. по Р. Хр.
По разумѣнью чтеца, свои судьбы есть у книжекъ.

Появленіе отъ времени до времени за послѣдніе годы небольшихъ сборниковъ нашихъ стихотвореній, въ родѣ находящагося передъ глазами читателя, придаетъ всей нашей стихотворной дѣятельности совершенно нежелательный для насъ оттѣнокъ: издали можетъ показаться, что къ подобнымъ изданіямъ побуждаетъ насъ преувеличенное понятіе о значительности нашихъ стихотвореній. Поневолѣ приходится подвести благосклоннаго читателя поближе къ дѣлу и дать ему возможность убѣдиться, что такой оттѣнокъ—не только лишь издали кажущійся, но прямо противоположный дѣйствительному.

Конечно, никто не предположитъ, чтобы, въ отличіе отъ всѣхъ людей, мы одни не чувствовали съ одной стороны—неизбѣжной тягости будничной жизни, а съ другой—тѣхъ періодическихъ вѣяній нелѣпостей, которыя дѣйствительно способны исполнить всякаго практическаго дѣятеля гражданскою скорбью. Но эта скорбь никакъ не могла вдохновить насъ. Напротивъ, эти-то жизненныя тяготы и заставляли насъ въ теченіе пятидесяти лѣтъ по временамъ отворачиваться отъ нихъ и пробивать будничный ледъ, чтобы хотя на мгновеніе вздохнуть чистымъ и свободнымъ воздухомъ поэзіи.

Однако мы очень хорошо понимали, что, во-первыхъ,

нельзя постоянно жить въ такой возбудительной атмосферѣ, а во-вторыхъ, что навязчиво призывать въ нее всѣхъ и каждаго—и неблагоразумно и смѣшно. Какъ мало мы заботились о подобномъ призывѣ, явно изъ того, что мы до послѣднихъ лѣтъ предоставляли нашимъ литературнымъ друзьямъ заботиться о сохраненіи и группировкѣ нашихъ произведеній. Такъ, всѣ написанныя стихотворенія, вошедшія въ «Лирическій Пантеонъ» и въ изданіе 1850 г., собраны и сгруппированы рукой Аполлона Григорьева, которому принадлежатъ и самыя заглавія отдѣловъ; такъ, сборникъ 1856 года, появившійся въ Петербургѣ во время нашего отсутствія, переправленъ нами по настоятельному требованію цѣлаго круга друзей, подъ руководствомъ И. С. Тургенева, которому принадлежитъ и небольшое предисловіе къ этому изданію. Съ той поры музѣ нашей пришлось переживать тяжелыя времена, чѣмъ она, мимоходомъ сказать, огорчалась тѣмъ менѣе, что бдительныя очи любезныхъ пестуновъ не покидаютъ ее и по настоящее время. Эти пестуны и понынѣ выбираютъ достойное, по ихъ мнѣнію, печати и побуждаютъ насъ отъ времени до времени знакомить благосклонныхъ читателей съ нашими послѣдними стихотвореніями. Друзья наши знаютъ, что многое, невзирая на полученное одобреніе, было нами окончательно забраковано, но что не было примѣра, чтобы мы навязали сборнику что-либо не одобренное знатоками дѣла. Такое отношеніе къ собственнымъ произведеніямъ привело къ совершенной утратѣ тѣхъ стихотвореній, которыя въ теченіе многихъ лѣтъ случайно ускользнули отъ рукъ нашихъ друзей.

Читатели, знакомые съ ходомъ нашей журналистики, не забыли, быть-можетъ, что до шестидесятыхъ годовъ мы, подобно другимъ стихотворцамъ, безразлично появлялись во всѣхъ журналахъ, которые перечислять здѣсь излишне. Но тутъ мы подверглись самому комическому остракизму. Съ легкой руки правительственныхъ реформъ, внезапно выступившихъ, подобно Минервѣ, во всеоружіи, все закипѣло духомъ оппозиціи (чему?) и запоздалою гражданскою скорбью. Такъ какъ скорбѣли люди, не имѣвшіе никакого понятія о практической жизни, то и самый скорбный недугъ поневолѣ сосредоточился на языкѣ. Быть писателемъ, хотя бы и лирическимъ поэтомъ, по понятію этихъ людей, значило—быть

скорбнымъ поэтомъ. Такъ какъ, въ сущности, люди эти ничего не понимали въ дѣлѣ поэзіи, то останавливались только на одной видимой сторонѣ дѣла: именно, на его непосредственной безполезности. Понятно, до какой степени имъ казались наши стихи не только пустыми, но и возмутительными своей невозмутимостью и прискорбными отсутствіемъ гражданской скорби.

Но, справедливый читатель, вникните же и въ наше положеніе: мы, если припомните, постоянно искали въ поэзіи единственнаго убѣжища отъ всякихъ житейскихъ скорбей, въ томъ числѣ и гражданскихъ, — откуда же могли мы взять этой скорби тамъ, куда мы старались отъ нея уйти? Не все ли это равно, что обратиться къ человѣку, вынырнувшему изъ глубины рѣки, куда онъ бросился, чтобы потушить загорѣвшееся на немъ платье, съ требованіемъ: «давай огня!».

Понятно, что при такомъ исключительномъ положеніи стихотворенія наши не могли быть помѣщаемы на страницахъ журналовъ, въ которыхъ они возбуждали одно негодованіе. Единственное исключеніе представлялъ «Русскій Вѣстникъ», не ставившій тенденціозности непремѣннымъ условіемъ. Но когда въ 1865 г. мы сочли дальнѣйшее наше сотрудничество въ «Русскомъ Вѣстникѣ» невозможнымъ, то единственнымъ путемъ обнародованія остались для насъ выпуски небольшихъ сборниковъ.

Слова ненависти, въ теченіе столькихъ лѣтъ раздававшіяся вокругъ нашихъ стиховъ, и не снятый съ нихъ и понынѣ остракизмъ были бы понятны, если бы, среди единогласнаго тенденціознаго хора, они, подобно стихамъ Тютчева и гр. Алексѣя Толстого, звучали порицаніемъ господствующаго направленія; но ничего подобнаго въ нихъ не было, и они подверглись гоненію, очевидно, только за чистоту своего служенія. Надо прибавить, что чѣмъ единогласнѣе, съ одной стороны, становился хоръ порицателей, тѣмъ съ бо́льшимъ участіемъ и одушевленіемъ подходили на помощь нашей музѣ и свѣжія силы несомнѣнныхъ знатоковъ дѣла; и, насколько для насъ лестно одобреніе послѣднихъ, настолько же мало заботимся мы о приговорѣ большинства, вполнѣ увѣренные, что изъ тысячи людей, не понимающихъ дѣла невозможно составить и одного знатока.

Нагляднымъ подтвержденіемъ всего нами высказаннаго можетъ служить въ настоящемъ сборникѣ прибавленіе изъ изданія 1850 года. Счастливъ художникъ, способный исправлять свои произведенія согласно указаніямъ знатоковъ. Но и тутъ есть извѣстныя границы и опасности. Можно, что называется, записать картину. Это случалось даже съ позднѣйшими изданіями Тютчева, гдѣ алмазные стихи появились замѣненные стразами. Мы говорили выше, что изданіе 1856 г. составлено исключительно по выбору и настоянію бывшаго кружка нашихъ петербургскихъ друзей, вслѣдствіе чего даже мы сами привыкли смотрѣть на изданіе 1850 г., какъ на окончательно упраздненное. Но въ теченіе послѣднихъ лѣтъ мы при встрѣчахъ съ нашими друзьями, постоянно слышали упрекъ за то, что въ изданіе 1856 г. не вошли нѣкоторыя стихотворенія изъ изданія 1850 г., не заслуживающія такого исключенія, между прочимъ, и діалогъ «Соловей и роза». Касательно пяти первыхъ стихотвореній *) мы безпрекословно рѣшились возстановить ихъ, помѣстивъ въ настоящемъ сборникѣ, но по поводу «Соловья и розы» дѣло не обошлось безъ протеста съ нашей стороны. Даже соглашаясь, что тамъ есть болѣе или менѣе яркіе образы и болѣе или менѣе удачные стихи, мы никакъ не могли помириться съ тѣмъ излишнимъ накопленіемъ красокъ, которое свидѣтельствовало о широкихъ размахахъ неопытной руки, еще не знающей краю. Полагаемъ, что даже сокращенное почти на половину стихотвореніе и въ настоящемъ своемъ видѣ не представляетъ окончательно ясныхъ очертаній. Тѣмъ не менѣе рѣшаемся сохранить его, находя, что ни въ одномъ изъ нашихъ молодыхъ произведеній съ такою ясностью не проявляется направленіе, по которому постоянно порывалась наша муза. Равнымъ образомъ помѣщаемъ два стихотворенія, не вошедшія ни въ одинъ изъ нашихъ сборниковъ: на смерть Ал. В. Дружинина, 19 января 1864 года, и памяти В. П. Боткина, 16 октября 1869 года.

---

*) Рѣчь идетъ о стихотвореніяхъ: «Вешнее небо глядится», «Я полонъ думъ», «Геро и Леандръ», «Тебѣ въ молчаньи я простираю руку», «Младенческой ласки доступенъ мнѣ лепетъ».

Прим. ред.

III.

КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ВЫПУСКУ

Вечернихъ огней.

Человѣкъ, не занавѣсившій вечеромъ своихъ освѣщенныхъ оконъ, даетъ доступъ всѣмъ равнодушнымъ, а быть-можетъ, и враждебнымъ взорамъ съ улицы; но было бы несправедливо заключать, что онъ освѣщаетъ комнаты не для друзей, а въ ожиданіи взглядовъ толпы. Послѣ трогательнаго и высоко-знаменательнаго для насъ сочувствія друзей къ пятидесятилѣтію нашей музы, жаловаться на ихъ равнодушіе намъ, очевидно, невозможно. Что же касается до массы читателей, устанавливающей такъ называемую популярность, то эта масса совершенно права, раздѣляя съ нами взаимное равнодушіе. Намъ другъ у друга искать нечего. Раскрывая небольшое окошечко четвертаго выпуска въ крайне ограниченномъ числѣ экземпляровъ, мы только желаемъ сказать друзьямъ, что всегда рады ихъ встрѣтить, и что за нашимъ окномъ «Вечерніе огни» еще не погасли окончательно.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

VEILLE SUR CE QUE J'AIME.

Бди надъ тѣмъ, что̀ сердцу мило,
Неизмѣнное свѣтило,
Звѣздочка моя!
Свѣтлыхъ сновъ и благодати
Ей, какъ спящему дитяти,
Умоляю я:

Сводъ небесный необъятенъ,—
Чтобъ на немъ ей былъ понятенъ
Ходъ усталыхъ тучъ,
Твой восходъ, твое стремленье,
И молитвенное бдѣнье,
И дрожащій лучъ.

Безмолвныя поля одѣлись темнотою,
Заря вечерняя сгорѣла, воздухъ чистъ,
Въ лѣсу ни вѣтерка, ни звука надъ водою—
Лишь по верхамъ осинъ лепечетъ легкій листъ,
Да изрѣдка пѣвецъ природы благодатной
За скромной самкою, вспорхнувъ, перелетитъ
И подъ черемухой на вѣткѣ ароматной
Весенней пѣснію окрестность огласитъ—
И снова тихо все... Ужъ комары устали
Жужжа влетать ко мнѣ въ открытое окно;
Все сномъ упоено...

Ѳ. Е. КОРШУ

въ отвѣтъ на эпическое посланіе.

Больному классику чтобъ дать отвѣтъ россійскій,
Я избираю стихъ и листъ александрійскій;
Не думаю, межъ тѣмъ, объономъ я листѣ,
Чтобъ облегчился ты безъ рѣзи въ животѣ.
Что жъ дѣлать! Такова россійска Аретуза.
Что пить изъ ней нельзя безъ содроганья пуза.
О, что бы провѣщалъ ученѣйшій Хиронъ.
Когда бъ на нашихъ музъ взглянулъ хоть мелькомъ онъ,
У коихъ цензоры, благочестивы люди,
Обгрызли ногти всѣ и вырѣзали груди,
Какъ рѣжутъ евнуховъ, что вывелъ Ювеналъ.
Хотя Геліодоръ давно ихъ окарналъ.
И такъ и слѣдуетъ: зачѣмъ писать антично?
У нашихъ цензоровъ узналъ бы, что прилично!
Вѣдь не подумаютъ античные глупцы,
Что могутъ русскіе обидѣться скопцы.
Не должно смѣшивать двухъ разныхъ направленій,
Иначе стать втупикъ народный можетъ геній;
И, мню я, самымъ тѣмъ ты простудилъ свой носъ,
Что, переплывши Тибръ, ты вышелъ на морозъ:
Такъ вредны крайности, когда сойдутся, ссорясь!
О, rus! О, глупости! О, tempora, o, mores!
Но какъ бы строгая ни выкликала Русь.
Тибулла покупать я къ Кунду поплетусь:
Знать, старость слабая такъ распускаетъ слюни:
Scribendi caecitas tenet, сказалъ мой Юній.
Пора и кончить мнѣ. Будь здравъ, прими привѣтъ.
Хоть подпишу Шеншинъ, а все же выйдетъ—Фетъ.

Бѣда съ негромкими чинами,
Коль рѣчь заходитъ о крестѣ:
Хоть я и буду съ орденами,
Но только не для Вани тѣ).

Вижу, снова небо тмится,
Немецъ крадется ко мнѣ.
И душѣ моей не снится
Ничего по старинѣ.

Какъ пятно, темно и хладно,
Не поя огня въ крови,
Смотритъ грустно безпощадно
На меня звѣзда любви,—

И не знаю, расцвѣту ли
Для порывовъ юныхъ дней,
Иль навѣкъ въ груди уснули
Силы гордыя страстей,—

И чего змѣя раздора
Ждетъ отъ сердца моего?
Униженья? Иль отпора?
Или просто ничего?

---

*) Игра словъ: vanité (франц.)—тщеславіе.

Виноватъ ли я, что долго мѣсяцъ
Простоялъ вчера надъ рощей темной,
Что подъ нимъ рѣка дрожала долго
Тамъ, гдѣ крылья пучилъ бѣлый лебедь?
Вѣдь не я зажегъ огни рыбачьи
Надъ водой, у самыхъ лодокъ черныхъ!
Виноватъ ли я, что до разсвѣта
Перепелокъ голосъ раздавался?
Но—ты спишь... О, подними рѣсницы!
Знаешь ли,—я помню,—помню живо:
Ты сама вѣдь любишь ночи,—ночью
Это было. Я спѣшилъ въ Ріальто.
Быстро весла ударяли въ воду.
Гондольеръ мой пѣлъ... Но эта пѣсня
Пронеслась, какъ многое проходитъ,
Невозвратно; помню только это:
«Обожали пламенные греки
Красоты богиню Афродиту
Въ пѣнѣ водъ на раковинѣ ясной:
Какъ же глупы, просты эти греки!
Передъ ними ты была въ гондолѣ».
Знаешь ли,—я самъ, когда ты дремлешь,
Опустя недвижныя рѣсницы,
И твоихъ волосъ густые кудри
Недвижимы: руки, выше локтя
Обнажась, на складкахъ полотняныхъ
Такъ лежатъ, какъ будто съ мыслью тайной
Раскидалъ ихъ [боговидецъ] Фидій *),
И гляжу я долго и не знаю,—
На твоемъ блестящемъ свѣтомъ ликѣ
Рождена ль улыбка красотою,
Иль краса улыбку породила,—
Знаешь ли... Но, опустя рѣсницы,
Ты уснула... Спи, моя богиня!

---

*) По милости цензуры,—эпитетъ Фидія замѣненъ точками въ изданіи 1850 года. Жаль было бы, если бы эпитетъ утратился, можно предполагать, что, по примѣру древнихъ, Фетъ назвалъ тутъ Фидія «боговидцемъ», что показалось предосудительнымъ «богомольному» рвенію цензора.

А. П. БОТКИНОЙ

при полученіи апельсиновъ.

Вотъ спасибо, мой дружокъ,—
Не забыла ветерана!
Будь сама, какъ королекъ,
И сладка ты и румяна.

Свей гнѣздо—хоть гдѣ-нибудь,
За Невой, Москвой иль Вислой,—
Только замужемъ не будь
Апельсинъ ты желтый, кислый.

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ.

Вчера, при блескѣ свѣчъ, въ двѣнадцатомъ часу,
Ты слушала меня съ улыбкою участья,
И мнѣ казалося: вотъ-вотъ перенесу
Тебя въ цвѣтущій міръ безумія и счастья.

Сегодня—Боже мой!.. Я путаюсь въ словахъ,
Ты смотришь на меня и трезво и обидно,—
И какъ объ этихъ двухъ подумаю я дняхъ,
То нынѣшняго жаль, а за вчерашній стыдно.

Въ небесахъ летаютъ тучи,
На листахъ сверкаютъ слезы;
До росы шипки грустили,
А теперь смѣются розы.

Послѣ грома воздухъ чище,
И свѣжѣе дышатъ люди;
Подъ рѣсницей орошенной
Какъ-то легче жаркой груди.

На природѣ съ каждой каплей
Зеленѣетъ вся одежда,
Въ небѣ радуга сіяетъ,
Для души горитъ надежда.

- - -

Въ рукѣ съ тамбуриномъ, въ глазахъ съ упоеньемъ,
Ты гнешься и вьешься, плывешь и летишь...
Такъ чуткая травка подъ грезы Эола,
Подъ сонную арфу качается въ тишь.

Такъ въ тѣлѣ, такъ въ членахъ, объятыхъ забвеньемъ,
Одно безусталое сердце стучитъ
Въ тотъ часъ, какъ при звѣздахъ недвижныхъ, холодныхъ,
Одна яркой искрою къ безднѣ летитъ.

Въ тѣ дни, какъ божествамъ для происковъ влюбленныхъ
Бродить среди людей случалося не разъ, —
При помощи собакъ, Діаной обученныхъ,
Пресвѣтлый Аполлонъ овечье стадо пасъ.

Любилъ своихъ овецъ сей пастырь именитый;
Какъ ихъ улучшить быть,—не могъ придумать самъ:
Тяжелорунныя, конечно, овцы сыты;
Жаль только одного.—свободы нѣтъ овцамъ.

Хитеръ на выдумки, влекомый чувствомъ братства,
Меркурій пастыря въ раздумьѣ увидалъ
(Онъ только проходилъ съ ночного воловрадства)
И предъ задумчивымъ владыкою предсталъ.

— «Не надивлюсь,—сказалъ:—какъ можетъ умъ великій
Въ потемкахъ тамъ бродить, гдѣ ясно все, какъ день?
Ты начинай съ собакъ: оставь ихъ для приличія,
Но только ты на всѣхъ намордники надѣнь».

— «А волки?»—«Что?»—«Придутъ».—«Пустые это толки:
Имъ про намордники нельзя узнать въ лѣсахъ.
Не тронутъ».—«Ну, пускай; пусть волки будутъ волки:
Но какъ съ овнами быть? Подумай объ овцахъ!»

— «А сами овцы что жъ? Иль на себя не глянутъ?
Вѣдь жеребецъ ведетъ табунъ свой, какъ тиранъ».
— «Баранъ не жеребецъ: ихъ слушаться не станутъ.
Подумай самъ, какой ужъ наибольшій баранъ!»

— «Все больше дива мнѣ, признаюсь откровенно!
Препятствія во всемъ нарочно ищешь ты.
Пусть сами выберутъ своихъ, а ты мгновенно
Имъ лапы отрасти, да закорючь хвосты».

— «Мысль—дать собачій чинъ—отличная, признаться:
Науки обрѣтутъ и пользу въ ней и честь;
Но стражи новые должны же и питаться:
Не лишнее спросить,—что оборотню ѣсть?»

— «Конечно, натощакъ служить накладно міру,
Но можетъ ли вопросъ возникнуть въ томъ какой?
Тутъ овцы, поглядишь, готовы лопнуть съ жиру:
Дозволь такой овцѣ всеядной быть овцой».

Такъ все улажено. Всѣ овцы безъ оглядокъ
Бѣгутъ, жуютъ кусты и суются подъ тѣнь.
Собакамъ изъ овецъ кусокъ служебный сладокъ,
А прежнія глядятъ, да на носу ремень.

Промежъ овецъ вездѣ доходитъ ужъ до драки—
Знать, стало невтерпежъ порядки эти несть,—
И каждой хочется изъ нихъ попасть въ собаки:
Чѣмъ накормить собой другого, лучше ѣсть.

Въ дрему и болотахъ всѣ овцы побывали,—
Не знаютъ, какъ бѣжать, укрыться только гдѣ бъ,—
И овцы извелись, и овцы зачихали...
Не знаю, долго ли надъ ними бился Фебъ.

СПОРЪ.

Гдѣ нимфа рѣзвая, покинувъ горный токъ,
Вплетаетъ гіацинтъ въ свой розовый вѣнокъ,
На мирныхъ пажитяхъ, въ лѣсу прохладной Иды,
Гдѣ землю посѣщать привыкли Ураниды,
Сіяньемъ царственной красы окружены,
Красавцу пастырю предстали три жены.

— «Будь, юноша, судьей,—скажи намъ, не меня ли
Царицей красоты глаза твои признали?—
Сказала первая, оперши́сь на копье:—
Какъ солнце разума, горитъ лицо мое;
Со мной бесѣдовать, мои встрѣчая взгляды,
Фригіецъ,—выше нѣтъ и для боговъ награды.
Поднявъ румяный плодъ, вручи его ты той,
Что̀ вправѣ изо всѣхъ владѣть твоей душой,—
И, если мудрости ты вѣренъ былъ донынѣ,
Я знаю, яблоко достанется Аѳинѣ»

Съ румянцемъ, вспыхнувшимъ мгновенно вдоль ланитъ,
— «Послушай, юноша,—другая говоритъ:—
Съ подвластнымъ божествомъ не только споръ,—сравненье
Супругѣ и сестрѣ Зевеса униженье.
Но, встрѣтившись со мной, будь другомъ иль врагомъ,
Ты вынужденъ сказать: какъ почиваетъ громъ
Въ небесной синевѣ безмолвной и глубокой,
Такъ силой свѣтитъ взоръ у Геры волоокой;
Божественная грудь, чиста, какъ горній цвѣтъ,
Пріемлетъ лишь того, кто потрясаетъ свѣтъ;
Когда вступаю я въ небесные чертоги,

Не люди предо мной покорствуютъ, а боги;
И, если назову тебя моимъ судьей,
Не пастырь,—царскій сынъ теперь передо мной».

И третья говоритъ, къ ногамъ покровъ роняя:
— «Владычица сердецъ передъ тобой нагая.
Небесный лунный сводъ—не родина моя:
На берегу морскомъ изъ пѣны вышла я.
Но—не мудрецъ теперь, не сынъ царя прекрасный—
Пусть юноша судья нашъ будетъ безпристрастный.
Мой даръ божественный не мудрость и не власть,
Но я вдохну тебѣ губительную страсть:
Ты самъ падешь, падутъ отецъ твой, сестры, братья,—
Но посмотри сюда: въ горячія объятья
Я приведу къ тебѣ подобную красу,
Моимъ могуществомъ любимцевъ вознесу,
И ваши имена, потомства достоянье,
Замѣнятъ красоты обычное названье».

КЪ ЖАВОРОНКУ.

Днемъ ли или вечеромъ,
Ранней ли зарей—
Только бы невидимо
Пѣлъ ты надо мной.

Надолго заслушаюсь
Звукомъ съ высоты,
Будто эту пѣсенку
Мнѣ поешь не ты.

За красавицу-сосѣдку.
За глаза ея,
Виноградную бесѣдку
Не забуду я.

Помню вѣтреной смуглянки
Рѣзкій, долгій взоръ;
Помню милой итальянки
Утренній уборъ,

Жаркой груди половину,
Смоль ея кудрей,
И плетеную корзину
На рукѣ у ней.

И прозрачной тѣни сѣтку
На лицѣ ея...
Виноградную бесѣдку
Не забуду я!

И вотъ письмо. Онъ въ немъ не пишетъ
Про одинокое житье,
А говоритъ, что все онъ дышитъ
И тѣмъ же вѣщимъ сердцемъ слышитъ
Къ нему сочувствіе мое.

Е. Д. ДУНКЕРЪ.

Ихъ вмѣстѣ видя и, къ тому же,
Когда и оба влюблены,
Возможно ль умолчать о мужѣ
Въ день именинъ его жены?

Союзъ, по правдѣ, идеальный! —
И чудо ангелъ совершилъ:
Воды мытищенской кристальной
Струю въ вино онъ превратилъ.

Какая холодная осень!
Надѣнь свою шаль и капотъ.
Смотри,—изъ-за дремлющихъ сосенъ
Какъ будто пожаръ возстаетъ.

Сіяніе сѣверной ночи
Я помню всегда близъ тебя:
И свѣтятъ фосфорныя очи,
Да только не грѣютъ меня.

Какой горючій пламень
Зарей въ такую пору!
Кусты и острый камень
Сквозятъ по косогору.

Замолкъ и засыпаетъ
Померкшій прудъ въ оврагѣ;
Лишь ласточка взрѣзаетъ
Нить жемчуга на влагѣ.

Ушли за днемъ послушно
Послѣднихъ тучъ волокна...
О, какъ подъ кровлей душно,
Хотя раскрыты окна!

О, нѣтъ, такую пытку
Переносить не буду:
Я знаю, кто въ калитку
Теперь подходитъ къ пруду.

Какъ на чертѣ полночной дали
    Тотъ огонекъ,
Подъ дымкой тайною печали
    Я одинокъ.

Я не влеку могучей силой
    Очей твоихъ,
Но приманю я взоръ твой милый
    На краткій мигъ,—

И точка трепетнаго свѣта
    Моихъ очей—
Тебѣ печальная примѣта
    Моихъ страстей.

Какъ умъ къ ней идетъ, какъ къ ней чувство идетъ,
Какъ чувство съ умомъ въ ней умѣетъ сродниться,
Умѣетъ родное найти и на немъ
Такъ ярко и тонко всегда отразиться!

Сквозь ставень окна серебристымъ лучомъ
Такъ въ спальню прекрасной луна проникаетъ,
На столъ упадетъ и, нашедши на немъ
Алмазъ позабытый, съ алмазомъ играетъ.

Когда кичливый умъ, измученный борьбою
Съ наукой вѣчною, забывшись, тихо спитъ,
И сердце бѣдное одно съ самимъ собою,
Когда извнѣ его ничто не тяготитъ;

Когда, безумное, по чувствами всесильно,
Оно провѣдаетъ свой собственный позоръ,
Безтрепетностію проникнется могильной
И глухо изречетъ свой страшный приговоръ,—

Страдать, весь вѣкъ страдать безцѣльно, безвозмездно,
Стараться пустоту наполнить и взирать,
Какъ съ каждой новою попыткой глубже бездна,
Опять безумствовать, стремиться и страдать,—

О, какъ мнѣ хочется склонить тогда колѣни,
Какъ сына блуднаго влечетъ опять къ Отцу!—
Я вѣрю вновь во все,—и съ шопотомъ моленья
Слеза горячая струится по лицу.

КРЫСЫ.

Къ хозяину въ день стачки
Сбѣжались прачки
И подняли на цѣлый домъ
Содомъ.
Какъ трубы мѣдныя въ ушахъ у господина
Трещатъ Настасья, Акулина:
—«Извольте посмотрѣть на гофренный чепецъ!
Пришелъ всей прачешной конецъ,—
Хоть мыла не клади, не разводи крахмала:
Отъ крысъ житья не стало.
Всю ночь, съ зари и до зари,
По всѣмъ горшкамъ и лѣзутъ въ фонари:
Нахальству мѣры ужъ не знаютъ:
Днемъ мы работаемъ,—онѣ себѣ гуляютъ!»
—«А что же дѣлаютъ коты?»
—«Помилуйте, разлопались скоты!
Придетъ, мяучитъ объ отвѣсномъ,—
Ну, выдашь; что жъ ему за радость въ мѣстѣ тѣсномъ
Съ зубастой крысою схватиться? Да троихъ—
Для крысъ не по нутру— и нѣтъ уже въ живыхъ:
Замучили».—«Постой, за умъ возьмитесь сами!
Подумайте: страшны вѣдь крысы намъ зубами,
А зубы точатся у нихъ на всякій часъ
Объ корки, сухари и весь сухой запасъ:
Старайтесь кашу ѣсть, да пейте больше квасу.
Сухого же держать не смѣйте вы запасу.
Чтобъ не было надъ чѣмъ имъ зубы поточить,
А чтобъ въ жилье злодѣекъ не пустить—
Какая стирка тутъ! Работа ужъ какая!—
Сидите день и ночь вы, глазомъ не мигая,
И только бестія къ вамъ выйдетъ ѣсть иль пить—
За хвостъ ее, за хвостъ! Не смѣйте сами бить,
А прямо ужъ ко мнѣ: я разберу все дѣло».
Не знаю, много ли у прачекъ уцѣлѣло
Хозяйскаго добра: но въ домѣ благодать.
Про крысъ помину нѣтъ, и жалобъ не слыхать.

КЪ ОФЕЛІИ.

1.

Какъ идетъ къ вамъ чепчикъ новый,
Какъ идетъ большая шаль!
Поздравляю васъ съ обновой,—
А мнѣ все-таки васъ жаль!

Какъ идетъ къ вамъ эта блѣдность,
Эта скрытая печаль,
Эта внутренняя бѣдность!..
Мнѣ васъ жаль! Да,—мнѣ васъ жаль!

2.

Сосна такъ темна, хоть и мѣсяцъ
Глядитъ между длинныхъ вѣтвей...
То клонитъ ко сну, то очнешься,
То мельница, то соловей.

То вѣтра нѣмое лобзанье,
То запахъ фіальи ночной,
То блескъ замороженной дали
И вихря полночнаго вой...

И сладко дремать мнѣ—и грустно,
Что сномъ я надежду гублю...
Мой ангелъ, мой ангелъ далекій,
Зачѣмъ я такъ сильно люблю!

3.

Какъ майскій голубоокій
Зефиръ, ты, мой другъ, хороша;
Моя жъ—что эолова арфа,
Чутка и послушна душа.

И струнъ у той арфы немного,
Но вѣчно подъ чувствомъ живымъ
Найдетъ она новые звуки
За новымъ дыханьемъ твоимъ.

4.

Сонетъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Богъ въ тебѣ осуществилъ
Передо мной созданіе поэта,—
Не знаю самъ, за что я полюбилъ
Игривое созвучіе сонета;

Не знаю самъ, за что онъ сердцу милъ:
Быть-можетъ, звукъ знакомаго привѣта
Онъ тѣхъ же рпѳмъ чредой изобразилъ,—
И ложною мечтой душа согрѣта?

А можетъ-быть, онъ схожъ съ тобою въ томъ,
Что изо всѣхъ стиховъ его стихомъ,
Какъ и тобой, владѣть всего труднѣе?

Иль наконецъ—причудливый, какъ ты—
Смиряясь, онъ для чувства красоты,
Чѣмъ затруднялъ, становится милѣе?

5.

Стихомъ моимъ незвучнымъ и упорнымъ
Напрасно я высказывать хочу
Порывъ души, но, звукомъ непокорнымъ
Обманутый, душой къ тебѣ лечу.

Мнѣ вѣрится, что пламенную вѣру
Въ душѣ твоей возбудитъ тайный стихъ,
Что грустію невольною размѣру
Она должна сочувствовать на мигъ.

Да, ты поймешь, поймешь, я это знаю,
Все, чѣмъ душа родная прожила:
Вѣдь я жъ всегда по чувству угадаю
Твой слѣдъ вездѣ, гдѣ ты хоть разъ была.

6.

Горный ключъ.

Съ камня на камень висящій,
Съ брошенныхъ скалъ на утесъ,
Много кристаллъ твой блестящій
Пѣны жемчужной унесъ.

Былъ при денницѣ румянъ ты,
Былъ при лунѣ блѣденъ ты,
Гордо носилъ брилліанты.
Скромно цвѣты и листы.

Много твой шумъ отдаленный
Чуждыхъ людей приманилъ,
Много про чудо вселенной
Странникъ въ дому говорилъ.

Тучи несутъ тебѣ воду,
Чуждые люди дары,
Сила даруетъ свободу,
Шелестъ и прелесть игры.

Чадо тревожной неволи,
Что же мнѣ бросить въ потокъ?
Кубокъ ли звонкій, кольцо ли,
Розы ли юный шипокъ?

Розу увядшую, другъ мой,
Кинулъ я съ желтымъ листкомъ:
Чувство, и зрѣнье, и слухъ мой
Гибнутъ съ послѣднимъ цвѣткомъ.

КЪ ПАМЯТНИКУ МАРКЕВИЧА.

Любилъ онъ истину, любилъ онъ красоту
И дружбой призванныхъ цѣнителей гордился,
Раздутой фразы онъ провидѣлъ пустоту
И правду говорить въ лицо ей не страшился

6 іюля 1885 г.

ФЕТЪ-АЛИ-ШАХА.

Любовь и знанье вертопраховъ—
Одинъ капканъ души чужой,
Но не пугаюсь я и страховъ,
Тщедушенъ этимъ и толстъ той *).

Между счастіемъ вѣчнымъ твоимъ и моимъ
Безконечное, другъ мой, пространство!
Не клянись мнѣ,—я вѣрю: я, точно, любимъ,
И похвально твое постоянство;

Я и самъ и люблю и ласкаю тебя;
Эти локоны чудно-упруги;
Сколько вѣры въ глазахъ!.. Я скажу не шутя:
Мнѣ не выбрать милѣе подруги!

Но къ чему тутъ обманъ? Говоримъ, что хотимъ.—
И къ чему осторожное чванство?
Между счастіемъ вѣчнымъ твоимъ и моимъ
Безконечное, другъ мой, пространство!

ЭЛЕГІЯ.

Мечту младенчества въ меня вдохнула ты:
Твои прозрачныя, роскошныя черты
Припоминаютъ мнѣ улыбкой вдохновенья
Младенческаго сна отрадныя видѣнья...
Такъ,—вижу: опытность—ничтожный даръ земли—
Твои черты съ собой надолго унесли!
Прости,—мои глаза невольно за тобою
Слѣдятъ—и чувствую, что я владѣть собою
Не въ силахъ болѣе; ты смотришь на меня,—
И замираетъ грудь отъ сладкаго огня.

---

*) Игра словъ — намекъ на имена Н. Н. Страхова и гр. Л. Н. Толстого.

Многимъ богамъ въ тиши я еиміамъ воскуряю,
Въ помощь нерѣдко съ мольбой многихъ героевъ зову,
Жертвую музамъ, дріадамъ, нимфамъ рѣчистымъ и даже
Глупому фавну весной первенца стадъ берегу:
Пѣсня же первая—Вакху, мудрому сыну Семелы!
Ты, Діонисій, въ вѣнкѣ, грозный владыка ума.
Всѣхъ доступнѣй моимъ мольбамъ и моимъ возліяньямъ:
Ты за утраты мои полной мнѣ чашей воздай!
Гдѣ недоступная дѣва, моихъ желаній царица?
Въ мраморахъ Фидій своихъ равной не зрѣлъ никогда,
Я же сходнаго съ ней не зналъ созданья—и что же?
Тирсу покорный, и ей клялся пожертвовать я.
Ждалъ я, безумный, забыться въ дыму и чаду приношеній;
Новый Калхасъ, уже мечъ держкой рукой заносилъ:
Мать-природа вотще взывала, какъ мать Клитемнестра,
Мигъ еще, мигъ,—и тебѣ все бы принесъ я.•Ліей;
Мнѣ уже чудился плескъ волнъ забвенія въ барку,—
Только заступница дѣвъ дѣву чудесно спасла:
Дивно свѣтла, предо мной Ифигенія къ небу восходитъ,
Я же колѣномъ тугимъ въ бокъ упираю козла.

ЯЗЫКЪ ЦВѢТОВЪ

Мой пучокъ блеститъ росой,
Какъ алмазами калифъ мой;
Я давно хочу съ тобой
Говорить пахучей риѳмой:

Каждый цвѣтъ уже намекъ —
Ты поймешь мои признанья.
Можетъ-быть, что весь пучокъ
Намъ откроетъ путь свиданья.

Мудрымъ нужно слово свѣта,
Дружбѣ сладокъ глазъ участья,
Но влюбленный—ждетъ привѣта
Обновительнаго счастья;

Я жъ—не знаю: въ жизни здѣшней-
Думы ль правы, чувства ль правы?
Отчего такъ мѣсяцъ вешній
Жемчугомъ осыпалъ травы?

Что онѣ дрожать, какъ слезы,—
Голубого неба очи?
И зачѣмъ въ такія грезы
Манитъ мглу любовникъ ночи?

Ждетъ онъ, что ли?.. Мнѣ сдается,
Что напрасно я гадаю!
Слышу, сердце чаще бьется!
И со мною—что?—не знаю!

Мы съ тобой не просимъ чуда:
Только истинное чудно.
Нѣтъ для духа больше худа,
Какъ увлечься безразсудно.

Нынче, завтра,—кругъ волшебный
Будетъ нѣмъ и будетъ тѣсенъ;
Оглянись, и міръ вседневный
Многоцвѣтенъ и чудесенъ.

Время жизни скоротечно,
Но въ одномъ предѣлѣ круга
Наши очи могутъ вѣчно
Пересказывать другъ друга.

Мы ѣхали двое. Подъ нею
Шелъ мѣрно и весело мулъ.
Мы въѣхали молча въ аллею,
И лучъ изъ-за листвы блеснулъ.

Всѣ гроздья по темной аллеѣ
Зажглися прощальнымъ огнемъ—
Горятъ все свѣтлѣе, алѣе—
И вотъ мы въ потемкахъ вдвоемъ...

«Не бойтесь, синьора,—я съ вами!»
И ручку синьоры я взялъ
И долго, прильнувши устами,
Я ручку ея цѣловалъ.

ХИЖИНА ВЪ ЛѢСУ.

На лѣсъ пасунулися тучи,
Морозитъ—трудно продохнуть,
Ни зги не видно, вихрь колючій
Сугробомъ переноситъ путь.

О, какъ онъ путнику несносенъ!
Но вотъ надежда—огонекъ
Блеснулъ звѣздою изъ-за сосенъ:
Пріютъ знакомый недалёкъ.

Стучусь съ увѣренностью давней:
Знакомый голосъ за стѣной;
Какъ прежде, лучъ, скользя межъ ставней,
Ложится яркой полосой...

«О, выйди! Это я!..» Напрасно!..
Я слышу голосъ, вижу свѣтъ,—
Все такъ безжизненно, безстрастно,
Отвѣта нѣтъ, привѣта нѣтъ!..

Давно ль сюда рвался такъ жадно
Я съ одинокаго пути?
Здѣсь умирать такъ безотрадно—
И силъ нѣтъ далѣе брести!

КЪ НАШИМЪ ОСЛАМЪ.

Намъ повторяли всѣ въ рѣчахъ картинныхъ:
«Вамъ суждено бездѣтность перенесть,
И не видать вамъ этихъ лицъ невинныхъ,
Въ которыхъ что-то ангельское есть».

Исполнились всеобщія желанья,
Господь утѣшилъ насъ на склонѣ дней—
И васъ послалъ, невинныя созданья,
Послушныхъ и играющихъ дѣтей.

Господь великъ: Онъ старость успокоилъ!
Гуляйте, дѣтки, тѣшьтесь въ добрый часъ!
И Милосердый милость тѣмъ удвоилъ,
Что взрослыми мы не увидимъ васъ.

ПОСЛАНІЕ П. Н. КАРАТѢЕВУ.

На петербургскихъ плюнь злодѣевъ!
Пусть дьяволъ губитъ эту тлю!
Тебя же, Павелъ Каратѣевъ,
Лишь объ одномъ теперь молю:

Весна придетъ,—въ окошко глянешь,—
Посѣвъ, косьба, посѣвъ опять,
И калачомъ ужь не заманишь
Тебя къ сосѣду почевать;

А твой сосѣдъ прямой пустынникъ
И, самъ слуга родной землѣ,
Тебѣ въ угоду имянинникъ
Не въ сѣнокосъ, а въ февралѣ.

Такъ посѣти,—хоть вмѣстѣ ляжемъ,—
Нашъ теплый верхъ тебѣ знакомъ,—
И новыхъ жеребятъ покажемъ,
И на бильярдѣ промахнемъ.

ВЕЧЕРНІЙ САДЪ.

Не бойся вечерняго сада!
На домъ оглянися назадъ,—
Смотри-ка: всѣ окна фасада
Зарею вечерней горятъ.

Мнѣ жаль и фонтана ночного.
Мнѣ жаль и жуковъ заревыхъ,
Мнѣ жаль соловья заревого
И ночи цвѣтовъ распускныхъ.

Повѣрь мнѣ, туманъ не коснется
Головки-малютки твоей;
Повѣрь, ни одна не сомнется
Изъ этихъ упругихъ кудрей;

Повѣрь, что природа такъ гибко
Твоимъ покорится очамъ:
Повѣрь мнѣ, что эта улыбка
Царица и днямъ и ночамъ.

Спутники вечера—что жъ вы?
Отвѣтствуйте милой моей!
Повѣрь мнѣ, что узкой подошвы
Роса не коснется твоей.

КЪ КАРТИНѢ.

Не говори, что счастливъ я,
Что я хорошъ собой,
Что Богъ благословилъ меня
Прекрасною женой;

Не говори, что жизнь сулитъ
Мнѣ счастье впереди,
Что крошка-сынъ нашъ тихо спитъ,
Прильнувъ къ родной груди,—

Ненужныхъ словъ не расточай,
Ненуженъ мой отвѣтъ:
Взгляни въ глаза—и отвѣчай:
Что,—счастливъ я иль нѣтъ?

Скажи,—ты видишь по глазамъ:
По сердцу ль мнѣ покой,
Иль, можетъ-быть, я жизнь отдамъ
Помѣряться съ судьбой,

Отдамъ, что было мнѣ дано
Блаженства и тоски,
За взглядъ, улыбку,—за одно
Пожатіе руки?

ХУДОЖНИКУ.

Не слушай ихъ, когда съ улыбкой злою
Всю жизнь твою поставятъ на позоръ,
И надъ твоей вѣнчанной головою
Толпа взмахнетъ безславія топоръ;

Когда ни сны, ни чистыя видѣнья,
Ни оиміамъ мольбы твоей святой,
Ни рядъ годовъ наукъ, трудовъ и бдѣнья
Не выкупятъ тебя у черни злой!

Имъ весело, когда мольбой презрѣнной
Они чело младое заклеймятъ,
Но ты прости, художникъ вдохновенный,
Ты имъ прости: не вѣдятъ, чтò творятъ.

НОВОГРЕЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Но—на что твоей матери лампа ночная?—
Нѣтъ, не мучай меня, не терзай ты до слезъ!—
Вѣдь и солнце въ дому и луна молодая...
Нѣтъ, не мучай меня, не терзай ты до слезъ!

БЛУДНИЦА.

Но Онъ на крикъ не отвѣчалъ,
Вопросъ лукавый проникая,
И на пескѣ, главу склоняя,
Перстомъ задумчиво писалъ.

Во прахѣ, тяжело дыша,
Она, жена-прелюбодѣйка,
Золотовласая еврейка,
Предъ Нимъ, грѣшна и хороша.

Ея плеча обнажены,
Глаза прекрасные закрыты,
Персты прозрачные омыты
Слезами горькими жены.

И понялъ Онъ, какъ ей сродно̀,
Какъ увлекательно паденье:
Такъ юной пальмѣ—наслажденье
И смерть—дыханіе одно!

Ночь тиха. По тверди зыбкой
Звѣзды южныя дрожатъ.
Очи матери съ улыбкой
Въ ясли тихія глядятъ.

Ни ушей ни взоровъ лишнихъ,—
Вотъ пропѣли пѣтухи—
И за ангелами въ вышнихъ
Славятъ Бога пастухи.

Ясли тихо свѣтятъ взору,
Озаренъ Маріи ликъ.
Звѣздный хоръ къ иному хору
Слухомъ трепетнымъ приникъ,—

И надъ Нимъ горитъ высоко
Та звѣзда далекихъ странъ:
Съ ней несутъ цари Востока
Злато, смирну и ливанъ.

О, для тебя я сдѣлаюсь поэтомъ,
Готовъ писать и прозой и стихами,
Распоряжаться мыслью и словами
И риѳмы въ рядъ нанизывать сонетомъ,—

Да что̀ же мнѣ,—какая польза въ этомъ?
Я не рѣшусь быть неукомъ предъ вами,
Я не рѣшуся черными словами
Васъ выставить, запачкать передъ свѣтомъ:

Но, если вы, понявъ мои намеки,
Со страху разъ помолитесь невольно
И на̀долго запомните уроки,

Въ которыхъ то-то и смѣшно, что̀ больно,—
Повѣрьте мнѣ, и этого довольно,
И одою смѣню я эти строки.

ПЕРЕВОДЪ ФРАНЦУЗСКАГО СТИХОТВОРЕНІЯ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

О, какъ люблю я возвращаться
Къ истоку первыхъ дней твоихъ
И, внемля сердцемъ, восхищаться
Разсказомъ—тѣмъ же все—о нихъ!

Какъ много свѣжести и тайны
На тѣхъ встрѣчаю берегахъ!
Что̀ за разсвѣтъ необычайный
Сквозилъ въ тѣхъ дымныхъ облакахъ,

Въ какихъ цвѣтахъ былъ лугъ прибрежный,
Ручья какъ чисто было дно,
Какъ много думъ съ улыбкой нѣжной
Лазурью той отражено!

О дѣтствѣ, понятомъ такъ мало,
Чуть упомянешь ты порой,—
И мнилось мнѣ, что овѣвало
Меня незримою весной.

Опять я затеплю лампаду
И вѣчную книгу раскрою,
Опять помолюся Пречистой
Съ невольно-горячей слезою,

Опять посѣтитъ меня радость
Безъ бури, тоски и веселья,
И снова безмолвныя стѣны
Раздвинетъ уютная келья.

Прочь, горе земное: одно лишь
Про землю напомнитъ мнѣ внятно,—
Когда, обращая страницу,
Увижу прозрачныя пятна.

ШИЛЛЕРУ.

Орелъ могучихъ, свѣтлыхъ пѣсенъ,
Съ зарей открылъ твой вѣщій взоръ,
Какъ блѣденъ, какъ тоскливо-тѣсенъ
Земного ока кругозоръ!

Впервой ширяясь, міръ ты мѣрилъ
Отважнымъ взмахомъ юныхъ крылъ;
Никто такъ гордо въ свѣтъ не вѣрилъ,
Никто такъ страстно не любилъ.

И, веселясь надъ темной бездной,
Сокрывшей свѣтлый идеалъ,
Никто земной въ предѣлъ надзвѣздный
Парить такъ смѣло не дерзалъ.

Одинъ ты океанъ эѳира
Крыломъ надежнымъ облетѣлъ
И въ сердце огненное міра
Очами свѣтлыми глядѣлъ.

Съ тѣхъ поръ у моря свѣта вѣчно
Твой голосъ все къ себѣ зоветъ,
Что̀ въ человѣкѣ человѣчно
И что̀ въ безсмертномъ не умретъ.

По замѣчанью моему,
Альбомъ походитъ на кладбище.
Баратынскій.

Отвергнувъ гордое сомнѣнье
И не смущаемый трудомъ,
Простой пріязни выраженье
Вношу смиренно въ вашъ альбомъ.

Легко минутное рѣшенье
Забыться непробуднымъ сномъ,
Гдѣ наше мѣсто погребенья
Хоть потревожатъ, но съ умомъ;

Гдѣ между прочими гробами
И нашъ безъ надписи найдутъ
И между зримыми чертами
Лукаво зоркими глазами
Черты незримыя прочтутъ.

Перлы восточные—зубы у ней,
Шелкъ шемаханскій—коса;
Мягко и ярко, что утро весной,
Свѣтятъ большіе глаза;

Перси при каждомъ вдыханьи у ней
Такъ выдаются впередъ,
Будто двѣ полныя чаши на грудь
Ей опрокинулъ Эротъ;

Если же съ чувствомъ скажетъ: «люблю»—
Чувство и слово лови:
Къ этому слову—ты словъ не найдешь,
Чувства—для этой любви!

ПЕРЧАТКА.

Перчатку эту
Я подстерегъ:
Она поэту
Нѣмой залогъ

Душистой ночи,
Гдѣ при свѣчахъ
Глядѣлись очи
Въ моихъ очахъ;

Гдѣ вихрь круженій
Качалъ цвѣты;
Гдѣ легче тѣни
Носилась ты,

Гдѣ я, какъ школьникъ
За мотылькомъ,
Иль какъ невольникъ,
Нуждой влекомъ,

Слѣдилъ твой сладкій,
Душистый кругъ,—
И вотъ украдкой,
Мой нѣжный другъ,

Перчатку эту
Я подстерегъ:
Она поэту
Нѣмой залогъ.

Петръ и Павелъ—вотъ примѣры:
Петръ, какъ камень, не тягучъ,
Неподатливъ на химеры,
Бережетъ свой символъ вѣры,—
А у Павла только ключъ.

Погляди мнѣ въ глаза хоть на мигъ,
Не таись, будь душой откровеннѣй:
Чѣмъ яснѣе безумство въ твоихъ,
Тѣмъ блаженство мое несомнѣннѣй.

Не дано мнѣ витійство: не мнѣ
Связныхъ словъ преднамѣренный лепетъ!—
А больного безумца вдвойнѣ
Выдаютъ не рѣченья, а трепетъ.

Не стыжусь запканій своихъ:
Что̀ доступнѣе, то многоцѣннѣй,
Погляди жъ мнѣ въ глаза хоть на мигъ,
Не таись, будь душой откровеннѣй.

ЭОЛОВА АРФА.

ОНЪ.

По листамъ пронесся шорохъ...
Каждый мигъ въ блаженствѣ дорогъ,
Въ пѣснѣ—каждый звукъ:
Тамъ, гдѣ первое не ясно,
Все, хоть будь оно прекрасно,
Исчезаетъ вдругъ.

ОНА.

О, не только что внимала,—
Я давно предугадала
Всѣ твои мечты;
Но, настроенная выше,
Я разсказываю тише,
Чтò мечтаешь ты.

ОНЪ.

Я на всякіе звуки готовъ,
Но не самъ говорю я струной:
Только формы воздушныхъ перстовъ
Обливаю звончатой волной.

Оттого-то въ разлукѣ съ тобой
Слышу я и беззвучную дрожь,
Оттого то и ты узнаёшь
Все, чтò здѣсь совершится со мной!

ОНА.

Если мнѣ повелитель вѣтровъ
Звука два перекинетъ порой,
Но такихъ, гдѣ трепещетъ любовь,—
Я невольно пою за тобой.

Ахъ, запой, поскорѣе запой!
Ты не знаешь, чтò сталось со мной!
Этотъ перстъ такъ прозрачно-хорошъ,
Подъ которымъ любовь ты поешь!

Понятенъ зовъ твой сердобольный
И для отцовъ и для дѣтей:
Съ базару—храмъ искусства вольный,
Ты съ переулка—домъ...

Послѣ ранняго ненастья
Чтò за ростъ и цвѣтъ обильный!
Ты даешь мнѣ столько счастья,
Что сносить лишь можетъ сильный.

Нынѣ чувства стали рѣдки,
Ты же мнѣ милѣй свободы;
Но боюсь я той бесѣдки,
Гдѣ у ногъ почіютъ воды.

Сердце чуетъ, что не даромъ
Нынче счастіе такое.
Я въ водѣ горю пожаромъ,
А въ глазахъ твоихъ—такъ вдвое.

Т. А. КУЗМИНСКОЙ

при посылкѣ портрета.

Пускай мой старческій портретъ
Вамъ повторяетъ, что ужъ нѣтъ
Во мнѣ безумства прежней силы,
Но что цвѣтете вы душой,
Цвѣтете тонкою красой,
И что попрежнему вы милы.

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

при посылкѣ 3-го выпуска «Вечернихъ огней».

Пѣвецъ мой дорогой, поэтъ мой знаменитый'
Позволь, обнявъ, тебя попрежнему любить:
Вечерніе Огни изъ хижины забытой
Я долженъ съ риѳмами Полонскому вручить.

КЪ ПАМЯТНИКУ ПУШКИНА.

Свободнаго стиха прославленный творецъ,
Услышана твоя молитва, другъ народа:
По манію царя взошла заря—свобода,
И солнце озаритъ твой бронзовый вѣнецъ.

Смотри, красавица,—на матовомъ фарфорѣ
Румяный русскій плодъ и южный виноградъ.
Какъ ярко яблоко на лиственномъ узорѣ!
Какъ влагой ягоды на солнышкѣ сквозятъ!

Одна искусная рука соединяла,
Одно желаніе совокупило ихъ;
Ихъ розно солнышко и прежде озаряло,—
Но дорогъ красотѣ соединенья мигъ.

Смотрѣть на васъ и страшно мнѣ и больно,—
Жаль вашихъ взоровъ, ножекъ, ручекъ, плечекъ...
Скажите, кто вотъ этотъ человѣчекъ,
Что̀ подлѣ васъ стоитъ самодовольно?

Во мнѣ вся кровь застынетъ вдругъ невольно,
Когда, при блескѣ двухъ вѣнчальныхъ свѣчекъ,
Онъ вамъ подастъ одно изъ двухъ колечекъ!..
Тогда въ слезахъ молитесь богомольно,—

Но я на васъ глядѣть тогда не стану,
А то, быть-можетъ, сердце содрогнется.
Къ чему тревожить старую въ немъ рану?

А то изъ ней, быть-можетъ, ядъ польется!
Мнѣ только легкой поступи и стану
Да скрытности дивиться остается!

Смотрю, завидуя немножко,
На вашъ альбомъ прекрасный я:
Какъ неизмѣнна эта кошка!
Зачѣмъ не кошка эта я?

О. И. ЩУКИНОЙ.

Спасибо вамъ! Мы вспоминаемъ
Вашъ рѣзвый смѣхъ съ умомъ живымъ.
Безъ васъ и май бы не былъ маемъ,
И старый паркъ бы былъ инымъ.

И не перила лишь пещрили
Вы разноцвѣтной чередой,
А всю весну для насъ увили
Вы лентой нѣжно-голубой.

Не только мы,—я чай, Колдунья
Не разъ вздохнетъ подъ сѣдокомъ:
«Зачѣмъ на мнѣ не та летунья,
А этотъ неподъемный комъ!»

Adieu, счастливо оставаться!
Іюльскій зной у насъ насталъ—
И хоть и лѣнь за дѣло взяться,
Но Gartenlaube къ вамъ послалъ.

Ю. Б. ШУМАХЕРЪ.

Среди фіалокъ, въ царствѣ розъ,
Примите искренній поклонъ,
А насъ московскій нашъ морозъ
Не выпускаетъ на балконъ.

Одинъ другому не указъ,
Пусть каждый изберетъ своё:
Кому Плющиха въ самый разъ,
Кому такъ жутко въ Монтерё.

ГОРЫ.

Ода.

Стою у каменной стремнины.
Мнѣ этотъ воздухъ незнакомъ,
Но сердце радуютъ картины
Своимъ пестрѣющимъ вѣнкомъ:
Внизу—гульливыя долины,
Гдѣ рѣчка блещетъ серебромъ,
Гдѣ стадо мелкое тѣснится,
Тропинка желтая пылится,
И нивъ златая полоса,
И дымъ бѣлѣющихъ селеній,
Благоуханные лѣса
Съ немолчнымъ хоромъ пѣснопѣній,
И виноградная лоза,
Царица мудрая растеній;
Тутъ—мостикъ легкою дугой
Прыгнулъ черезъ потокъ живой;
Надъ бѣлымъ паромъ водопада
Зубцомъ причудливымъ скала
Въ предѣлъ пытующаго взгляда
Чело на небо унесла;
Тамъ—воздухъ, вольности отрада,
Стезя широкая орла;
Кругомъ, куда ни кинешь взоры,—
Вѣнцомъ сіяющія горы...
Мнѣ такъ легко! Я жизнь позналь—
И грудь такъ сладко дышитъ ею!
Я никогда не постигалъ,—
Чтò нынѣ сердцемъ разумѣю,—
Зачѣмъ Онъ горы выбиралъ,
Когда являлся Моисею,
И отчего вблизи небесъ
Доступнѣй таинства чудесъ.

Сядь у моря—жди погоды...
Отчего жъ не ждать?
Будто воды, наши годы
Станутъ прибывать,

Поразвѣетъ пылъ горячій,
Проминетъ бѣда,
И подъ камень, подъ лежачій,
Потечетъ вода, —

И отступится кручина,
Чтò свекровь старà,
Накидаетъ мнѣ пучина
Всякаго добра,

Будто воды, наши годы
Станутъ прибывать...
Сядь у моря, жди погоды:
Отчего жъ не ждать!

THE ECHOES.

Та же звѣздочка на небѣ,
Та жъ внизу течетъ рѣка,—
Смолкъ давно лишь голосъ милый,
Радость сердца далека.
Эхо вторитъ мнѣ уныло:
Далека!

Тотъ же въ рощѣ молчаливой
Бьетъ веселый, свѣтлый ключъ,
Но отрадный ликъ былого
Не проглянетъ изъ-за тучъ.
Грустно шепчетъ эхо снова:
Изъ-за тучъ.

Та же птичка, что̀ пѣвала.
Ночью пѣснь свою поетъ,
Но та пѣснь грустнѣе стала,
Радость на сердце нейдетъ.
Эхо тихо простонало:
Да, нейдетъ.

Голосъ прошлаго родного,
Ты умолкнешь ли когда?
Не буди ты сновидѣній,
Что̀ умчались навсегда!
Снова эхо въ отдаленьи
Вторитъ: навсегда!

Тотъ, кто владѣетъ громаднѣйшимъ царствомъ,
Не далъ съ тобой намъ ходить по мытарствамъ.

Время проводишь ты спесью да барствомъ,
Я же свое измѣряю лѣкарствомъ.

Тщетно кичиться тебѣ предоставлю,
Но эпиграммой тебя не прославлю.

СВИДАНІЕ ВЪ ЛѢСУ.

«Ты ль это? Такъ поздно?» — «Я сбился въ потемкахъ съ дороги:
При мѣсяцѣ тускломъ тропа обманула лѣсная.
Грустила? Меня вспоминала?»—«Скажи мнѣ, могла я
О чемъ постороннемъ подумать, любимецъ мой строгій?»

— «О, дай же мнѣ руку! Позволь цѣловать эти ноги!
Дрожишь?—что̀ съ тобою?»—«Не знаю: въ лѣсу я, гуляя,
Пугаюсь, чуть листъ зашумитъ, или птица ночная...
Ахъ, знать, мы преступны, коль сердце такъ полно тревоги!»

— «Взгляни-ка мнѣ въ очи, въ лицо: никогда не бывала
Вина такъ смѣла, тревога съ улыбкой такою!
Ужель ты преступна, что быть мнѣ съ тобой позволяла?
Сижу я далеко, любуюсь съ отрадой нѣмою —
И такъ я, мой ангелъ земной, наслаждаюсь съ тобою!»
. . . .

Ура, нашъ архангелъ отвинченъ,
Ужъ, раненый, въ ватѣ лежитъ;
Излѣченъ, но не переинченъ,
Онъ къ намъ изъ Москвы прилетитъ.

«Въ концы всей вселенной глаголы:
Смотри, золотой Михаилъ,
Трубой про народныя школы
Ты дѣтямъ бы ногъ не скосилъ».

ВЕСЕННЯЯ ПѢСНЬ.

Уснули мятели
Съ печальной зимой,
Грачи прилетѣли,
Пахнуло весной

Широкая карта
Полночной земли
Чернѣетъ, и марта
Ручьи потекли.

Дождемся ль апрѣля
Луговъ молодыхъ,
Крылатаго Леля
Ковровъ дорогихъ

И свѣтлаго мая
Красы голубой?
Подруга живая,
Дождемся ль съ тобой?

Лилета, Лилета!
Съ дыханьемъ весны
Сбылися поэта
Блаженные сны.

Для пѣсни полночной
Отнынѣ живи,
Душой непорочной
Предайся любви.

Утромъ курится поляна,
Вьется волнистый туманъ,
И на развивы тумана
Весело смотритъ Титанъ.

Шире грудей колыханье,
Локонъ свивается вновь,
Слаще младое дыханье,
И непорочнѣй любовь.

Утро, какъ сонъ новобрачной,
Пóлно стыда и огня;
Все, чтó вечоръ было мрачно,
Ясно въ сіяніи дня.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Фіалъ кипитъ янтарной Ипокреной.
Душа горитъ и силится во мнѣ
Залить въ груди огонь жемчужной пѣной.
Но—что̀ забыть, что̀ вспомнить при винѣ?

Красавица съ коварною душою,
Ты, божествомъ забытый пышный храмъ,
И вы, друзья, съ притворною слезою,
И вы, враги, съ презрѣнной клеветою,—
Забвенье вамъ!

И вы, мечты, которыми прельщался,
И ты, судьба, противница мечтамъ,—
Довольно я страдалъ и заблуждался,
Надѣялся, слезами обливался,—
Забвенье вамъ!

Ты, дѣвы грудь, вы, кудри золотые,
Ты, Граціи художественный ростъ,
Вы, ямочки и щечки огневыя,
Ты, тѣнь рѣсницъ, вы, глазки голубые,—
Вамъ первый тостъ!

И вы, друзья святого вдохновенья,
Съ мечтательной и нѣжною душой,
Вы, полные къ прекрасному стремленья,
Съ тоской души, съ улыбкой умиленья,—
Вамъ тостъ второй!

И вы, друзья съ зелеными вѣнками
И съ хохотомъ въ досужный Вакха часъ,—
Похмелья геній носится надъ вами:
Поднимемъ кубки дружными руками!
Я пью за васъ!

Фіалъ кипитъ янтарной Ипокреной—
И, что̀ души тревожило покой,—
Все умерло въ груди воспламененной,
Все милое—воскресло предо мной.

А. П. БОТКИНОЙ.

Невѣстѣ.

Хотя любовь препобѣдила,
И торжества подходитъ часъ,
Она и къ намъ свой взоръ склонила,
И не забыла Анна насъ.

Тамъ, гдѣ царитъ мятель и вьюга,
Гдѣ жизнь полна тоски и зла,
Твой ананасъ—эмблема юга,
Благоуханья и тепла.

Когда настанетъ день ненастный,
На сердце мракъ и грусть падетъ,
Мы вспомнимъ жребій твой прекрасный,
И Анна насъ тогда спасетъ.

Чѣмъ долѣ я живу, чѣмъ больше пережилъ,
Чѣмъ повелительнѣй стѣсняю сердца пылъ,
Тѣмъ для меня яснѣй, что не было отъ вѣка
Словъ, озаряющихъ свѣтлѣе человѣка:
«Всеобщій нашъ Отецъ, который въ небесахъ,
Да свято имя мы Твое блюдемъ въ сердцахъ,
Да пріидетъ царствіе Твое, да будетъ воля
Твоя, какъ въ небесахъ, такъ и въ земной юдоли,
Пошли и нынѣ хлѣбъ насущный отъ трудовъ,
Прости намъ долгъ: и мы прощаемъ должниковъ,
И не введи Ты насъ, безсильныхъ, въ искушенье:
И отъ лукаваго избави самомнѣнья».

А. Л. БРЖЕССКОЙ.

Я вамъ пророчилъ поклоненье,
Вѣнецъ прекрасному челу,
И расточалъ свое умѣнье
Воздать вамъ должную хвалу;

Теперь же слабый мой умишко
Не больше сдѣлаетъ добра,
Чѣмъ театральная афишка
О пьесѣ, сыгранной вчера.

Я вдаль иду моей дорогой
И уведу съ собою вдаль
Съ моей сердечною тревогой
Мою сердечную печаль.

Она-то доброй проводницей
Со мною объ руку идетъ
И перелетной вольной птицей
Мнѣ пѣсни новыя поетъ.

Ведетъ ли путь мой горной цѣпью
Подъ ризой бѣлыхъ облаковъ,
Иль въ дальній край широкой степью,
Иль подъ гостепріимный кровъ.—

Покорна сердца своеволью,
Вездѣ, бродячая, вольна
И запоетъ за хлѣбомъ-солью
Какъ на степи со мной она.

Спасибо жъ тѣмъ, подъ чьимъ пріютомъ
Мнѣ было радостнѣй, теплѣй,
Гдѣ время пилъ я по минутамъ
Изъ урны жизненной моей,

Гдѣ новой силой, новымъ жаромъ
Опять затрепетала грудь,
Гдѣ музѣ-странницѣ съ гусляромъ
Не труденъ показался путь.

Е. И. БАРАТЫНСКОЙ.

Я невпопадъ у васъ въ гостиной:
Когда восходитъ свѣтъ ума
И слышенъ посвистъ соловьиный,
На пѣтуха находитъ тьма.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. Я. МАРЧЕНКО.

Стихомъ простымъ, стихомъ случайнымъ,
На зло альбомамъ и стихамъ,
Къ воспоминаньямъ грустнымъ, тайнымъ,
Поползновенья я не дамъ.

Весны обманчивой жилица,
Минутныхъ розъ минутный другъ,
Безъ сожалѣнія, какъ птица,
Перенесись на нѣжный югъ.

Звѣздамъ Украйны полудикой,
Какъ въ дни былые, не молись:
Иной картиною великой
Поражена, остановись!

Твой женскій глазъ, лучомъ поспѣшнымъ
Окинувъ моря благодать,
Подмѣтитъ то, чего намъ, грѣшнымъ,
Во вѣкъ вѣковъ не увидать.

ЛИРИЧЕСКІЙ ПАНТЕОНЪ.

Пуская въ свѣтъ мои мечты,
Я предаюсь надеждѣ сладкой,
Что, можетъ-быть, на нихъ украдкой
Блеснетъ улыбка красоты,

Иль рабъ мучительныхъ страстей,
Читая скромныя созданья,
Раздѣлитъ тайныя страданья
Съ душой взволнованной моей.

ПОХИЩЕНІЕ ИЗЪ ГАРЕМА.

Кто въ ночи при лунѣ открываетъ окно?
Чья рука, чья чалма тамъ бѣлѣютъ?
Тихо все, злой евнухъ уже дремлетъ давно,
И окошки гарема чернѣютъ.

Ты, султанша, дрожишь? Ты, султанша, блѣдна?
Страшно ждать при лунѣ иновѣрца?
Но зачѣмъ же, скажи мнѣ, ты ждешь у окна?
Отчего ноетъ сладостно сердце?

«Что̀ жъ ты медлишь, гяуръ? Пріѣзжай поскорѣй:
Ужъ луна надъ луной минарета...
Чу,—не онъ ли? Мнѣ чудится топотъ коней...
Далеко намъ скакать до разсвѣта!

Да, то онъ! Мой гяуръ ужъ замѣтилъ меня!..»
Конь идетъ осторожной стопою,
Всадникъ машетъ платкомъ и другого коня
На поводьяхъ ведетъ за собою.

Дремлетъ стражъ подъ окномъ,—вдругъ кинжалъ полетѣлъ
На него серебристой змѣею...
Стонъ глухой—мечъ сверкнулъ—и песокъ почернѣлъ
Тамъ, гдѣ пала чалма съ головою.

«Ножкой стань на плечо!»—«Ахъ, скорѣй!..»—«Не сорвись!»
«Я боюся ревнивой погони...
Ахъ, въ гаремѣ огонь!..» Захрапѣвши, взвились
И, какъ вихри, помчалися кони.

Поутру̀ подъ окномъ изумленной толпой
Чернолицая стража стояла:
Передъ нею съ султаншиной бѣлой чалмой
Иновѣрца перчатка лежала.

ЗАМОКЪ РАУФЕНБАХЪ.

I.

На гранитъ ступаетъ твердо
Неприступный Рауфенбахъ,
И четыре башни гордо
Тамъ бѣлѣютъ на углахъ.

Зардѣютъ ли туманы
Передъ утренней зарей,
Освѣжатся ли поляны
Хладной вечера росой,

Пробирается ль въ туманѣ
Въ полночь чуткая луна,—
Все моленій и стенаній
Башня южная полна.

Тамъ подъ кровлею желѣзной
Протянулося окно
И рѣшеткой безполезной
Не заковано оно.

Что̀ жъ ты, плѣнникъ, такъ блѣднѣешь?
Вольный міръ передъ тобой!
Иль нѣтъ крыльевъ? Знать, сотлѣешь
За удушливой стѣной?

Но потухшими очами
Ты не смотришь въ синю даль:
Знать, что̀ куплено слезами,
Знать, чего такъ больно жаль,—

Не вдали!.. Сухія руки
Не протягивай къ землѣ
И въ жару безумной муки
Не зови ея къ себѣ!

Что̀ ты бьешься? Теодора,
Нѣжный другъ твой, не придетъ,
Не избавитъ отъ позора
И на грудь не упадетъ.

Завтра казнь. Барону-змѣю
Любо, что передъ женой
Завтра къ плахѣ склонишь шею
Ты съ косматой головой!..

II.

Свѣтомъ облитъ ликъ иконы.
Передъ нимъ стоитъ налой.
Слышны вздохи, слышны стоны,
И, во прахъ склонясь главой,

Горько плачетъ Теодора.
Кудри по полу легли.
Завтра день его позора!
Завтра съ горестной земли

Милый другъ ея умчится!
Не слезой горячей съ ней—
Онъ въ послѣдніе простится
Жаркой кровію своей!

III.

Ужъ рѣдѣетъ сумракъ хладный,
Ужъ поднялся эшафотъ,
И кругомъ толпою жадной
Собирается народъ.

Часъ насталъ. Съ своей женою
Къ башнѣ подошелъ баронъ
И могучею рукою
Ужъ замка̀ коснулся онъ—

Вдругъ съ окна надъ нимъ слетѣло
Что-то.—«Ахъ!..»—и ужъ въ пыли
Два разбитыхъ мертвыхъ тѣла
У дверей тюрьмы легли.

IV.

Тамъ, въ капеллѣ, подъ горою,
За рѣшеткой золотой

Спитъ подъ мраморной плитою
Рауфенбахъ съ своей женой.

Любо черни на просторѣ,
Что̀ толпѣ любви законъ?
Душно въ гробѣ Теодорѣ
Спать съ немилымъ!—Гдѣ же *онъ?*

Холмъ песчаный за рѣкою
Легъ надъ избраннымъ твоимъ.
Все тамъ тихо. Лишь зарею
Воронъ каркаетъ надъ нимъ.

УДАВЛЕННИКЪ.

Ужинъ сняли. Слава Богу,
Что собрались какъ-нибудь.
Ну, присядемъ на дорогу,
Да и съ Богомъ въ дальній путь.

Вотъ ужъ мѣсяцъ въ половину
Показался,—не поздай!
Только, слушай, ты долину
За кладбищемъ объѣзжай.

Рѣчь давно объ ней ведется:
Тамъ удавленникъ зарытъ.
Только полночь—онъ проснется
И проѣзжихъ сторожитъ.

Какъ огни, у исполина
Свѣтятъ страшные глаза;
На макушкѣ, какъ щетина,
Поднялися волоса;

Съ шеей, петлею обвитой,
Какъ котелъ, онъ посинѣлъ,
Зубы кровію облиты,
И языкъ окостенѣлъ.

Самому мнѣ съ нимъ возиться
Довелось лѣтъ пять назадъ:
И теперь, когда случится,
Вспомнишь ночью,—и не радъ!

Все ли въ путь собрали сыну?
Вотъ и съ Богомъ: поѣзжай.
Только, слушай, ты долину
За кладбищемъ объѣзжай.

БЕЗУМНАЯ.

Ахъ, не плачь и не тужи,
Мать родная! Покажи,
Гдѣ его могила?
Иль не знаешь ты того,
Какъ я нѣжила его,
Какъ его любила?

Охъ, родная, страшно мнѣ!
Онъ мерещится во снѣ,
Съ яркими очами,
Все киваетъ головой
И зоветъ меня съ собой
Грозными рѣчами.

Нѣтъ, родная, Богъ ужъ съ нимъ!
Не пойду я вслѣдъ за нимъ:
Онъ меня задушитъ.
Пусть онъ спитъ въ землѣ сырой:
Мой приходъ его покой
Въ гробѣ не нарушитъ.

Ахъ, родная, покажи,
Гдѣ онъ, гдѣ онъ? Задуши
Ты меня, мой милый!
Сладко я умру съ тобой;
Ты подѣлишься со мной
Тѣсною могилой.

Не задушишь ты меня:
Обовьюсь вокругъ тебя
Жадными руками,
Я прижмусь къ твоимъ устамъ
И полжизни передамъ
Мертвецу устами.

Что̀ жъ ты смотришь на меня?
Мнѣ смѣшно и безъ тебя:
Сердце лопнуть хочетъ!

Тяжко мнѣ среди людей!
Слышишь,—свищетъ соловей,
И сова хохочетъ.

Ха-ха-ха! Такъ смѣхъ беретъ!
То изъ раны кровь польетъ,
То застынетъ снова...
Жадно кровію напьюсь,
Сладко-сладко захлебнусь
Кровію милова.

Въ чистомъ полѣ онъ убитъ
И въ сырой землѣ лежитъ
Съ раною кровавой...
Кровь и слезы... слезы... кровь.
Гдѣ же ты, моя любовь,
Съ головой кудрявой?

Вскинусь птицей, полечу,
Черны кудри размечу
По челу кольцàми.
Улыбнись же, полно спать:
Это я пришла играть
Черными кудрями!

ДВѢ РОЗЫ.

Вчера златокудрявый
Румяный майскій день
Принесъ мнѣ двухъ душистыхъ
Любовницъ соловья:
Одна одѣта ризой
Изъ снѣжныхъ облаковъ,
Другая же туникой
Авроры молодой.

Я долго колебался:
Какую розу взять?
Ахъ, бѣлая такъ нѣжно
Зеленые листки
Въ вѣнкѣ моемъ пахучемъ,
Цѣлуя, оттѣнитъ!

А ты, кораллъ душистый,
Прильнувъ къ моей груди,
Горячее дыханье
Бальзамомъ напоишь,
И взоры огневые
Красотки молодой
Скорѣй падутъ на сердце,
Надъ коимъ дышишь ты!..

И съ розы на другую
Бросалъ я жадный взоръ...

Замѣтивъ нерѣшимость,
Мнѣ юный май сказалъ:
«Возьми сестеръ обѣихъ
И, счастливый вдвойнѣ,
Укрась вѣнокъ зеленый
И любящую грудь».

Я принялъ ихъ и понялъ
Спасительный урокъ:
Давно на днѣ кристальномъ
Души моей живой
Любуется собою
Нанны свѣтлый взоръ
И грудь полунагая,
И черная коса,—
И тутъ же ненарочно,
Въ тѣни златыхъ кудрей,
Красотка Зинаида
Предстанетъ предо мной.
И каждый разъ, какъ кольца
Упругія прыгнуть,
И золотомъ заблещетъ
Ихъ радужный отливъ,
Я слышу, какъ въ ланитахъ
Моихъ зардѣетъ кровь.
Вы, розы,—да, двѣ розы!—
Обѣимъ вамъ любовь!

- - - ---- -

СЕРЕНАДА.

Плыветъ луна по высотѣ,
Смахнувъ съ чела туманъ ревнивый,
И въ сладострастной темнотѣ
Шумятъ вѣтвистыя оливы.

Чу,—слышу звуки вдалекѣ!
Тамъ, подъ балкономъ, близъ ограды,
Поютъ,—и эхо по рѣкѣ
Несетъ аккорды серенады.

И звуки, стройные сыны
Звончатой лиры Аполлона,
Несутъ владычицѣ балкона
На ложе пламенные сны.

Луна плыветъ, рѣка дрожитъ,
Трепещетъ сердце у поэта...
Проснись, о, дѣва, онъ стоитъ
И ждетъ отраднаго отвѣта.

И вдругъ раздался тихій звонъ
Замка средь звуковъ пѣснопѣнья—
И вотъ брюнетка на балконъ
Взошла съ улыбкой умиленья,—

И, будто невзначай, само,
Скользнувъ изъ ручки дѣвы милой,
Сердецъ повѣренный—письмо—
Упало внизъ черезъ перила.

МОЙ САДЪ.

Въ моемъ саду, въ тѣни густыхъ аллей,
Поетъ въ ночи влюбленный соловей,
И, позлащенъ іюньскою луной,
Шумитъ фонтанъ холодною волной,
Кругомъ росой увлажены цвѣты,—
Пойдемъ туда вкушать восторгъ мечты!

Не чуждъ ли ты волшебныхъ чаръ любви?
Въ моемъ саду сильнѣй огонь въ крови,
Все чудно тамъ, и звѣзды надъ тобой
Текутъ плавнѣй небесной синевой,
Луна дрожитъ и блещетъ, какъ алмазъ,—
Пойдемъ туда: полюбишь въ первый разъ.

Но если ты ужъ любишь и любимъ,
Все тамъ найдешь, все назовешь своимъ:
Фонтанъ, цвѣты, влюбленный соловей,—
Вездѣ она, вездѣ поютъ о ней!
Къ лунѣ ли взоръ—тамъ тихо и свѣтло:—
Опять она, опять ея чело!

ПРИЗНАНІЕ.

Простите мнѣ невольное признанье:
Я былъ бы нѣмъ, когда бы могъ молчать!
Но въ этотъ мигъ я долженъ передать
Вамъ весь мой страхъ, надежду и желанье.

Я не умѣлъ скрываться: да, вамъ можно
Замѣтить было, какъ я васъ любилъ!
Уже давно я тайнѣ измѣнилъ
И высказалъ вамъ все неосторожно.

Какъ я слѣдилъ за милою стопой!
Какъ платья милаго мнѣ радостенъ былъ шорохъ!
Какъ каждый мнѣ предметъ былъ безотчетно дорогъ,
Котораго касались вы рукой!

Однажды вы мнѣ сами въ томъ признались,
Что видѣли меня въ тотъ самый мигъ,
Какъ я устами къ зеркалу приникъ,
Въ которомъ вы недавно улыбались.

И я мечталъ, что къ вамъ закралась въ грудь
Моей души безумная тревога...
Скажите мнѣ,—не смѣйтесь такъ жестоко:
Могла ли въ васъ наружность обмануть?

Но если я безжалостно обманутъ,—
Одинъ вашъ взглядъ, одинъ полунамекъ,—
И нѣтъ меня, и я уже далекъ,
И вздохи васъ печалить перестанутъ.

Вдали отъ васъ измучуся, изною,
Ночь будетъ днемъ моимъ, ей буду жить,
Съ луной тоскующей о прошломъ говорить;
Но вы любуйтеся веселою луною

И вашихъ дѣвственныхъ и вашихъ свѣтлыхъ дней
Участіемъ въ страдальцѣ не темните...
Тогда—одно желанье: разрѣшите,
Лицо луны—или мое блѣднѣй?

КОЛЬЦО.

Скажи, кольцо, какъ другъ иль какъ злодѣй
Ты сжало мнѣ трепещущую руку?
Скажи, что̀ мнѣ сулишь,—рядъ ясныхъ дней
Иль черныхъ дней томительную муку?

Нѣтъ, за тебя мнѣ сердце говоритъ,
И я тебя, мой другъ, кольцо, цѣлую—
И, вѣчности символъ, твой кругъ сулитъ,
Какъ ты само, мнѣ вѣчность золотую.

Что̀ жъ ты молчишь, предвѣстникъ лучшихъ дней?
Скажи ты мнѣ, подарокъ обручальный,
Скажи, далекъ ли мигъ, когда у ней
Блеснетъ чело короною вѣнчальной—

И счастье мнѣ... Но мнѣ ль мечтать о немъ?
Даютъ ли грузъ сокровищъ несть безсильнымъ?
Мнѣ счастья нѣтъ въ страдальчествѣ земномъ,—
Найду ль его и за холмомъ могильнымъ?

Зачѣмъ же мигъ, зачѣмъ мигъ счастья мнѣ?
Зачѣмъ въ цѣпь узника сафиръ лазурный?
Пусть я несусь по яростной волнѣ,
Чтобъ потонуть въ пучинѣ жизни бурной!

О, не мертвѣй, небесное лицо,
Не раздирай души твоимъ страданьемъ!
О, не блистай, завѣтное кольцо,
И не сжигай груди твоимъ блистаньемъ!

Прочь, счастье, прочь,—я не привыкъ къ тебѣ!
Ея кольцо меня съ тобой сковало,—
Но, море,—вотъ, возьми его себѣ:
Его давно ты съ шумомъ ожидало!

И не мѣняетъ моего лица
Отъ тиши къ бурямъ переходъ столь быстрый,
Но сердцу такъ легко: нѣтъ на рукѣ кольца—
И нѣтъ въ душѣ надежды даже искры!

УТѢШЕНІЕ.

Вспорхнулъ твой вѣтреникъ, ужъ нѣтъ его съ тобою!
Уже, склонясь къ тебѣ, дрожащею рукою
Онъ шейку бѣлую твою не обовьетъ,
Извившись таліей могучею и ловкой,
И розы пламенной надъ милою головкой
Дыханье сладкое въ восторгѣ не вопьетъ.

Онъ вѣтренъ,—ты вѣрна измѣннику душою;
Ты плачешь здѣсь, а онъ смѣется надъ тобою...
Разсмѣйся, милая, какъ солнце поутру,
Забудь любовника твоей душистой розы,
Дай руку мнѣ,—а я плѣнительныя слезы
Устами жаркими съ очей твоихъ сотру.

СТРАННОСТЬ.

Въ мірѣ, гдѣ радостей нѣтъ, Эпикуръ говоритъ: наслаждайся!
Дай мнѣ восторговъ, а тамъ можешь сказать: удержись!

ОТКРОВЕННОСТЬ.

Не силенъ жаръ ланитъ твоихъ младыхъ
Расшевелить пѣвца уснувшей воли;
Не мнѣ просить у прелестей твоихъ
Очаровательной неволи.

Не привлекай и глазки не взводи:
Я сердце женъ извѣдалъ слишкомъ рано.
Не разожжешь въ измученной груди
Давно потухшаго вулкана.

Смотри, тамъ ждетъ влюбленный кругъ мужчинъ,
А я стою—желаній общихъ чуждый.
Но, женщины, у васъ капризъ одинъ:
Вамъ нужны тѣ, которымъ вы ненужны!

Вамъ надоѣлъ по розамъ мягкій путь,
И тяжелы влюбленныя бесѣды:
Вамъ радостно разжечь стальную грудь,
И льстятъ однѣ тяжелыя побѣды.

Но ты во мнѣ не распалишь страстей
Ни плечками, ни шейкою атласной,
Ни благовоніемъ разсыпанныхъ кудрей,
Ни этой грудью сладострастной.

Зачѣмъ даришь ты этотъ мнѣ букетъ?
Онъ будетъ мнѣ причиною печали:
И я когда-то цвѣлъ, какъ этотъ цвѣтъ,
Но и меня, какъ этотъ цвѣтъ, сорвали.

Ужель страдать меня заставишь ты?
Брось эту мысль: ужъ я страдалъ довольно
Отъ вашихъ козней, вашей простоты
И вашей ласки своевольной.

Другимъ отрадно быть въ плѣну твоемъ,
Я жъ сердце женъ извѣдалъ слишкомъ рано:
Ни хитростью, ни истиннымъ огнемъ
Не распалишь потухшаго вулкана.

ОДАЛИСКА.

Вотъ груди—жаркій пухъ, вотъ взоры—звѣзды ночи,
Здѣсь—цитры звонъ и сладостный шербетъ...
О, юноша, прекрасный Аллы цвѣтъ,
Иди ко мнѣ лобзать живыя очи
И грудь отогрѣвать подъ ризой тихой ночи!

ЛАСТОЧКА.

Я люблю посмотрѣть,
Когда ласточка
Вьется вверхъ иль стрѣлой
По рву стелется:

Точно молодость! Все
Въ небо просится,—
И земля хороша—
Не разстался бъ съ ней!

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Пусть геній прошлаго съ улыбкой
Вамъ обо мнѣ заговоритъ,
Когда вашъ взоръ, хотя ошибкой,
По этимъ строчкамъ пробѣжитъ.

Такъ иногда пѣвецъ унылый
Идетъ въ странѣ своей родной,—
Въ былые дни когда-то милой,
Теперь заглохшею тропой.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Побольше влаги свѣтлой мнѣ
И пѣну через край!
Ищи спокойствія на днѣ
И горе запивай.

Вино богами намъ дано
Въ замѣну летскихъ струй:
Разгонитъ горести оно,
Какъ смерти поцѣлуй,

И новый міръ откроетъ намъ,
Янтарныхъ струй свѣтлѣй,—
И я за этотъ міръ отдамъ
Всю нить грядущихъ дней.

Лишь кубокъ, чокнувъ, закипитъ,
Воспламенится кровь,
И снова въ сердцѣ проблеститъ
И радость и любовь;

Въ душѣ отвага закипитъ,
Свобода оживетъ,
И сынъ толпы не услѣдитъ
Орлиный мой полетъ.

НА СМЕРТЬ ЮНОЙ ДѢВЫ.

Въ обширномъ саду, испещренномъ живыми цвѣтами,
Гдѣ липа душистая солнца лучи преломила,
Природа-волшебница дивный цвѣтокъ насадила—
Любимицу-розу въ тѣни подъ густыми листами.

И дѣва могучая милымъ цвѣткомъ любовалась,
Слезами чистѣйшими неба ее поливала,
Дыханіемъ груди родимой ее согрѣвала,—
И роза съ улыбкой младенца въ тиши развивалась.

Ахъ, роза, зачѣмъ на тебя не падуть мои слезы?
Еще надъ тобой не вздыхала въ тиши Филомела,
И бабочка легкой подругой къ тебѣ не летѣла,
Природа не знала чела, достойнаго розы.

Востокъ загорѣлся,—и мощная дѣва въ печали
Стояла, цвѣты оиміамъ погребальный курили:
Въ гирлянду небесную ангелы розу сломили
И этой гирляндою Вѣчнаго тронъ увѣнчали.

———

ХУДОЖНИКЪ КЪ ДѢВѢ.

Дѣва, не спрашивай
Ясными взорами,
Зачѣмъ такъ робко я
Гляжу на дивныя
Твои формы,
Зачѣмъ любовь ко мнѣ
Волной серебряной
Катится въ грудь!

Ты, легкая, юная,
Какъ первая серна
У струй Евфрата,
Одна достойна
Руками лилейными
Прижать къ груди твоей
Широкую грудь,
Гдѣ кроется чудный даръ
Безсмертныхъ пѣсенъ
Про жизнь и природу.
Лишь ты сохранишь ее
Святою и чистою;
Ты, перлъ земной,
Разскажешь небесному
Про чистыя радости
Сына земли,
Когда онъ молча
Стоитъ предъ изящнымъ.

Лишь ты достойно
Вѣнчаешь художника,
Когда вѣнокъ свой
Съ кудрей шелковыхъ
Рукою бѣлою
Съ улыбкою снимешь,
Чтобы украсить
Чело любовника.

Сними поскорѣе
Вѣнокъ, златовласая!
Пускай твои кудри
Играютъ съ зефиромъ.

ВАКХАНКА.

Зачѣмъ, какъ газель,
По лѣсистымъ утесамъ
Ты мчишься, вакханка?
Зачѣмъ изъ-подъ грубой
Косматой одежды
Такъ дерзко мнѣ кажешь
Блестящую, стройную,
Воздушную ножку?

Зачѣмъ твои черные,
Мягкіе кудри,
Взвѣваясь, не кроютъ
Той страсти, той нѣги,
Что̀ пышетъ зарею
На дикомъ лицѣ твоемъ?

Никто насъ не видитъ:
Далеко, далеко
Умчались подруги;
Ты слышишь,—въ горахъ тамъ
Эвоэ! Эвоэ!

Брось тирсъ и вѣнокъ твой!
Скорѣе на грудь ко мнѣ!
Не дай утишиться
Вакхической бурѣ
Въ пахучихъ грудяхъ твоихъ!
Сатиръ не подсмотритъ
Съ коварной улыбкой
Проказъ молодыхъ.

КОЛОДНИКЪ.

Съ каждымъ шагомъ тяжкія оковы
На рукахъ и на ногахъ гремятъ,
Съ каждымъ шагомъ дальше въ край суровый,—
Не вернешься, бѣдный братъ!

На лицѣ спокойствіе могилы,
Очи тихи... Можетъ-быть, ты радъ,
Что оставилъ край, тебѣ не милый?
Помолися, бѣдный братъ!

ТОСКА ПО НЕВОЗВРАТНОМЪ.

Опять въ душѣ минувшая тревога,
Вновь сердце просится въ невѣдомую даль,
Чего-то милаго мнѣ больно-больно жаль,—
Но не дерзну просить его у Бога.

И вновь маню высокій идеалъ,
И снова жизнь мнѣ грезится иная:
Такъ грѣшникъ-праотецъ, проснувшися, искалъ
Знакомыхъ благъ утраченнаго рая.

НЕВОЗВРАТНОЕ.

—«Другъ, о чемъ ты все тоскуешь?
Нѣтъ улыбки на устахъ,
Черны кудри въ безпорядкѣ,
Очи черныя въ слезахъ...»
—«Я—тоскую, я—горюю,
Ты жъ не можешь пособить:
Ты любила, разлюбила
И не въ силахъ полюбить».

ВЗДОХЪ.

Быть-можетъ, все оставило поэта,—
Душа, не плачь, не сѣтуй, не грусти:
Зачѣмъ любить и требовать отвѣта?
Ты изрекла мнѣ вѣчное прости.

Но будетъ жизнь за жизнію земною,
Гдѣ буду вновь и свѣтелъ и любимъ,
Гдѣ заблещу прославленной звѣздою,
Гдѣ я сольюсь съ дыханіемъ твоимъ!

КЪ ЛѢШЕМУ.

На мшистомъ старомъ пнѣ, скрестивъ кривыя ноги
И вѣщей *) наготой блистая межъ древесъ,
Ты громче хохочи и смѣшивай дороги,
Когда красавица зайдетъ въ твой темный лѣсъ,

Гдѣ я люблю слѣдить за чуткими звѣрями;
Отъ страха, робкая, домой забудетъ путь
И, кузовъ уронивъ съ душистыми цвѣтами,
Она падетъ ко мнѣ на пламенную грудь.

---

*) Простолюдины думаютъ, что увидѣть лѣшаго предвѣщаетъ бѣду.

ХАНДРА.

I.

Когда на сѣрый, мутный небосклонъ
Осеннiй вѣтеръ нагоняетъ тучи,
И крупный дождь въ стекло моихъ оконъ
Стучится глухо, въ полѣ вихрь летучiй
Гоняетъ желтый листъ, и разложёнъ
Передо мной въ каминѣ огнь трескучiй,—
Тогда я самъ осенняя пора:
Меня томитъ несносная хандра.

II.

Мнѣ хочется итти таскаться въ дождь!
Пусть шляпу вѣтръ покружитъ въ чистомъ полѣ.
Сорвалъ—унесъ—и кружитъ... Ну, такъ что жъ?
Вѣдь голова осталась!—Поневолѣ
О головѣ прикованной вздохнешь,—
Не царь она, а узникъ, и не болѣ,—
И думаешь: гдѣ взять разрывъ-травы,
Чтобъ съ плечъ свалить обузу головы?

III.

Горятъ дрова въ каминѣ предо мной.
Кругомъ зола горячая сѣрѣетъ.
Свѣтло,—а холодно! Дай, обернусь спиной
И сяду ближе! Но халатъ чадѣетъ..
Ну, вотъ точь въ точь искусствъ огонь святой:
Ты ближе—жжетъ, отдвинешься—не грѣетъ...
Эхъ, мудрецы,—когда бъ мнѣ кто помогъ
И сдѣлалъ такъ, чтобы огонь не жегъ!

IV.

Одинъ — одинъ... Ну, право, сущій адъ!
Хотя бы чортъ явился мнѣ въ каминѣ:
Въ немъ много есть поэзіи! — Вотъ кладъ
Вы для меня въ несносномъ карантинѣ!..
Нѣтъ, съѣзжу къ ней... Да, нынче маскарадъ,
И некогда со мной болтать Алинѣ.
Нѣтъ, лучше съ чортомъ наболтаюсь я:
Онъ слезъ не знаетъ, — скучнаго дождя.

V.

Не ѣду въ городъ: «смѣсь одеждъ и лицъ»
Такъ безтолкова! Лучше у камина
Засну, и чортъ мнѣ тучу небылицъ
Представитъ. Пусть прекрасная Алина
Прекрасна. — Завтра поздней стаи птицъ
Потянется по небу паутина,
И буду вновь глядѣть на небеса...
Эхъ, тяжело! Хоть бы одна слеза!

НОЧЬ И ДЕНЬ.

Мила мнѣ ночь, когда въ невѣрной тьмѣ
Ты на рукѣ моей въ восторгѣ таешь,
Устами ищешь устъ и нѣжно такъ ко мнѣ
Горячей щечкой припадаешь,—

И я, рукой коснувшись какъ-нибудь
Твоихъ грудей, ихъ сладостно взволную;
Но днемъ ты ищешь скрыть, упавъ ко мнѣ на грудь,
Пожаръ лица отъ поцѣлуя —
И мнѣ милѣе день!..

ЭПИТАФІЯ.

Любилъ онъ пѣснямъ дѣвъ задумчиво внимать,
Когда на звуки ихъ березникъ отзовется,
Любилъ о нихъ поплакать, помечтать,
Подъ этой липою лѣниво отдыхать;
Теперь онъ спитъ — и не проснется.

АРАБЕСКЪ.

Черную урну съ прахомъ поэта
Плющъ обогнулъ.
Къ брошенной арфѣ дѣвственный поясъ
Крѣпко прильнулъ.

Факелъ угасшій подлѣ папира
Вѣчнаго спитъ.
Гарпія-зависть, крылья раскинувъ,
Въ прахѣ лежитъ.

Но за Копитомъ ты улыбнешься,
Дивный пѣвецъ:
Къ урнѣ прижался даръ Аполлона —
Свѣжій вѣнецъ.

ВЕЧЕРНІЙ ЗВОНЪ.

Памяти Козлова.

Мечтанье было то, иль сонъ?
Мнѣ слышался вечерній звонъ,
А надъ рѣкою подъ холмомъ
Стоялъ забытый сельскій домъ,
И переливъ тяжелыхъ думъ
Давилъ мнѣ сердце, мучилъ умъ:

«Пустынный домъ, гдѣ твой жилецъ?
Увы! Вдали поэтъ-слѣпецъ
О родинѣ не забывалъ
И сладко, звучно тосковалъ.
Онъ спитъ: его глубокій сонъ
Ужъ не прерветъ вечерній звонъ.

Но — что жъ! Пѣвецъ земныхъ скорбей
Ты не умрешь въ сердцахъ людей!»
Такъ я мечталъ — и предо мной
Пронесся чрезъ эѳиръ пустой
Какой-то грусти полный стонъ,
И я запѣлъ: «Вечерній звонъ...»

Весна, весна, пора любви.
Пушкинъ.

Солнце потухло. Плаваетъ запахъ
Юныхъ березъ
Въ воздухѣ сладкомъ. Лодка катится
Внизъ по рѣкѣ.
Небо прозрачно. Плаваетъ мѣсяцъ
Въ ясной водѣ.

Тамъ, за рѣкою, звѣздною цѣпью
Блещутъ огни,
Тѣни мелькаютъ, вторится эхомъ
Пѣснь рыбака;

Здѣсь, надъ горою, къ другу склонившись
Легкой главой,
Милая Мери съ нѣжной улыбкой
Шепчетъ: «люблю».

Мери, ты любишь... Скоро умолкнетъ
Ночи пѣвецъ,
Листъ потемнѣетъ, — будешь ли такъ же,
Мери, любить?

Amantium irae —amoris renovatio.
Horatius.

Ты мнѣ простишь, мой другъ, что каждый разъ,
Какъ ссоришься ты съ милою своею, —
Кусаю губы въ кровь, но, лишь взгляну на васъ,
Разсѣять смѣха не умѣю.

Какъ къ ней присталъ суровый этотъ взглядъ,
Какъ на устахъ улыбка скрыта мило, —
А все видна! Не даромъ говорятъ:
«Какъ ни клади, въ мѣшкѣ не скроешь шила».

А ты, ты въ этотъ мигъ оригиналъ большой:
Съ сигарою во рту, въ халатѣ, у окошка
Алеко, Мортимеръ, Отелло предо мной,
И даже Гамлетъ ты немножко.

А я, смотря на васъ, смѣюсь, — не утерплю!
Вотъ люди, думаю, не знаютъ, какъ придраться, —
Напившись кофею, сто разъ сказать: «люблю»,
И тысячу — поцѣловаться.

И дѣвушка плѣнить умѣла ихъ
Безъ помощи нарядовъ дорогихъ.
Пушкинъ, Дом. въ Кол.

Сними твою одежду дорогую,
Съ чела лилейнаго сбрось жемчугъ и цвѣты,—
И страстнѣй я милашку поцѣлую,
И простодушнѣе мнѣ улыбнешься ты.

Когда ты легкую свою накинешь блузу,
И локонъ твой скользитъ по щечкѣ какъ-нибудь,
Я вижу простотой овѣянную музу,
И не простой восторгъ мнѣ сладко льется въ грудь.

Не плачь, моя душа: вѣдь сердцу не легко
Смотрѣть, какъ борешься ты съ лютою тоскою!
Утѣшься, милая: хоть ѣду далеко,
Но скоро возвращусь нежданною порою
И снова подъ-руку пойду гулять съ тобою,

Въ твои глаза съ улыбкой погляжу,
Вкругъ стана обовью трепещущія руки
И все, и все тебѣ подробно разскажу
Про дни веселія, про дни несносной муки,
Про злую грусть томительной разлуки,

Про сны, что̀ снились мнѣ отъ милой далеко...
Прощай — и, укрѣпясь смѣющейся мечтою,
Не плачь, моя душа: вѣдь сердцу не легко
Смотрѣть, какъ борешься ты съ лютою тоскою,
Склонясь на локотокъ печальной головою.

Доволенъ я на днѣ моей души,
Чуждаясь мысли дерзкой и преступной.
Пусть, какъ звѣзда, ты свѣтишь мнѣ въ тиши,
Чиста, свята, красою неприступной.

Ich singe wie der Vogel singt,
Der in den Zweigen wohnet.
Göthe.

Надъ моремъ спитъ косматый боръ.
Тамъ часто слушалъ я
Прибрежныхъ волнъ мятежный споръ
И пѣсни соловья.

Бывало, тамъ, внизу, шумятъ
Вѣтрила кораблей,
На вѣтрѣ снасти шелестятъ,
И гордый царь зыбей

Несется, съ палубы крутой
Далеко пѣснь звучитъ, —
А соловей во тьмѣ лѣсной,
Неслышимый, грустить

На балконѣ золоченомъ
Рядъ цвѣтовъ кругомъ перилъ.
Я любуюся балкономъ,
И цвѣтникъ мнѣ пестрый милъ.

Но туда въ дыханьи утра
Ходитъ другъ моей мечты —
Дѣва съ шейкой перламутра —
Поливать свои цвѣты,

Такъ стыдлива и свободна,
Такъ привѣтлива безъ словъ,
Такъ нѣжна и благородна,
Такъ милѣй своихъ цвѣтовъ.

Посмотри, нашъ боецъ зашатался, упалъ,
Залилъ алой кровью всего...
Что, онъ раненъ легко, иль убитъ на-повалъ?
На плащѣ вы несите его:

Можетъ-быть, оживетъ и къ геройской груди
Онъ прижметъ и жену и дѣтей!
Осторожнѣй, чтобъ намъ не толкнуть на пути
Храбреца! Ну, беритесь скорѣй!

А убитъ... ну, зато видѣлъ я, что за взоръ
Бросилъ онъ на врага своего!
Хоть убитъ, не стоять же надъ нимъ! Что за вздоръ?
На плащѣ вы несите его.

Она легка, какъ тонкій паръ
Вокругъ луны златой;
Ея очей стыдливый даръ
Вливаетъ въ сердце томный жаръ,
Бесѣдуетъ съ душой;

Она стройна, какъ гибкій кленъ,
Она чиста, какъ свѣтъ;
Ея кудрей блестящій ленъ
Увилъ чело, — и упоенъ
Стоитъ предъ ней поэтъ.

Ne sit ancillae tibi amor pudori.
Horatius.

Ужъ, серпы на плеча взложивъ, усталыя жницы
Звонкою пѣснью своей оглашаютъ прохладное поле.
Ландышемъ пахнетъ въ лѣсу. Тамъ, надъ оврагомъ, березы
Рдѣютъ румянцемъ зари, а здѣсь, въ кустарникѣ мелкомъ,
Звонко запѣлъ соловей, довольный вечерней прохладой.
Вѣрный конь подо мной выступаетъ медленнымъ шагомъ,
Шею сгибая кольцомъ и мошекъ хвостомъ отгоняя.
Скоро доѣду. Да вотъ и тѣнистая старая ива,
Вотъ и пригорокъ, и ключъ подъ кровомъ корнистаго вяза.
Какъ онъ звученъ и чистъ, какъ дышитъ подземной прохладой!
Чу, не она ль? Гдѣ-то вѣтвь шелеститъ... Но ей не замѣтить
Здѣсь за вязомъ меня. — Ахъ, вотъ она, роза селенья!
По локотки рукава засучила и быстро склонилась
Къ холоду свѣтлой струи, — вотъ мостъ бѣлыя руки,
Вотъ въ прозрачные пѣрсты воды зачерпнула, и блещетъ
Въ чистыхъ капляхъ чело, покрытое легкимъ румянцемъ,—
Вотъ сарафанъ на груди растегнулся, и плечи и груди
Робко бѣгутъ отъ руки, несущей холодную влагу,—
Вотъ малютка-рука третъ бѣлую ножку-малютку,
И подъ нею въ ключѣ такая жъ качается ножка...
Дѣва, помедли! — Но нѣтъ: вспорхнула рѣзвая крошка,
Только кустарникъ вдали ея сарафанчикъ цѣлуетъ.

Amis, un dernier mot!
V. Hugo.

Стократъ блаженъ, когда я могъ стяжать
Стихомъ хотя одну слезу участья,
Когда я могъ хотя мгновенье счастья
Страдальцу-брату въ горѣ даровать!

Умру,—мой холмъ исчезнетъ подъ пятой
Могучаго, младого поколѣнья, —
Но, можетъ-быть, оно мои волненья
Пойметъ, почтивъ меня своей слезой.

За смертью смерть, за вѣкомъ вѣкъ пройдетъ,
Оплачетъ каждый жизненное горе,—
И, можетъ-быть, мнѣ каждый въ слезномъ морѣ
Слезинку ясную, святую принесетъ.

Раздастся звукъ, и съ ангельской трубой
Могучимъ вновь изъ праха я воспряну
И съ перлами предъ Господомъ предстану:
Слеза вѣдь—перлъ въ обители иной.

ДОПОЛНЕНІЯ *).

*) Въ этотъ отдѣлъ входятъ стихи, ранѣе не помѣщавшіеся въ
браніяхъ стихотвореній Фета.

ПРЕКРАСНАЯ НОЧЬ.

Изъ Гете.

Первоначальная редакція *).

Оставляю домикъ милой,
Нѣжной дѣвицы души
И спѣшу съ душой унылой
Побродить въ ночной глуши.
Лунные лучи пронзаютъ
Сводъ древесный тамъ и сямъ,
И березы возсылаютъ
Къ небу сладкій ѳиміамъ.

Какъ здѣсь тихо и прохладно
Подъ навѣсами вѣтвей;
Здѣсь душѣ моей отрадно,
И понятно счастье ей.
Ночь—восторгъ!—Но, мѣсяцъ ясный,
Тысячи возьми ихъ прочь,
Если мнѣ мой другъ прекрасный
Подаритъ одну лишь ночь.

---

*) Изъ перваго сборника стихотвореній Фета «Лирическій Пантеонъ» (М., 1840, стр. 89). Исправленная редакція помѣщена ниже, въ отдѣлѣ переводовъ.

ИВЫ И БЕРЕЗЫ.

Первая редакція.

Березы сѣвера мнѣ милы,
Ихъ грустный, опущенный видъ,
Какъ рѣчь безмолвная могилы,
Горячку сердца холодитъ.

Но ива, длинными листами
Упавъ на лоно ясныхъ водъ,
Дружнѣй съ мучительными снами
И дольше въ памяти живетъ.

Я слышалъ пѣсню Дездемоны,
Любилъ Офеліинъ конецъ —
И помню роковые стоны,
И помню ивовый вѣнецъ.

Съ равнины юга отдаленной
Я видѣлъ странникомъ однимъ
Листочекъ ивы занесенный,
У сердца бережно хранимъ.

Но ива та—не дочь востока,
Хоть солнцемъ юга рождена,
А издалека, издалека
На сѣверъ въ даръ принесена.

Надъ ней весь день пылаетъ пламень,
Надъ ней, рѣшеткой обнесенъ,
Лежитъ плитой горючій камень —
На немъ черты: Наполеонъ.

1843 г.

КЪ ЦИРЦЕѢ.

Блаженъ, о, Цирцея, кто въ черныя волны забвенья
Гирлянду завядшую дней пережитыхъ кидаетъ:
Предъ нимъ исчезаютъ предметы въ дыму благовонномъ...
Кто, весь заблужденье, невольно рукой шаловливой
Смоль черныхъ кудрей твоихъ, съ блѣдной блистающей шеи,
Къ устамъ прижимая, вдыхаетъ ихъ сладостный запахъ...
Кто только и слышитъ въ костяхъ пробѣгающій трепетъ.
Но горе, Цирцея!.. Подуютъ противные вѣтры,
Туманомъ разсѣется сладостный дымъ передъ окомъ,
Упругія губы не будутъ звучать поцѣлуемъ,
И волны забвенья кольцо возвратятъ Поликрату...
Кто жъ снова повязку положитъ на очи Эроту?
Кто скажетъ со вздохомъ: Цирцея, какъ Леда, прекрасна!..

Я зналъ, что намъ близкое горе грозило,
Но я не боялся при ней ничего:
Она, какъ надежда, была предо мною,
И я не боялся при ней ничего.
И пѣла она мнѣ про сладость страданья,
Про тайную радость страданья любви,
Про тайную ясность святой благодати,
Про тайный огонь въ возмущенной крови.
И, павши на грудь къ ней, я горько заплакалъ,
Я горько заплакалъ, я весь изнемогъ,
Рыдалъ и не слышалъ рыданія милой,
Но слезъ ея теплыхъ я видѣть не могъ.
Я голову поднялъ; но горькія слезы
Исчезли съ рѣсницы и съ ока ея...
Она улыбнулась, какъ будто невольно,
Какую-то радость въ душѣ затая.
О, другъ мой! Ты снова безпечна, игрива!
Зачѣмъ ты безпечна, игрива опять?
Хотя бъ ты изъ пѣсни своей научилась,
Изъ пѣсни своей научилась страдать!

МОЙ АНГЕЛЪ.

Какъ онъ прекрасенъ,
Гость-небожитель!
Онъ не состарѣлся
Съ первой улыбки моей въ колыбели,
Когда, играя
Златыми плодами
Подъ вѣчною райскою пальмой,
Онъ указалъ мнѣ
На Матерь-Дѣву
Страдальца Голгоѳы.
Онъ тотъ же, все тотъ же,
Кудрявый, съ улыбкой,
Въ одеждѣ блистательно-бѣлой,
Съ любовью во взорѣ, —
Мой Ангелъ-Хранитель.

Кенкеты, и мраморъ, и бронза,
И глазки, и щечки въ огнѣ...
Такія счастливыя лица,
Что весело съ ними и мнѣ!
Тамъ дальше зеркальныя стѣны,
Тамъ милое краше въ сто разъ!
Тамъ гнутся, блистаютъ и вьются
Цвѣты, брилліанты и газъ...
И кто-то изъ зеркала тотчасъ
Мѣняется взоромъ со мной.
— Позвольте просить въ vis-à-vis васъ!..
Куда жъ вы?—Я ѣду домой!

Мы нравимся уѣздамъ и столицамъ,
Я риѳмою, вы свѣтлой красотой...
Такъ лейся жъ, пѣснь,—и смѣлой простотой
Уподобляй насъ беззаботнымъ птицамъ.
Что̀ жъ не сказать, безъ скромности пустой,
Оставя злость бездарнымъ да дѣвицамъ:
Мы нравимся уѣздамъ и столицамъ —
Я риѳмою, вы свѣтлой красотой!

1847 года. Мая 9-го дня.
Березовка.

Весеннихъ чувствъ не должно вспоминать,
Когда весна одѣнетъ вновь березу,
А вы, а вы,—Богъ съ вами, вы опять
Напомнили мнѣ соловья и розу.

Что̀ въ прошломъ намъ тревожитъ робкій умъ,
Въ грядущемъ насъ встрѣчаетъ какъ родное,
И свѣтлый рядъ новорожденныхъ думъ
Встаетъ изъ мглы, какъ пламя заревое.

Прекрасному поклонится поэтъ,
И убѣжитъ ненужная угроза.
Въ прекрасномъ все—разъединенья нѣтъ,
И въ васъ одной и соловей и роза.

27 іюня 1847.
С. Березовка.

Я въ моихъ тебя вижу все снахъ
Съ той же яркою искрой въ глазахъ,
Съ тѣмъ же блѣдно-прозрачнымъ лицомъ,
Съ тѣмъ же розовымъ бѣлымъ вѣнцомъ,
Съ той же властью привѣтливыхъ словъ,
Съ той же тучей младенческихъ сновъ;
И во снѣ такъ полно я живу,
Какъ, бывало, живалъ наяву.

7-го сентября 1847-го года.
Елисавестградъ.

СПИЧЪ ВЪ ЧЕСТЬ И. С. ТУРГЕНЕВА.

Поднять бокалъ въ честь дружнаго союза
Къ Тургеневу мы нынче собрались.
Надѣнь ему вѣнокъ, шалунья муза,
Надѣнь и улыбнись.

[ЭКСПРОМПТЪ].

Весь переѣздъ забавою
Казался. Третьимъ днемъ
И моремъ мы и Травою
До Любека дойдемъ,
И, какъ бы вѣтру флюгеромъ
Ни вздумалось играть,
Мы съ капитаномъ Крюгеромъ
Не будемъ трепетать.

А. Л. БРЖЕССКОЙ.

Хоть строчкой, бѣдная подруга,
Меня обрадуй ты въ глуши.
Ты мнѣ мила, какъ память друга
И какъ весна моей души.

1868.

ИЗЪ ЛОНГФЕЛЛО.

Въ часъ вечерній, лишь стихаетъ
Шумъ житейской суеты,
И на душу съ неба льются
Благотворныя мечты,

Между тѣмъ какъ одиноко
Надъ печальнымъ камелькомъ
Я слѣжу, какъ угасаетъ
Уголекъ за уголькомъ,—

Часто мнится мнѣ, что въ двери
Входятъ стройною чредой
Все знакомыя мнѣ тѣни
И бесѣдуютъ со мной.

Вижу милыхъ, незабвенныхъ,
Чую близость ихъ сердецъ;
. . . .
. . . .

А за ними чистый геній,
Свѣтлый спутникъ юныхъ дней,
Тотъ, чья жизнь была опорой
И отрадою моей,—

Божьимъ ангеломъ являетъ
Мнѣ свой образъ вдалекѣ,
Тихо руку простираетъ
Къ друга трепетной рукѣ.

Долго очи неземныя
Смотрятъ нѣжно на меня
И, какъ звѣздочки ночныя,
Полны кроткаго огня.

На устахъ его безплотныхъ
Вѣры пламенной печать,
И нисходитъ мнѣ на душу
Съ нихъ молитвы благодать

РОДОДЕНДРОНЪ.

Рододендронъ! Рододендронъ!
Пышный цвѣтъ оранжереи,
Какъ хорошъ и какъ нарядeнъ
Ты въ рукахъ вертлявой феи!
Рододендронъ! Рододендронъ!

Рододендронъ! Рододендронъ!
Но въ рукахъ вертлявой феи
Хороши не только розы, —
Хороши большіе томы
И поэзіи и прозы!
Рододендронъ! Рододендронъ!

Рододендронъ! Рододендронъ!
Хороши и всѣ нападки
На поэтовъ, объявленья,
Хороши и опечатки,
Хороши и прибавленья!
Рододендронъ! Рододендронъ!

И. П. БОРИСОВУ.

Перекладываютъ тройки,
И выносятъ чемоданы.
За столомъ два сослуживца;
На столѣ стоятъ стаканы.

— Знаю я, зачѣмъ такъ влагой
Презираешь ты шампанской:
Все въ ушахъ твоихъ, мой милый,
Раздается хоръ цыганскій,

Все мерещится Матрена,
Все мерещится плутовка.
Чернымъ бархатомъ и маской
Скрыта свѣтлая головка.

За красавицей-женою
Мужъ мерещится ревнивый.
«Я люблю, люблю, какъ прежде», —
Нѣжитъ слухъ самолюбивый.

— Нѣтъ, мой другъ, не отгадалъ ты.
Извини, что я не съ вами.
Мысли носятся далеко,
За горами, за долами.

Все мерещится у стѣнки
Фортепьянъ красивый ящикъ,
Все мерещится угрюмый
Про Суворова разсказчикъ.

За стаканомъ даже слышу
Душный воздухъ тѣсной кельи,
И о счастьѣ молитъ голосъ
И въ раздумьѣ и въ весельѣ.

Въ степь глядитъ одно окошко,
До полуночи открыто;
Передъ нимъ-то, для него-то,
Все на свѣтѣ позабыто.

Но давно прозябли кони.
Такъ пожмемъ другъ другу руки.
Не сердись за нашу встрѣчу,
Да пиши подчасъ отъ скуки.

Что молчишь? Иль не видишь,—горю..
Все равно—отстрани хоть, привѣть ли...
Я тебѣ о любви говорю,
А вязанья считаешь ты петли.

Отчего же сомнѣнье свое
Не гасить мнѣ въ невѣдѣньи этомъ?
Отчего же молчанье твое
Не наполнить мнѣ радужнымъ свѣтомъ?

Можетъ-быть, я при немъ разсмотрю,
Въ немъ отраднаго, робкаго нѣтъ ли...
Хоть тебѣ о любви говорю,
Но вязанья считаешь ты петли.

11 ноября 1890 г.

ПЕРЕВОДЫ И ПОДРАЖАНІЯ.

ИЗЪ БАЙРОНА.

О, солнце глазъ безсонныхъ,—звѣздный лучъ,
Какъ слезно ты дрожишь межъ дальнихъ тучъ!
Сопутникъ мглы, блестящій стражъ ночной,
Какъ по быломъ тоска сходна съ тобой!
Такъ свѣтитъ намъ блаженство давнихъ лѣтъ:
Горитъ, а все не грѣетъ этотъ свѣтъ;
Подруга думъ воздушная видна,
Но далеко,—ясна, но холодна...

ИЗЪ БЕРАНЖЕ.

ПОСЛѢДНЯЯ ПѢСНЯ.

О, Франція, мой часъ насталъ: я умираю!
Возлюбленная мать, прощай: покину свѣтъ, —
Но имя я твое послѣднимъ повторяю
Любилъ ли кто тебя сильнѣй меня? О, нѣтъ!
Я пѣлъ тебя, еще читать не наученный,
И въ часъ, какъ смерть ударъ готова нанести,
Еще поетъ тебя мой голосъ утомленный.
Почти любовь мою одной слезой,—прости!

Когда цари пришли и гордой колесницей
Тебя растоптанной оставили въ пыли,
Я кровь твою унять умѣлъ ихъ багряницей,
И слезы у меня цѣлебныя текли.
Богъ посѣтилъ тебя грозою благотворной, —
Благословеніямъ грядущаго внимай:
Осѣменила міръ ты мыслью плодотворной,
И равенство пожнетъ плоды ея. Прощай!

Я вижу, что лежу полуживой въ гробницѣ...
О, защити же всѣхъ, кто мною былъ любимъ!
Вотъ, Франція, твой долгъ смиренной голубицѣ,
Не прикасавшейся къ златымъ полямъ твоимъ.
Но, чтобъ ты слышала, какъ я къ тебѣ взываю,
Въ тотъ часъ, какъ Богъ меня въ иной пріемлетъ край,
Свой камень гробовой съ усильемъ подымаю...
Рука изнемогла,—онъ падаетъ... Прощай!

ИЗЪ ГАФИЗА.

Дѣвой—слово назовемъ,
Новобрачнымъ—духъ:
Съ этимъ бракомъ тотъ знакомъ,
Кто Гафизу другъ.

Гете.

Представляя на судъ истинныхъ любителей поэзіи небольшой букетъ, связанный въ моемъ переводѣ изъ стихотворныхъ цвѣтовъ персидскаго поэта, считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ, могущихъ споспѣшествовать вѣрному воззрѣнію на предлагаемыя пьесы. Не зная персидскаго языка, я пользовался нѣмецкимъ переводомъ, составившимъ переводчику почетное имя въ Германіи; а это достаточное ручательство въ вѣрности оригиналу. Нѣмецкій переводчикъ, какъ и слѣдуетъ переводчику, скорѣе оперсичитъ свой родной языкъ. чѣмъ отступитъ отъ подлинника. Съ своей стороны, и я старался до послѣдней крайности держаться не только смысла и числа стиховъ, но и причудливыхъ формъ газелей въ отношеніи къ размѣрамъ и риѳмамъ, часто двойнымъ въ соотвѣтствующихъ строкахъ.

Даже поверхностное знакомство съ нашимъ поэтомъ служитъ отраднымъ подтвержденіемъ двухъ несомнѣнныхъ истинъ: во-первыхъ, что духъ человѣческій давно уже достигъ этой эѳирной высоты, которой мы удивляемся въ поэтахъ и мыслителяхъ нашего Запада; во-вторыхъ, что цвѣты истинной поэзіи неувядаемы, независимо отъ эпохи и почвы, ихъ производившей. Напротивъ того: если они дѣйствительно живые цвѣты, экзотическое ихъ происхожденіе сообщаетъ имъ особенную прелесть въ глазахъ любителей.

Новымъ подтвержденіемъ тому, что Азія—страна чудесъ и вопіющихъ противоположностей, является странная судьба, или, лучше сказать, странное духовное развитіе нашего поэта.

Магометъ-Шемзеддинъ, *солнце вѣры,* по прозванію Гафизъ, блюститель корана, такъ какъ онъ съ начала до конца зналъ наизусть эту священную книгу,—родился въ Ширазѣ и жилъ въ немъ съ перваго до послѣдняго десятилѣтія XIV вѣка нашей эры. Онъ принадлежалъ къ сектѣ дервишей и софи, или созерцательныхъ мудрецовъ и мистиковъ, предавался богословскимъ и философскимъ трудамъ, сочинялъ въ аскетическомъ вдохновеніи возвышеннѣйшіе гимны, въ которыхъ попиралъ во прахъ все плотское, за что и получилъ про-

званіе: *мистическій языкъ.* Онъ былъ великимъ, славнымъ учителемъ своего времени, окруженнымъ толпою учениковъ, и въ качествѣ наставника состоялъ въ такой милости при дворѣ, что великій визирь Хаджи-Ковамеддинъ-Магометъ-Али выстроилъ для него отдѣльную школу. И вдругъ подъ старость лѣтъ этотъ мистикъ и мудрецъ добровольно отказывается отъ всѣхъ плодовъ своихъ долговременныхъ усилій, и бойкая пѣсня старца расцвѣтаетъ тѣми яркими красками жизни, тѣмъ ароматомъ неподдѣльной свѣжести, какими украшены пѣсни юности только немногихъ избранныхъ; а между тѣмъ все, что̀ пережилъ, извѣдалъ и перемыслилъ старецъ, звучитъ въ его лирѣ, перестроенной на новый ладъ.

Этотъ нравственный переворотъ возбудилъ негодованіе въ прежнихъ приверженцахъ поэта; тѣмъ не менѣе у него нашлись благородные и просвѣщенные друзья. Окруженный ихъ любовью и уваженіемъ, Гафизъ скончался въ глубокой старости, въ 1389 году. Прахъ его покоится въ Моселѣ — одномъ изъ прелестныхъ предмѣстій Шираза — и понынѣ привлекаетъ почитателей поэта.

Переведенныя мною пѣсни относятся ко второй эпохѣ его дѣятельности, и я желалъ бы, чтобы читатель испыталъ хотя часть того наслажденія, которое выпало на долю моему труду.

Звѣзда полунóчи дугой золотою скатилась,
На лоно земное съ его суетою скатилась.

Цвѣты тамъ она увидала и травы долины
И радостной ихъ и живой пестротою плѣнилась.

Она услыхала звонки говорливые стада
И мелкихъ серебряныхъ звуковъ игрою плѣнилась.

Коня увидала она, проскакавшаго въ полѣ,
И лошади статной летучей красою плѣнилась.

И мирными кровами хижинъ она и деревьевъ,
И даже убогой гнилушкой лѣсною плѣнилась,

И, все полюбя, ужъ на небо она не просилась, —
И рада была, что ночною порою скатилась.

О, если бы озеромъ былъ я ночнымъ,
А ты луною, по немъ плывущей!

О, если бъ потокомъ я былъ луговымъ,
А ты былинкой, надъ нимъ растущей!

О, если бы розовымъ былъ я кустомъ,
А ты бы розой, на немъ цвѣтущей!

О, если бы сладостнымъ былъ я зерномъ,
А ты бы птичкой, его клюющей!

Мы, Шемзеддинъ со чадами своими,
Мы, шейхъ Гафизъ и всѣ его монахи, —
Особенный и странный мы народъ.
Удручены и вѣчныхъ жалобъ полны,
Безъ устали ярмо свое влача,
Роняя перлы изъ очей горячихъ,
Мы веселы и ясны, какъ свѣча.
Подобно ей мы таемъ, исчезаемъ
И, какъ она, улыбкой счастья свѣтимъ.
Пронизаны кинжалами рѣсницъ
Жестокихъ, вѣчно требующихъ крови,
Мы только въ этихъ мукахъ и живемъ.
Въ грѣховномъ морѣ вѣчно утопая,
Съ раскаяньемъ нисколько не знакомы,
А между тѣмъ, свободные отъ злого,
Мы вѣчно дѣти свѣта, а не тьмы,
И тѣмъ толпѣ вполнѣ непостижимы.
Она людей трехъ видовъ только знаетъ:
Ханжу, во-первыхъ, варвара тупого,
Фанатика, съ его душою мрачной,
А во-вторыхъ—развратника безъ сердца,
Ничтожнаго, сухого эгоиста,
И наконецъ — обычной колеей
Бредущаго; но для людей, какъ мы,
Ей не найти понятья и названья.

Если вдругъ, безъ видимыхъ причинъ,
Затоскую, загрущу одинъ,

Если плоть и кости у меня
Станутъ ныть и чахнуть безъ кручинъ,

Не давай мнѣ горькихъ пить лѣкарствъ,
Не терплю я этихъ чертовщинъ:

Принеси ты чашу мнѣ вина,
Съ нею лютню, флейту, тамбуринъ.

Если это не поможетъ мнѣ,
Принеси мнѣ сладкихъ устъ рубинъ.

Если жъ я и тутъ не исцѣлюсь,
Говори, что умеръ Шемзеддинъ.

Я былъ пустынною страной:
Огонь мистическій спалилъ
Моей души погибшій долъ.
Песокъ пустыни огневой,
Я тамъ взвивался и пылилъ
И, вѣтромъ уносимый,
Я въ небеса ушелъ.

Хвала Творцу: во мнѣ Онъ
Унялъ убійственный огонь,
Онъ дождикъ мнѣ послалъ сырой —
И, кротко охлажденный,
Я прежній отыскалъ покой:
Богъ далъ мнѣ быть веселой,
Цвѣтущею землей.

О, какъ подобенъ я—смотри!—
Свѣчѣ, мерцающей впотьмахъ!
Но ты, въ сіяющихъ лучахъ
Восходъ зари,—
Лишь ты сіяй, лишь ты гори!

Хотя по первому лучу
Твой яркій свѣтъ зальетъ свѣчу,
Но умолять тебя хочу:
Лишь ты гори,
Чтобъ я угасъ въ твоихъ лучахъ!

Дано тебѣ и мнѣ
Созвѣздіемъ любовнымъ
Украсить небеса:
Ты въ нихъ луною пышной,
Красавицей надменной,
А плачущей Плеядой
При ней мои глаза.

Десять языковъ лилеи
Жаждутъ пѣсни соловья,
И съ нѣмѣющихъ выходитъ
Ароматная струя.

Вѣтеръ нѣжный, окрыленный,
Благовѣстникъ красоты,
Отнеси привѣтъ мой страстный
Той одной, что̀ знаешь ты.

Разскажи ей, что со свѣта
Унесутъ меня мечты,
Если мнѣ отъ ней не будетъ
Тѣхъ наградъ, что̀ знаешь ты,

Потому что подъ запретомъ
Видѣть райскіе цвѣты
Тяжело,—и сердце гложетъ
Та печаль, что̀ знаешь ты.

И на что цвѣты Эдема,
Если въ душу пролиты
Ароматы той долины,
Тѣхъ цвѣтовъ, что̀ знаешь ты?

Не орломъ я быть желаю
И парить на высоты:
Соловей Гафизъ ту розу
Будетъ пѣть, что̀ знаешь ты.

Падетъ ли взоръ твой гордый
На голову, во прахѣ
Трактирнаго порога,
Не тронь ея, молю я:
То голова Гафиза,
Чтò надъ собой не властенъ.
Не наноси ты словомъ
Ему или зазорнымъ
Насиліемъ обидъ.

Незнающее мѣры,
Все существо въ немъ словно
Лишь изъ трактирной пыли
Всемилосердый создалъ:
Онъ знаетъ, чтò творитъ.

Обдумай только это —
И кроткимъ снисхожденьемъ
Твою исполнитъ душу
Тогда бѣдняги-старца,
Упавшаго постыдно,
Неблагородный видъ.

Книгу мудрую берешь ты,—
Твой бокалъ беретъ Гафизъ;
Къ совершенству все идешь ты,—
Къ безднѣ золъ идетъ Гафизъ.

Въ рабствѣ тягостномъ живешь ты
Терпѣливою овцой,—
Какъ пустынный левъ въ неволѣ,
Всѣ оковы рветъ Гафизъ.

Съ тайной гордостью ведешь ты
Списокъ мнимо-добрыхъ дѣлъ,—
Новый грѣхъ ежеминутно
На себя кладетъ Гафизъ.

Многихъ избранныхъ блюдешь ты
Поученіемъ своимъ,—
Къ безразсудствамъ безразсудныхъ,
Веселясь, зоветъ Гафизъ.

Мечъ убійственный куешь ты,
Покарать еретиковъ,—
Свѣтлый стихъ свой, драгоцѣнный,
Золотой, куетъ Гафизъ.

Къ небу ясному встаешь ты
Дымомъ тяжкимъ и густымъ,—
Горной рѣчки блескъ и свѣжесть
Въ глубь долинъ несетъ Гафизъ.

Все скажу однимъ я словомъ:
Вѣчно, бѣдный человѣкъ,
Горечь каждому даешь ты,—
Сладость всѣмъ даетъ Гафизъ.

Ты въ мозгу моемъ убогомъ
Не ищи совѣтовъ умныхъ:
Только лютней онъ веселыхъ,
Только флейтъ онъ полонъ шумныхъ.

Пусть, насколько хватитъ силъ,
  Чернь тебя клянетъ,
Пусть зелоты на тебя
  Выступятъ въ походъ,—

Ты не бойся ихъ, Гафизъ:
  Вѣчно милосердъ,
Самъ Аллахъ, противу нихъ
  Твердый твой оплотъ,

Зельзебилами *) твою
  Жажду утолитъ,
Сваритъ солнце для тебя
  Райскихъ этихъ водъ.

Чтобы горести твои
  Усладить вполнѣ,
Онъ безкрылаго не разъ
  Ангела пришлетъ.

Мало этого: Онъ самъ,
  Въ благости Своей,
Поэтическій вѣнецъ
  На тебя кладетъ.

И не Греція одна,
  Даже и Китай
Пѣсни вѣчныя твои
  Съ завистью поетъ.

Будутъ нѣкогда толпой
  Гробъ твой навѣщать,
Всякій умница тебя
  Съ честью помянетъ.

И, когда умрешь ты, твой
  Просвѣтленный ликъ
Солнце, блескомъ окружа,
  Въ небо понесетъ.

---

*) *Зельзебилъ*—райскій источникъ.

Въ царство розы и вина—приди,
Въ эту рощу, въ царство сна—приди.

Утиши ты пѣснь тоски моей:
Камнямъ эта пѣснь слышна!—Приди!

Кротко слезъ моихъ уйми ручей:
Ими грудь моя полна!—Приди!

Дай испить мнѣ здѣсь, во мглѣ вѣтвей,
Кубокъ счастія до дна!—Приди!

Чтобь любовь до тла моихъ костей
Не сожгла (она сильна!),—приди!

Но дождись, чтобъ вечеръ сталъ темнѣй!
Но тихонько и одна—приди!

Веселись, о, сердце-птичка,
Пой, довольное судьбиной,
Что тебя плѣнила роза,
Воцарившись надъ долиной.

Ужъ теперь тебѣ не биться
Въ грубой сѣти птицелова,
И тебя не тронутъ когти,
Не укуситъ зубъ змѣиный.

Правда, что занозы розы
Глубоко въ тебя вонзились,
И истечь горячей кровью
Ты должна передъ кончиной,

Но зато твоей кончинѣ
Нѣтъ подобной ни единой:
Ты умрешь прекрасной смертью,
Благородной, соловьиной.

Предавъ себя судьбамъ на произволъ,
Моя душа жила голубкой мирной,
Но твой, о, солнце, пламень къ ней дошелъ,
Испепелилъ ее твой огнь всемірный —

И тотъ—смотри, что̀ пепелъ произвелъ:
Свободныхъ крылъ гордясь стезей обширной,
Божественнаго генія орелъ
Дышать взлетаетъ радостью эоирной.

Грозныя тѣни ночей,
Ужасы волнъ и смерчей,—
Кто на покойной землѣ,
Даже при полномъ желаньи,
Васъ понимать въ состояньи?
Тотъ лишь одинъ васъ пойметъ,
Кто, подъ дыханіемъ бурь,
Въ неизмѣримомъ плыветъ
Отъ береговъ разстояньи.

Ахъ, какъ сладко-сладко дышитъ
Ароматъ твоихъ кудрей!
Но еще дышалъ бы слаще
Ароматъ души твоей.

Въ доброй вѣсти, нѣжный другъ, не откажи,
При звѣздахъ прійти на лугъ не откажи.

И въ бальзамѣ, кроткій врачъ души моей,
Чтобъ унять мой злой недугъ, не откажи.

Въ леденцахъ румяныхъ устъ, чтобы мой взоръ
За слезами не потухъ, не откажи.

Въ пищѣ тѣмъ устамъ, что̀ юности твоей
Воспѣваютъ гимны вслухъ, не откажи.

Въ персяхъ, нѣжныхъ, какъ лилейные цвѣты,
Въ этихъ округленныхъ двухъ не откажи.

И во всемъ, на что завистливо въ ночи
Смотритъ неба звѣздный кругъ, не откажи.

Въ томъ, чему отдавшись разъ, хотя на мигъ,
Вѣки счастья помнитъ духъ, не откажи.

Въ томъ, что̀ властно укротить еще одно —
Предъ могилою испугъ,—не откажи.

Ежели осень наноситъ
Злые морозы, не сѣтуй ты:
Снова надъ міромъ проснутся
Вешнія грозы,—не сѣтуй ты.

Ежели мертвой листвою
Всюду твой взоръ оскорбляется,
Знай, что изъ смерти живыя
Выглянутъ розы,—не сѣтуй ты.

Если тернистой пустыней
Путь твой до Кабы *) потянется,
Ни на колючій кустарникъ,
Ни на занозы не сѣтуй ты.

Если Юсуфъ **) одинокій
Плачетъ, отторженъ отъ родины,
Знай, что заблещутъ звѣздами
Жаркія слезы,—не сѣтуй ты.

Все переходчиво въ мірѣ,
Жребій и твой перемѣнится;
Только не бойся судьбины
Злобной угрозы,—не сѣтуй ты.

Гіацинтъ своихъ кудрей
За колечкомъ вилъ колечко,
Но шепнулъ ему зефиръ
О твоихъ кудряхъ словечко.

Твой вѣчно, неизмѣнно,
Пока дышать я буду;
Усну ль я подъ землей,—
Взлечу въ твоей одеждѣ
Я пылью гробовой.

---

*) Каба, или Кааба—мечеть съ гробомъ Магомета.
**) Юсуфъ—Іосифъ.

О помыслахъ Гафиза
Лишь онъ одинъ, да Богъ на небѣ знаетъ:
Ему онъ только сердце
Грѣховное и пылкое ввѣряетъ.

И не однимъ прощеньемъ
Всемилосердый благъ,—Онъ благъ молчаньемъ:
Ни ангеламъ ни людямъ
Объ этомъ Онъ словечка не роняетъ.

Сошло дыханье свыше,
И я слова распознаю:
«Гафизъ, зачѣмъ мечтаешь,
Что самъ творишь ты пѣснь свою?
Съ предвѣчнаго начала
На лиліяхъ и розахъ
Узоръ ея волшебный
Стоитъ начертанный въ раю!»

Ужъ если все отъ вѣка рѣшено,
Такъ что̀ жъ мнѣ дѣлать?
Назначено мнѣ полюбить вино,—
Такъ что̀ жъ мнѣ дѣлать?

Указанъ птицѣ лѣсъ, пустыня льву,
Трактиръ Гафизу:
Такъ мудростью верховной суждено,—
Такъ что̀ жъ мнѣ дѣлать?

Не будь, о, богословъ, такъ строгъ,
Не дуйся, моралистъ, на всѣхъ:
Блаженства всюду ищемъ мы,
А это ужъ никакъ не грѣхъ.

Насъ, какъ израильскихъ сыновъ,
Пустынный истомилъ побѣгъ,
И мы у неба просимъ яствъ,
А это ужъ никакъ не грѣхъ.

Да, намъ старикъ-трактирщикъ—другъ,
Мы сознаёмся въ томъ при всѣхъ:
Притворства избѣгаемъ мы,
А это ужъ никакъ не грѣхъ.

Людскую кровь не станемъ лить
Мы для воинственныхъ потѣхъ:
Льемъ виноградную мы кровь,
А это ужъ никакъ не грѣхъ.

Мы разверзаемъ кладъ души,
Чтобы для сладостныхъ утѣхъ
Всѣ перлы сердца раскидать,
А это ужъ никакъ не грѣхъ.

Мы славимъ милую въ стихахъ,
И насъ, быть-можетъ, ждетъ успѣхъ:
Плѣнительнымъ плѣненъ поэтъ,
А это ужъ никакъ не грѣхъ.

Ты, какъ оселъ или верблюдъ,
Кряхтя, тащи тяжелый мѣхъ:
Мы все, что̀ давитъ, съ плечъ долой,
А это ужъ никакъ не грѣхъ!

Гафизъ убитъ. А что его убило,—
Свой черный глазъ, дитя, бы ты спросила.

Жестокій негръ *)! Какъ онъ разитъ стрѣлами!
Куда ни броситъ ихъ,—вездѣ могила.

Ахъ, если есть душа у райской птицы,
Не по тебѣ ль ея трепещутъ крыла?

Нѣтъ, не пугай меня разсудкомъ строгимъ:
Тутъ ничего его не сможетъ сила.

Любовь свободна. Въ мірѣ нѣтъ преграды,
Которая бы путь ей заступила.

О, сострадянье, голосъ сердца нѣжный!
Хотя бы ты на помощь поспѣшило.

Знать, изъ особой вышла ты стихіи:
Гафиза пѣснь тебя не побѣдила!

---

*) Черный глазъ красавицы. Вотъ истинный скачокъ съ 7-го этажа,—зато какая прелесть!

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Ахъ, опять все тѣ же глазки,
Что̀ такъ нѣжно улыбались,
И опять все тѣ же губки,
Что̀ такъ сладко цѣловались,

Этотъ голосъ, мнѣ когда-то
Дорогой, — не измѣнился;
Только самъ уже не тотъ я,
Измѣненнымъ воротился.

Вновь меня объемлютъ страстно
Блѣдно-розовыя руки,
Но лежу у ней на сердцѣ,
Полонъ холода и скуки.

Во снѣ я милую видѣлъ:
Во взорѣ забота, испугъ.
Когда-то цвѣтущее тѣло
Извелъ, обезсилилъ недугъ.

Ребенка несла, а другого
Вела злополучная мать.
Во взорѣ, походкѣ и платьѣ
Нельзя нищеты не признать.

Шатаясь, брела она къ рынку,—
И тутъ я ее повстрѣчалъ.
Она посмотрѣла — и тихо
И горестно я ей сказалъ:

«Пойдемъ ко мнѣ въ домъ. Невозможно
И блѣдной и хворой бродить:
Я стану усердной работой
Тебя и кормить и поить.

Дѣтей твоихъ стану лелѣять,
Всю нѣжность на нихъ обратя,
Но прежде всего—на тебя-то,
Бѣдняжка, больное дитя!

Тебѣ никогда не напомню
Ничѣмъ о любви я своей,
И если умрешь ты,—я буду
Рыдать на могилѣ твоей».

Въ молодые тоже годы
Зналъ я тяжкія невзгоды,
Какъ пылалъ, не разъ;
Но дровамъ цѣна безмѣрна,—
И огонь потухнетъ вѣрно,
Ma foi!—и въ добрый часъ.

Вспомни это, другъ прекрасный,
Устыдись слезы напрасной
И нелѣпаго огня:
Если жизнь ты сохранила,
То забудь, что ты любила,—
Ma foi!—обнявъ меня.

Да, ты несчастна,—и мой гнѣвъ угасъ.
Мой другъ, обоимъ намъ судьба—страдать.
Пока больное сердце бьется въ насъ,
Мой другъ, обоимъ намъ судьба—страдать.

Пусть явный вызовъ на устахъ твоихъ,
И взоръ горитъ, насмѣшки не тая.
Пусть гордо грудь трепещетъ въ этотъ мигъ,
Ты все несчастна, какъ несчастенъ я:

Улыбка—горемъ озарится вдругъ;
Огонь очей—слеза зальетъ опять;
Въ груди надменной—язва тайныхъ мукъ...
Мой другъ, обоимъ намъ судьба—страдать.

Дитя, мои пѣсни далеко
На крыльяхъ тебя унесутъ,
Къ долинамъ Гангесова тока:
Я знаю тамъ лучшій пріютъ.

Тамъ, свѣтомъ луны обливаясь,
Въ саду все, зардѣвшись, цвѣтетъ,
И лотоса цвѣтъ, преклоняясь,
Сестрицу завѣтную ждетъ.

Смѣясь, незабудкины глазки
На дальнія звѣзды глядятъ,
И розы душистыя сказки
Другъ другу въ ушко говорятъ.

Припрянувъ, вниманія полны,
Тамъ смирно газели стоятъ,—
А тамъ, въ отдаленіи, волны
Священнаго тока шумятъ.

И тамъ мы подъ пальмой младою,
Любви и покоя полны,
Склонившись, уснемъ—и съ тобою
Увидимъ блаженные сны.

Дитя, мы дѣтьми еще были,
Веселою парой дѣтей;
Мы лазили вмѣстѣ въ курятникъ,
Къ соломѣ, и прятались въ ней.

Поемъ пѣтухами, бывало,—
И только что люди идутъ,—
Кукуреку!—имъ сдается,
Что то̀ пѣтухи такъ поютъ.

На нашемъ дворѣ ухитрились
Мы ящики пышно убрать.
Въ нихъ жили мы вмѣстѣ, стараясь
Достойно гостей принимать.

Сосѣдская старая кошка
Нерѣдко бывала у насъ;
Мы кланялись ей, присѣдая,
Твердя комплименты подчасъ:

Спѣшили ее о здоровьѣ
Съ любезнымъ участьемъ спросить...
Съ тѣхъ поръ приходилось все то же
Не разъ старой кошкѣ твердить!

Мы чинно сидѣли, толкуя
Какъ старые люди тогда,
И такъ сожалѣли, что лучше
Все въ наши бывало года,

Что вѣры съ любовью и дружбой
Не знаетъ теперешній свѣтъ,
Что кофе такъ дорогъ ужасно,
А денегъ почти что и нѣтъ.

Промчалися дѣтскія игры—
И все пронеслось имъ во слѣдъ:
И вѣра съ любовью и дружбой,
И деньги, и время, и свѣтъ.

Желтѣетъ древесная зелень;
Дрожа, опадаютъ листы...
Ахъ, все увядаетъ, все меркнетъ,
Всѣ нѣги, весь блескъ красоты!

И солнце вершины лѣсныя
Тоскливымъ лучомъ обдаетъ:
Знать, въ немъ уходящее лѣто
Лобзанье прощальное шлетъ.

А я—я хотѣлъ бы заплакать,
Такъ грудь истомилась тоской.
Напомнила эта картина
Мнѣ наше прощанье съ тобой.

Я зналъ, разставаясь, что вскорѣ
Ты станешь жилицей небесъ.
Я былъ—уходящее лѣто,
А ты—умирающій лѣсъ.

Изъ слезъ моихъ много родится
Роскошныхъ и пестрыхъ цвѣтовъ,
И вздохи мои обратятся
Въ полуночный хоръ соловьевъ.

Дитя, если ты меня любишь,
Цвѣты всѣ тебѣ подарю,
И пѣснь соловьиная встрѣтитъ
Подъ милымъ окошкомъ зарю.

Какъ изъ пѣны водъ рожденная,
Другъ мой прелести полна:
Вѣдь, другому обрученная,
Ты предъ нимъ сіять должна.

Сердце, ты, многострадальное,
На измѣну не ропщи
И безуміе печальное
Ты оправдывать ищи.

Какъ луна, свѣтя во мракѣ,
Прорѣзаетъ паръ густой,
Такъ изъ темныхъ лѣтъ всплываетъ
Ясный образъ предо мной.

Всѣ на палубѣ сидѣли,
Гордо Рейнъ суднó качалъ,
Поздній лучъ младую зелень
Береговъ озолочалъ.

И у ногъ прекрасной дамы
Я задумчиво сидѣлъ.
Блѣдный ликъ ея на солнцѣ
Яркимъ пламенемъ горѣлъ.

Струнъ томленье, хоровъ пѣнье,
Жизнь, какъ праздникъ, хороша!—
Небо тихо голубѣло,
Расширялася душа.

Чудной сказкою тянулись
Зáмки, горы мимо насъ
И свѣтились мнѣ навстрѣчу
Въ парѣ ясныхъ женскихъ глазъ.

Какъ цвѣтъ, ты чиста и прекрасна;
Нѣжна, какъ цвѣтокъ по веснѣ.
Взгляну на тебя—и тревога
Прокрадется въ сердце ко мнѣ.

И кажется, будто бъ я руки
Тебѣ на чело возложилъ,
Молясь, чтобы Богъ тебя нѣжной,
Прекрасной и чистой хранилъ.

Когда на дорогѣ, случайно,
Мнѣ встрѣтилась милой родня, —
И мать, и отецъ, и сестрица
Любезно узнали меня.

Спросили меня о здоровьѣ,
Прибавивши сами потомъ,
Что мало во мнѣ перемѣны, —
Одно, что я блѣденъ лицомъ.

О теткахъ, золовкахъ и разныхъ
Докучныхъ разспрашивалъ я,
О маленькой также собачкѣ,
Съ привѣтливымъ лаемъ ея.

Спросилъ, между прочимъ, о милой:
Какъ съ мужемъ она прожила?
И мнѣ отвѣчали любезно,
Что только на-дняхъ родила.

И я ихъ любезно поздравилъ
И нѣжно шепталъ имъ въ отвѣтъ,
Прося передать поздравленье
И тысячу разъ мой привѣтъ.

Сестрица промолвила громко:
«Съ собачкой случилась бѣда:
Какъ стала большою, взбѣсилась, —
Утоплена въ Рейнѣ тогда».

Въ малюткѣ есть съ милою сходство:
Улыбку ея узнаю —
И тѣ же глаза, что̀ сгубили
И юность и душу мою.

Когда я про горе свое говорилъ,
То каждый зѣвалъ да молчанье хранилъ;
Когда же въ стихи я его нарядилъ,
То много великихъ похвалъ заслужилъ.

Красавица-рыбачка,
Причаль свою ладью,
Поди и сядь со мною,
Дай руку мнѣ свою.

Довѣрчиво головкой
На грудь склонись ко мнѣ:
Вѣдь ты жъ себя ввѣряешь
Безпечно глубинѣ.

Съ приливомъ и отливомъ,
Что̀ море — грудь моя,
И много чудныхъ перловъ
Во глубинѣ ея.

Ланитой къ ланитѣ моей прикоснись —
Тогда наши слезы сольются,
И сердцемъ тѣснѣе мнѣ къ сердцу прижмись —
Огнемъ они общимъ зажгутся.

И если въ тотъ пламень прольются рѣкой
Тѣ общія слезы мученья,
Я, крѣпко тебя охвативши рукой,
Умру отъ тоски наслажденья.

Лилесю, розой, голубкой, денницей
Когда-то и я восторгался сторицей.

Теперь я забылъ ихъ, плѣняся одною
Младою, родною, живою душою.

Она, всей любви и желаній царица,
Мнѣ роза, лилея, голубка, денница.

Мой другъ, мы съ тобою сидѣли
Довѣрчиво въ легкомъ челнѣ.
Тиха была ночь, и хотѣли
Мы морю отдаться вполнѣ.

И островъ видѣній прекрасный
Дрожалъ, озаренный луной.
Звучалъ тамъ напѣвъ сладкогласный,
Туманъ колыхался ночной,

Тамъ слышались нѣжные звуки,
Туманъ колыхался, какъ хоръ, —
А мы, преисполнены муки,
Неслись на безбрежный просторъ.

На сѣверѣ кедръ одинокій
Стоитъ на пригоркѣ крутомъ;
Онъ дремлетъ, сурово покрытый
И снѣжнымъ и льдянымъ ковромъ.

Во снѣ ему видится пальма,
Въ далекой, восточной странѣ,
Въ безмолвной, глубокой печали,
Одна на горячей скалѣ...

Не глумись надъ чортомъ, смертный:
Кратокъ жизни путь у насъ
И проклятіе навѣки —
Не пустой народный гласъ.

Расплатись съ долгами, смертный:
Дологъ жизни путь у насъ,
И занять тебѣ придется,
Какъ ты дѣлывалъ, не разъ.

Нисходятъ во гробъ поколѣнья,
Идутъ и проходятъ года,—
И только одна въ моемъ сердцѣ
Любовь не пройдетъ никогда.

Хоть разъ бы еще на колѣни —
Упасть мнѣ и встрѣтить твой взоръ,
И только сказать, умирая:
Madame, je vous adore!

Они любили другъ друга,
Но каждый упорно молчалъ:
Смотрѣли врагами, но каждый
Въ томленьи любви изнывалъ.

Они разстались—и только
Встрѣчались въ видѣньи ночномъ.
Давно они умерли оба —
И сами не знали о томъ.

По бульварамъ Саламанки
Воздухъ благорастворённый.
Тамъ, въ прохладный лѣтній вечеръ,
Я гуляю съ милой донной.

Я рукой нетерпѣливой
Обнялъ стройное созданье
И блаженнымъ пальцемъ слышу
Гордой груди колыханье.

Но по липамъ слышу шорохъ,
Полный чѣмъ-то невеселымъ,
И ручей внизу плотины
Злобно грезитъ сномъ тяжелымъ.

«Ахъ, сеньора, чуетъ сердце:
Скоро буду я въ изгнаньи!
По бульварамъ Саламанки
Не ходить намъ на гуляньи».

Слышу ли пѣсенки звуки,
Той, что̀ пѣвала она, —
Снова томительной муки
Грудь, какъ бывало, полна.

Такъ и потянетъ невольно
Въ горы, да къ темнымъ лѣсамъ,—
Все, что̀ и горько и больно,
Можетъ-быть, выплачу тамъ.

Съ порога рыбачьей избушки
Мы видѣли море вдали.
Вечерній туманъ отдѣлялся
Примѣтно отъ волнъ и земли.

Одинъ за другимъ зажигались
Огни на большомъ маякѣ,
И лишній одинъ разглядѣли
Еще мы корабль вдалекѣ.

Шла рѣчь о крушеньяхъ и буряхъ,
О томъ, что матросу—бѣда,
Что онъ между небомъ и бездной,
Надеждой и страхомъ всегда.

Про сѣверъ и югъ толковали,
Какія по тѣмъ берегамъ
Особыя есть населенья,
Какіе обычаи тамъ.

Въ цвѣтахъ берега у Гангеса,
Лѣса-исполины растутъ,
И стройные, кроткіе люди
Тамъ лотосъ, склоняяся, чтутъ.

Въ Лапландіи грязные люди,
Курносый, невзрачный народъ:
Къ огню подберется, да рыбу
Готовя, пищитъ и оретъ.

Дослушали дѣвочки жадно.
Никто ни полслова потомъ.
Корабль въ отдаленіи скрылся.
Давно потемнѣло кругомъ.

Твои пылають щечки
Румянцемъ вешнихъ розъ,
А въ крошечномъ сердечкѣ
Попрежнему морозъ.

Измѣнится все это,
Увидишь ты сама:
На сердцѣ будетъ лѣто,
И на щекахъ зима.

Томный звонъ въ груди моей
Внятенъ мнѣ все болѣ.
Взвейся, пѣсенка весны,
Прозвени на волѣ!

Мчися въ домъ, гдѣ подъ окномъ
Дышатъ незабудки;
Если розу встрѣтишь тамъ,
Поклонись малюткѣ.

Трубятъ голубые гусары,
Верхомъ изъ воротъ выходя,
А съ розовымъ вновь я букетомъ
Къ тебѣ, дорогое дитя.

Вотъ дикое было хозяйство!
Военщина, земскій погромъ...
И даже немало постою
Бывало въ сердечкѣ твоемъ.

Ты вся въ жемчугахъ и въ алмазахъ,
Вся жизнь для тебя—благодать,
И очи твои такъ прелестны, —
Чего жъ тебѣ, другъ мой, желать?

Къ твоимъ очамъ прелестнымъ
Я создалъ цѣлую рать
Безсмертіемъ дышащихъ пѣсенъ, —
Чего жъ тебѣ, другъ мой, желать?

Очамъ твоимъ прелестнымъ
Дано меня терзать,
И ты меня ими сгубила, —
Чего жъ тебѣ, другъ мой, желать?

Ужъ вечеръ надвинуться хочетъ,
Туманъ надъ волнами растетъ,
Таинственно море рокочетъ,
И что-то, бѣлѣя, встаетъ.

Изъ волнъ подымается фея
И сѣла со мной у зыбей.
Вздымаются груди, бѣлѣя,
Подъ легкимъ покровомъ у ней.

Она обняла, охватила, —
Больнѣе мнѣ все и больнѣй...
«Меня ты не въ мѣру сдавила,
Прекрасная фея морей!»

— «Тебя я руками сжимаю,
Насильно въ объятіяхъ жму, —
Тобой я согрѣться желаю
Въ вечернюю хладную мглу».

Луна все взираетъ блѣднѣе
Съ заоблачной выси своей...
«Твой взоръ все мутнѣй и влажнѣе,
Прекрасная фея морей!»

— «Мой взоръ не влажнѣе нимало,
Онъ мутенъ, какъ будто въ слезахъ, —
Когда я изъ волнъ выступала,
Осталася капля въ глазахъ».

Вскричалися чайки нежданно,
Прибой всколыхался сильнѣй...
«Стучитъ твое сердце такъ странно,
Прекрасная фея морей!»

— «Стучитъ мое сердце такъ странно,
Такъ дико мятусь я душой
Затѣмъ, что люблю несказанно
Тебя, милый обликъ людской».

———

Хотѣлъ я съ тобою остаться,
Забыться, моя красота,—
Но было намъ должно разстаться:
Ты чѣмъ-то была занята.

Тебѣ я сказалъ, что связала
Намъ души незримая связь,
Но ты отъ души хохотала
И ты мнѣ присѣла, смѣясь.

Страданья прибавить сумѣла
Ты чувствамъ влюбленнымъ моимъ
И даже польстить не хотѣла
Прощальнымъ лобзаньемъ своимъ.

Не думай, что я застрѣлюся,
Какъ мнѣ и ни горекъ отказъ:
Все это, мой другъ, признаюся,
Со мною бывало не разъ.

Цвѣтовъ подбавила весна
        Къ цвѣтистому наряду.
Кругомъ теперь въ цвѣтахъ страна
        И вся подобна саду.

Сижу съ красавицей моей;
        Какъ вихрь, дормезъ песется;
Глаза такъ ласковы у пей,
        А сердце сильно бьется.

И свистъ, и блескъ, и ароматъ,
        И горы, и долины,
И у деревьевъ шелестятъ
        Цвѣтущія вершины.

Въ травѣ любуются цвѣты,
        На злачномъ пѣжась ложѣ,
Богатствомъ женской красоты
        И мной, счастливцемъ, тоже.

Но счастье—призракъ! Вотъ коса,
        Шутя, пройдетъ по лугу—
И нѣтъ весны! А ты, краса,
        Съ весной измѣнишь другу.

Я не ропщу,—пусть сердце и въ огнѣ:
Навѣкъ погибшая, роптать—не мнѣ!
Какъ ни сіяй въ алмазахъ для очей,
А ни луча во мглѣ души твоей.

Я это зналъ: вѣдь ты же снилась мнѣ!
Я видѣлъ ночь души твоей на днѣ,
И видѣлъ змѣй въ груди твоей больной,
И видѣлъ, какъ несчастна ты, другъ мой.

Я плакалъ во снѣ. Мнѣ приснилось,
Что другъ мой во гробѣ лежитъ,—
И я проснулся,—и долго
Катилися слезы съ ланитъ.

Я плакалъ во снѣ. Мнѣ приснилось,
Что ты разстаешься со мной,—
И я проснулся,—и долго
Катилися слезы рѣкой.

Я плакалъ во снѣ. Мнѣ приснилось,
Что ты меня любишь опять,—
И я проснулся,—и долго
Не въ силахъ я слезъ былъ унять.

Я цѣлый день изнемогаю
Въ живомъ огнѣ твоихъ лучей
И, утомленный, не дерзаю
Къ нимъ возводить моихъ очей;

Но безъ тебя, сознавши смутно
Всю безотрадность темноты,
Я жду зари ежеминутно
И все твержу: «Взойдешь ли ты?»

ГОРНАЯ ИДИЛЛІЯ.

На горѣ стоитъ избушка,
Гдѣ живетъ старикъ сѣдой.
Тамъ сосна шумитъ вѣтвями,
Свѣтитъ мѣсяцъ золотой.

Посреди избушки кресло.
Все въ рѣзьбѣ его края.
Кто на нихъ сидитъ, тотъ счастливъ,
И счастливецъ этотъ—я.

На скамьѣ сидитъ малютка,
Подпершись на локотокъ.
Глазки—звѣзды голубыя,
Ротикъ—розовый цвѣтокъ.

И малютка эти звѣзды
Кротко на меня взвела
И лилейный пальчикъ хитро
Къ розѣ устъ приподняла.

Нѣтъ, никто насъ не увидитъ,
Мать такъ пристально прядетъ,
И отецъ подъ звуки цитры
Пѣснь старинную поетъ.

И малютка шепчетъ тихо,
Тихо, звуки затая;
Много тайнъ немаловажныхъ
Отъ нея развѣдалъ я.

«Но какъ тетушка скончалась,
И ходить нельзя ужъ намъ
На стрѣлковый праздникъ въ Госларъ;
Хорошо бываетъ тамъ.

Здѣсь, напротивъ, такъ пустынны
Горъ холодныхъ вышины,
И зимой мы совершенно
Будто въ снѣгъ погребены.

Я же робкая такая,
Какъ ребенку, страшно мнѣ;
Знаю, ночью злые духи
Бродятъ въ нашей сторонѣ».

Вдругъ малютка пріумолкла,
Какъ бы словъ страшась своихъ,
И ручонками прикрыла
Звѣзды глазокъ голубыхъ.

Пуще вѣтръ шумитъ сосною,
Прялка воетъ и реветъ,
И подъ звонкій голосъ цитры
Пѣснь старинная поетъ:

«Не страшись, моя малютка,
Покушеній власти злой;
День и ночь, моя малютка,
Серафимы надъ тобой!»

ПОСЕЙДОНЪ.

Солнце лучами играло
Надъ моремъ, катящимъ далеко валы;
На рейдѣ блисталъ въ отдаленьи корабль,
Который въ отчизну меня поджидалъ;
Только попутнаго не было вѣтра,
И я спокойно сидѣлъ на бѣломъ пескѣ
Пустыннаго берега.
Пѣснь Одиссея читалъ я—старую,
Вѣчно юную пѣснь. Изъ ея
Моремъ шумящихъ страницъ предо мной
Радостно жизнь подымалась
Дыханьемъ боговъ,
И свѣтлой весной человѣка,
И небомъ цвѣтущимъ Эллады.
Благородное сердце мое съ участьемъ слѣдило
За сыномъ Лаэрта въ путяхъ многотрудныхъ его,
Садилося съ нимъ въ печальномъ раздумьѣ
За радушный очагъ,
Гдѣ царицы пурпуръ прядутъ,
Лгать и удачно ему убѣгать помогало
Изъ объятія нимфъ и пещеръ исполиновъ,
За нимъ въ Киммерійскую ночь, и въ ненастье,
И въ кораблекрушенье неслось
И съ нимъ несказанное горе терпѣло.
Вздохнувши, сказалъ я: «Злой Посидаонъ,
Гнѣвъ твой ужасенъ,
И самъ я боюсь
Не вернуться въ отчизну!»
Едва я окончилъ—
Запѣнилось море,

И богъ морской изъ бѣлѣющихъ волнъ
Главу, осокою вѣнчанную, поднялъ,
Сказавши въ насмѣшку:
«Что ты боишься, поэтикъ?
Я нимало не стану тревожить
Твой бѣдный корабликъ,
Не стану въ раздумье о жизни любезной тебя
Вводить излишнею качкой.
Вѣдь ты, поэтикъ, меня никогда не сердилъ:
Ни башенки ты не разрушилъ у стѣнъ
Священнаго града Пріама,
Ни волоса ты не спалилъ на глазу
Полифема, любезнаго сына,
И тебѣ не давала совѣтовъ ни въ чемъ
Богиня ума—Паллада Аѳина».
Такъ воззвалъ Посейдонъ
И въ море опять погрузился,
И надъ грубою остротой моряка
Подъ водой засмѣялись
Амфитрита, женщина-рыба,
И глупыя дщери Нерея.

ЭПИЛОГЪ.

Будто на нивѣ колосья,
Зрѣютъ, колеблясь, въ душѣ человѣка
Помыслы;
Но между нихъ прорываются ярко
Помыслы нѣжно-любовные, словно
Алые да голубые цвѣты.
Алые да голубые цвѣты!
Брезгаютъ вами жнецы, какъ травой безполезной,
Нагло затѣмъ васъ молотятъ дубины;
Даже бездомный прохожій
Вдоволь насытитъ и взоры и сердце,
Да, покачавъ головой,
Дастъ вамъ названіе плевелъ прекрасныхъ...
Но молодая крестьянка
Васъ на вѣнокъ
Ищетъ заботливо,
Вами убрать золотистые кудри,
И въ этомъ уборѣ спѣшитъ въ хороводъ,
Гдѣ дудки да пѣсни отрадно манятъ,
Иль подъ развѣсистый вязъ,
Гдѣ голосъ любезнаго слаще манитъ
Дудокъ и пѣсенъ.

ИЗЪ ГЕТЕ.

ПРЕКРАСНАЯ НОЧЬ *).

Вотъ съ избушкой я прощаюсь,
Гдѣ любовь моя живетъ,
И безшумно пробираюсь
Подъ лѣсной полночный сводъ.

Лунный лучъ, дробясь, мерцаетъ
Межъ дубами, по кустамъ,
И береза возсылаетъ
Къ небу сладкій онміамъ.

Какъ живительна прохлада
Этой ночи здѣсь, въ тиши!
Какъ цѣлебна тутъ отрада
Человѣческой души!

Эта ночь томитъ, врачуя,
Но и тысячъ равныхъ ей
Не смѣняю на одну я
Милой дѣвушки моей.

---

*) Первоначальную редакцію см. выше, на стр. 173.

ГРАНИЦЫ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

Когда стародавній
Святой Отецъ
Рукой спокойной
Изъ тучъ гремящихъ
Молніи сѣетъ
Въ алчную землю, —
Край Его ризы
Нижній цѣлую
Съ трепетомъ дѣтскимъ
Въ вѣрной груди.

Ибо съ богами
Мѣряться смертный
Да не дерзнетъ:
Если подымется онъ и коснется
Теменемъ звѣздъ,
Негдѣ тогда опереться
Шаткимъ подошвамъ,
И имъ играютъ
Тучи и вѣтры;

Если жъ стоитъ онъ
Костью дебелой
На крѣпкозданной
Прочной землѣ,
То не сровняться
Даже и съ дубомъ
Или съ лозою
Ростомъ ему.

Чѣмъ отличаются
Боги отъ смертныхъ?
Тѣмъ, что отъ первыхъ
Волны исходятъ,
Вѣчный потокъ:
Волна насъ подъемлетъ,
Волна поглощаетъ,—
И тонемъ мы.

Жизнь нашу объемлетъ
Кольцо небольшое,
И рядъ поколѣній
Связуетъ надежно
Ихъ собственной жизни
Цѣпь безъ конца.

ЗИМНЯЯ ПОѢЗДКА НА ГАРЦЪ.

Съ коршуномъ сходно,
Чтò, на тяжелыхъ утреннихъ тучахъ
Тихимъ крыломъ почивая,
Ищетъ добычи,—пари,
Пѣсня моя.

Ибо Богъ
Каждому путь его
Предначерталъ,
Коимъ счастливецъ
Къ радостной цѣли
Быстро бѣжитъ;
Тотъ же, чье сердце
Сжато несчастьемъ,
Тщетно противится
Тѣснымъ предѣламъ
Кованой нити,
Чтò все жъ горнія ножницы
Только однажды прервутъ.

Въ чащѣ суровой
Прячется дикій звѣрь,
И съ воробьями
Давно богачи
Въ топи свои опустились.

За колесницей легко
Слѣдовать пышной фортуны,
Какъ безмятежнымъ придворнымъ
По дорогѣ исправленной
Вслѣдъ за въѣздомъ владыки.

Но кто тамъ въ сторонѣ?
Путь его тонетъ въ кустахъ,
Сзади его
Вѣтви смыкаются вновь,
Снова трава возстаетъ,
Пустыня его поглощаетъ.

Кто жъ уврачуетъ того,
Ядомъ кому сталъ бальзамъ,
Кто изъ избытка любви
Выпилъ ненависть къ ближнимъ?
Презрѣнный, ставъ презирающимъ,
Тайно достоинство онъ
Только изводитъ свое
Въ самолюбивомъ стремленьи.

Коль на псалтири Твоей
Есть, Отецъ милосердья,
Звукъ, его уху доступный,
Сердце его утоли!
Взоръ раскрой отуманенный
На милліоны ключей
Рядомъ съ томящимся жаждой
Тутъ же въ пустынѣ.

Ты, посылающій радости
Каждому полною мѣрой,
Благослови и ловцовъ
Братьевъ на поискъ звѣрей
Со своеволіемъ юнымъ
Жажды убійства,
Позднихъ мстителей буйства,
Тщетно съ которымъ ужъ годы
Бьется съ дубиной крестьянинъ.

Но увей одинокаго
Тучей своей золотой,
Деленью зимней вѣнчай ты
Зо возрожденія розъ
Влажные кудри пѣвца,—
О, любовь,—твоего же!

Ты мерцающимъ факеломъ
Свѣтишь ему
Ночью чрезъ броды,
По бездоннымъ дорогамъ,
По пустыннымъ полямъ;
Тысячецвѣтной зарей
Въ сердце смѣешься ему;
Рѣдкою бурей своей
Ты возносишь его;
Зимнія прядають воды
Съ горъ въ пѣснопѣнья къ нему,
И алтаремъ благодарности нѣжной
Грозной вершины встаетъ передъ нимъ
Снѣгомъ покрытое темя,
Чтò хороводами духовъ
Чутко вѣнчали народы.

Ты съ неприступною грудью
Смотришь таинственно явно
Надъ изумленной землей
И взираешь изъ облакъ
На страны и богатства,
Чтò изъ жилъ твоихъ братій
Рядомъ съ собою ты льешь.

НА ОЗЕРѢ.

И силу въ грудь, и свѣжесть въ кровь
Дыханьемъ вольнымъ лью.
Какъ сладко, мать-природа, вновь
Упасть на грудь твою!

Волна ладью въ размѣръ весла
Качаетъ и несетъ,
И вышнихъ горъ сырая мгла
Навстрѣчу намъ плыветъ.

Взоръ мой, взоръ,—зачѣмъ склоняться?
Или сны златые снятся?
Прочь ты, сонъ, хоть золотой,—
Здѣсь любовь и жизнь со мной!

На волнахъ сверкаютъ
Тысячи звѣздъ сотрясенныхъ;
Въ дымномъ небѣ таютъ
Призраки горъ отдаленныхъ;

Вѣтерокъ струится
Надъ равниною водъ,
И въ заливъ глядится
Дозрѣвающій плодъ.

ПАЖЪ И МЕЛЬНИЧИХА.

Пажъ.

Куда жъ ты прочь?
Ты мельника дочь, —
А звать-то какъ?

Дочь мельника.

Лизой.

Пажъ.

Куда же? Куда?
И грабли въ рукѣ!

Дочь мельника.

Къ отцу, налегкѣ,
Въ долину ту, книзу.

Пажъ.

Одна и идешь?

Дочь мельника.

Сборъ сѣна хорошъ,
Такъ грабли несу я;
А тамъ же, въ саду,
Я спѣлыя груши найду
И ихъ соберу я.

Пажъ.

Тамъ нѣтъ ли бесѣдки по темнымъ кустамъ?

Дочь мельника.

Двѣ даже ихъ тамъ
Съ концовъ у ограды.

Пажъ.

Такъ я за тобой!
Въ полуденный зной
Поищемъ прохлады:
Не правда ль, въ зеленой, отрадной тѣни...

Дочь мельника.

Дождешься огласки!

Пажъ.

Въ объятіяхъ нѣжныхъ моихъ отдохни!

Дочь мельника.

Нѣтъ, сказки!
Кто мельника дочь поцѣлуетъ, любя,
Немедленно выдастъ себя:
Мнѣ жалко бы черное платье на васъ
Замѣтно для глазъ
Такъ выбѣлить скоро.
Вотъ равное съ равнымъ—иныя дѣла,
Я такъ порѣшила безъ спора!
И я мукосѣя недаромъ взяла:
На немъ не испортишь убора.

ЮНОША И МЕЛЬНИЧНЫЙ РУЧЕЙ.

Юноша.

Куда ты, свѣтлый ручеекъ,
Стремишься?
Такъ веселъ ты, хоть не глубокъ,
Катишься,—
Чего въ долинѣ ищешь той?
Постой, поговори со мной!

Ручей.

Я ручейкомъ былъ, милый другъ;
Лукаво
Меня схватили, чтобы вдругъ
Канавой
Бѣжалъ я къ мельницѣ туда,—
И все быстра моя вода.

Юноша.

Несешь ты къ мельницѣ струю
Живую,
А здѣсь я только слезы лью,
Тоскую.
Иль дочки мельника подчасъ
Не встрѣтишь ласковыхъ ты глазъ?

Ручей.

Чуть утро,—ставень загремитъ
Раскрыться:
Она, прекрасная, спѣшитъ
Умыться;
А грудь бѣла и высока,—
Мнѣ горячо до кипятка.

Юноша.

Коль и въ водѣ она любви
Жаръ будитъ,
Такъ что̀ же въ молодой крови
Тутъ будетъ?

Ее лишь стòитъ увидать—
Ахъ!—и нельзя уже отстать.

Ручей.

Тутъ на колеса кинусь я
Бурливо,
И перья кружитъ зыбь моя
Шумливо.
Съ такой хозяйкой-красотой
Вода-то съ силою иной!

Юноша.

Иль, какъ другимъ, тебѣ, мой другъ,
Не больно?
Она съ улыбкой скажетъ вдругъ:
«Довольно!»
Чай, и тебя вернуть назадъ
Ея любовный могъ бы взглядъ?

Ручей.

Ахъ, какъ мнѣ тяжко уходить
Отнынѣ!
Иду я тихо лишь бродить
Въ долинѣ,
И, если бъ мнѣ пришлось рѣшать,
Я былъ бы скоро тутъ опять.

Юноша.

Товарищъ грусти, полонъ ты
Участья:
Пролепечи хоть про мечты
Мнѣ счастья,
Ступай, скажи, тверди ты ей,
Чего я жду въ душѣ моей!

РЫБАКЪ.

Неслась волна, росла волна,
Рыбакъ надъ ней сидѣлъ.
Съ душой, холодною до дна,
На уду онъ глядѣлъ.
И какъ сидитъ онъ, какъ онъ ждетъ
Разверзлась вдругъ волна,
И поднялась изъ шума водъ
Вся влажная жена.

Она поетъ, она зоветъ:
«Зачѣмъ народъ ты мой
Людскимъ умомъ и зломъ людскимъ
Манишь въ смертельный зной?
Ахъ, если бъ зналъ, какъ рыбкамъ весть
Отрадно жизнь на днѣ,
Такъ самъ спустился бы, какъ есть,
И былъ здоровъ вдвойнѣ.

Иль солнце красное съ луной
Надъ моремъ не встаютъ,
И лики ихъ, дыша волной,
Не вдвое краше тутъ?
Иль не влечетъ небесъ тайникъ,
Блескъ голубой красы,
Не манитъ собственный твой ликъ
Къ намъ, въ вѣчный міръ росы?»

Шумитъ волна, катитъ волна
Къ ногамъ изъ береговъ,—
И стала въ немъ душа полна,
Какъ бы подъ страстный зовъ.
Она поетъ, она зоветъ,—
Знать, часъ его насталъ:
Влекла ль она, склонялся ль онъ,—
Но съ той поры пропалъ.

НОВАЯ ЛЮБОВЬ—НОВАЯ ЖИЗНЬ.

Сердце, сердце, что̀ такое?
Что̀ смутило жизнь твою?
Что-то странное, чужое,—
Я тебя не узнаю!
Все прошло, что̀ ты любило,
Все, о чемъ ты такъ грустило,
Трудъ и отдыхъ,—все прошло,—
До чего уже дошло!

Иль тебя цвѣткомъ росистымъ
Эта дѣвственность чела,
Взоромъ кроткимъ, нѣжно-чистымъ,
Своевольно увлекла?
Вдругъ хочу отъ ней укрыться,
Встрепенуться, удалиться,
Но мой путь еще скорѣй
Вновь, увы, приводитъ къ ней!

И меня на нити тонкой,
Безнаказанно шутя,
Своенравною ручонкой
Держитъ дѣвочка-дитя;
Красоты волшебной сила
Кругъ завѣтный очертила.
Что̀ за странность—какъ во снѣ!
О, любовь, дай волю мнѣ!

НОЧНАЯ ПѢСНЯ ПУТНИКА.

Ты, что̀ съ неба и вполнѣ
Всѣ страданья укрощаешь
И несчастнаго вдвойнѣ
Вдвое счастьемъ наполняешь,—

Ахъ, къ чему вся скорбь и радость!
Истомилъ меня мой путь!—
Мира сладость,
Низойди въ больную грудь!

САМООБОЛЬЩЕНІЕ.

Сосѣдкинъ занавѣсъ въ окнѣ
Волнуется опять.
Знать, хочетъ заглянуть ко мнѣ
И, дома ль я, узнать,

И точно ль гнѣвъ ревнивый свой,
Что цѣлый день таю,
Я оскорбленною душой
Навѣки сохраню?

Но нѣтъ, ребенокъ милый мой
Не думаетъ о томъ:
вижу, вѣтеръ заревой
Играетъ полотномъ.

ГЕРМАНЪ И ДОРОТЕЯ.

I.

Каллiопа.

Судьба и участие.

«Я не видалъ, чтобы площадь и улицы были такъ пусты!
Городъ — шаромъ покати, будто выморочный: и полсотни,
Кажется мнѣ, изо всѣхъ обывателей въ немъ не осталось.
Вотъ любопытство что дѣлаетъ! Всякій бѣжитъ до упаду,
Чтобы только взглянуть на печальный изгнанниковъ поѣздъ.
Будетъ съ полмили до той дороги, которой имъ ѣхать,
А невзирая на пыль и полуденный зной — побѣжали.
Право, — съ мѣста не тронусь затѣмъ, чтобы видѣть несчастье
Добрыхъ бѣгущихъ людей съ уцѣлѣвшимъ имѣньемъ. Несчастнымъ
Чудныя страны за Рейномъ оставить пришлось и, на нашу
Землю ступя, захватить уголокъ безмятежно-счастливый
Этой обильной долины, слѣдя за ея направленьемъ...
Ты поступила прекрасно, жена, что, изъ жалости, сына
Къ бѣднымъ съ холстиною старой, съ питьемъ отпустила и пищей
Для раздачи, затѣмъ, что давать — есть дѣло богатыхъ.
Малый-то какъ покатилъ! Да какъ жеребцами онъ правитъ!
Право, повозочка новая очень красива, удобно
Въ ней четверымъ помѣститься, и кучеру мѣсто на козлахъ.
Нынче одинъ онъ поѣхалъ; смотри, какъ свернулъ въ переулокъ».

Такъ, доволенъ собой, у домовыхъ воротъ противъ рынка
Сидя, женѣ говорилъ «Льва Золотого» хозяинъ.
И на слова его такъ отвѣчала разумно хозяйка:
«Право, старую я дарю неохотно холстину:
Часто на множество нуждъ ея и за деньги не сыщешь,
Если понадобится. Только нынче съ такою охотой
Много рубашекъ получше и наволокъ я отдавала:
Слышала, дѣти и старцы идутъ по дорогѣ, раздѣты.
Только — простишь ли ты мнѣ? — и въ твоемъ я шкапу похищала,
И особливо, что твой халатъ съ индѣйскимъ узоромъ
Я отдала. Онъ и жидокъ и старъ, да и вышелъ изъ моды».
Но, улыбнувшись на то, ей отвѣтствовалъ добрый хозяинъ:
«Все-таки стараго жаль мнѣ халата изъ ситцу: индѣйскій
Былъ настоящій; такого теперь ни за что не достанешь.
Правда, его не носилъ я: теперь хотятъ, чтобъ мужчина
Все ходилъ въ сюртукѣ иль всегда красовался въ бекешѣ;
Вѣчно ходи въ сапогахъ, — въ изгнаніи туфли и шапки».
«Видишь,—сказала жена: — иные изъ тѣхъ воротились,
Что смотрѣли на поѣздъ: должно-быть, ужъ онъ миновался.
Какъ башмаки запылились у нихъ, какъ лица пылаютъ!
Каждый держитъ платокъ носовой и потъ утираетъ.
Нѣтъ, въ такую жару, далеко такъ на зрѣлище это
Я не кинусь бѣжать. И мнѣ, право, довольно разсказовъ».
Ей, на такія слова, сказалъ съ удареньемъ хозяинъ:
«Рѣдко такая погода къ такому жнитву подходила:
Хлѣбъ мы такъ же сухой уберемъ, какъ и сѣно убрали.
На небѣ ясно кругомъ, не видать ниоткуда ни тучки,
И съ востока отрадною дышитъ прохладою вѣтеръ.
Вотъ постоянное вёдро! — И рожь совершенно созрѣла;
Завтра начнемъ понемногу косить мы обильную жатву».
Такъ говорилъ онъ. Межъ тѣмъ мужчины и женщины больше
Все прибывали и больше, въ дома проходя черезъ площадь.
Такъ наконецъ съ дочерьми воротился, рѣзво подъѣзжая
Къ обновленному дому, сосѣдъ черезъ площадь. Богатый
Былъ онъ хозяинъ въ дому, да и первый купецъ въ околоткѣ.
Ѣхалъ же онъ въ открытой коляскѣ ландауской работы.
Улицы ожили всѣ: городокъ населенъ былъ довольно;
Много и фабрикъ въ немъ, и много ремеслъ процвѣтало.
Такъ у домовыхъ воротъ сидѣли оба, довольны,

Острымъ словомъ насчетъ проходящей толпы забавляясь.
Только хозяйка достойная такъ начала и сказала:
«Видишь ли, пасторъ идетъ сюда, а съ нимъ и аптекарь,
Нашъ сосѣдъ: мы отъ нихъ до подробности все разузнаемъ,
Что̀ они видѣли тамъ, и что̀ видѣть не радуетъ сердца».
Дружески оба они подошли, поклонились супругамъ,
На деревянныя ска̀мьи садясь у воротъ, отрясая
Пыль на ногахъ и платками въ лицо навѣвая прохладу.
Первый послѣ взаимныхъ привѣтствій съ рѣчами своими
Такъ обратился аптекарь, сказавъ почти голосомъ грустнымъ:
«Точно, таковъ человѣкъ — и одинъ тутъ не хуже другого:
Радъ позѣвать, если гдѣ-нибудь съ ближнимъ бѣда приключилась!
Развѣ не всякій бѣжитъ смотрѣть на картину пожара
Иль на преступника, въ часъ его шествія къ мѣсту кончины?
Вотъ и теперь всѣ бѣгутъ смотрѣть на несчастія добрыхъ
Изгнанныхъ; даже никто не подумаетъ, — можетъ-быть, самъ онъ
Скоро подобнымъ несчастіемъ будетъ испытанъ. Такая
Вѣтреность хоть непростительна, только сродна человѣку».
И на это въ отвѣтъ, благородный, разумный, имъ па̀сторъ—
Онъ украшеньемъ былъ города, юноша, къ мужеству близкій,
Былъ онъ проникнутъ высокимъ значеньемъ святого писанья
(Въ немъ изучаемъ наклонности мы и судьбу человѣка),
Также зналъ хорошо и лучшія книги мірскія —
Онъ-то сказалъ: «Не должно̀ бы, по-мнѣ, осуждать намъ невинныхъ,
Въ грудь человѣка природой вдохнутыхъ способностей: часто
То, до чего не легко ни уму ни разсудку достигнуть,
Тайно-счастливымъ и темнымъ стремленьямъ доступно бываетъ.
Вотъ, не влеки любопытство къ себѣ человѣка такъ сильно,
Что̀ же, узналъ ли бы онъ отношенье чудесное въ мірѣ
Всѣхъ предметовъ другъ къ другу? Сначала онъ новаго ищетъ,
Дальше стремится къ полезному всѣмъ прилежаньемъ и силой,
А наконецъ и къ добру, почерпая въ немъ духъ и значенье.
Въ юности—легкая спутница—вѣтреность съ нимъ, и она-то
Всѣ покрываетъ опасности, всѣ исцѣляетъ недуги
Сердце томящей бѣды, какъ скоро она миновалась.

Точно, отдашь предпочтенье тому, кто въ позднѣйшіе годы
Эту веселость развилъ въ положительный разумъ, который
Въ счастьѣ, равно какъ въ несчастьѣ, дѣятельно, смѣло стремится.
Онъ утраты свои замѣняетъ познаніемъ блага».
Дружески рѣчь прервала, горя нетерпѣньемъ, хозяйка:
«Что,—говорите,—вы видѣли? Сильно хотѣлось бы знать мнѣ».
«Врядъ ли,—на просьбу такую сказалъ съ удареньемъ аптекарь:—
Послѣ всего, что узнали мы, буду я веселъ такъ скоро,
Да и кому разсказать всѣ различные виды несчастья?
Только-что въ поле мы вышли, уже въ отдаленіи стала
Пыль намъ видна; отъ холма до холма необъятною цѣпью
Поѣздъ тянулся; въ пыли различить было трудно предметы.
Но когда мы сошли поперечной дорогой въ долину,
Много и конныхъ и пѣшихъ толпилось еще передъ нами.
Да, къ несчастью, довольно мы видѣли бѣдныхъ скитальцевъ,
Слышали кой-отъ-которыхъ, какъ тяжко и горько изгнанье,
И какъ сердцу отрадно сознанье, что жизнь уцѣлѣла.
Грустно было смотрѣть на имущества разнаго рода—
Въ домѣ ихъ не видать, потому что хорошій хозяинъ
Все расположитъ кругомъ и на мѣстѣ, затѣмъ, чтобы тотчасъ
Были они подъ рукой; тутъ все полезно и нужно,—
Ну, а теперь это все увидѣть на разныхъ подводахъ
Безъ толку, наскоро, все перемѣшаннымъ въ быстромъ побѣгѣ!
Шкапъ, на немъ рѣшето съ шерстянымъ лежитъ одѣяломъ,
Зеркало подъ простыней, въ корыто попала постеля.
Ахъ, какъ и сами мы видѣли за двадцать лѣтъ на пожарѣ,
Страхъ до того человѣка лишаетъ сознанія, что онъ
Часто хватаетъ бездѣлицу, а дорогого не помнитъ.
Такъ и эти везутъ съ неразумной заботою вещи
Не пригожія, только волу и лошади тягость:
Старыя доски да бочки, гусиный садокъ и насѣсти.
Жены и дѣти влачатся, подъ ношей узловъ задыхаясь,
Тащатъ кульки и корзины съ вещами, ненужными вовсе.
Да, тяжело человѣку съ послѣднимъ добромъ разставаться!
Такъ по пыльной дорогѣ тянулся толпящійся поѣздъ,
Въ безпорядкѣ мѣшаясь. Тому, кто на тощихъ животныхъ,
Хочется ѣхать потише; другой впопыхахъ погоняетъ.
Вдругъ послышался крикъ дѣтей придавлённыхъ и женщинъ,

И между ревомъ скота собакъ раздалось завыванье,
Голосъ мольбы стариковъ и больныхъ, которые сверху
Грòмоздко-грузной подводы въ постеляхъ сидѣли, качаясь.
Но, колею потерявъ, колесо забираетъ со скрипомъ
Къ самому краю дороги, и съ насыпи фура въ канаву
Падаетъ. Съ маху людей, закричавшихъ ужасно, далеко
Кинуло въ поле,—но, къ счастію, такъ, что никто не убился:
Имъ вослѣдъ сундуки повалились, но ближе упали.
Право, кто видѣлъ паденіе, тотъ ожидалъ, что увидитъ,
Какъ тяжелые шкапы и ящики всѣхъ передавятъ.
Фура сломалась, и люди лежали безъ помощи—каждый
Мимо ѣхалъ и шелъ, озабоченный только собою.
Всѣхъ за собой нетерпѣнье и общій потокъ увлекали.
Мы поспѣшили на помощь—и чтò же? Больные и старцы,
Тѣ, которымъ и дома едва выносимо страданье
Долгое, здѣсь распростерты лежатъ, отъ боли стоная,
Солнечнымъ зноемъ палимы и въ сѣрой пыли задыхаясь».
Тронутъ, на это сказалъ человѣколюбивый хозяинъ:
«Если бы Германъ нашелъ и снабдилъ ихъ платьемъ и пищей!
Я не желалъ бы ихъ видѣть: мнѣ больно смотрѣть на несчастье.
Тронуты первою вѣстью такого страданья, мы тотчасъ
Скудную лепту отъ нашихъ избытковъ послали, чтобъ только
Нѣсколькимъ помощь подать, а тѣмъ и себя успокоить.
Но не станемъ печальныхъ картинъ обновлять передъ нами:
Страхъ проникаетъ и то очень быстро во грудь человѣка,
А забота мнѣ даже и самаго зла ненавистнѣй.
Въ дальнюю комнату лучше пойдемъ: тамъ очень прохладно,
Солнце въ нее никогда не вступаетъ, и воздухъ горячій
Въ толстыя стѣны нейдетъ; а маменька полный стаканчикъ
Стараго намъ принесетъ, чтобы было, чѣмъ думы разсѣять.
Здѣсь не весело пить: мухи вьются, жужжа, надъ стаканомъ».
Всѣ удалились они и довольны были прохладой.
Мать принесла имъ заботливо чистую влагу напитка
Въ свѣтло-граненой бутылкѣ, на ясномъ подносѣ изъ цинка,
Съ зеленоватыми рюмками—истымъ бокаломъ рейнвейна.
Такъ всѣ трое они обсѣли свѣтлò налощённый
Круглый коричневый столъ на тяжелыхъ, незыблемыхъ ножкахъ.
Весело пѣло стекло у хозяина и у пастòра;

Только третій сидѣлъ неподвижно задумчивъ надъ чашей.
И къ нему обратился хозяинъ съ довѣрчивой рѣчью:
«Пей, сосѣдъ дорогой, покамѣстъ милость Господня
Насъ хранитъ и въ грядущемъ также будетъ хранить насъ!
Кто не сознàется, что со времени злого пожара
Онъ, наказавъ однажды и строго, насъ радовалъ снова
И охранялъ непрестанно, какъ самъ человѣкъ охраняетъ
Болѣе всякаго члена любезную ока зѣницу?
Чтò жъ, неужели Онъ впредь насъ оставитъ Своей благо-
датью?—
Только опасности научаютъ сознать Его силу—
И неужели Онъ городъ цвѣтущій, который изъ пепла
Вновь Онъ руками прилежными гражданъ построилъ, осы-
павъ
Щедро дарами, опять разоря, уничтожитъ усилья?»
Съ кроткою радостью рѣчь перервалъ разсудительный
пàсторъ:
«Вѣруйте въ Бога и вѣрны останьтесь такимъ убѣжденьямъ,
Ибо и въ счастьѣ они нашъ умъ укрѣпляютъ, и въ горѣ
Лучшей отрадой дарятъ и сердца оживляютъ надеждой».
«Да,—замѣтилъ хозяинъ, исполненъ созрѣлаго слова:—
Сколько я разъ съ изумленьемъ привѣтствовалъ рейнскія
воды,
Если, смотря по дѣламъ, я въ дорогѣ къ нему возвращался,
Вѣчно великъ представалъ онъ мнѣ, чувство и духъ воз-
вышая;
Но и представить не могъ я, чтобъ этотъ привѣтливый
берегъ
Въ непродолжительномъ времени сталъ намъ окопомъ отъ
франковъ
И русло это рвомъ и защитой отъ всякаго худа.
Видите, такъ защищаетъ природа и вѣрные нѣмцы,
Такъ защищаетъ самъ Богъ — и кого жъ побораетъ со-
мнѣнье?
Всѣ ужъ борцы утомились, и все намекаетъ на миръ намъ.
Если бы мнѣ съ наступающимъ праздникомъ вмѣстѣ до-
ждаться
Въ это же время, когда въ нашей церкви звонятъ, и подъ
голосъ
Трубъ и органа «Te Deum» высокая слышится пѣсня,

Если бы, батюшка, я говорю, въ тотъ же день и мой Германъ
У алтаря, передъ вами, съ невѣстою вышелъ своею,
И повсюду торжественный праздникъ въ грядущіе годы
Въ то же время и днемъ мнѣ домашняго счастья являлся!
Право, мнѣ какъ-то нерадостно юношу видѣть, который
Дома прилежно заботливъ, а въ людяхъ медлительно робокъ,
Мало веселья находитъ въ люди казаться и даже
Онъ убѣгаетъ сообщества дѣвушекъ и равнодушенъ
Къ танцамъ веселымъ, которые всю молодежь привлекаютъ».

Такъ говоря, сталъ прилежно онъ слушать. И скоро далекій
Топотъ копытъ раздался, и повозка, стуча колесами,
Быстро подъ своды воротъ подкатилась съ грохотомъ тяжкимъ.

II.

Терпсихора.

Германъ.

Только-что въ комнату благовоспитанный сынъ показался,
Взоромъ его проницательнымъ встрѣтилъ пасторъ на порогѣ,
Всю окинулъ фигуру и сталъ замѣчать поведенье,
Какъ наблюдатель, который лица выраженье читаетъ,
И, улыбнувшись, къ нему обратился съ довѣрчивой рѣчью:
«Вы воротились какъ будто другимъ человѣкомъ: ни разу
Васъ и вашего взора такимъ оживленнымъ не помню,
Такъ веселы и довольны. Замѣтно, что вы раздѣлили
Бѣднымъ дары и отъ нихъ благодарность святую пріяли».
Сынъ на такія слова отвѣчалъ откровенно и скромно:
«Я не знаю, похвально ли я поступилъ; только сердце
Такъ поступать мнѣ велѣло, какъ я разскажу вамъ подробно.
Матушка, вы такъ долго копались при выборѣ платья
Стараго, поздно уже готовъ былъ завязанный узелъ,
Мѣшкали также вино уложить осторожно и пиво,
И, когда наконецъ за ворота я выѣхалъ, тутъ же
Хлынули съ женами мнѣ и дѣтьми горожане толпами
Прямо навстрѣчу,—давно миновался изгнанниковъ поѣздъ.
Я поспѣшилъ и поѣхалъ рѣзво по дорогѣ въ деревню,
Гдѣ, по разсказу, они ночевать остаются сегодня.
Только по новой дорогѣ пустился я, вдругъ на глаза мнѣ
Фура попалась изъ плотнаго лѣсу; везла ее пара
Дюжихъ воловъ заграничныхъ, самой огромной породы;
Съ боку же дѣвушка шла и, походкою вѣрной ступая,
Пару сильныхъ животныхъ, предлиннымъ хлыстомъ понукая,

То подгонитъ, то сдержитъ. Она управляла разумно.
Только-что я поровнялся, дѣвушка смѣло поближе
Вдругъ къ лошадямъ подошла и сказала: «Не все мы въ такой же
Горькой участи были, какъ видите насъ на дорогѣ.
Я не привыкла еще чужого просить подаянья:
Часто вручаютъ его для того, чтобъ раздѣлаться съ бѣднымъ;
Только нужда заставляетъ меня говорить: на соломѣ
Здѣсь жена богача разрѣшилась недавно родами.
Стоило много труда на волахъ и съ беременной скрыться.
Мы отстали отъ всѣхъ, и едва она въ жизни осталась.
Новорожденный лежитъ у нея на рукахъ неодѣтый,
И лишь чѣмъ-нибудь малымъ помочь въ состояніи наши,
Ежели въ ближней деревнѣ, гдѣ всѣ ночевать собирались,
Мы ихъ застанемъ; но я опасаюсь, что тамъ уже нѣтъ ихъ.
Коль изъ холста у васъ лишнее что-нибудь есть, и вы сами
Здѣсь по сосѣдству живете, пожалуйте бѣднымъ на помощь».
Такъ говорила она, и, блѣдна, поднялась на соломѣ,
Взоръ обращая ко мнѣ, родильница. Я отвѣчалъ имъ:
«Истинно, часто самъ Богъ добрымъ людямъ влагаетъ сознанье
О нуждѣ, предстоящей внезапно несчастному брату:
Матушка, будто предчувствуя ваше несчастіе, узелъ
Мнѣ подала, чтобы я его отдалъ нагому страдальцу».
Я развязалъ узелки у завязки и подалъ халатъ ей
Нашего батюшки, подалъ холстины еще и рубашекъ.
Благодаря, восклицала она: «Счастливцы не вѣрятъ,
Что чудеса въ наши дни совершаются; только несчастный
Руку Господню и перстъ, на добро указующій, видитъ.
Что̀ Онъ на насъ оказалъ черезъ васъ, и на васъ Онъ окажетъ».
И при мнѣ осязать родильница стала холстину
Весело и особливо фланельный подбой на халатѣ.
«Въ ту деревню,—сказала ей дѣвушка:—надо спѣшить намъ,
Гдѣ товарищи наши пробудутъ всю ночь, отдыхая.
Тамъ для ребенка, что̀ нужно, я все приготовлю».
И еще разъ, поклонясь, мнѣ она изрекла благодарность,
Тронула съ мѣста воловъ, и фура поѣхала; я же
Все лошадей еще сдерживалъ—сердце рѣшить не умѣло,
Ѣхать ли мнѣ поскорѣе въ деревню и тамъ по народу

Кушанье все раздѣлить, или тотчасъ и тутъ же на мѣстѣ
Дѣвушкѣ все передать, чтобъ она раздѣлила разумно.
Только раздуміе въ сердцѣ я скоро рѣшилъ и тихонько
Слѣдомъ поѣхалъ за нею, догналъ и сказалъ ей поспѣшно:
«Милая дѣвушка, мнѣ не одной холстины въ повозку
Матушка нынче дала, чтобы ею одѣлъ я нагого:
Много прибавила пищи она и всякихъ напитковъ.
Въ заднемъ баулѣ повозки довольно того и другого.
Мнѣ захотѣлось и эти дары передать все тебѣ же:
Такъ, мнѣ кажется, лучше я все порученье исполню;
Ты ихъ разумно раздашь, а я бы ихъ роздалъ случайно».
Дѣвушка мнѣ отвѣчала:—«Я ваши подарки со всею
Правдой раздамъ и обрадую тѣхъ, кто нуждается больше».
Такъ говорила она. Я открылъ поскорѣе баулы,
Вытащилъ окорока полновѣсные, вытащилъ хлѣбы,
Также бутылки съ виномъ и пивомъ, и передалъ все ей.
Далъ бы охотно и больше; но ящики всѣ опустѣли.
Все уложила она родильницѣ въ ноги и дальше
Въ путь отправилась. Я лошадей завернулъ, да и въ городъ».
Только-что Германъ окончилъ, сосѣдъ разговорчивый тотчасъ
Въ рѣчи вступилъ и воскликнулъ:—«Блаженъ, кто въ годину изгнанья
И безпорядка живетъ въ своемъ домѣ одною душою,
И къ кому ни жена ни малютки не жмутся съ боязнью.
Я сознаю мое счастье. Никакъ не рѣшился теперь бы
Я называться отцомъ и радѣть о женѣ и о дѣтяхъ.
Часто уже о побѣгѣ я думалъ и лучшія вещи
Всѣ укладывалъ,—старыя деньги и цѣпи покойной
Матери: все еще цѣло, изъ нихъ ничего я не продалъ.
Правда, много бъ осталось вещей, неудобныхъ къ отправкѣ.
Даже кореньевъ и травъ, со стараньемъ отысканныхъ мною,
Было бы жаль мнѣ, хотя и немного стоятъ товары.
Если провизоръ останется въ домѣ, я буду покоенъ:
Спасъ я наличныя деньги да тѣло свое, такъ и все
Спасъ. Одному человѣку легко убѣжать и укрыться».
Юноша Германъ на то съ удареньемъ замѣтилъ сосѣду:
«Нѣтъ, я мнѣнья другого и вашу рѣчь осуждаю.
Развѣ тотъ человѣкъ достойный, кто въ горѣ и счастьѣ,
Лишь о себѣ помышляя, дѣлить ни тоски ни веселья
Не умѣетъ и въ сердцѣ на это призванья не слышитъ?

Въ наше время скорѣй я на бракъ въ состояньи рѣшиться:
Сколько достойныхъ дѣвицъ лишены покровительства мужа,
Сколько мужчинъ безъ жены, подающей отраду въ несчастьѣ».
Съ тихой улыбкой отецъ на это:—«Я радъ тебя слушать,
Рѣдко со мной говоришь ты такія разумныя рѣчи».
Но мягкосердая мать перебила слова его быстро:
«Сынъ мой, ты правъ! И тебѣ мы, родители, служимъ примѣромъ:
Мы избирали другъ друга не въ ясные дни наслажденья,—
Нѣтъ, скорѣй насъ печальное самое время связало
Въ понедѣльникъ поутру: я помню, еще наканунѣ
Былъ тотъ страшный пожаръ, который разрушилъ нашъ городъ,
За двадцать лѣтъ передъ этимъ, какъ разъ въ воскресенье, какъ нынче.
Время было сухое, и мало воды въ околоткѣ.
Въ праздничныхъ платьяхъ всѣ жители вышли гулять за заставу,
По деревнямъ разбрелись, по корчмамъ и по мельницамъ ближнимъ.
Въ самомъ концѣ занялось, и пламя пожара вдоль улицъ
Кинулось быстро, своимъ стремленіемъ вѣтеръ рождая.
Всѣ амбары, наполнены жатвы обильной, сгорѣли,
Улицы всѣ погорѣли по самую площадь, отцовскій
Домъ мой сгорѣлъ по сосѣдству отсюда, а съ нимъ вотъ и этотъ.
Мало спасли мы. Всю ночь, эту грустную ночь, я сидѣла
Передъ городомъ въ полѣ, храня сундуки и постели.
Сонъ наконецъ превозмогъ, и, когда заревая прохлада,
Провозвѣстница ранняго солнца, меня разбудила,
Дымъ увидала и жаръ я и голыя стѣны да печи.
Сердце заныло мое. Только солнце еще лучезарнѣй,
Чѣмъ когда-либо, встало и въ душу надежду вдохнуло.
Я поскорѣй поднялась. Захотѣлось невольно мнѣ видѣть
Мѣсто, гдѣ домъ нашъ стоялъ, и цѣлы ли куры, которыхъ
Я особливо любила; разумъ-то былъ еще дѣтскій.
Въ ту минуту, когда я по дымнымъ бродила обломкамъ
Нашего дома и видѣла все разрушенье жилища,
Ты показался съ другой стороны и обыскивалъ мѣсто.

Лошадь твою завалило въ конюшнѣ. Горячія балки
Тлѣли въ мусорѣ черномъ, и не было слѣду скотины.
Такъ въ раздумьѣ печальномъ стояли мы другъ противъ
друга.
Вся стѣна, раздѣлявшая наши дворы, развалилась.
За руку тотчасъ меня ты взялъ и сталъ говорить мнѣ:
«Лиза, зачѣмъ ты пришла? Ступай, прочадѣютъ подошвы:
Видишь, какъ мусоръ горячъ; сапоги и покрѣпче, да тлѣютъ».
И, поднявши меня, ты понесъ черезъ свой опустѣлый
Дворъ. Тамъ одни ворота уцѣлѣли со сводами—только
Въ цѣломъ домѣ осталось,—и тѣ же они до сегодня.
Ты, опустивъ меня, сталъ цѣловать—и я отвернулась;
Только на то отвѣчалъ ты значенія полнымъ привѣтомъ:
«Домъ мой сгорѣлъ,—оставайся и строиться вновь помогай
мнѣ;
Я же, напротивъ, отцу твоему помогу въ его дѣлѣ».
Но понять я тебя не могла, доколѣ къ отцу ты
Матери не подослалъ и не кончилъ веселою свадьбой.
Даже понынѣ я помню полуобгорѣлыя балки
Съ радостью и какъ теперь вижу солнце въ торжествен-
номъ блескѣ.
Этому дню я супругомъ обязана. Первое время
Дикихъ развалинъ меня подарило возлюбленнымъ сыномъ.
Вотъ почему я хвалю тебя, Германъ, что, полонъ надежды,
Дѣвушку тоже избрать ты задумалъ въ печальное время
И не пугаешься брака въ годину войны и развалинъ».
Съ живостью тотчасъ на это замѣтилъ отецъ и сказалъ имъ:
«Мысли такія похвальны, и все, что ты намъ разсказала,
Маменька, истинно такъ приключилось отъ слова до слова.
Только—что лучше, то лучше: не всякому въ жизни придется
Всѣмъ заводиться опять, начавъ съ бездѣлицы каждой,
И не всѣмъ же себя такъ мучить, какъ мы и другіе.
О, блаженъ, кому домъ отъ отца и отъ матери полный
Достается! Его украшать только станетъ наслѣдникъ!
Трудно во всемъ начинать и всего труднѣе въ хозяйствѣ.
Мало ли нужно вещей человѣку,—а все дорожаетъ
Съ каждымъ днемъ, и на то припасай онъ поболѣе денегъ.
Такъ-то и я на тебя надѣюсь, мой Германъ, что скоро
Въ домъ ты невѣсту ко мнѣ приведешь, съ хорошимъ
приданымъ.

Дѣльный мужчина, конечно, достоинъ богатой невѣсты,
Да и пріятно, когда за желанной супругою въ двери
Всякаго рода добра понесутъ въ сундукахъ и коробкахъ.
Не напрасно для дочери мать въ продолженіе многихъ
Лѣтъ холстину готовитъ изъ пряжи надежной и тонкой,
Крестный приборомъ серебрянымъ такъ дорожится недаромъ,
И отецъ бережетъ дорогіе червонцы въ конторкѣ:
Юношу ей со временемъ должно обрадовать этимъ
Всѣмъ приданымъ за то, что ее между всѣми избралъ онъ.
Да, я знаю, какъ весело въ домѣ женѣ, если утварь
Вся знакомая собственность ей и въ покояхъ и въ кухнѣ,
Если и столъ и постели накрыты ея достояньемъ.
Только бъ невѣсту богатую принялъ я съ радостью въ домъ
свой:
Бѣдную станетъ мужъ презирать и начнетъ обходиться
Какъ со служанкою съ той, что̀ пришла съ узломъ, какъ
служанка.
Несправедливость порокъ нашъ, а время любви переходитъ.
Да, мой Германъ, мою бы ты старость утѣшилъ, когда бы
Мнѣ ты невѣсточку въ домъ изъ сосѣдства привелъ, по-
нимаешь, —
Вонъ изъ зеленаго дома. Отецъ—человѣкъ съ состояньемъ,
Фабрики знатно идутъ у него, отъ торговли онъ съ каждымъ
Днемъ богатѣетъ,—купецъ со всего барыши наживаетъ!
Только три дочери всѣхъ; имъ однѣмъ достается имѣнье.
Старшая сговорена ужъ, я знаю, и только вторая
Да меньшая на время, быть-можетъ, доступны исканьямъ.
Если бы я на твоемъ былъ мѣстѣ, не сталъ бы я медлить,
Дѣвушку взялъ бы себѣ, какъ я себѣ маменьку выбралъ».
Скромно отвѣтствовалъ сынъ на такія отцовскія рѣчи:
«Точно, хотѣлъ, по желанію вашему, дочь у сосѣда
Взять за себя я. Росли мы вмѣстѣ, часто играли
Въ прежнее время на площади подлѣ колодца, и часто
Я имъ отъ шалостей мальчиковъ рѣзвыхъ бывалъ обороной.
Все это было давно, и по возрасту дѣвушкамъ должно
Было въ дому оставаться и рѣзвыя игры покинуть.
Вѣрно: онѣ образованы. Я, какъ старинный знакомый,
Все еще въ домъ ихъ ходилъ, исполняя желаніе ваше;
Но никогда я не могъ проводить съ ними весело время.
Вѣчно смѣялись онѣ надо мной и меня обижали:

Мой сюртукъ очень длиненъ, и цвѣтъ и сукно слишкомъ
грубы,
Волосы дурно причесаны и не завиты, какъ должно.
Вздумалъ и я нарядиться, какъ тѣ молодые сидѣльцы,
Чтò по праздникамъ въ домѣ у нихъ появляются, тѣ, чтò
Цѣлое лѣто вертятся въ своей полушелковой тряпкѣ, —
Только я рано довольно замѣтилъ насмѣшки ихъ снова;
Это мнѣ стало обидно и гордость мною унижало.
Больно мнѣ было: онѣ чистоту моихъ побужденій
Не хотѣли понять, и особенно Мина, меньшая.
Къ нимъ на Святой я ходилъ съ послѣднимъ моимъ посѣ-
щеньемъ.
Новый сюртукъ, чтò теперь наверху въ гардеробѣ повѣшенъ,
Былъ на мнѣ, и завилъ волоса я не хуже другого.
Только вошелъ я, онѣ засмѣялись; но я не смутился.
За клавикордами Мина сидѣла, отецъ ихъ былъ тутъ же.
Онъ съ удовольствіемъ слушалъ, какъ пѣла любезная дочка.
Многаго въ пѣснѣ понять я не могъ и не зналъ, чтò такое,
Только часто я слышалъ Памина и часто Тамино.
Я не хотѣлъ быть нѣмымъ и, только окончилось пѣнье,
О содержаньи его и объ этихъ двухъ лицахъ спросилъ я.
Всѣ замолкли, смѣясь, но отецъ отвѣчалъ мнѣ: «Ты, вѣрно,
Знаешь только, мой другъ, одного Адама и Еву?»
Тутъ никто удержаться не могъ, и все хохотало:
Мальчики, дѣвушки, всѣ; а старикъ поджималъ свое брюхо.
Шляпу мою со стыда уронилъ я, и все это время,
Чтò ни пѣли онѣ, ни играли, а смѣхъ продолжался.
Я со стыдомъ и печалью домой воротился, повѣсилъ
Въ шкапъ свой новый сюртукъ, волоса растянулъ завитые
Пальцами и поклялся никогда не бывать въ этомъ домѣ.
Я былъ правъ, потому что онѣ и горды и безъ чувства,
И, я слышалъ, у нихъ я слыву и понынѣ Тамино».

Мать на это ему:—«На дѣтей бы ты, Германъ, не долженъ
Былъ такъ долго сердиться; а, право, онѣ еще дѣти.
Мина, точно, добра и все тебя помнитъ: намедни
Спрашивала у меня про тебя. Вотъ ее бы ты выбралъ!»

Грустно-задумчивъ, на это ей сынъ отвѣчалъ:—«Я не знаю,
То оскорбленіе какъ-то глубоко запало мнѣ въ сердце,
И не хотѣлось бы мнѣ опять ея пѣсню услышать».

Только отецъ подхватилъ, возвышая сердитыя рѣчи:

«Мало я радости нажилъ въ тебѣ и всегда говорилъ я
Это, когда къ лошадямъ ты оказывалъ склонность да къ пашнѣ.
Чѣмъ работникъ у добрыхъ людей занимается, тѣмъ ты
Занятъ; отецъ между тѣмъ все время безъ сына, который
Честь бы ему приносилъ, находясь между прочихъ сограждан.
Мать и давно ужъ меня все пустою надеждой питала
Съ самой школы, когда ни писать ни читать не учился
Ты, какъ другіе, и вѣчно сидѣлъ на скамейкѣ послѣднимъ.
Правда, все оттого, если нѣтъ самолюбія въ сердцѣ
Юноши, и не влечетъ его честь на высокую степень.
Если бъ отецъ обо мнѣ такъ заботился, какъ о тебѣ я,
Въ школу меня посылалъ, да держалъ бы учителя въ домѣ,
Да, я былъ поважнѣй бы хозяина «Льва Золотого».
Медленно сынъ поднялся и тихонько приблизился къ двери,
Безо всякаго шума, но слѣдомъ за нимъ раздраженный
Такъ отецъ закричалъ:—«Ступай! Я знаю упрямца!
Что же, ступай, занимайся хозяйствомъ, чтобъ я не бранился,
Но не думай, что ты деревенскую дѣвку-мужичку
Можешь когда-либо въ домъ привести мнѣ своею женою.
Жилъ я на свѣтѣ довольно, умѣю съ людьми обходиться:
И господамъ угождаю и дамамъ,—и всѣ остаются
Мною довольны, затѣмъ, что умѣю польстить незнакомцу;
Но за это хочу, чтобъ невѣстушка мнѣ воротила
Все наконецъ, и труды и заботы мои услаждая.
На клавикордахъ играть мнѣ должна она. Лучшіе люди
Города пусть у меня собираются такъ же, какъ въ домѣ
Это въ воскресные дни у сосѣда бываетъ». Тихонько
Сынъ надавилъ на замо̀къ и, безмолвенъ, изъ комнаты вышелъ.

III.

Талія.

Граждане.

Такъ отъ заносчивой рѣчи почтительный сынъ удалился;
Но отецъ продолжалъ въ томъ духѣ, въ которомъ онъ началъ:
«Если нѣтъ чего въ человѣкѣ, того и не будетъ,
И напрасно мнѣ ждать исполненія лучшихъ желаній,
Чтобъ былъ сынъ не таковъ, какъ отецъ, но лучше гораздо.
Что же бы съ домомъ сталось и съ городомъ, если бы каждый
Не старался поддерживать, возобновлять, что имѣетъ,
И украшать въ духѣ времени, по заграничнымъ примѣрамъ?
Не какъ грибу изъ земли наконецъ расти человѣку
И на мѣстѣ томъ сгнивать, на которомъ родился,
Не оставляя слѣда своихъ занятій при жизни.
Такъ же по дому легко угадать, каковъ-то хозяинъ,
Какъ, городокъ проѣзжая, понять, каково въ немъ начальство.
Тамъ, гдѣ башни и стѣны въ развалинахъ, гдѣ по канавамъ
Соръ накопился и соръ по улицамъ всюду разбросанъ,
Тамъ, гдѣ тронулся камень съ мѣста и вновь не задвинутъ,
Гдѣ перегнило бревно, и домъ вотще ожидаетъ
Новой подпоры,—понятно, что тамъ управленье худое;
Гдѣ чистоты и порядка отъ всѣхъ не требуютъ свыше,
Тамъ легко гражданинъ привыкаетъ къ будничной грязи,
Какъ и нищій къ своимъ подъ конецъ привыкаетъ лохмотьямъ.
Вотъ почему я хотѣлъ, чтобы въ скоромъ времени Германъ
Попутешествовалъ: пусть хоть Страсбургъ да Франкфуртъ увидитъ
И веселый Мангеймъ, построенный ровно и чисто.

Кто видалъ города большiе и чистые, будетъ
Свой родной городокъ, какъ ни малъ онъ, стараться украсить.
Развѣ не хвалитъ прiѣзжiй нашихъ воротъ обновленныхъ?
Не прославляетъ ли всякъ мостовой, широкихъ каналовъ,
Подъ землей проведенныхъ, съ которыми мы безопасно
Можемъ огонь утушить вездѣ при самомъ началѣ?
Все окончено это со времени злого пожара.
Въ ратушѣ я шесть разъ строителемъ былъ и все время
Слышалъ однѣ похвалы и признательность добрыхъ согражданъ.
Все начатое мной я старался окончить и планы
Честныхъ людей исполнять, отъ которыхъ они отказались.
Такъ за дѣло взялись наконецъ всѣ члены совѣта.
Каждый стремится теперь, и уже утвердили постройку
Новой дороги, которая свяжетъ нашъ городъ съ большою.
Только я сильно боюсь,—молодежь поступать такъ не станетъ!
Думаютъ только одни о весельѣ пустомъ да нарядахъ,
А другiе все дома сидятъ, забившись за печкой.
И боюсь я весьма, чтобъ мой Германъ такимъ не остался».
Добрая, умная мать отвѣчала на это немедля:
«Къ сыну однако никакъ ты быть справедливымъ не хочешь.
Этимъ путемъ ни за что не достигнешь желаемой цѣли:
Мы не можемъ дѣтей измѣнять по собственной волѣ,
Какъ они созданы Богомъ, такими должны мы любить ихъ,
О воспитаньи радѣть, наклонностей въ нихъ не стѣсняя.
Тотъ имѣетъ одну способность, а этотъ другую,
Каждый своею живетъ и каждый по-своему только
Добръ и счастливъ. Напасть на Германа я не позволю.
Знаю, онъ достоинъ того, что̀ получитъ въ наслѣдство,
И хозяиномъ будетъ отличнымъ, примѣрнымъ для гражданъ:
Я предвижу, что онъ и въ свѣтѣ не будетъ послѣднимъ.
Но пересудами ты, какъ сегодня, да вѣчною бранью
Ежедневно у бѣднаго духъ отнимаешь послѣднiй».
И она удалилась изъ комнаты слѣдомъ за сыномъ,
Чтобы его отыскать гдѣ-нибудь и словами участья
Снова обрадовать. Сынъ почтительный этого стоилъ.
Только-что вышла она, отецъ, улыбаясь, замѣтилъ:
«Странный, однако, народъ эти женщины, такъ же, какъ дѣти!

Каждому хочется жить, поблажая собственной волѣ,
И потомъ еще ждутъ, чтобъ любили ихъ да хвалили.
Какъ постоянно вездѣ справедлива пословица древнихъ:
Кто впередъ нейдетъ, тотъ назадъ подается. И правда!»
И въ раздумьѣ на эти слова замѣтилъ аптекарь:
«Съ вами я, сосѣдъ, охотно согласенъ и самъ я
Радъ улучшенью, когда оно ново и дешево стоитъ;
Но какая же польза, коль денегъ большихъ не имѣешь,
Быть въ хлопотахъ, улучшить стараясь внутри и снаружи?
Гражданинъ ограниченъ во всемъ, онъ блага достигнуть
Даже съ сознаньемъ не можетъ: ему кошелекъ не позволитъ.
Много потребностей есть, и затѣмъ затрудненія всюду.
Я бы многое сдѣлалъ. Но кто жъ не боится издержекъ
При перемѣнѣ? Къ тому жъ времена-то пришли дорогія.
Въ мысляхъ домъ мой давно улыбался мнѣ въ модномъ нарядѣ,
Въ немъ давно предо мной сверкаютъ огромныя стекла;
Но куда за купцомъ угоняться, который, окромѣ
Средствъ, владѣетъ путями добыть все лучшее прямо?
Посмотрите на новый домъ противъ насъ: какъ красиво
Изъ штукатурки бѣгутъ завитки по зеленому полю!
Стекла огромныя въ окнахъ блестятъ и сіяютъ такъ ярко,
Что собой остальные дома затмили на рынкѣ.
Послѣ пожара однако вѣдь наши былй всѣхъ красивѣй:
Тамъ надъ аптекою ангелъ, здѣсь вывѣска «Льва Золотого».
Такъ и садъ мой былъ извѣстенъ во всемъ околоткѣ:
Каждый проѣзжій, бывало, сквозь красную смотритъ рѣшетку
На размалеванныхъ карловъ моихъ и на каменныхъ нищихъ.
А кого, бывало, попотчую кофеемъ въ гротѣ
(Правда, гротъ-то теперь запыленъ и почти развалился),
Тотъ не могъ нахвалиться сіянію раковинъ яркихъ,
Чудно подобранныхъ. Даже не разъ знатоки ослѣпленнымъ
Окомъ смотрѣли на блескъ свинца и на яркость кораллов.
Въ залѣ не менѣе нравились всѣмъ живописныя стѣны,
По которымъ гуляютъ въ садахъ разодѣтыя дамы
Съ господами, держащими въ тонкихъ перстахъ по цвѣточку.
Кто захочетъ теперь и смотрѣть-то на это? Я рѣдко
Съ горя и самъ гуляю. Теперь все должно быть иначе,
Да, какъ они говорятъ, со вкусомъ, все просто и гладко;
Всѣ скамейки изъ дерева, ни позолоты не нужно

Имъ ни рѣзьбы; а чего выписное-то дерево стоитъ?
Я бы тоже не прочь заводиться чѣмъ-нибудь новымъ,
Объ руку съ вѣкомъ итти и утварь мѣнять безпрестанно;
Но для всякаго страшно бездѣлицу самую тронуть.
Кто въ настоящее время платить въ состояньи рабочимъ?
Вздумалъ на вывѣскѣ я Михаила Архангела какъ-то
Было опять золотить, да кстати и страшнаго змѣя,
Что у ногъ-то его извивается,—только опять я
Бурыми ихъ оставилъ: меня испугали запросомъ».

IV.

Эвтерпа.

Мать и сынъ.

Такъ говорили мужчины, бесѣдуя; мать, между прочимъ,
Сына пустилась искать,—за ворóтами дома сначала,
Гдѣ, по привычкѣ, онъ сиживалъ часто на камнѣ скамейки;
Но, не найдя его тамъ, заглянуть пошла на конюшню:
Можетъ-быть, самъ убираетъ онъ милыхъ лошадокъ, которыхъ
Сосунками купилъ, никому не ввѣряя присмотра.
Тамъ ей работникъ сказалъ, что въ садъ онъ пошелъ. И немедля
Мимо конюшни она и мимо красивыхъ сараевъ
Вдоль по двойному двору торопливо прошла и вступила
Въ садъ, который далёко холстомъ протянулся до самыхъ
Стѣнъ городскихъ, и его перешла, на растенья любуясь,
Тутъ же подпорки поправила тѣ, на которыхъ тяжелый
Сукъ опирается яблони или развѣсистой груши,
Нѣсколько также червей посняла мимоходомъ съ капусты:
Домовитая женщина шагу напрасно не ступитъ.
Такъ прошла и весь садъ она длинный до самой бесѣдки,
Свѣжею зеленью скрытой, — но сына въ ней не было: такъ же,
Какъ и въ саду, по сю пору нигдѣ его не было видно, —
Только калитка едва приперта изъ бесѣдки (калитку
Эту въ стѣнѣ городской проломилъ, по особенной власти,
Предокъ почтенный давно, какъ былъ онъ еще бургомистромъ).
Тамъ свободно она перешла и сухую канаву,
Гдѣ виноградникъ отъ самой дороги въ надежной оградѣ
Вдоль по тропинкѣ крутой поднялся, обращаясь на полдень.
Также и тутъ, восходя, она любовалась обильемъ

Гроздій, которыя чуть укрывались подъ зеленью листьевъ.
Въ средней высокой и скрытой аллеѣ дышала прохлада.
Должно по плитамъ нетесаннымъ было въ нее подыматься.
Всюду висѣли кругомъ мускатель и прозрачный гутэдель,—
Былъ между ними и сизо-малиновый крупной породы,—
Сажены всѣ для того, чтобъ подносъ украшать передъ гостемъ.
Но въ остальномъ винотрадникѣ лозы росли особливо:
Ихъ виноградъ, для вина дорогого назначенный, мельче.
Такъ, поднимаяся въ гору, она улыбалась заранѣ
Осени близкой и дню, въ который во всемъ околоткѣ
Гроздья снимаютъ и жмутъ и боченки виномъ наполняютъ;
Вечеромъ всюду потѣшнымъ огнемъ озаряется небо
Съ трескомъ—и тѣмъ почитается эта прекрасная жатва.
Но безпокойнѣй пошла она дальше, окликнувши сына
Два или три раза: ей только башни градскія на это
Слали въ отвѣтъ многократно свое говорливое эхо.
Странно ей было искать: далеко никогда не ходилъ онъ:
Если жъ, бывало, пойдетъ, то скажется ей для того, чтобъ
Всѣ опасенія любящей матери тѣмъ успокоить;
Только она все надѣялась встрѣтить его на дорогѣ.
Обѣ калитки вверху и внизу виноградника были
Отперты настежь—и такъ она въ поле вступила, которымъ
Вся отъ вершины холма далеко покрывалась равнина.
Все по своей же землѣ еще шла она весело, всюду
Свой озирая посѣвъ и обильную рожь, у которой
Колосъ свѣтло-золотой колыхался по цѣлому полю.
Между посѣвомъ пошла она полемъ по узкой тропинкѣ
Прямо къ холму, на которомъ огромная груша стояла,
Тамъ, гдѣ рубежъ отдѣлялъ ихъ поля отъ сосѣдняго поля.
Кто ее тутъ посадилъ—неизвѣстно. По дальней округѣ
Всюду виднѣлась она, и плоды ея славились также.
Въ полдень подъ нею жнецы подкрѣплялись обѣденной пищей,
А пастухи, отдыхая въ тѣни, берегли свое стадо.
Были подъ нею скамейки изъ дикаго камня и дерну.
Точно, мать не ошиблась: тамъ Германъ сидѣлъ, отдыхая.
На руку тихо склонясь, онъ, казалось, смотрѣлъ въ отдаленье,—
Въ горы по той сторонѣ; а къ матери былъ онъ спиною.

Тихо подкралась она и плеча его тихо коснулась.
Онъ обернулся,— она увидала въ очахъ его слезы.
«Матушка,—ей онъ, смутясь:—вы меня изумили!» — и тотчасъ
Юноша слезы отеръ, благороднаго чувства исполненъ.
«Какъ?—замѣтила мать изумленная:—сынъ мой, ты плачешь?
Это мнѣ ново въ тебѣ: я слезъ за тобою не знала!
Чѣмъ огорченъ ты, скажи? Чтȯ тебя тутъ сидѣть заставляетъ
Въ уединеньи подъ грушей? Зачѣмъ эти слезы во взорѣ?»
Юноша кроткій на это сказалъ ей, владѣя собою:
«Истинно, нѣтъ у того подъ грудью желѣзною сердца,
Кто въ настоящее время не чувствуетъ горя скитальцевъ;
Нѣтъ и ума въ головѣ у того, кто о собственномъ благѣ,
О безопасности родины въ эту годину не мыслитъ.
То, чтȯ я видѣлъ и слышалъ сегодня, мнѣ тронуло сердце.
Вотъ я вышелъ сюда и смотрю на обильныя нивы,
Какъ живописно онѣ отъ холма до холма раскидались,
Вижу, какъ рожь по загонамъ златая качается, вижу,
Какъ обѣщаютъ плоды переполнить у насъ кладовыя,—
Только—увы!—непріятель такъ близко!.. Хоть рейнскія воды
Насъ и хранятъ, но—увы!—чтȯ и воды и горы народу
Этому страшному? Онъ какъ ненастная туча несется!
Старыхъ и малыхъ они отовсюду скликаютъ и мощно
Прямо впередъ да впередъ напираютъ. Толпа не боится
Смерти—и новая тотчасъ стремится толпа за толпою.
Ахъ! И нѣмецъ рѣшается въ домѣ своемъ оставаться?
Можетъ-быть, думаетъ онъ уклониться отъ общаго горя?
Милая матушка, знайте: сегодня и грустно и больно
Мнѣ, что намедни меня отстранили при выборѣ гражданъ
Въ ратное дѣло. Не спорю, одинъ у родителей сынъ я,
Наше хозяйство огромно и наши занятія важны,
Но не лучше ли тамъ, на границѣ, мнѣ ждать нападенья,
Чѣмъ вотъ тутъ у себя ожидать униженья и рабства?
Да, я чувствую самъ въ груди нетерпѣнье и силу,
Жить я готовъ и равно умереть готовъ для отчизны.
Пусть и другіе во мнѣ примѣръ достойный увидятъ.
Право, если бы намъ молодежь всю сильную нашу
Тамъ, на границѣ, поставить и ждать непріятелей смѣло,—
О, не пришлось бы топтать имъ нашу чудесную землю,

Въ нашихъ глазахъ истреблять и плоды и обильную жатву,
Повелѣвая мужчинамъ, а женъ и дѣвицъ расхищая!
Видите, матушка, я рѣшился въ душѣ поскорѣе
Сдѣлать то, что̀ благимъ и достойнымъ мнѣ кажется:
тотъ, кто
Думаетъ долго, изъ двухъ не всегда выбираетъ удачно.
Видите, я не вернусь уже въ домъ нашъ, а прямо отсюда
Въ ближній городъ иду и воинамъ тамъ посвящаю
Эту руку и эту грудь на службу отчизнѣ.
Батюшку спро̀сите вы, есть ли въ сердцѣ моемъ благородство,
И не влечетъ ли честь и меня на высокую степень».
Добрая, умная мать отвѣчала ему, проливая
Тихія слезы (онѣ на глазахъ показались невольно):
«Что̀ это, сынъ мой, въ тебѣ и въ душѣ у тебя измѣнилось?
Съ матерью ты говоришь не такъ, какъ говаривалъ прежде,—
Прямо, открыто, во всемъ повѣряя желанія сердца.
Если бы третій теперь тебя подслушалъ, онъ, точно,
Словомъ твоимъ и значеньемъ твоихъ рѣчей увлеченный,
Сталъ бы рѣшенье твое хвалить за его благородство;
Только, знавши тебя коротко̀, я тебя осуждаю;
Въ мысляхъ иное совсѣмъ у тебя, и скрываешь ты сердце.
Не барабанъ, не труба тебя вызываютъ, я знаю,
Не желаніе къ дѣвушкамъ въ новомъ мундирѣ явиться:
Нѣтъ, по способностямъ ты вполнѣ предназначенъ къ другому —
Домъ охранять, безмятежно и мирно воздѣлывать поле;
Вотъ почему—откровенно скажи: отчего ты рѣшился?»
«Матушка, вы ошибаетесь,—сынъ ей на это:—день на̀ день
Не приходитъ, и юноша станетъ мужать понемногу.
Часто онъ зрѣетъ въ тиши скорѣе на дѣло, чѣмъ въ этой
Дикой жизни, которая много людей погубила.
Какъ я ни тихъ и ни смиренъ, однако въ груди незамѣтно
Сердце мое научилось неправо и зло ненавидѣть,
Въ мірѣ я тожъ различить худое съ хорошимъ умѣю,
Да и въ работѣ мои окрѣпли и руки и ноги, —
Все это правда, и въ этомъ я смѣло могу быть увѣренъ.
Только вы все-таки, матушка, правы, и я въ половину
Правду вамъ говорилъ, а въ другой говорило притворство.
Если признаться, меня не близость бѣды вызываетъ

Вонъ изъ дому отца и не тѣ высокія мысли —
Быть полезнымъ отечеству, а непріятелю страшнымъ:
Это одни я слова говорилъ, для того, чтобъ отъ васъ мнѣ
Скрыть тѣ чувства, которыя сердце мое раздираютъ.
Такъ оставьте меня вы, матушка. Если напраснымъ
Чувствомъ полна эта грудь, пусть и жизнь эта вянетъ напрасно.
Слишкомъ увѣренъ я въ томъ, что стремленіе частное только
Вредно себѣ самому, если къ цѣлому всѣ не стремятся».
Благоразумная мать на это ему: «Продолжай же
Все разсказывать мнѣ до самой подробности мелкой!
Всѣ вы пылки, мужчины, и видите лишь окончанье,
А затрудненіе пылкихъ легко совращаетъ съ дороги;
Женщина въ этомъ искуснѣй: она помышляетъ о средствахъ,
Какъ бы дорогой окольной желаемой цѣли достигнуть.
Ты откровенно скажи мнѣ, чѣмъ такъ сильно растроганъ,
Какъ никогда я тебя не видала. Взволнованъ ты сильно,
А на глазахъ поневолѣ горячія слезы сверкаютъ».
Къ матери павъ на грудь и грусти давая свободу,
Громко юноша добрый заплакалъ навзрыдъ и сказалъ ей:
«Батюшка нынче ужасно меня оскорбилъ укоризной:
Этого я никогда заслужить поведеньемъ не думалъ.
Съ первыхъ мнѣ лѣтъ почитать родителей было отрадой,
Всѣхъ умнѣй для меня казались виновники жизни,
Благопремудрые судьи и пѣстуны темнаго дѣтства.
Много въ ребячествѣ я перенесъ отъ товарищей школьныхъ:
За доброту мнѣ они нерѣдко коварствомъ платили,
Часто случалось отъ нихъ сносить швырки и удары;
Если жъ, бывало, они надъ отцомъ начнутъ издѣваться,
Какъ онъ задумчивымъ шагомъ идетъ въ воскресенье изъ церкви,
Ленту на шляпѣ его осуждать иль цвѣты на халатѣ,
Бывшемъ ему такъ къ лицу и отданномъ только сегодня,—
Страшно сжимался кулакъ у меня, и съ отчаянной злобой
Я колотить начиналъ безъ разбору, куда ни попало.
Громко, съ носами, разбитыми въ кровь, они выли и только,
Только могли убѣгать отъ ужасныхъ пинковъ и побоевъ.
Такъ подрасталъ я на то, чтобы послѣ отъ батюшки часто
Вмѣсто другихъ выносить оскорбленья и рѣчи укора.
Если, бывало, его въ засѣданьи послѣднемъ взволнуютъ,

Я отвѣчаю за все: за козни и споры совѣта.
Часто объ участи жалкой моей вы и сами жалѣли:
Но въ душѣ я цѣнилъ заботы родителей нѣжныхъ,
Ихъ попеченье для насъ свое умножать состоянье,
Часто стѣсняя себя изъ желанія дѣтямъ оставить.
Только — увы! — не въ одномъ береженьи для будущихъ цѣлей
Счастіе наше сокрыто, и, какъ ни пріятно довольство,
Счастія нѣтъ въ умноженіи нашихъ полей и достатка.
Вмѣстѣ съ отцомъ престарѣлымъ старѣются также и дѣти,
Свѣтлаго дня не видавъ и о завтрашнемъ вѣчно заботясь.
Сами взгляните сюда и скажите: не правда ль, какъ чудно
Все раскидалось кругомъ? Внизу виноградникъ и садъ нашъ,
Дальше сараи, конюшни и домъ, какъ полная чаша;
Но когда я на домъ посмотрю и увижу окошко
То изъ каморки моей, подъ самою крышей,—невольно
Мнѣ на память приходитъ время, въ которое тамъ я
Долго мѣсяца ждалъ по ночамъ иль ранняго солнца
(Крѣпкаго сна на короткое время бывало довольно):
Ахъ, какимъ одиночествомъ вѣяли въ эти минуты
Комната, садъ и холмовъ далеко убѣгавшіе скаты!
Все предо мною лежало пустынно, и ждалъ я подруги».
Добрая мать отвѣчала на это разумною рѣчью:
«Сынъ мой, если ты новобрачную ждешь, чтобы съ нею
Ночь обратилась тебѣ въ половину прекрасную жизни,
Всѣ дневныя заботы твои награждая,—повѣрь мнѣ,
Мать и отецъ для тебя желаютъ того же. Мы сами
Къ выбору дѣвушки часто тебя принуждали совѣтомъ.
Только я знала сама, а теперь говоритъ мое сердце:
Ежели часъ роковой не настанетъ, да вό-время, въ пору
Дѣвушки суженой нѣтъ, всѣ поиски будутъ напрасны:
Пуще всего ошибиться при выборѣ кажется страшнымъ.
Сынъ мой, сказать ли тебѣ? Мнѣ кажется, ты уже выбралъ:
Сердце грустнѣй у тебя и чувствительнѣй стало гораздо.
Прямо со мной говори; а мнѣ уже сердце сказало:
Ты сегодня ту дѣвушку, ту изгнанницу выбралъ».
«Милая матушка,—сынъ подхватилъ съ увлеченьемъ: —
Точно, точно, ее! И если сегодня же въ домъ свой
Я невѣстой ее не введу, въ такой суматохѣ
Всѣхъ переѣздовъ и войнъ и слѣда ея послѣ не сыщешь.

Матушка, тщетно тогда будетъ все для меня достоянье,
Тщетно грядущіе годы украсятся жатвой обильной,
Самый домъ нашъ и садъ для меня потеряютъ значенье,
Нѣжность матери даже—увы!—не утѣшитъ страдальца:
Чувствую самъ, что любовь разрѣшаетъ всѣ прочія узы,
Если скрѣпляетъ свои, и не дѣвушка только оставитъ
Мать и отца своего, прилѣпляясь къ мужу душою:
Нѣтъ, и юноша мать и отца позабудетъ, увидя,
Какъ удаляется дѣвушка, милая сердцу навѣки.
Вотъ почему я пойду, куда поведетъ меня горе.
Батюшка высказалъ ясно рѣшенье свое, и мнѣ домъ вашъ
Съ этой минуты чужой, потому что дѣвушка эта —
Такъ рѣшено—никогда въ немъ не будетъ моею супругой».
Добрая, умная мать перебила слова его быстро:
«Двое мужчинъ будто горы становятся другъ противъ друга:
Гордъ, непреклоненъ, никто уступить не желаетъ другому,
Къ первому доброму слову языкъ повернуть не рѣшится.
Сынъ мой, послушай меня: я покуда питаю надежду,
Что отецъ, если дѣвушка, точно, добра и достойна,
Самъ, невзирая на бѣдность ея, оправдаетъ твой выборъ.
Часто въ пылу говоритъ онъ и то, чего не исполнитъ:
Такъ и на то, въ чемъ сперва отказывалъ, будетъ согласенъ,
Только добраго слова онъ ждетъ—и ждать его въ правѣ:
Онъ отецъ. И ты знаешь, что гнѣвъ его послѣ обѣда
Рѣдко значителенъ: тутъ говоритъ онъ въ жару и не хочетъ
Вѣрить другимъ, потому что вино возбуждаетъ всѣ силы
Въ немъ, не давая внимать рѣчамъ посторонняго слова.
Въ это онъ время себя одного только слышитъ и знаетъ.
Но приближается вечеръ—и, мало-по-малу стихая,
Всѣ разговоры его съ друзьями начнутъ истощаться.
Онъ становится кротче, я знаю, когда освѣжится
И припомнитъ, что онъ въ увлеченьи обидѣлъ другого.
Встань, мы тотчасъ пойдемъ: въ рѣшеньи скоромъ удача.
Намъ друзей его должно застать, они еще тамъ же
Съ нимъ сидятъ; особливо духовный отецъ будетъ нуженъ».
Такъ говорила она и взяла, подымаяся съ камня,
За руку сына, который охотно послѣдовалъ. Оба
Молча пошли, въ головѣ обсуждая рѣшительный замыслъ.

V.

Полигимнія.

Космополитъ.

Точно, всѣ трое еще сидѣли, бесѣдуя, вмѣстѣ:
Самъ хозяинъ, особа духовная, съ ними аптекарь.
Все еще также у нихъ разговоръ продолжался, и часто
То къ одному, то къ другому предмету ихъ рѣчи склонялись.
Но добродушный пасторъ съ благородною цѣлью замѣтилъ:
«Съ вами я спорить не буду: я самъ сознаю, человѣку
Къ лучшему должно стремиться,—и онъ, какъ мы видимъ, стремится,
Если не къ высшему, то, по возможности, новаго ищетъ;
Но далеко не заходитъ, затѣмъ, что при этомъ желаньи
Намъ отъ природы наклонность дана оставаться при старомъ,
Тѣмъ наслаждаясь, къ чему уже каждый привыкъ съ малолѣтства.
Всякій родъ жизни хорошъ, будь естественъ онъ да разуменъ.
Много ищемъ мы всѣ, а всего-то намъ нужно немного:
Жизнь коротка, и судьбой ограничена смертнаго доля.
Я никогда осуждать не стану того, кто отважно
Всѣ объѣзжаетъ моря и земные пути, непрестанно
Полонъ заботъ и надеждъ и радъ, если прибыль осыплетъ
Щедро его и людей ему близкихъ своими дарами;
Только, по-моему, такъ же почтенъ гражданинъ безмятежный:
Онъ наслѣдство отцовское тихой стопою обходитъ
И сообразно со временемъ долженъ воздѣлывать поле.
Почва владѣнья его не мѣняется съ каждой весною,
Вновь насажденное дерево къ небу не тотчасъ подыметъ
Длинныя вѣтви свои, отягченныя цвѣтомъ обильнымъ:

Нѣтъ, хозяину нужно терпѣнье, нуженъ и чистый,
Вѣрный себѣ самому, спокойный разсудокъ и разумъ.
Малую долю сѣмянъ онъ лону земли повѣряетъ,
Также немного породъ разводитъ домашнихъ животныхъ,
Всѣмъ помышленіемъ только стремясь къ тому, что̀ полезно.
Счастливъ тотъ, у кого отъ природы такая наклонность:
Онъ питаетъ насъ всѣхъ. Блаженъ обыватель въ безвѣстномъ
Городѣ, если успѣлъ сочетать ремесло съ земледѣльемъ:
Не тяготѣетъ надъ нимъ ежедневный страхъ селянина,
И не смущаетъ забота гражданъ, которые вѣчно
Многаго ищутъ, во всемъ желая ровняться съ богатымъ,
Высшимъ себя по породѣ, особенно жены и дочки.
Благословите поэтому тихія склонности сына,
Также супругу его, если ровню себѣ изберетъ онъ».

Такъ пасто̀ръ говорилъ. И мать вошла въ это время,
За руку сына ввела и поставила передъ супругомъ.
«Часто,—сказала она:—отецъ, мы, болтая другъ съ другомъ,
Все помышляли съ тобою о днѣ веселомъ, въ который,
Выбравъ невѣсту, насъ наконецъ обрадуетъ Германъ.
Думали такъ мы и сякъ тогда, то одну, то другую
Дѣвушку нашей родительской рѣчью ему присуждая.
Вотъ теперь тотъ день вожделѣнный насталъ, и невѣсту
Небо ему привело, показало, а сердце рѣшило.
Не всегда ли мы говорили: пусть выбираетъ!
Ты недавно желалъ, чтобъ открыто и всею душою
Къ дѣвушкѣ онъ привязался. И вотъ наступила минута:
Онъ привязался, избралъ и рѣшился въ душѣ, какъ мужчина.
Эта дѣвушка—та иностранка, что̀ въ полѣ онъ встрѣтилъ.
Благослови ихъ, иль онъ поклялся, что останется холостъ».

«Батюшка,—сынъ подхватилъ:—на ней позвольте жениться!
Сердце избрало ее; она вамъ достойной невѣсткой
Будетъ». Только отецъ молчалъ. Пасто̀ръ въ это время
Быстро всталъ и сказалъ: «Мгновеніе только рѣшаетъ
Всю судьбу человѣка и все направленіе жизни.
Какъ ни разсматривай дѣла, рѣшеніе все-таки будетъ
Дѣломъ мгновенья, и должное выберетъ только разумный.
Очень опасно при выборѣ тутъ же въ побочныхъ предметахъ
То и другое обдумывать: этимъ сбивается чувство.
Германъ чистъ. Я знаю его съ малолѣтства. Ребенкомъ
Онъ уже рукъ не протягивалъ то къ одному, то къ другому:

Только возможнаго онъ желалъ и держалъ его крѣпко.
Такъ не смущайтесь теперь, что вдругъ предъ вами явилось
То, чего вы давно ожидали. Явленіе, точно,
Приняло образъ иной, а не образъ вашихъ желаній.
Часто за нашимъ желаньемъ мы цѣли желанья не вторимъ:
Свыше снисходятъ дары, облеченные въ собственный образъ.
Чтò жъ, той дѣвушки вы не чуждайтесь, которая сыну
Вашему, доброму, умному, тронула душу впервые.
Счастливъ тотъ, кому первая милая руку протянетъ:
Лучшее чувство его не умретъ, затаенное въ сердцѣ.
Я по лицу его вижу, что участь его совершилась.
Страсть роковая мгновенно юношу дѣлаетъ мужемъ.
Воля въ немъ есть, и я опасаюсь, что послѣ отказа
Лучшіе годы свои проведетъ онъ въ томительной грусти».
Тотчасъ на это разумно, къ слову, замѣтилъ аптекарь
(Рѣчи давно съ языка у него покушались сорваться):
«Лучше и здѣсь пойдемъ надежнымъ путемъ середины—
Споро, не скоро! Самъ Августъ избралъ эти рѣчи девизомъ.
Я охотно служить готовъ дорогому сосѣду,
Свой ограниченный разумъ на пользу его предлагая;
И особливо для юности нужно во всемъ руководство.
Дай, отсюда пойду и дѣвушку тамъ испытаю,—
Выспрошу тѣхъ, кто знаетъ ее и вмѣстѣ живетъ съ ней.
Я обманусь не легко и словъ разумѣю значенье».
Тотчасъ сынъ поспѣшилъ на это крылатою рѣчью:
«Чтò жъ, ступайте, сосѣдъ, разспросите. Но мнѣ бы хотѣлось,
Чтобы при васъ господинъ пастòръ былъ товарищемъ въ дѣлѣ:
Двое подобныхъ мужей—какой же поруки надежнѣй?
Батюшка, дѣвушка эта не бѣглянка, повѣрьте,
Не изъ тѣхъ, чтò пускаются всюду искать приключеній
И неопытныхъ юношей въ сѣти свои уловляютъ:
Нѣтъ, разрушительный жребій войны, сотрясающей землю,
Тотъ же самый, который много зданій разрушилъ
До основанія,—онъ-то несчастную изъ дому выгналъ.
Мало ли знатныхъ людей, благородныхъ, скитаются въ горѣ?
Принцы, скрываясь, бѣгутъ, въ изгнаньи живутъ государи.
Ахъ, все та же судьба и ее отъ сестеръ оторвàла:
Здѣсь на чужбинѣ она, забывая о собственномъ горѣ,
Служитъ другимъ и, сама безпріютная, имъ помогаетъ
Точно, велики несчастья и нужды, покрывшія землю,

Но, быть-можетъ, въ самомъ несчастьѣ тутъ кроется счастье:
Можетъ-быть, я объятьемъ невѣсты и вѣрной супруги
Буду обязанъ войнѣ, какъ вы когда-то пожару».
Тутъ замѣтилъ отецъ, значительно ротъ раскрывая:
«Какъ это, сынъ мой, теперь развязался языкъ твой, который
Многіе годы коснѣлъ и ворочался только съ усильемъ!
То, что̀ всѣмъ отцамъ угрожаетъ, узналъ я сегодня:
Мать готова всегда поблажать желаніямъ пылкимъ
Сына, и каждый сосѣдъ заодно уже дѣйствуетъ съ ними,
Если противъ отца или противъ супруга возстанье.
Но противиться я всѣмъ вмѣстѣ не стану: что̀ пользы?
Тутъ я только одно упрямство предвижу да слезы.
Что̀ жъ, ступайте, смотрите, и съ Богомъ мнѣ въ домъ приводите
Дочь; а не то, такъ пусть забудетъ онъ дѣвушку эту».
Такъ отецъ говорилъ. Въ порывѣ восторга воскликнулъ
Сынъ: «Еще нынче же вечеромъ явится дочь къ вамъ такою,
Какъ разумный мужчина себѣ представляетъ невѣсту.
Счастлива добрая дѣвушка будетъ тогда, я надѣюсь.
Да, мнѣ вѣчно она признательна будетъ, пріемля
Мать и отца отъ меня, какихъ разумныя дѣти
Могутъ лишь пожелать. Но мѣшкать я больше не буду:
Тотчасъ же лошадей запрягу да слѣдомъ за милой
Нашихъ друзей подвезу и дѣйствовать имъ предоставлю.
Небомъ клянусь, что во всемъ на рѣшеніе ихъ полагаюсь.
Дѣвушку я, не назвавши своей, опять не увижу».
Германъ бросился тотчасъ въ конюшню, гдѣ борзые кони
Смирно стояли и чистый овесъ подбирали проворно
Съ сѣномъ сухимъ, накошеннымъ въ самой душистой долинѣ.
Тотчасъ, блестящія имъ удила влагая, продернулъ
Въ посеребрёнными пряжки онъ ремни и немедля
Сталъ пристегивать длинныя, прочно-широкія вожжи,
Вывелъ на дворъ лошадей, гдѣ работникъ услужливый скоро
Сталъ за дышло легко потрогивать съ мѣста повозку:
Тутъ же веревками чистыми къ вагѣ они прикрѣпили
Быстрыхъ, статныхъ коней проворно везущую силу.
Германъ сѣлъ и съ бичомъ въ рукахъ покатилъ за ворота.
Только-что сѣли друзья, занимая покойное мѣсто,
Быстро повозка поѣхала вдоль мостовой, оставляя

Все за собою—и стѣны, и бѣлыя башни градскія.
Такъ съ пригорка рѣзвò на пригорокъ знакомой дорогой
Германъ къ шоссе поспѣшалъ и тихой не мѣшкалъ ѣздою.
Но, когда онъ вблизи увидалъ деревенскую башню
И въ разстояньи недальнемъ дома, обнесенные садомъ,
То подумалъ немного и сталъ придерживать коней.

Тѣнью развѣсистыхъ липъ, которыя много столѣтій
Здѣсь выростали и корни пускали глубокіе въ землю,
Выгонъ широкій былъ окруженъ передъ самой деревней:
Онъ поселянамъ служилъ и гражданамъ мѣстомъ веселья.
Вырытъ подъ сѣнью древесной тутъ въ уровень съ дерномъ колодецъ.
Тотчасъ пониже ступеней видны скамейки изъ камня.
Ими обставленъ родникъ, выбѣгающій рѣзкой волною.
Стѣны кругомъ не высоки, чтобъ черпать удобнѣе было.
Германъ рѣшился своихъ лошадей подъ этою тѣнью
Мигъ задержать. Поступя такимъ образомъ, сталъ говорить онъ:
«Слѣзьте, друзья, и ступайте развѣдывать: точно ль достойна
Дѣвушка эта руки, которую ей предлагаю.
Знаю, вы мнѣ о ней не разскажете новыхъ диковинъ;
Будь одинъ я теперь, немедля пошелъ бы въ деревню,
И судьбу мою милая въ нѣсколько словъ бы рѣшила.
Вы ее легко отличите межъ всѣми другими:
Вѣрно, съ ней ни одна воспитаньемъ сравниться не можетъ.
Кромѣ того укажу на признаки чистой одежды:
Красной поддевкой у ней обозначена выпуклость груди.
Плотно черный корсетъ красивый станъ облегаетъ,
Воротъ рубашки лежитъ, опрятными складками собранъ,
Такъ что рисуетъ на бѣломъ округлость ея подбородка.
Ясно и смѣло красуется всей головы очертанье,
Въ нѣсколько разъ на серебряныхъ шпилькахъ навернуты косы.
Синими складками ниже поддевки красуется юбка
И на ходьбѣ обнимаетъ красивую, стройную ногу.
Только я вамъ говорю и особенно стану просить васъ:
Съ дѣвушкой вы ни полслова, не дайте замѣтить ей тайны:
Слушайте только другихъ, да что̀ они вамъ поразскажутъ.
Какъ наберете вѣстей отца и мать успокоить,

Возвращайтесь ко мнѣ, и дальнѣйшее мы пообсудимъ.
Вотъ что̀ выдумалъ я дорогой, ѣхавши съ вами».
Такъ говорилъ онъ. Друзья между тѣмъ поспѣшили къ деревнѣ,
Гдѣ по садамъ, по домамъ и сараямъ толпилися люди
Кучами, вдоль же дороги стояли повозка къ повозкѣ.
Подлѣ возовъ лошадей и воловъ кормили мужчины,
Женщины всюду бѣлье по заборамъ и пряcламъ сушили,
А у ручья, веселясь, плескались рѣзвыя дѣти.
Такъ, пробираяся между повозокъ, людей и животныхъ,
Шли соглядатаи, вправо и влѣво смотря, не видать ли
Гдѣ-либо образа дѣвушки, сходнаго съ тѣмъ описаньемъ,—
Только напрасно: нигдѣ не являлась прекрасная дѣва.
Стала тѣснѣе вокругъ толпа сгущаться, мужчины
Подняли споръ за повозки, и женщины тутъ же вмѣшались
Съ крикомъ. Въ эту минуту старикъ почтеннаго вида
Къ нимъ подошелъ,—и немедля затихли шумные споры,
Только знакъ замолчать онъ угрозой отцовскою подалъ:
«Или несчастія насъ,—восклицалъ онъ:—еще не смирили,
Чтобы другъ къ другу мы снисходительнѣй были, хотя бы
Кто и на время забылъ соразмѣрить свой каждый поступокъ?
Въ счастьѣ взыскательны всѣ: ужель наконецъ и несчастье
Васъ не научитъ не ссориться съ братомъ, какъ въ прежнее время?
Чтобъ заслужить милосердіе, вы уступите другъ другу
Мѣсто на чуждой землѣ и дѣлите имущество ровно».
Такъ говорилъ онъ. Всѣ замолчали и стали покойно,
Гнѣвъ усмиря, приводить въ порядокъ скотъ и повозки.
Слову чужого судьи внемля̀ и въ немъ замѣчая
Миролюбивый разсудокъ, къ нему пасто̀ръ обратился
И, говоря, приступилъ съ такой значительной рѣчью:
«Правда, отецъ мой! Покамѣстъ народъ проживаетъ тихонько
Въ счастьѣ, питаясь плодами земли, дары приносящей
Съ каждымъ временемъ года и съ каждой новой луною,
Все въ то время само собою приходитъ, и всякій
Самъ для себя и хорошъ и уменъ, и живетъ, какъ живется.
Тутъ разумнѣйшій мужъ отличаться отъ прочихъ не можетъ.
Всѣ событья идутъ тихонько обычной дорогой.
Но лишь только нужда, расторгая условія жизни,
Зданье вѣковъ подорветъ, по садамъ пронесется и нивамъ,

Женъ и мужей, изъ жилища обычнаго выгнавъ, заставитъ
Денно и нощно скитаться, съ боязнью въ душѣ, по чужбинѣ,—
Ахъ, въ то время невольно къ разумному всѣ обратятся.
И не напрасно теряетъ онъ мудрое слово совѣта.
Вы не судьей ли, отецъ, между этимъ бѣгущимъ народомъ?
Мнѣ такъ кажется: вы усмирили такъ скоро волненье.
Право, сегодня вы мнѣ явились однимъ изъ вожатыхъ
Тѣхъ, что народамъ-изгнанникамъ путь открывали въ пустынѣ:
Точно какъ будто съ Навиномъ бесѣдую иль Моисеемъ».
И на это судья отвѣчалъ со значительнымъ видомъ:
«Истинно, можетъ нашъ вѣкъ сравненъ быть съ тѣми вѣками
Важныхъ явленій, о коихъ исторія намъ повѣствуетъ.
Кто вчера да сегодня прожилъ въ настоящее время,
Прожилъ цѣлые годы: такое скопленье событій.
Я когда оглянусь, то кажется мнѣ, что сѣдою
Старостью я удрученъ,—а силы во мнѣ еще свѣжи.
О, мы смѣло себя сравняемъ съ тѣми, которымъ
Нѣкогда Господь въ купинѣ горящей явился.
Намъ Онъ также предсталъ въ огнѣ и въ облакѣ дымномъ».
Въ ту минуту, когда пасторъ продолжать собирался
Свой разговоръ и про участь скитальцевъ разспрашивать дальше,
На ухо быстро шепнулъ ему тайныя рѣчи товарищъ:
«Вы, съ судьей говоря, постарайтесь на дѣвушку рѣчи
Свесть; а я между тѣмъ разыскивать стану и тотчасъ
Къ вамъ, отыскавши ее, ворочусь». Пасторъ поклонился,
А соглядатай пошелъ смотрѣть по садамъ и сараямъ.

VI.

Кліо.

Современность.

На вопросы пастора, что потерпѣли скитальцы
И давно ли они лишены домашняго крова,
Тотчасъ судья отвѣчалъ: «Несчастія наши не кратки.
Горькую чашу страданій мы пили за эти всѣ годы,
Тѣмъ ужаснѣй, что лучшая намъ измѣнила надежда.
Кто не сознается, какъ трепетало въ немъ весело сердце,
Какъ въ свободной груди всѣ пульсы забились живѣе
Въ ту минуту, когда засвѣтилось новое солнце,
Какъ услыхали впервые объ общихъ правахъ человѣка,
О вдохновенной свободѣ и равенствѣ также похвальномъ?
Всякій въ то время надѣялся жить для себя, и, казалось,
Всѣ оковы, въ рукахъ эгоизма и лѣни такъ долго
Многія страны собой угнетавшія, разомъ распались.
Въ эту годину не всѣ ли народы равно обратили
Взоры свои на столицу вселенной, которая долго
Ею была и теперь названье вполнѣ оправдала?
Не были ль тѣ имена провозвѣстниковъ радости равны
Самымъ ярко блестящимъ, подъятымъ на звѣздное небо?
Разомъ отваги, и духу, и рѣчи прибавилось въ каждомъ.
Первые приняли мы, какъ сосѣди, живое участье.
Тутъ война началась. Съ оружіемъ двинулись франки
Ближе, но съ виду намъ показались только друзьями.
Ими и были они: съ возвышенной думой стремился
Всякъ изъ нихъ насаждать веселое древо свободы,
Всѣмъ обѣщая свое и каждому выборъ правленья.
Вся молодежь ликовала, за ней ликовала и старость;

Новое знамя вездѣ окружали веселою пляской.
Такъ получа перевѣсъ, завладѣли немедленно франки
Прежде духомъ мужей по готовности огненной къ дѣлу,
А по ловкости и сердцами прекраснаго пола.
Ноша войны истребительной намъ не казалася въ тягость,
Въ отдаленьи надежда манила отрадной улыбкой
И увлекала веселые взоры по новой дорогѣ.
О, какъ весело время, когда жениху и невѣстѣ
Въ танцахъ мечтается день желаннаго ихъ сочетанья!
Но еще радостнѣй было время, когда показалось
Близкимъ, возможнымъ все, что свято душѣ человѣка.
Всѣ языки развязались. Мужчины, юноши, старцы —
Всѣ говорили свободно о чувствахъ и мысляхъ высокихъ.
Скоро однако затмилось небо. Къ добру неспособный,
Гнусный родъ объявилъ свои притязанья на власти.
Другъ на друга возставъ, они притѣсняли сосѣдей
Новыхъ и братьевъ своихъ, высылая хищныя рати.
Наши начальники буйствовать стали и грабить большое,
И до ничтожной бездѣлицы грабили мелкіе люди.
Каждый, казалось, желалъ, чтобъ только хватило на завтра.
Мы терпѣли, и съ каждымъ днемъ росло угнетенье.
Вождей не слушалъ никто. Властители сами тѣснили.
Тутъ ужъ горе и зло проникли въ самыхъ спокойныхъ:
Каждый желалъ и клялся отмстить за всѣ оскорбленья
И за двойную потерю обманутой горько надежды.
Счастье въ эту минуту приняло сторону нѣмцевъ,
И ускоренными маршами въ бѣгство пустилися франки.
Ахъ, тогда-то мы только все горе войны распознали!
Добръ и великъ побѣдитель; по крайней мѣрѣ, такимъ онъ
Кажется: какъ своего, онъ щадитъ побѣжденнаго мужа,
Если послѣдній снабжаетъ его ежедневно всѣмъ нужнымъ;
Но бѣгущій законовъ не знаетъ: онъ только со смертью
Борется и безъ разбору мгновенно добро истребляетъ.
Кромѣ того, онъ взволнованъ. Отчаянье въ сердце тѣснится
И понуждаетъ его на всякій злодѣйскій поступокъ.
Нѣтъ святого ему ничего. Онъ хищникъ. Дикая жажда,
Ставъ поруганьемъ жены, обращаетъ ужасъ въ веселье.
Всюду видитъ онъ смерть и минуты послѣднія страшно
Празднуетъ, крови онъ радъ и радъ завыванію муки.
Злобно у нашихъ мужчинъ проснулась гнѣвная воля:

Мстить за всѣ оскорбленья и взять подъ защиту остатки.
Все взялось за оружіе, видя проворно бѣгущихъ,
Видя ихъ блѣдныя лица и робко невѣрные взгляды.
Всюду немолчный набатъ зазвучалъ. Ни близкое горе,
Ни опасность, ничто не могло удержать изступленья.
Мирная утварь полей превратилась въ оружіе смерти.
Скоро съ вилъ и косы заструились кровавыя капли.
Безъ пощады, безъ жалости били враговъ, и повсюду
Злоба слѣпая и слабая трусость рыкали ужасно.
Нѣтъ, въ смятеньи такомъ опять увидать человѣка
Я не желалъ бы! Сноснѣе смотрѣть на свирѣпаго звѣря.
Лучше молчи о свободѣ: ну, гдѣ ему править собою!
Только расторгни границы, въ ту же минуту все злое,
Въ темный уголъ закономъ втѣсненное, выйдетъ наружу».
«Доблестный мужъ,—замѣтилъ ему съ удареніемъ пасторъ:—
Не удивительно мнѣ, что такъ къ человѣку вы строги:
Слишкомъ вы много худого отъ злыхъ начинаній терпѣли;
Но оглянитесь назадъ на печальные дни—и невольно
Сами сознаетесь, что нерѣдко въ нихъ видно благое.
Мало ли чувствъ благородныхъ, сокрытыхъ до времени въ сердцѣ,
Вдругъ пробуждаетъ опасность? Нерѣдко нужда человѣка
Дѣлаетъ ангеломъ неба, защитникомъ бѣднаго брата».
Старый почтенный судья съ улыбкой на это отвѣтилъ:
«Вы мнѣ мудро напомнили, какъ поминаютъ порою
Послѣ пожара владѣтелю дома, что золото, вѣрно,
И серебро еще цѣло, на мѣстѣ пожарища, въ слиткахъ.
Правда, немного всего, но это немногое цѣнно,
И обѣднѣвшій, копая, доволенъ своею находкой.
Такъ охотно и я обращаю веселыя мысли
Къ тѣмъ немногимъ прекраснымъ поступкамъ, которые помню.
Да, не стану скрывать: я видѣлъ, враги примирялись
Для спасенія города; видѣлъ и то, что для дружбы,
Дѣтской любви и родительской нѣтъ невозможнаго въ мірѣ;
Видѣлъ, какъ юноша вдругъ становился мужчиною, видѣлъ,
Какъ старикъ молодѣлъ, и за юношу дѣйствовалъ отрокъ.
Даже слабый полъ, какъ его называютъ обычно,
Смѣлость и силу свою показалъ и присутствіе духа.
Тутъ позвольте мнѣ вамъ разсказать прекрасный поступокъ
Великодушной дѣвицы, которая въ домѣ огромномъ

Въ обществѣ маленькихъ дѣвочекъ только одна оставалась:
Всѣ мужчины у нихъ на общихъ враговъ ополчились.
Въ это время на дворъ напала бѣглая шайка,
Стала грабить и тотчасъ проникла до женскихъ покоевъ.
Тамъ бѣглецы увидали прекрасную дѣву и съ нею
Дѣвочекъ милыхъ, которыхъ дѣтьми бы назвать справедливѣй.
Съ дикой страстью они безъ жалости кинулись прямо
На трепещущій рой, приступая къ дѣвѣ отважной.
Но, изъ ноженъ одного мгновенно выхватя саблю,
Изверга ею въ крови она положила на мѣстѣ.
Съ силой мужчины затѣмъ подала она дѣвочкамъ помощь;
Ранила кромѣ того четырехъ, и они убѣжали.
Тутъ заперла она дворъ и съ оружіемъ помощи ждала».
Только пасторъ услыхалъ похвалы неизвѣстной дѣвицѣ,
Тотчасъ въ душѣ у него просіяла надежда за друга.
Онъ ужъ готовился-было спросить: что сталося съ нею?
Нѣтъ ли здѣсь на печальномъ пути ея между народа?
Только тутъ же какъ разъ подошелъ проворно аптекарь,
За полу дернулъ пастора и сталъ шептать ему тихо:
«Дѣвушку эту вѣдь я нашелъ наконецъ между сотенъ
По описанью! Пойдемте,—взгляните своими глазами.
Вы и судью-то возьмите съ собой: онъ самъ поразскажетъ».
Но, когда обернулись они, судья ужъ отозванъ
Былъ своими, которые въ немъ для совѣта нуждались.
Тотчасъ, не медля пошелъ за аптекаремъ пасторъ
Къ щели забора—и первый замѣтилъ второму лукаво:
«Видите ль дѣвушку эту? Она пеленаетъ ребенка.
Я какъ разъ узналъ и ситецъ старый, и синій
Верхъ подушки, который сегодня ей передалъ Германъ.
Точно и скоро и съ толкомъ она раздѣлила подарки.
Вотъ вамъ ясные признаки; прочіе всѣ совпадаютъ:
Красной поддѣвкой у ней обозначилась выпуклость груди,
Плотно черный корсетъ красивый станъ облегаетъ,
Воротъ рубашки лежитъ, опрятными складками собранъ,
Такъ что рисуетъ на бѣломъ округлость ея подбородка,
Ясно и смѣло красуется всей головы очертанье,
Въ нѣсколько разъ на серебряныхъ шпилькахъ навернуты косы,
Синими складками ниже поддѣвки красуется юбка
И на ходьбѣ облипаетъ красивую стройную ногу.

Это она, безъ сомнѣнья. Пойдемте и все разузнаемъ,
Какъ поведенье ея: добра ли она, домовита ль».
Тутъ замѣтилъ пасторъ, сидящую взоромъ пытая:
«Что восхищаеть собой она юношу, право, не диво,
Если испытанныхъ глазъ для нея разборъ не опасенъ.
Счастливъ, кто одаренъ отъ природы наружностью видной:
Всюду съ привѣтомъ его встрѣчаютъ, и всюду онъ дома.
Каждый подходить къ нему и каждый радъ съ нимъ промедлить,
Если съ прекрасной наружностью вѣжливость онъ совмѣщаетъ.
Я вамъ ручаться могу, что юношѣ дѣвушка эта
Жизни грядущіе дни озаритъ весельемъ и женской
Силой во всѣ времена ему помощницей будетъ:
Вѣрно, въ тѣлѣ такомъ совершенномъ душа сохранилась
Чистой; а свѣжая юность сулитъ блаженную старость».
Съ важнымъ радушіемъ тотчасъ на это замѣтилъ аптекарь:
«Часто наружность обманчива. Мало я ей довѣряю.
Сколько разъ я видалъ оправданье пословицы старой:
Пуда соли не съѣвши съ новымъ знакомымъ, не долженъ
Ты легковѣрно ему довѣрять, а время покажетъ,
Какъ тебѣ съ нимъ обходиться, и прочно ли дружество ваше.
Къ добрымъ людямъ сперва позвольте намъ обратиться:
Дѣвушка имъ знакома,—вотъ что-то они поразскажутъ».
«Тоже и я похвалю осторожность,—пасторъ замѣтилъ.—
Сватаемъ мы не себѣ; а сватать другому опасно».
И немедля навстрѣчу пошли они къ честному мэру.
Онъ, окончивъ дѣла, возвращался назадъ по дорогѣ.
Тотчасъ съ рѣчью къ нему пасторъ приступилъ осторожной:
«Дѣвушку видѣли мы. Она въ саду недалеко,
Сидя подъ яблонью, дѣтскія платья готовитъ изъ ситца
Стараго. Ей, вѣроятно, его подарили недавно.
Съ виду достойною намъ она показалась. Скажите,
Вы ее знаете? Мы вопрошаемъ съ похвальною цѣлью».
Ближе къ нимъ подойдя и въ садъ поглядѣвши, судья имъ
Тотчасъ сказалъ: «Вы ее уже знаете: вамъ говорилъ я
О прекрасномъ поступкѣ дѣвушки той благородной,
Что обнаженнымъ мечомъ и себя и своихъ защитила:
Это она. И вы видите, какъ сложена она сильно.
Только ея доброта соотвѣтствуетъ силѣ. До часу

Смерти отца-старика она лелѣяла. Горемъ
Былъ онъ убитъ, нуждой городка и лишеньемъ имуществъ.
Съ тихой грустью она претерпѣла и новое горе:
Смерть жениха, благороднаго юноши. Въ первомъ порывѣ
Пылкихъ желаній своихъ, стремясь за невѣрною славой,
Онъ пустился въ Парижъ и умеръ ужасною смертью.
Былъ и тамъ онъ, какъ дома, врагомъ крамолъ и безчинства».
Такъ говорилъ судья. Друзья поклонилися оба,
И пасторъ досталъ золотой: серебра, сколько было
Въ кошелькѣ, онъ уже незадолго до этого роздалъ,
Видя, какъ проходили печальной толпою скитальцы;
Онъ, подавая его судьѣ, сказалъ: «Раздѣлите
Лепту по всѣмъ неимущимъ, и Богъ да умножитъ даянье».
Но, отклоняя подарокъ, судья сказалъ: «Мы успѣли
Талеръ-другой захватить и довольно вещей и одежды.
Я надѣюсь, всего не растратя, домой возвратимся».
Тутъ замѣтилъ пасторъ и втеръ ему въ руку монету:
«Въ наше время давать никто не медли, и также
Каждый спѣши принимать, что̀ вручаетъ ему благостыня!
Нынѣ не знаетъ никто, надолго ль добромъ онъ владѣетъ,
Долго ль скитаться ему по чужой сторонѣ, не имѣя
Поля и сада, которыми онъ въ состояньи кормиться».
«Эхъ,—замѣтилъ на это съ заботливымъ видомъ аптекарь:—
Деньги случись у меня въ карманѣ, я всѣ бы ихъ отдалъ
Вамъ, и мелочь и крупныя,—вѣрно, нуждаются много.
Но безъ подарка я васъ не пущу,—покажу хоть готовность
Вамъ служить. Не бѣда, что поступокъ отъ чувства отстанетъ».
Такъ говоря, за ремни онъ вытянулъ кожаный, шитый,
Полный кисетъ, гдѣ хранился табакъ у него, и, красиво
Узелъ раздвинувъ, сталъ одѣлять. Нашлась въ немъ и трубка.
«Даръ маловаженъ»,—прибавилъ онъ. Мэръ же на это замѣтилъ:
«Все-таки добрый табакъ для дорожнаго вещь не дурная».
И немедля пустился аптекарь хвалить ему кнастеръ.
Только пасто̀ръ его дернулъ, и оба съ судьею разстались.
«Время!—сказалъ благомыслящій мужъ:—въ томленіи ждетъ насъ
Юноша. Онъ бы желалъ какъ можно скорѣе услышать

Вѣсть». И они поспѣшили, пришли и нашли у повозки
Юношу. Онъ прислонился подъ липами. Лошади рыли
Землю. Германъ ихъ подъ уздцы держалъ и, потупя
Взоры, друзей не видалъ, доколѣ они, подошедши,
Звать не стали его, подавая веселые знаки.
Издали началъ уже говорить аптекарь Но скоро
Ближе они подошли. Тогда насторъ, ухватившн
За руку друга, сказалъ, у товарища рѣчь отбивая:
«Благо тебѣ, молодой человѣкъ: ни окомъ ни сердцемъ
Ты не ошибся! Тебѣ и спутницѣ юности благо!
Вы другъ друга достойны. Скорѣе ворочай повозку.
Мы въ деревню немедля поѣдемъ, а тамъ, предложенье
Сдѣлавъ дѣвушкѣ, съ милой скорѣе домой возвратимся».
Юноша молча стоялъ, внимая безъ знаковъ веселья
Рѣчи высоко-отрадной изъ устъ почтеннаго мужа
Но, вздыхая, сказалъ: «Сюда мы пріѣхали быстро,
А домой со стыдомъ, быть-можетъ, тихонько вернемся.
Тутъ, съ тѣхъ поръ, какъ я жду, меня обуяли забота,
Ревность, сомнѣнье и все, что̀ влюбленное сердце тревожитъ.
Не потому ли, что мы богаты, а дѣвушка эта
Такъ бѣдна и безъ крова, она предложеніе приметъ?
Бѣдность бываетъ горда, когда не заслужена. Малымъ
Дѣвушка эта довольна, прилежна, а съ тѣмъ и богата.
Гдѣ, по вашему мнѣнью, съ такой красотою и нравомъ
Дѣвушка можетъ взрасти, не плѣня у юноши сердца?
И неужели доселѣ любви ея сердце чуждалось?
Не торопитесь до мѣста, чтобъ намъ со стыдомъ потихоньку
Не пришлось лошадей повернуть. Мнѣ страшно: быть-можетъ,
Сердцемъ ея ужь другой обладаетъ и вмѣстѣ съ пожатьемъ
Этой руки и обѣтъ счастливецъ пріялъ неизмѣнный».
Ротъ ужъ па̀сторъ раскрылъ, готовясь утѣшить страдальца;
Но говорливый сосѣдъ перебилъ его рѣчь по привычкѣ:
«Точно, по прежнимъ годамъ, теперь бы мы знали, что̀ дѣлать:
Всякое дѣло въ ту пору порядкомъ своимъ совершалось.
Только родители сыну, бывало, невѣсту отыщутъ,
Тотчасъ къ себѣ зазовутъ надежнаго друга семейства
Да зашлютъ его сватомъ къ родителямъ самой невѣсты.
Тотъ, нарядившись, бывало, какъ слѣдуетъ, хоть въ воскре-
сенье,
Послѣ обѣда, пойдетъ къ гражданину почтенному въ гости,

Въ дружески-общіе съ нимъ разговоры вступитъ сначала,
Рѣчь то въ одну, то въ другую сторону ловко склоняя,
И наконецъ съ похвалой не забудетъ сказать о невѣстѣ,
О женихѣ и о домѣ, откуда его подослали.
Умные люди сейчасъ замѣтятъ намѣренье. Ловкій
Посланный, видя согласіе, могъ продолжать объясненье.
Если не ладилось дѣло, самый отказъ былъ не важенъ.
Если жъ оно удавалось, то сватъ навсегда оставался
Первымъ лицомъ на всякомъ семейномъ праздникѣ въ домѣ:
Цѣлую жизнь не могли забыть супруги, что этой
Ловкой рукой скрѣплены когда-то первыя узы.
Нынче же этотъ обычай со многимъ другимъ превосходнымъ
Вышелъ изъ моды. Теперь всѣ сами свататься стали.
Всякій самъ и отказъ-то теперь получай, если эта
Участь его ожидала,—краснѣй, передъ дѣвушкой стоя».
«Будь, что̀ будетъ! — воскликнулъ Германъ, почти не внимая
Всей этой рѣчи и въ сердцѣ своемъ принимая рѣшимость: —
Самъ я пойду и хочу узнать мой жребій отъ са̀мой
Дѣвушки. Я ей такъ отъ души во всемъ довѣряюсь,
Какъ мужчина когда-либо могъ только женщинѣ вѣрить.
Все, что̀ скажетъ она, хорошо и разумно, я знаю;
Если я даже ее въ послѣдній увижу, то снова
Хочется встрѣтить мнѣ взоръ открытаго чернаго ока.
Ежели къ сердцу прижать ее не дано мнѣ, то снова
Грудь я и плечи увижу, которыхъ алкаютъ объятья.
Снова увижу уста, съ которыхъ лобзанье и слово:
«Да»—мнѣ счастье сулятъ или безконечную му̀ку.
Только оставьте меня: вамъ нечего ждать. Вы ступайте
Къ батюшкѣ прямо да къ матушкѣ: пусть они знаютъ, что сынъ ихъ
Выборъ сдѣлалъ хорошій, что дѣвушка эта прекрасна.
Такъ оставьте жъ меня. Черезъ холмъ, по тропинкѣ, одинъ я,
Мимо груши и внизъ, черезъ нашъ виноградникъ, быстрѣе
Прямо домой ворочусь. О, если бы этой дорогой
Милую весело я и немедля повелъ! Но, быть-можетъ,
Грустно одинъ побреду и съ весельемъ навѣки разстанусь».
Такъ говоря, отдавалъ онъ вожжи пасто̀ру, который
Ловко ихъ принялъ, владѣя конями, точащими пѣну,
Сѣлъ поскорѣе въ повозку и занялъ мѣсто возницы.

Только медлилъ еще осторожный сосѣдъ и промолвилъ:
«Я вамъ охотно, мой другъ, повѣрю и духъ мой и душу;
Плоть и кости однако не въ лучшей сохранности будутъ,
Если духовныя руки мірскими браздами владѣютъ».
Но, улыбнувшись на это, пасторъ разумный замѣтилъ:
«Смѣло садитесь и тѣло, равно какъ и душу, мнѣ ввѣрьте:
Эта рука управлять вожжами давно научилась,
Также и глазъ примѣтался ко всѣмъ поворотамъ искуснымъ.
Въ Страсбургѣ мы управлять лошадьми привыкли въ то время,
Какъ провожалъ я туда молодого барона. Бывало,
Каждый день приходилось мнѣ править, катя за заставу
Вдоль по пыльной дорогѣ къ далекому лугу, подъ липы,
Между толпами народа, который день цѣлый гуляетъ».
Страхъ вполовину забывъ, сосѣдъ подошелъ, но усѣлся,
Какъ человѣкъ, готовый спрыгнуть во всякое время,
И жеребцы понеслись домой, соскучась по стойлу.
Пыль облаками клубилась подъ ихъ тяжелымъ копытомъ.
Юноша долго смотрѣлъ, какъ пыль подымалась, какъ снова
Пыль опускалась вдали. Такъ долго стоялъ онъ безъ мысли.

VII.

Эрата.

Доротея.

Точно какъ странникъ. который, взглянувъ предъ самымъ закатомъ
Прямо на быстрое, красное солнце, послѣ невольно
Видитъ его и на темныхъ кустахъ, и на скáлахъ утеса
Передъ очами: куда бы ни кинулъ онъ взоры, повсюду
Свѣтитъ оно передъ нимъ и качается въ краскахъ чудесныхъ.—
Такъ предъ Германомъ образъ возлюбленной дѣвушки тихо
Плылъ, и, казалось, она проходила тропой черезъ жатву;
Но, ото сна съ изумленьемъ очнувшись, онъ обернулся
Прямо къ деревнѣ и вновь изумился—все то же явленье:
Стройная дѣвушка шла къ нему по дорогѣ навстрѣчу.
Пристально сталъ онъ смотрѣть. Нѣтъ, это не сонъ: въ самомъ дѣлѣ
Это она. По кувшину въ рукѣ, большой да поменьше,
Взявъ за ручки, несла и такъ поспѣшала къ колодцу.
Весело къ ней навстрѣчу пошелъ онъ. Ея появленье
Придало силы ему; онъ сталъ говорить, изумленный:
«Какъ я скоро тебя, достойная дѣвушка, вижу
Вновь готовой на помощь и доброе дѣло услуги!
Чтò ты одна далекò такъ идешь на этотъ колодецъ?
Вѣдь другіе же всѣ водой обошлись изъ деревни.
Правда, эта гораздо свѣжѣй и для вкуса пріятнѣй.
Ты ее, вѣрно, несешь больной, спасенной тобою?»
Добрая дѣвушка, вѣжливо кланяясь, тотчасъ сказала:
«Вотъ и за лишній путь до колодца уже и награда

Встрѣчею съ добрымъ, который всего такъ щедро намъ подалъ.
Видѣть подателя такъ же отрадно, какъ видѣть даянье.
Сами пойдемте взглянуть, какъ розданы ваши подарки,
И ото всѣхъ, кому помогли вы, принять благодарность.
Но, чтобы тотчасъ вы знали, зачѣмъ я черпаю воду
Именно здѣсь, гдѣ чистый бѣжитъ непрестанно источникъ,
Я скажу вамъ причину: неосторожные люди
Воду, вогнавъ лошадей и воловъ въ деревенскій источникъ,
Всю возмутили въ ручьѣ, изъ котораго черпаетъ житель;
Также мытьемъ да стираньемъ они перепачкать успѣли
Всѣ колоды въ деревнѣ и всѣ замутили колодцы.
Всякъ о себѣ помышляетъ, да какъ бы скорѣй и проворнѣй
Нужды исправить свои; о другомъ онъ и думать не хочетъ».
Такъ говорила она и внизъ по широкимъ ступенямъ
Вмѣстѣ сошла съ провожатымъ. На низкія стѣнки колодца
Сѣли оба немедля. Она перегнулася черпать;
Взявъ за ручку другой кувшинъ, и онъ перегнулся,—
И на лазури небесной они увидали свой образъ:
Въ зеркалѣ чистомъ они, колыхаясь, кивали другъ другу.
«Дай мнѣ напиться»,—сказалъ ей юноша, полонъ веселья,—
И кувшинъ подала она. Тутъ, опершись на сосуды,
Оба они отдыхали; она жъ обратилася къ другу:
«Какъ это здѣсь ты, откуда, безъ лошадей и повозки,
Такъ далеко отъ мѣста, гдѣ мы повстрѣчались недавно?»
Германъ въ раздумьѣ глаза опустилъ, но скоро, поднявъ ихъ
На нее и взглянувъ ей весело въ очи, онъ тотчасъ
Сталъ покоенъ въ душѣ. Но все говорить о любви съ ней
Было бъ ему невозможно: глаза у нея не любовью—
Чистымъ разсудкомъ свѣтились и ждали разумнаго слова.
Съ духомъ собравшись, довѣрчиво дѣвушкѣ сталъ говорить онъ:
«Дай мнѣ вымолвить слово и дать отвѣтъ на вопросъ твой.
Я пришелъ сюда для тебя: зачѣмъ мнѣ скрываться!
Въ домѣ я счастливъ, со мной родители милые оба,
Имъ помогаю я домомъ и нашимъ имѣніемъ править.
Сынъ у нихъ я одинъ, а много различныхъ занятій:
Я завѣдую всѣми полями, а батюшка въ домѣ
Правитъ; заботливость матушки все оживляетъ хозяйство.
Но ты, вѣрно, сама видала, какъ часто прислуга
То легкомысліемъ, то невѣрностью мучитъ хозяйку,

Вѣчно мѣнять заставляетъ ее и вдаваться въ ошибки.
Вотъ почему уже матушка съ давней поры пожелала,
Чтобы дѣвушка, въ домѣ помощница дѣломъ и сердцемъ,
Дочь замѣнила, которой она такъ рано лишилась.
Нынче у воза тебя увидавъ веселой и ловкой,
Силу замѣтивъ руки и здоровье пышное членовъ,
Слыша рѣчи твои разумныя, я изумился
И при знакомыхъ родителямъ дома хвалилъ иностранку,
Какъ тебя надлежало хвалить. Теперь я желанье
Ихъ и мое объявлю. Прости мнѣ, что я заикаюсь».
«Не затрудняйтесь,—сказала она:—продолжать ваши рѣчи:
Я не обижусь, напротивъ, слушаю васъ благодарно.
Прямо и все говорите; я слова не стану пугаться:
Вы хотѣли нанять меня служанкою въ домъ свой,
Батюшкѣ да матушкѣ въ помощь при общемъ хозяйствѣ,
Дѣвушкой считая меня незлобной душою,
Расторопной, къ тому же способной къ домашней работѣ.
Вы коротко объяснились, и я коротко вамъ отвѣчу:
Да, я за вами пойду,—послушаюсь голоса рока.
Долгъ мой исполненъ теперь: родильницу я возвратила
Близкимъ людямъ; они ея спасенію рады.
Бо́льшая часть собралась, другіе отыщутся также.
Всѣ полагаютъ навѣрное скоро домой воротиться:
Этой надеждой изгнанники вѣчно себя обольщаютъ;
Я же себя не прельщаю надеждою легкою въ эти
Грустные дни и за ними лишь грустныхъ дней ожидаю:
Всѣ расторгнуты узы на свѣтѣ, и кто закрѣпитъ ихъ,
Кромѣ нужды величайшей, которая всѣмъ угрожаетъ?
Быть на глазахъ у достойной хозяйки я рада охотно:
Вѣчно на дѣвушекъ-странницъ двусмысленно падаетъ слава.
Да, я за вами пойду, какъ скоро кувшины съ водою
Снова друзьямъ отнесу и напутствіе добрыхъ услышу.
Вмѣстѣ пойдемте со мной: отъ нихъ меня вы примите».
Сладостно юноша слушалъ рѣшеніе дѣвушки доброй,
Все сомнѣваясь, не лучше ли чистую правду открыть ей.
Лучшимъ однакожъ ему показалось не сказывать правды,
Прежде ввести ее въ домъ и тамъ ужъ въ любви объясниться.
Ахъ, и на пальцѣ у ней увидалъ онъ кольцо золотое!
Такъ онъ далъ говорить ей и сталъ внимательно слушать:

«Что жъ, — продолжала она: — пойдемте къ нимъ: осуждаютъ
Дѣвушекъ тѣхъ, которыя долго стоятъ у колодца;
И однако болтать пріятно надъ свѣтлою влагой».
Тутъ они поднялись и оба еще оглянулись
Разъ въ колодецъ назадъ, и сладостный трепетъ объялъ ихъ.
Молча затѣмъ взяла она оба кувшина за ручки,
Вверхъ по ступенямъ взошла, и Германъ за милою слѣдомъ:
Ношу ея раздѣлить, просилъ одного онъ кувшина.
«Нѣтъ, — сказала она: — равновѣсная тяжесть сподручнѣй;
А господинъ, который приказывать будетъ, не долженъ
Мнѣ служить. На меня вы напрасно глядите съ раздумьемъ:
Жребій женщины—быть заранѣ готовой къ услугамъ.
Только ими она наконецъ достигаетъ до власти
Той заслужённой, которая въ домѣ ей подобаетъ.
Брату служитъ сестра, съ малолѣтства родителямъ служитъ
Такъ и вся жизнь у насъ ограничена вѣчнымъ уходомъ,
Или занятьемъ всегда и то и другое готовить.
Благо, если она привыкла во всякое время,
Днемъ и ночью, равно поспѣвать на каждое дѣло.
Если работа пустой, игла ей не кажется тонкой.
Если, живя для другихъ, она о себѣ забываетъ!
Всѣ эти добрыя качества будущей матери нужны,
Въ часъ, какъ младенецъ ее, больную, разбудитъ. отъ слабой
Требуя пищи, и къ боли еще пріобщится забота.
Двадцать мужчинъ сообща не вынесутъ трудности этой,—
Да и сносить не должны; но быть намъ должны благодарны».
Такъ говорила она и вмѣстѣ съ своимъ провожатымъ
Въ сторону садомъ прошла, до самаго току сарая.
Гдѣ лежала родильница. Съ нею и дочери были—
Тѣ спасенныя дѣвушки, чистой невинности образъ.
Оба вмѣстѣ входили. Съ другой стороны показался
Въ то же время судья, двухъ малютокъ ведя за собою.
Мать доселѣ совсѣмъ-было ихъ потеряла изъ виду;
Но почтенный судья наконецъ въ суматохѣ нашелъ ихъ.
Весело кинулись дѣти здороваться съ матерью милой.
Радуясь братцу и сверстнику, имъ незнакомому; тутъ же
Кинулись всѣ обнимать Доротею, съ веселымъ привѣтомъ
Хлѣба прося и плодовъ, а главное—прежде напиться.
И кругомъ подала она воду. Родильница, дѣти,

Дочери, дѣвочки,—всѣ напились; и судья освѣжился.
Жажду всѣ утоля, похвалили чудную воду.
Въ ней кислота содержалась, здоровая людямъ въ напиткѣ.
Съ думою свѣтлой во взорѣ имъ дѣвушка тотчасъ сказала:
«Нынче, должно-быть, друзья, кувшинъ подношу напослѣдкахъ
Къ вашимъ горячимъ устамъ и ихъ прохлаждаю водою:
Если жъ прохладный напитокъ когда-либо въ жаръ освѣжитъ васъ,
Или случится въ тѣни вкусить вамъ покой и прохладу,
То не забудьте меня и этой услуги, которой
Вы обязаны больше любви, чѣмъ родственнымъ связямъ.
Ваше добро въ продолженіе жизни мнѣ памятно будетъ.
Жалко мнѣ разставаться; но всякій теперь для другого
Въ тягость скорѣй, чѣмъ въ отраду, и всѣ наконецъ на чужбинѣ
Мы разбредемся, коль намъ возбранятъ возвратиться въ отчизну.
Вотъ молодой человѣкъ, который снабдилъ насъ дарами,
Этимъ бѣльемъ для ребенка и тою пріятною пищей.
Онъ въ свой домъ меня пришелъ пригласить для того, чтобъ
Тамъ я служила его родителямъ, людямъ богатымъ.
Я не хочу отказать, потому что дѣвушка служитъ
Всюду, и въ тягость ей жить въ дому за чужою услугой.
Съ нимъ я охотно иду: онъ, кажется, юноша дѣльный,
Вѣрно, родители будутъ такіе жъ, какъ должно богатымъ.
Такъ прощайте жъ, моя дорогая подруга, и будьте
Счастливы вашимъ малюткой, который весело смотритъ.
Ежели къ сердцу его вы въ узорныхъ пеленкахъ прижмете,
Не забудьте юношу, чьимъ онѣ были подаркомъ,
И который меня съ этихъ поръ одѣваетъ и кормитъ.
Мужъ достойный!—сказала она, обращаясь къ мэру:—
Вы, замѣнившій отца мнѣ, примите мою благодарность».
И, наклоняясь къ родильницѣ доброй, она цѣловала
Грустную женщину и услыхала молитвенный шопотъ.
Ты же, почтенный судья, обращаяся къ Герману, молвилъ:
«Принадлежите вы къ тѣмъ разумнымъ хозяевамъ, другъ мой,
Что помышляютъ людей достойныхъ держать при хозяйствѣ.
Часто видать мнѣ случалося, какъ лошадей, какъ рогатый
Скотъ и овецъ при мѣнѣ и продажѣ внимательно смотрятъ,
А человѣка, который своимъ поведеньемъ хорошимъ

Все сохраняетъ, иль все разрушаетъ недолжнымъ поступкомъ,
Вотъ его-то берутъ случайно, на счастіе, въ домъ свой
И уже каются поздно потомъ въ необдуманномъ дѣлѣ.
Только, мнѣ кажется, вы это поняли: дѣвушка эта,
Вами въ родительскій домъ приглашенная, точно, достойна.
Будьте къ ней благосклонны. Она въ занятьяхъ хозяйства
Вамъ сестру замѣнитъ и дочь родителямъ вашимъ».
Много родныхъ между тѣмъ и знакомыхъ родильницы стали
Тутъ собираться, неся Доротеѣ различныхъ подарковъ.
Всѣ, услыхавши рѣшеніе дѣвушки, благословляли
Германа взоромъ значительнымъ, полнымъ особенныхъ мыслей,
Такъ что иная въ ушко тихонько шепнула сосѣдкѣ:
«Не о чемъ ей горевать, коли онъ женихомъ ея будетъ».
За руку дѣвушку взявъ, немедленно Германъ сказалъ ей:
«Намъ пора: уже день вечерѣетъ, а городъ не близко».
Женщины съ говоромъ тутъ обнимать Доротею пустились.
Германъ ее увлекалъ, а она посылала поклоны.
Тутъ со слезами и крикомъ ей дѣти вцѣпилися въ платье:
Мать вторую никакъ они отпустить не хотѣли.
Нѣсколько женщинъ однако сказали имъ строго на это:
«Тише, дѣти: она отправится въ городъ и много
Вамъ принесетъ бисквитовъ, которые братецъ въ то время
Тамъ заказалъ, какъ несъ аистъ его мимо пекарни.
Скоро вернется она, неся золоченые свертки».
Дѣти пустили ее, и Германъ едва изъ объятій
Могъ Доротею увлечь; но платки развѣвалися долго.

VIII.

Мельпомена.

Германъ и Доротея.

Такъ шли оба они навстрѣчу вечернему солнцу,
Ликъ скрывавшему свой за грозными тучами, рѣдко
Тамъ или сямъ изъ-за дымки бросая пылающимъ взоромъ
Освѣщенье зловѣщее вдоль широкаго поля.
«Только бы буря,—Германъ сказалъ:—не навѣяла града
Или жестокаго ливня на нашу чудную жатву!»
Оба они любовались высокой и зыбкою рожью,
Съ ними равной почти, невзирая на ростъ ихъ высокій.
Тутъ же къ вѣрному спутнику дѣвушка рѣчь обратила:
«Добрый другъ, кому я обязана счастьемъ впервые —
Кровомъ покойнымъ, когда изгнанники ждутъ непогоды,
Прежде всего скажите и нравъ родителей вашихъ
Мнѣ откройте, которымъ служить я отъ сердца готова.
Кто господина узналъ, тотъ легче ему угождаетъ,
Приноровляясь къ предметамъ важнѣйшимъ въ глазахъ господина,
И на которые онъ всѣ мысли свои обращаетъ.
Чѣмъ же, скажите, отцу и матери быть мнѣ угодной?»
Ей на рѣчи такія юноша умный отвѣтилъ:
«Какъ, превосходная дѣвушка, ты поступаешь разумно,
Заблаговременно знать стараясь родителей нравы!
Вотъ я цѣлую жизнь отцу угодить не умѣю,
Рано и поздно блюдя и поле и нашъ виноградникъ.
Матери я угождалъ—она мой трудъ оцѣняла;
Такъ и ты превосходной ей дѣвушкой будешь казаться,
Если, какъ за своимъ добромъ, присмотришь за домомъ.

Но отецъ не таковъ, и блескъ наружный онъ любитъ.
Добрая дѣвушка, я бездушнымъ могу показаться,
При посторонней въ отцѣ открывая подобную слабость;
Но клянусь, что впервые эти смѣлыя рѣчи
Съ языка, болтать непривычнаго, нынѣ слетѣли:
Ты у меня пробуждать довѣрчивость въ сердцѣ умѣешь.
Добрый отецъ мой любитъ прикрасы извѣстныя въ жизни,
Внѣшнихъ знаковъ любви и почтенья къ себѣ ожидаетъ:
Онъ способенъ остаться довольнымъ и худшимъ слугою,
Лишь бы тотъ понялъ его, а лучшимъ быть недовольнымъ».
Радостно на это она отвѣчала, удвоивъ
Скорость легкихъ шаговъ по тропинкѣ, почти потемнѣвшей:
«Право, я надѣюсь обоимъ быть имъ угодной.
Матушки вашей нравъ моему совершенно подобенъ,
А наружный-то видъ для меня съ малолѣтства не новость:
Франки, наши сосѣди, цѣнили въ прежнее время
Вѣжливость выше всего. Дворянинъ, гражданинъ и рабочій
Ею владѣлъ и ее развивалъ въ своихъ приближенныхъ.
Такъ потомъ завелось и у нашихъ нѣмцевъ, что дѣти
По утрамъ приходили къ родителямъ, ручки цѣлуя
Да присѣдая, и чинно затѣмъ весь день провожали.
Всѣмъ, чему учена̀, къ чему съ малолѣтства привыкла,
Всѣмъ, чѣмъ сердце полно, старику угождать я готова.
Но кто скажетъ мнѣ: какъ должна поступать я съ тобою,
Будущимъ господиномъ и сыномъ единственнымъ въ домѣ?»
Такъ говорила она, и къ грушѣ они подходили.
Полный мѣсяцъ сіялъ такъ чудно съ вечерняго неба.
Ночь наступила. Послѣднее зарево солнца потухло.
Такъ предъ глазами у нихъ отдѣлялись рѣзкой чертою
Свѣтъ, прозрачный какъ день, и черныя тѣни ночныя.
И съ наслажденіемъ Германъ вопросъ отрадный услышалъ,
Подъ широкимъ навѣсомъ груши, на мѣстѣ любимомъ,
Бывшимъ нынѣ свидѣтелемъ слезъ его тайныхъ по милой.
И, садясь на скамью, отдохнуть немного, влюбленный
Юноша за руку дѣвушку взялъ и тихо сказалъ ей:
«Сердце пусть научитъ тебя: его ты послушай».
Но ни слова онъ больше прибавить не смѣлъ, хоть минута
Благопріятна была: отказъ получить онъ страшился,—
Ахъ, да къ тому жъ у нея и кольцо на пальцѣ онъ видѣлъ!
Такъ безмолвно они сидѣли другъ подлѣ друга.

Дѣвушка сказала затѣмъ: «Какъ сладостно свѣтитъ
Чудный мѣсяцъ! Какъ день, его прозрачно сіянье.
Въ городѣ я и дворы и дома различаю подробно.
Вонъ подъ кровлей окно: берусь сосчитать я и стекла».
«Что ты видишь,—на это ей юноша умный отвѣтилъ:—
Это наше жилище, куда идемъ мы съ тобою.
То окно у меня изъ комнаты вышло. Быть-можетъ,
Будетъ оно и твоимъ: въ дому у насъ перемѣна.
Наши эти поля, и завтра жатва начнется.
Здѣсь мы будемъ въ тѣни отдыхать, подкрѣпляяся пищей.
Но поспѣшимъ виноградникъ и садъ пройти, не замедляясь:
Видишь, какая заходитъ гроза; вдали промелькнула
Молнія, и мѣсяцъ вотъ-вотъ сокроется въ тучи».
Тотчасъ они поднялись и стали спускаться съ пригорка
Вдоль колосистой ржи, любуясь прозрачностью ночи;
Такъ и въ темный потомъ вступили они виноградникъ.
И ее онъ повелъ по нетесаннымъ каменнымъ плитамъ,
Вдоль закрытой тропинки разложеннымъ въ видѣ ступеней.
Тихо ступала она, положа ему руки на плечи.
Свѣтомъ дрожащимъ луна подъ зеленью ихъ находила,
Но гроза наконецъ темнотой окружила влюбленныхъ.
Бережно дѣвушку сдерживать юноша сильный старался,
Но она, не зная тропы и грубыхъ ступенекъ,
Оступилась, ногу свихнула и чуть не упала.
Ловко догадливый юноша руки раскинулъ и быстро
Милую принялъ въ объятья, свое ей плечо подставляя.
Грудь упала на грудь, и щека до щеки прикасалась.
Такъ неподвижно стоялъ онъ, движенію первому вѣренъ,
Не прижимая ее, а только противясь давленью.
Чувствовалъ онъ драгоцѣнную но̀шу и сердца біенья,
Вѣяло съ устъ ея на него ароматомъ,—въ объятьяхъ
Величавую женщину слышалъ могучій мужчина.
Боль скрывая, она ему сказала шутливо:
«Это знакъ худой, говорятъ разумные люди,
Если ноги свихнешь передъ самымъ порогомъ жилища;
Я, признаюсь, для себя бы желала получше примѣты.
Повременимъ немного, не то съ хромою служанкой
Ты хозяинъ плохой во мнѣньи родителей будешь».

IX.

Уранія.

Будущность.

Музы, любви задушевной помощницы нѣжныя, сами
Вы превосходному юношѣ путь до сихъ поръ пролагали,
До обрученья еще прижали къ груди его дѣву,—
Спосиѣшествуйте союзъ прекрасной пары упрочить.
Тучи, что̀ счастіе ихъ омрачаютъ, немедля разсѣйте!
Прежде однако всего, разскажите, что̀ дѣлаютъ въ домѣ.
Мать въ нетерпѣньи вступила въ мужскую комнату въ третій
Разъ, откуда она, хлопоча, недавно лишь вышла,
Рѣчь заводя о грозѣ, о быстромъ луны затемнѣньи,
Объ отсутствіи сына потомъ и опасностяхъ ночи;
Стала друзей порицать, что, не молвя съ дѣвушкой слова
И предложенья не сдѣлавъ, такъ бросили юношу рано.
«Не увеличивай зла!—отецъ недовольный воскликнулъ:—
Развѣ не видишь,—и сами мы ждемъ не дождемся развязки».
Но равнодушно сосѣдъ началъ говорить, не вставая:
«Вѣчно покойнаго я отца поминаю въ минуты
Всякихъ тревогъ съ благодарностью: онъ еще въ мальчикѣ корень
Нетерпѣнья во мнѣ до послѣдняго отпрыска вырвалъ,
Такъ что мудрецъ ни одинъ ожидать, какъ я, не сумѣетъ».
«Какъ же,—пасторъ спросилъ:—ухитрился старикъ, разскажите?»
«Я разскажу вамъ охотно, и пусть себѣ это замѣтитъ
Каждый,—отвѣтилъ сосѣдъ.—Я мальчикомъ разъ, въ воскресенье,

Съ нетерпѣньемъ стоялъ и не могъ дождаться кареты,
Нанятой въ тотъ день везти насъ къ колодцу подъ липки.
Только она не являлась, а я, какъ хорекъ, поминутно
Бѣгалъ по лѣстницѣ вверхъ и внизъ и отъ двери къ окошку.
Руки свербѣли мои, столы я царапалъ, топтался
Взадъ и впередъ, и едва-едва не катилися слезы.
Все это мужъ разсудительный видѣлъ; когда же я слишкомъ
Сталъ дурачиться, онъ меня, за руку взявши, покойно
Прямо къ окошку подвелъ, съ такой мнѣ памятной рѣчью:
«Видишь ли, тамъ напротивъ сегодня закрыта столярня?
Завтра ее откроютъ,—заходятъ пила и рубанокъ
Отъ зари до зари во все рабочее время.
Только подумай о томъ: когда-нибудь утро настанетъ,
Мастеръ, со всѣми рабочими вставши, возьмется за дѣло,—
Гробъ готовить тебѣ и кончитъ скоро и ловко,
И понесутъ къ намъ оттуда заботливо домъ деревянный,
Гдѣ терпѣливый равно и нетерпѣливый покойно
Въ скоромъ времени будутъ лежать подъ тяжелою крышей».
Тотчасъ мысленно все на глазахъ у меня совершилось:
Доски, казалось, прилажены, черная краска готова.
Сѣлъ я покойно и сталъ ожидать терпѣливо карету.
Если въ сомнительномъ теперь ожиданьи другіе
Бѣгаютъ, суясь вездѣ, я тотчасъ гробъ вспоминаю».
    Съ легкой улыбкой замѣтилъ пасторъ:—«Значительный образъ
Смерти—мудрымъ не страхъ, добродѣтельнымъ не кончина.
Первыхъ онъ къ жизни зоветъ и ихъ вызываетъ на подвигъ,
А во вторыхъ укрѣпляетъ надежду спасенія въ горѣ:
Смерть становится жизнью тѣмъ и другимъ; и родитель
Бойкому мальчику въ смерти на смерть указалъ понапрасну.
Юношѣ должно показывать старость почтенную, старцу
Юность показывать должно, чтобъ оба они любовались
Круговращеніемъ вѣчнымъ. и жизнь восполнялась бы жизнью».
    Но отворилася дверь. Показалася чудная пара,—
И удивились друзья. удивились родители, видя,
Что невѣста едва съ женихомъ не ровняется ростомъ.
Право, даже дверь показалась низка для обоихъ:
Такъ они были высоки, когда на порогъ становились.
    Германъ представилъ ее родителямъ рѣчью летучей:

«Батюшка добрый, примите радушно ее, по заслугамъ;
Добрая матушка, тотчасъ ее о хозяйствѣ спросите,
Чтобъ убѣдиться, какъ стóитъ она сближенія съ вами».
Тотчасъ въ сторону онъ превосходнаго взявши пастóра,
Такъ сказалъ: «Достойнѣйшій мужъ, теперь помогите
Узелъ распутать, который меня ужасаетъ развязкой.
Дѣвушкѣ я еще предложенья не дѣлалъ; напротивъ,
Въ домъ, по мнѣнью ея, она поступаетъ служанкой,
И боюсь, чтобъ она не ушла, услыхавши про свадьбу.
Но объяснимся сейчасъ. Не должно ея заблужденья
Длить, и моя неизвѣстность становится мнѣ нестерпимой.
Мудрость, которую въ васъ мы чтили, и тутъ покажите,
Только не медля». И тотчасъ ко всѣмъ пастóръ обратился.
Но, къ несчастью, слова отца уже омрачили
Душу дѣвушки. Онъ съ улыбкою самодовольства
Эти веселыя рѣчи сказалъ, но въ смыслѣ хорошемъ:
«Да, дитя мое, радъ я сердечно, что тотъ же у сына
Вкусъ, который отецъ въ свое показывалъ время:
Лучшую въ танцахъ всегда выбиралъ онъ и лучшую послѣ
Въ домъ привелъ, какъ жену, вотъ эту маменьку нашу.
По невѣстѣ, мужчиною выбранной, можно немедля
Знать, каковъ-то онъ самъ и себѣ онъ знаетъ ли цѣну.
Только и вы-то, я думаю, медлили мало рѣшеньемъ:
Кажется мнѣ, что за нимъ послѣдовать очень нетрудно».
Германъ эти слова на лету услыхалъ, и всѣ члены
Дрогнули въ немъ, а въ кружкѣ наступило внезапно молчанье.
Но превосходная дѣвушка, этой насмѣшливой рѣчью,
Какъ показалось ей, глубоко въ душѣ оскорбившись,
Съ краской летучей, ей щеки покрывшей по самый затылокъ,
Еле владѣя собой, въ послѣднемъ усиліи духа,
Такъ старику отвѣчала, едва огорченье скрывая:
«Не приготовилъ меня вашъ сынъ къ такому пріему,
Мнѣ выставляя обычай отца, почтеннаго мужа,
Въ обхожденьи разумнаго съ каждымъ лицомъ предстоящимъ.
Кажется мнѣ, не довольно исполнены вы состраданья
Къ бѣдной, ступившей за этотъ порогъ и готовой служить вамъ:
Вы желаете мнѣ указывать съ горькой насмѣшкой,
Какъ мой жребій далекъ отъ васъ и вашего сына.
Правда, я бѣдна, съ узломъ небольшимъ я вступаю

Въ домъ, переполненный всѣмъ, что̀ радуетъ сердце хозяевъ;
Но я вижу себя и чувствую всѣ отношенья:
Такъ благородно ль меня язвить насмѣшкой такою,
Что̀ на порогѣ меня почти прогоняетъ изъ дому?»
Германъ подалъ знакъ въ испугѣ духовному другу,
Чтобы онъ въ дѣло вступился и тотчасъ разсѣялъ сомнѣнье.
Мудрый вышелъ впередъ и, видя тихое горе
Дѣвушки, затаенную скорбь и блестящія слезы,
Въ духѣ своемъ положилъ не тотчасъ распутать сплетенье,
А извѣдать сначала смущенной дѣвушки душу.
Къ ней теперь обратился онъ такъ испытующей рѣчью:
«Знать, чужеземная дѣвушка, ты обдумала мало,
Если къ чужимъ поступить въ услуженье такъ скоро рѣшилась,
Какъ не легко быть въ домѣ и волю признать господина.
Только ударь по рукамъ — и участь цѣлаго года
Рѣшена, а, быть-можетъ, придется терпѣть изъ-за слова.
Вѣдь ходьба-то не самое тяжкое дѣло въ услугѣ,
Также и потъ трудовой надъ вѣчно томящей работой:
Трудъ раздѣляетъ съ рабомъ заодно и прилежный свободный.
Но брюзгливость сносить господина, когда безъ причины
Онъ хулитъ и, причудливый, хочетъ того да другого,
Женскую прихоть, которую всякая малость тревожитъ,
Грубый дѣтскій задоръ и нерѣдко дерзкую шалость, —
Вотъ что̀ трудно терпѣть и при этомъ обязанность скоро,
Не замедляясь ничѣмъ, исполнять, да къ тому жъ безъ ворчанья.
Но на это, мнѣ кажется, ты неспособна, коль шуткой
Такъ оскорбилась отцовской; а нѣтъ ничего ежедневнѣй:
Мучить дѣвушку тѣмъ, что юноша милъ ей такой-то».
Такъ заключилъ онъ. Дослушала дѣвушка мѣткія рѣчи,—
Силы ей измѣнили, чувства просились на волю,
Тяжкій вырвался вздохъ изъ высоко поднявшейся груди.
И она, проливая горячія слезы, сказала:
«О, никогда разсудительный мужъ, желающій въ горѣ
Намъ совѣтомъ помочь, не знаетъ, какъ мало способно
Слово холодное грудь облегчить отъ тяжкой напасти.
Вы довольны и счастливы: можетъ ли шутка васъ тронуть?
Но до больного нельзя и даже слегка прикоснуться.
Нѣтъ, что̀ пользы теперь, хотя бъ удалось, притворяться?
Пусть раскроется то, что̀ бы послѣ умножило горе

И, быть-можетъ, меня истомило безмолвнымъ страданьемъ.
Такъ отпустите меня! Мнѣ въ домѣ нельзя оставаться:
Я пойду своихъ отыскивать бѣдныхъ, которыхъ
Въ горѣ покинула, лучшее лишь для себя избирая.
Воля теперь моя неизмѣнна; поэтому можно
Въ томъ признаться, что̀ въ сердцѣ иначе таилось бы годы:
Да, насмѣшка отца во мнѣ поразила не гордость,
Не щекотливость, которая вовсе служанкѣ не кстати,
Но затронула сердце мое, гдѣ склонность рождалась
Къ юношѣ, бывшему нынѣшній день избавителемъ нашимъ.
Въ первый разъ онъ еще, какъ насъ на дорогѣ покинулъ,
Въ мысляхъ былъ предо мной, и думала я, что, быть-можетъ,
Втайнѣ счастливицу-дѣвушку онъ наречетъ невѣстой.
Снова встрѣтивъ его у колодца, я такъ была рада,
Будто мнѣ существо неземное свой образъ явило.
Съ радостью шла я за нимъ, какъ меня приглашалъ онъ въ служанки.
Сердце однако мнѣ льстило (въ томъ признаюсь откровенно),
Что когда-либо я заслужу себѣ счастье, быть-можетъ.
Ставъ опорой со временемъ необходимою въ домѣ.
Но впервые — увы! — я вижу опасность, которой
Подвергалась, живя вблизи любимаго втайнѣ,
Только теперь мнѣ понятно, какъ дѣвушкѣ бѣдной далеко
До богатаго юноши, даже и самой достойной.
Все это я говорю, чтобъ не быть осужденной напрасно.
Случай меня оскорбилъ, но онъ же раскрылъ мнѣ и зрѣнье.
Тихо надежду тая, ожидать мнѣ пришлось бы всечасно,
Что со временемъ въ домъ иная вступитъ невѣста, —
И могла ли бы я стерпѣть сокровенное горе?
Счастливый случай меня остерегъ, и сердце удачно
Тайну раскрыло свою, пока еще зло исцѣлимо.
Все теперь я сказала. И въ домѣ ничто не удержитъ
Долѣ меня: оставаться здѣсь мнѣ страшно и стыдно,
Высказавъ склонность свою и сладкой надежды безумство.
Не удержитъ меня ни ночь, покрывшая небо
Тучами, ни громъ (его я слышу раскаты),
Ни порывистый дождь на дворѣ, покрывающій землю,
Ни завываніе бури: все это сносить я привыкла

Въ бѣгствѣ печальномъ, враговъ за собой по пятамъ ожидая.
Времени водоворотъ давно пріучилъ насъ къ терпѣнью.
Снова пойду, разставаясь со всѣмъ, что̀ дорого сердцу.
Я ухожу. Прощайте! Моя судьба совершилась».
Такъ говорила она и быстро къ дверямъ повернулась,
Тотъ узелокъ, что̀ съ собой принесла, сохраняя подъ мышкой.
Но, руками обѣими дѣвушки станъ обнимая,
Мать, изумленная, ей закричала, въ сильномъ смущеньи:
«Что̀ это значитъ? Скажи мнѣ, къ чему напрасныя слезы?
Нѣтъ, я тебя не пущу, и ты нареченная сыну».
Но напротивъ того отецъ, вполнѣ раздраженный,
Къ плачущей обратился съ такой недовольною рѣчью:
«Вотъ какая награда мнѣ за все снисхожденье,
Что и день-то мой кончается самымъ несноснымъ!
Нѣтъ для меня ничего нестерпимѣе женскаго плача,
Страшнаго крика и всякихъ пустыхъ, запутанныхъ дѣйствій
Тамъ, гдѣ съ малымъ разсудкомъ легко все тихо уладить.
Мнѣ тяжело поведеніе такое странное видѣть
Долѣе. Сами кончайте все, я спать отправляюсь».
Быстро онъ обернулся, шаги направляя къ покою,
Гдѣ привыкъ отдыхать и ложе супруговъ стояло;
Сынъ однако его удержалъ умоляющимъ словомъ:
«Батюшка, не уходите, на дѣвушку вы не сердитесь:
Я одинъ виноватъ во всей суматохѣ, въ которой
Зло неожиданно такъ нашъ другъ увеличилъ притворствомъ.
Мужъ почтенный, на васъ полагаюсь во всемъ: говорите,
Не умножая печали и страха, рѣшайте же дѣло.
Такъ глубоко уважать я васъ не буду въ грядущемъ,
Если радостью злобной вы мудрость замѣните вашу».
Но, улыбаясь, на это пасторъ достойный замѣтилъ:
«Чья бы мудрость могла прекрасное вызвать признанье
Этой дѣвушки доброй и намъ раскрыть ея душу?
Развѣ работа сама тебѣ не въ восторгъ и не въ радость?
Самъ теперь говори. Къ чему объясненье чужое?»
Германъ вышелъ впередъ съ веселья полною рѣчью:
«Не сожалѣй о слезахъ и этой летучей печали:
Ею закончено счастье мое и твое, я надѣюсь.
Милую чуждую дѣвушку не искать въ услуженье
Я къ колодцу ходилъ: любви заискать приходилъ я.

Только—увы!—мой трепетный взоръ былъ не въ силахъ проникнуть
Склонность въ сердцѣ твоемъ—въ очахъ твоихъ только замѣтилъ
Я привѣтъ, повстрѣчавъ ихъ на зеркалѣ тихомъ колодца.
Въ домъ тебя отводить половиной мнѣ счастія было,—
Вотъ ты его довершила. О, будь же благословенна!»
Дѣвушка, сильно растрогана, юношѣ въ очи глядѣла,
Не избѣгая объятій его и лобзаній—вершины
Радости, если они давно желанной порукой
Счастья, которому, любящимъ кажется, нѣтъ и предѣла.
Все пасторъ затѣмъ объяснилъ остальнымъ предстоящимъ.
Дѣвушка вышла впередъ, въ умиленьи отцу поклонилась
И, цѣлуя руку, которую онъ не давалъ ей,
Такъ сказала: «Прошу извинить при моемъ изумленьи
Прежнія слезы печали и эти слезы восторга..
О, простите мнѣ первое чувство, простите и это,
Дайте мнѣ только сперва привыкнуть къ новому счастью.
Первая пусть непріятность, внесенная мною, смущенной,
Будетъ послѣдней. Къ чему обязалась служанка усердно,—
Вамъ съ любовью услуживать,—дочь исполнить готова».
И отецъ ее тотчасъ же обнялъ, слезы скрывая.
Мать подошла и ее цѣловала отъ чистаго сердца.
Взявшись за руки, обѣ женщины плакали молча.
Добрый, умный пасторъ сперва отцовскую руку
Взялъ поспѣшно и снялъ кольцо обручальное съ пальца
(Только не вдругъ: оно на округломъ суставѣ держалось),
Послѣ у матери снялъ кольцо и, дѣтей обручая,
Такъ сказалъ: «Вторично да будутъ назначены кольца
Эти союзъ закрѣпить, во всемъ походящій на старый.
Юноша проникнутъ къ дѣвушкѣ страстью глубокой,
Дѣвушка намъ говоритъ, что и юноша милъ ей не меньше.
Такъ обручаю васъ здѣсь и въ грядущемъ благословляю».
Кланяться тотчасъ сталъ сосѣдъ, всѣхъ благъ пожелавши;
Но, какъ только пасторъ кольцо золотое на палецъ
Дѣвушки сталъ надѣвать, изумленъ, увидалъ онъ другое,
То, которое Германъ еще у колодца замѣтилъ.
И пасторъ обратился съ шуточно-дружеской рѣчью:
«Какъ, вторично ты обручаешься? Только бы первый

Твой женихъ къ алтарю не пришелъ съ возбраняющимъ словомъ».
Но она отвѣчала: «О, пусть мнѣ дозволятъ минуту
Воспоминаньямъ отдать: ихъ стоитъ добрый, который
Далъ мнѣ, прощаясь, кольцо и самъ не вернулся въ отчизну.
Все онъ предвидѣлъ, когда, желаньемъ свободы и жаждой
Подвиговъ при новомъ порядкѣ онъ вызванъ невольно
Былъ въ Парижъ, гдѣ его темница и смерть ожидали:
«Другъ мой,—сказалъ онъ:—прости. Я иду, потому что на свѣтѣ
Всѣ, какъ кажется мнѣ, уничтожены прочныя связи:
Основные законы сильнѣйшихъ державъ ниспровергли,
Отъ старинныхъ владѣльцевъ отторнуто ихъ достоянье,
Дружба отъ дружбы: такъ пусть и любовь разстается съ любовью.
Здѣсь я тебя покидаю; а гдѣ мы снова сойдемся—
Кто можетъ знать? Разговоръ нашъ можетъ быть и послѣднимъ.
Какъ справедливо твердятъ, человѣкъ на землѣ только странникъ.
Болѣе странникомъ сталъ теперь, чѣмъ когда-либо, каждый:
Земли стали не наши, сокровища всѣ переходятъ,
Золото и серебро чеканъ завѣтный теряютъ,
Плавясь. Все въ движеньи, какъ будто бы міозданье
Хочетъ, въ прежній хаосъ разложась, опять возсоздаться.
Сердце свое ты храни для меня, и если сойдемся
Мы на развалинахъ міра, тогда обновленными будемъ
Существами, которымъ судьба не предпишетъ закона.
Можетъ ли что̀ оковать пережившаго наши утраты?
Если же намъ никогда не удастся избѣгнуть напасти
И съ восторгомъ принять другъ друга въ объятія снова,
О, тогда сохрани въ душѣ мой трепетный образъ,
Чтобъ равно быть готовой принять и счастье и горе.
Если тебя привлекутъ иное жилище и связи,
Будь благодарна судьбѣ за то, что̀ она посылаетъ,
Добрымъ добромъ воздавай, а любящимъ—чистой любовью,
Но, повсюду въ дорогу готовая легкой стопою,
Чтобъ въ глубокое горе не впасть вторичной утраты,
Каждымъ днемъ дорожи; но жизнь не выше другого
Блага считай и цѣни,—обманчиво каждое благо».

Такъ сказалъ онъ—и мнѣ никогда съ той поры не являлся.
Все утратя, я тысячу разъ эту рѣчь вспоминала
И теперь вспоминаю, когда любовь мнѣ готовитъ
Чудный удѣлъ, и надежда врата предо мной отверзаетъ.
О, прости мнѣ, мой другъ, что, твою даже чувствуя руку,
Я дрожу. Мореходцу, вошедшему въ пристань, невольно
Кажется, будто твердыня земли колеблется тоже».
Такъ сказала она и вмѣстѣ кольца надѣла.
Ей на это женихъ отвѣчалъ въ благородномъ волненьи:
«Тѣмъ прочнѣй, Доротея, да будетъ при общемъ смятеньи
Нашъ союзъ. Мы будемъ другъ друга держаться
Крѣпко и такъ же крѣпко стоять за наши владѣнья.
Тотъ, кто въ смутное время самъ колеблется духомъ,
Зло умножаетъ и средства ему даетъ разрастаться;
Кто же незыблемъ въ душѣ, тотъ собственный міръ созидаетъ.
Нѣмцамъ вовсе нейдетъ волненіе страшной тревоги
Распространять, а самимъ и туда и сюда подаваться:
Это наше, должны мы сказать и поддерживать слово.
И понынѣ еще превозносятъ рѣшимость народовъ,
Бога, законы, родителей, женъ и дѣтей защищавшихъ,
Если даже они, сражаясь съ отвагою, пали.
Ты моя—и мое отнынѣ моимъ стало дважды.
Не съ тоскою и страхомъ беречь и блюсти его стану,
Но съ отвагой и силой. И если бъ теперь непріятель,
Или впередъ намъ грозилъ, сама снаряди меня въ битву:
Буду я знать, что ты блюдешь за родительскимъ домомъ.
О, я смѣло въ ту пору грудью враговъ повстрѣчаю!
И если бъ каждый думалъ, какъ я, то сила бъ возстала
Противъ силы, и миръ насъ всѣхъ обрадовалъ вскорѣ».

ИЗЪ КЕРНЕРА.

МОСКВА.

Какъ высокѝ церквей златыя главы.
Какъ царственно дворцы твои сіяютъ!
Со всѣхъ сторонъ глаза мои встрѣчаютъ
И гордый блескъ и памятники славы.

Но часъ твой билъ, о, городъ величавый!
Твои граждàне руку подымаютъ,
Трещитъ огонь, и факелы пылаютъ,
И ты стонишь въ горячей ризѣ лавы!

О, пусть тебя поноситъ изступленье:
Ломитесь, башни, рушьтеся, палаты!
То русскій фениксъ, пламенемъ объятый,

Горитъ вѣкамъ. Но близко искупленье:
Уже подъ кликъ и общіе восторги
Копье побѣдъ поднялъ святый Георгій.

ИЗЪ МИЦКЕВИЧА.

Всплываю на просторъ сухого океана,
И въ зелени мой возъ ныряетъ, какъ ладья,
Среди зеленыхъ травъ и межъ цвѣтовъ скользя,
Минуя острова кораллов изъ бурьяна.

Ужъ сумракъ—ни тропы не видно, ни кургана;
Не озаритъ ли путь звѣзда, мнѣ свѣтъ лія?
Вдали тамъ облако, зарницу ль вижу я?
То свѣтитъ Днѣстръ: взошла лампада Аккермана.

Какъ тихо!—Постоимъ.—Я слышу, стадо мчится:
То журавли; зрачкомъ ихъ соколъ не найдетъ.
Я слышу, мотылекъ на травкѣ шевелится

И грудью скользкой ужъ по зелени ползетъ.
Такая тишь, что могъ бы въ слухѣ отразиться
И зовъ съ Литвы... Но нѣтъ,—никто не позоветъ!

О, милая дѣва, къ чему намъ, къ чему говорить?
Зачѣмъ, при желаніи чувствомъ съ тобой подѣлиться,
Не въ силахъ я прямо душою въ твою душу пролиться?
Зачѣмъ это чувство я долженъ на звуки дробить?
Пока они въ слухъ твой и въ сердце твое проникаютъ,
На воздухѣ вянутъ, въ устахъ у меня застываютъ.

Люблю! Ахъ, люблю!—Я взываю сто разъ день и ночь,
А ты же смѣешься и гнѣвна бываешь порою.
Зачѣмъ я не въ силахъ горячей любви превозмочь
Иль выразить, высказать, въ пѣсни излить предъ тобою?
Но, какъ въ летаргіи, не вижу возможности я
Подняться изъ гроба и признакъ подать бытія.

Давно утрудилъ я уста безполезнымъ стараньемъ:
Теперь я съ твоими устами хочу ихъ спаять
И лишь объясняться съ тобою сердецъ трепетаньемъ
Да лишь въ поцѣлуяхъ и вздохахъ любовь выражать.
И такъ говорилъ бы съ тобою часы, дни и годы
До смерти природы и послѣ кончины природы.

ИЗЪ МЕРИКЕ.

ѲЕОКРИТЪ.

Будь, Ѳеокритъ, о, прелестнѣйшій, мною упомянутъ съ хвалою:
Нѣженъ ты прежде всего, но и торжественъ вполнѣ.
Ежели грацій ты шлешь въ золотые чертоги богатыхъ,
Босы онѣ, безъ даровъ, снова приходятъ къ тебѣ.
Праздны сидятъ онѣ снова въ убогомъ домѣ поэта,
Грустно склоняя чело къ сгибу остывшихъ колѣнъ.
Или мнѣ дѣву яви, когда, въ изступленіи страсти,
Юноши видя обманъ, ищетъ Гекату она.
Или воспой молодого Геракла, которому служитъ
Люлькою кованый щитъ, гдѣ онъ и змѣй задушилъ.
Звученъ тріумфъ твой! Сама тебя Калліопа вѣнчаетъ:
Пастырь же скромный, затѣмъ снова берешь ты свирѣль?

ПѢСНЬ ОХОТНИКА.

Какъ красивъ на утренней зарѣ
Птичій слѣдъ по снѣгу на горѣ!
Но красивѣй милая рука
Мнѣ чертитъ письмо издалека.

Въ небесахъ высокъ у цапли взлетъ:
Ни стрѣла ни пуля не доймеTъ;
Во сто разъ и выше и быстрѣй
Мысль летитъ къ избранницѣ своей.

ИЗЪ МЮССЕ.

ДЮПОНЪ И ДЮРАНЪ.

Діалогъ.

Дюранъ.

О, тѣни праотцевъ, какъ я тоской томимъ!
Къ богамъ воззвалъ бы я, когда бы зналъ, къ какимъ.
Вотъ скоро тридцать лѣтъ, какъ я на свѣтѣ маюсь,
И ужъ издателя лѣтъ десять добиваюсь.
Никто живой моихъ тетрадей не читалъ.
И въ мірѣ только я, что̀ я пишу, узналъ.

Дюпонъ.

О, Брутъ, ты вѣдаешь, какъ мнѣ приходитъ жутко!
Съ картофелемъ лишь сидръ не ободрятъ желудка —
И, чтобъ не задремать въ тоскливомъ забытьѣ,
Не встрѣчу ль, съ кѣмъ бы рѣчь затѣять о Фурье?
Какія времена! Какой обѣдъ ужасный!

Дюранъ.

Кого я вижу тамъ вдали? Кто тотъ несчастный,
Что̀ дуетъ въ кулаки, въ которыхъ чувства нѣтъ,
А самъ бредетъ, дрожа, по-лѣтнему одѣтъ?
У Фликото, кажись, встрѣчалъ я горемыку.

Дюпонъ.

Не ошибаюсь я: по горестному лику,
По взору томному въ задумчивыхъ глазахъ,

По шляпѣ вытергой на сальныхъ волосахъ —
Дюрана узнаю, старпннаго собрата.

Дюранъ.

Ты ль это, другъ Дюпонъ? Радъ встрѣтить я Пилада
И однокашника. Другъ друга обоймемъ.
Такъ не попалъ еще ты въ сумасшедшій домъ?
Я думалъ, что въ Бисетръ сдала тебя роденька.

Дюпонъ.

Молчи. въ окно сейчасъ я выпрыгнулъ умненько
И вотъ бѣгу тайкомъ состряпать фельетонъ.
А ты,—ужели твой ночлегъ не Шарантонъ?
Вѣдь говорили мнѣ, что твой высокій геній...

Дюранъ.

Увы, Дюпонъ, нашъ свѣтъ исполненъ злыхъ сужденій!
Что за животное нашъ глупый родъ людской,
И сколько трудностей на путь пробиться свой!

Дюпонъ.

Братъ. мнѣ ли говоришь? Успѣлъ я въ нашемъ вѣкѣ
Извѣриться вполнѣ во всякомъ человѣкѣ.
Нашъ міръ становится упрямѣй съ каждымъ днемъ,
И въ тупоуміе все глубже мы идемъ.

Дюранъ.

Ты помнишь ли, Дюпонъ, когда, еще ребяты,
Познаньемъ бѣдняки, а гордостью богаты,
Мы, хоть учитель насъ, лѣнивцевъ,115 дралъ порой,
Въ забвеньи низменномъ вкушали сонъ съ тобой?
Въ душѣ моей тѣ дни блаженства сохранились!

Дюпонъ.

Лѣнивцевъ, ты сказалъ: мы съ гордостью лѣнились
Невѣждъ, Богъ видитъ! Все, что сдѣлалъ я съ тѣхъ поръ,
Рѣшаетъ о моемъ быломъ ученый споръ.
Но запахъ сладостный какой бывалъ въ столовой!
Бывало, ѣшь и пей,—обѣдъ всегда готовый!
Согнувшись надъ столомъ бывало припадешь

Къ книжонкѣ мерзостной, сторгованной за грошъ...
Варнава, Демуленъ мнѣ горько доставались,
А милыя статьи Сенъ-Жюста укрывались
На сердцѣ у меня. Я руку подавалъ,
Какъ римскій бы ее сенаторъ простиралъ.
Ты жребій мой дѣлилъ, не кончилъ ты ученья.

Дюранъ.

Ты правъ, у генія повсюду треволненья.
Мой черепъ, созданный для лавровъ на заказъ,
Ослиной шапкою увѣнчанъ былъ не разъ.
Мое призваніе однакожъ видно было:
Во мнѣ писательство всемощно говорило:
Презрѣнъ у сверстниковъ, взращенъ на кулакѣ,
Я риомовалъ въ тиши, согнувшись въ уголкѣ.
Въ пятнадцать лѣтъ моя зарокотала лира.
Я Шиллера глоталъ, и Гете, и Шекспира,
И лобъ чесался мой при чтеньи ихъ стиховъ,
А что̀ касается прославленныхъ шутовъ,
Какъ Тацитъ, Цицеронъ, Гомеръ или Вергилій,
Мы, слава Богу, ихъ какъ должно оцѣнили.
Постигнувъ таинство, легко о всемъ писать:
Занкѣ-музѣ я далъ волю воровать:
По очереди дралъ я англичанъ, испанцевъ,
Сыновъ Италіи и выспреннихъ германцевъ:
Терзался я, что тѣмъ нарѣчьемъ не владѣлъ,
Которымъ нѣкогда башмачникъ Саксъ гремѣлъ:
Я бъ, вѣрно, произвелъ великое творенье!
Но, связанъ пошлостью природнаго реченья,
Себѣ я клятву далъ по крайней мѣрѣ въ томъ,
Что книги не издамъ съ хорошимъ языкомъ.
Сдержалъ ли слово я,—не будешь сомнѣваться.

Дюпонъ.

Когда придетъ зима,—и ласточки умчатся.
Куда умчался хоръ счастливыхъ тѣхъ годовъ,
Когда желудокъ въ насъ зависѣлъ отъ зубовъ?
Какія ключница ломти намъ отрѣзала!

Дюранъ.

Не вспоминай уже; на свѣтѣ счастья мало.
Скажи, прошу тебя, ты что же предпринялъ.
Когда покинулъ ты Латинскій свой кварталъ?

Дюпонъ.

Когда?

Дюранъ.

Въ осьмнадцать лѣтъ, когда оставилъ школу.

Дюпонъ.

Что дѣлалъ я?

Дюранъ.

Скажи.

Дюпонъ.

Да такъ, по произволу,—
Что птица дѣлаетъ, свалившися съ гнѣзда,
Что Богъ благословитъ, и что велитъ нужда.

Дюранъ.

Однакожъ?

Дюпонъ.

Ничего. По улицамъ таскался,
Куда глаза глядятъ. По волѣ озирался.
Раздѣтый, впроголодь я спалъ по чердакамъ,
Откуда въ срокъ найма я убирался самъ;
Влачась по прихоти судьбы своей коварной,
Сживался я съ мечтой Фурье гуманитарной:
Насколько я лишь могъ, повсюду занималъ,
А заведется грошъ—сейчасъ его спускалъ;
Скрывая пошлость фразъ за пышныхъ словъ туманомъ
И сидя безъ бѣлья съ такимъ пустымъ карманомъ,
Что въ мірѣ лишь мой умъ съ нимъ равенъ пустотой,
Я жилъ оборванный, завистливый и злой.

Дюранъ.

Я знаю, чтобъ тебя совсѣмъ не затомило,
Когда желудокъ твой кричалъ: «ужъ шесть пробило»,
Тебѣ пять франковъ я изъ жалости втиралъ,
А ты у Беназе ихъ тотчасъ же спускалъ.
Но что же далѣе ты дѣлалъ? Не могу я
Представить, чтобъ досель влачилъ ты жизнь такую.

Дюпонъ.

Всегда! Спиноза мнѣ и Брутъ порукой въ томъ,
Что въ платьѣ, что на мнѣ, я проходилъ въ одномъ.
И какъ его смѣнить? Кто судитъ справедливо?
Вездѣ царитъ расчетъ и скупость, да нажива.
Затѣялъ я проектъ... Скажу тебѣ тайкомъ...
Проектъ... Но, я прошу, ты помолчи о немъ...
Куда тебѣ, Ликургъ,—на свѣтѣ не видали
Чудеснѣй ничего: коль помѣстятъ въ журналѣ,
Вселенную, мой другъ, переверну вверхъ дномъ,
И съ прошлымъ сходства въ ней не будетъ ужъ ни въ чемъ;
Богатый станетъ нищъ, а сильный будетъ слабый
Зло будетъ намъ добромъ, мужчина станетъ бабой,
А женщины тогда,— ну, станутъ, чѣмъ хотятъ;
Стариннѣйшихъ враговъ дни счастья примирятъ,
Россію съ Турціей, французовъ съ Альбіономъ.
Безвѣріе души съ божественнымъ закономъ,
А драму съ здравостью разсудка... Да чего?
Царей, правителей, судей—ни одного,
Начальства—не моги, законовъ—не желаю;
Семейство я гоню и браки расторгаю:
Кому охота есть, и добывай дѣтей;
Кто хочетъ разыскать отца—ищи смѣлѣй.
Затѣмъ уже, мой другъ, ты не увидишь болѣ
Долинъ иль горъ, лѣсовъ иль колоколенъ въ полѣ:
Все это пустяки! Мы всѣ ихъ подберемъ,
Мы раскидаемъ ихъ, завалимъ и сожжемъ,
И всюду копи лишь раскинутся съ рудами,
Тропинки, хижины, поля подъ овощами.
Морковь, горохъ, бобы,—кто хочетъ, тотъ говѣй.
Зато обѣдать всласть никто уже не смѣй.

Изъ Пекина въ Парижъ желѣзный путь блестящій
Мою республику связуетъ дружбой вящщей;
Народы разные, въ огромный сѣвъ вагонъ,
Смѣшавши языки, представятъ Вавилонъ,
А пышащій огнемъ колоссъ гуманитарный
Всѣ косточки найдетъ планеты благодарной,
И изумится всякъ съ такого корабля,
Что подъ капустой вся да рѣпою земля.
Земля получитъ видъ подчищенный и низкій.
Гуманитарности міръ сдѣлается миской,
И шаръ нашъ, безъ волосъ, безъ бороды, обритъ,
Какъ тыква гладкая, по небу полетитъ.
Какой проектъ, мой другъ? Нельзя не восхищаться!
Что̀ можетъ съ планами подобными сравняться?
Въ свободные часы я ихъ въ статьѣ провелъ,—
По—вѣришь ли, Дюранъ?—никто ихъ не прочелъ!
Чего жъ хотѣть? Нашъ свѣтъ и глухъ и слѣпъ ужасно,
Ты кладъ ему дашь иль чудо,—все напрасно:
Спѣша на биржу, онъ къ тебѣ ужъ сталъ спиной;
Одинъ нашелъ законъ, каналъ ведетъ другой;
Имъ денегъ хочется, пожить, поѣсть послаже,
А есть бездѣльники, что̀ землю пашутъ даже.
Да, въ наши дни людей такъ трудно просвѣтить,—
И я отчаялся ихъ даже возродить.
А твой каковъ удѣлъ? Я чай, ты мнѣ не пара.

Дюранъ.

Сперва ученикомъ я сталъ ветеринара.
Пожалуй, получалъ я франка по два въ день,
Да не понравилось мнѣ не вставать съ колѣнъ,
Чтобъ лошади больной втирать въ копыто сало,
За что она не разъ брыканьемъ отвѣчала.
Какъ надоѣло мнѣ, я вздумалъ улизнуть
И съ Божьей помощью побрелъ куда-нибудь.
Пошелъ я къ продавцу эстамповъ. Мастеръ пьяный,
Онъ иллюстрировалъ извѣстные романы.
Два года прожилъ я. Въ листки негодныхъ книгъ
Совалъ я очерки еще негоднѣй ихъ.
Я пользу отыскалъ въ трудѣ, отъ всѣхъ сокрытомъ,
Я пріучилъ свой умъ быть ловкимъ паразитомъ,

Хватаясь за другихъ, у нихъ же воровать;
Но трудъ ученика сталъ мнѣ надоѣдать.
Однажды за столомъ у старика Тюиля
Я встрѣтилъ Дюбуа, опору водевиля.
Онъ выпить не дуракъ, задорно спѣть куплетъ,
И въ подпивныхъ ему весельемъ равныхъ нѣтъ.
Съ правописаніемъ онъ далъ мнѣ чувство стиля.
Состряпали вдвоемъ мы четверть водевиля.
По ярмаркамъ его давали иногда,
Хотя гоненья онъ претерпѣвалъ всегда.
Вскипѣла желчь во мнѣ отъ этой неудачи.
Рѣшилъ безплодный мозгъ я повернуть иначе.
Придя домой, я сѣлъ, сказавши: погоди жъ,
Моимъ писаніемъ я изумлю Парижъ.
Задавшись рифмами, мозги мои смѣлѣе
Впервые будто бы приблизились къ идеѣ.
Я заперся на ключъ писателей читать,
Которыми себя задумалъ вдохновлять:
Подъ полусотней книгъ трещалъ мой столъ несчастный!
Я долго мучился поэмою ужасной:
Луна и солнце въ ней вступали во вражду,
Венера съ папою плясали въ ней въ аду.
Сознаи, насколько мысль моя философична:
Все, что являлось намъ въ твореньяхъ единично,
Какъ Брама, напримѣръ, Юпитеръ, Магометъ,
Платонъ и Мармонтель, Неронъ и Боссюэтъ,
Я это все собралъ въ созданіи всецѣломъ;
Но главный капиталъ въ твореньи этомъ смѣломъ —
Такъ это лягушекъ надъ рѣчкой дружный хоръ;
Расинъ въ сравненіи съ подобнымъ гимномъ вздоръ!
Меня не поняли,—и книжкѣ символичной
Моей пришлось лежать въ пыли, гробамъ приличной.
Печальный результатъ и дѣйственность плохая!
Но скоро въ путь меня умчала цѣль иная:
Спѣлся старичокъ со мною журналистъ;
Онъ промотавшійся былой семинаристъ,
Разъ десять по цѣнѣ распроданный дешевой
И на честныхъ людей за франкъ плевать готовый.
Въ ливрею старичка одѣлся я сейчасъ;
Желчь у меня съ пера просилась въ этотъ разъ.

Я возродился самъ и въѣлся въ это дѣло.
Дюпонъ, какъ сладостно надъ всѣмъ ругаться смѣло!
Мертворожденный умъ такъ любитъ подходить
Къ своей же глупости и всѣмъ за это мстить.
Когда чужой успѣхъ предстанетъ настоящій
И ты придешь домой, что можетъ быть тутъ слаще,
Какъ личность растерзать и честь испачкать всю
И вылить на нее чернильницу свою,
Имѣя гдѣ-нибудь такой журналъ несчастный,
Гдѣ можно отрицать, что самъ увидѣлъ ясно!
Ложь анонимная отраднѣе всего.
На авторовъ, царей, на Бога самого,
На всѣхъ я клеветалъ, стараясь всѣхъ позорить,
И горе, кто меня хотѣлъ бы переспорить!
Когда Парижъ таилъ какой-либо секретъ,
Я къ вечеру тащилъ его въ столбцы газетъ.
Пронюхивалъ я все и съ улицъ на паркеты
Тащилъ на каблукахъ я грязные предметы:
Въ скандальный этотъ вѣкъ я каждый зналъ скандалъ
И оглашалъ его. Тутъ я не признавалъ
Ни жалобъ ни угрозъ,—меня ты слишкомъ знаешь.
Но ты молчишь, Дюпонъ: о чемъ ты размышляешь?

Дюпонъ.

Увы, Дюранъ, когда бъ найти я только могъ
Хоть сердце женщины принять мой страстный вздохъ!
Такъ нѣтъ,—напрасно я ищу плѣнять въ Парижѣ:
Плохъ курсъ твоихъ статей, меня же цѣнятъ ниже.
Себя я предлагалъ всѣмъ встрѣчнымъ — не берутъ.
На ложе хладное бреду я въ свой пріютъ
И жду—никто нейдетъ... Вѣдь можно утопиться!

Дюранъ.

Ужель ты не искалъ подъ вечеръ веселиться?

Дюпонъ.

Къ Прокопу въ домино хожу играть подчасъ.

Дюранъ.

Прекрасная игра—и развиваетъ насъ:
Тотъ человѣкъ уже не сдѣлаетъ промашки,

Чтò мастеръ въ домино подладить деревяжки.
Войдемъ въ кофейную. Самъ лепту я взнесу.

Дюпонъ.

Коль безъ реванша дашь ты мнѣ пятнадцать су, —
Согласенъ.

Дюранъ.

Погоди: сыграемъ-ка мы прежде
На угощеніе, чтобъ ввѣриться надеждѣ.
Навѣрно, рюмочку на счетъ твой пропущу.

Дюпонъ.

Боюсь ликеровъ я. Ужъ пивомъ угощу.
Чтò въ кошелькѣ твоемъ?

Дюранъ.

Три су.

Дюпонъ.

Въ харчевню ближе.

Дюранъ.

Ступай впередъ.

Дюпонъ.

Нѣтъ, ты.

Дюранъ.

Нѣтъ, ты, — прошу, или же

ИЗЪ РЮККЕРТА.

Если ты меня разлюбишь,
Не могу я разлюбить;
Хоть другого ты полюбишь,
Буду все тебя любить;
Не въ моей лишь будетъ власти
За взаимность вашей страсти
И его мнѣ полюбить.

И улыбки и угрозы
Мнѣ твои—все образъ розы:

Улыбаешься ль сквозь слезы,
Ранній цвѣтъ я вижу розы;

А пойдутъ твои угрозы,
Вспомню розы я занозы.

И улыбки и угрозы
Мнѣ твои—все образъ розы.

Какъ мнѣ рѣшить, о, другъ прелестный,
Кто властью больше: я иль ты?
Свободныхъ пѣсенъ кругъ небесный
Не больше царства красоты.

Два рая: ты—въ моемъ царица,
А мнѣ—въ твоемъ царить дано;
Одинъ другому лишь граница,
И оба вмѣстѣ лишь одно.

Тамъ, гдѣ любовь твоя не властна,
Восходитъ пѣсни блескъ моей;
Куда душа ни взглянетъ страстно,
Разверсто небо передъ ней.

Не хочу морозной я
Вѣчности,
А хочу безслезной я
Младости,
Съ огненнымъ желаніемъ,
Полной упованіемъ,
Радости.

Не лавровой вѣткою
Я плѣненъ:
Миртовой бесѣдкою
Окруженъ;
Пусть бы ненавистную
Вѣтку кипарисную
Ждалъ мой сонъ.

Пусть бы люди про меня забыли,
Какъ про нихъ забылъ я совершенно,
Чтобъ съ тобой мы такъ же мирно жили,
Какъ желаю имъ я жить блаженно.

Пусть бы имъ мы такъ же были нужны,
Какъ намъ ими нужно заниматься,
Хоть какъ мы они бы жили дружно,
Иль дрались, коль есть охота драться.

У моей возлюбленной есть украшенье:
Въ немъ она блаженна въ каждое мгновенье,
Всѣмъ другимъ на зависть, мнѣ на заглядѣнье.

У моей возлюбленной есть украшенье:
Въ немъ связали страсть моя и вдохновенье
Съ золотомъ и самоцвѣтные каменья.

У моей возлюбленной есть украшенье:
Въ немъ она должна, ея такое мнѣнье,
И восторгъ встрѣчать и даже огорченье.

У моей возлюбленной есть украшенье:
Въ немъ она предстать желаетъ въ погребенье
Такъ же, какъ была она въ немъ въ обрученье.

ИЗЪ УЛАНДА.

БЕРТРАНЪ ДЕ-БОРНЪ.

На утесѣ томъ дымится
Аутафортъ, сложенъ во прахъ,
И предъ ставкой королевской
Властелинъ его въ цѣпяхъ.
Ты ли, что̀ мечомъ и пѣсней
Поднялъ бунтъ на всѣхъ концахъ,
Что̀ къ отцу непослушанье
У дѣтей вселилъ въ сердцахъ?

Тотъ ли здѣсь, что̀ выхвалялся,
Не стыдяся никого,
Что ему и половины
Хватитъ духа своего?
Если мало половины,
Призови его всего
Замокъ твой отстроить снова,
Снять оковы съ самого.

«Мой король и повелитель,
Предъ тобой Бертранъ де-Борнъ,
Что̀ возжегъ единой пѣснью
Перигордъ и Вентадорнъ,
Что̀ у мощнаго владыки
Былъ въ глазу колючій терпъ,
Тотъ, изъ-за кого гнѣвъ отчій
Короля пылалъ, какъ горнъ.

«Дочь твоя сидѣла въ залѣ,
Съ ней былъ герцогъ обрученъ —
И гонецъ мой спѣлъ ей пѣсню,
Мною пѣснѣ обученъ:

Спѣлъ, какъ сердце въ ней гордилось,
Что пѣвецъ въ нее влюбленъ, —
И уборъ невѣсты пышный
Весь слезами сталъ смоченъ.

«Въ бой твой лучшій сынъ воспрянулъ,
Кинувъ долю безъ заботъ,
Какъ моихъ воинскихъ пѣсенъ
Громъ донесъ къ нему народъ.
На коня онъ сѣлъ поспѣшно,
Самъ я знамя несъ впередъ.
Тутъ, стрѣлою онъ пронзенный,
У Монфортскихъ палъ воротъ!

«На рукахъ моихъ онъ, бѣдный,
Окровавленный лежалъ,
Не отъ боли,—отъ проклятья
Онъ отцовскаго дрожалъ.
Вдаль къ тебѣ онъ тщетно руку
На прощанье простиралъ,—
Но, твоей не повстрѣчавши,
Онъ мою еще пожалъ.

«Тутъ, какъ Аутафортъ мой, горе
Надломило силача:
Ни вполнѣ ни вполовину,
Ни струны и ни меча:
Лишь разслабленнаго духомъ
Ты сразилъ меня съ плеча;
Для одной лишь пѣсни скорби
Онъ поднялся сгоряча»

И король челомъ поникнулъ:
«Сына мнѣ ты возмутилъ,
Сердце дочери плѣнилъ ты —
И мое ты побѣдилъ.
Дай же руку, другъ сыновній:
За него тебя простилъ!
Прочь оковы!.. Твоего же
Духа вздохъ я ощутилъ».

– – –

ИЗЪ ШЕНЬЕ.

ЛИДА.

«Ланиты у меня на солнцѣ загорѣли,
И ноги бѣлыя отъ терній покраснѣли:
День цѣлый я прошла долиною; влекли
Меня со всѣхъ сторонъ блеянія вдали.
Бѣгу,—но, вѣрно, ты скрываешься, враждуя:
Все пастухи не тѣ! О, гдѣ же, гдѣ найду я
Тебя, красавецъ мой? Скажи, повѣдай мнѣ,
Гдѣ ты пасешь стада? Въ которой сторонѣ?

О, нѣжный отрокъ, ты краснѣешь предо мною...
Взгляни, какъ я блѣдна,—истомлена тобою:
Люблю твое чело невинное и нравъ.
Пойдемъ,—не все жъ искать ребяческихъ забавъ.
О, нѣжный отрокъ мой, узнай, какъ я страдаю:
Хочу забыть тебя—и все не забываю.
Прекрасное дитя, къ тебѣ влекутъ мечты:
Какъ дѣва робкая, склоняешь взоры ты;
Грудь бѣлая твоя, полуприкрыта тканью,
Еще не отдалась любовному желанью.
Пойдемъ. Узнаешь все. Тебя я научу.
Съ душою дѣвственной бесѣдовать хочу,
Пока, преодолѣвъ невольное смущенье,
Какъ я, познаешь ты и вздохи и томленье,
А дѣвскихъ щекъ твоихъ вотъ этотъ пышный цвѣтъ—
Единственно моихъ лобзаній будетъ слѣдъ.
О, если бъ наконецъ ты раннею зарею
Пришелъ на грудь ко мнѣ приникнуть головою!

Я, сонъ лелѣя твой, боялась бы дохнуть,
Чтобъ не будить тебя, дышала бы чуть-чуть
И, складки тонкаго раскинувъ покрывала,
Я бъ отъ твоихъ ланитъ горячихъ отгоняла
И дерзкихъ комаровъ и безпокойныхъ пчелъ...»

И Нимфа, отрока сыскавъ, стоитъ, вздыхаетъ,
Трепещетъ и его съ собою увлекаетъ.
Садится на траву. Ей уступаетъ онъ,
И гордъ, и втайнѣ радъ, и явно пристыженъ.
Ужъ прикоснулася невѣрными перстами
Она къ нему. Одна ея рука кудрями
Играетъ отрока, другая же рука
Ласкаетъ шелкъ ланитъ младенческихъ слегка.
«Дитя,—зоветъ она:—приди на зовъ мой страстный,
Прекрасенъ, юнъ, ко мнѣ, и юной и прекрасной;
Ко мнѣ, прелестный другъ, ты на колѣни сядь.
Скажи, какъ много лѣтъ успѣлъ ты сосчитать?
Бывалъ ли первымъ ты борцомъ между друзьями?
Имъ нынче, говорятъ, скользящими руками,
Счастливцамъ, жать пришлось тебя къ груди своей,
И на тебѣ сіялъ струящійся елей?
Ты потупляешь взоръ? О, какъ должна гордиться
Та, у которой могъ, красавецъ, ты родиться!
Богинею рожденъ ты, вѣрно. Что съ тобой?
Ты весь дрожишь? Дитя, коснись вотъ здѣсь рукой:
Грудь у меня пышнѣй, чѣмъ у тебя, скруглилась.
Но это знаешь ли?—быть-можетъ, опустилась
Одежда женская передъ тобой хоть разъ?
Но это не одно различіе у насъ.
Ты улыбаешься, краснѣя? Какъ сіяетъ
Огонь твоихъ очей! Какъ твой румянецъ таетъ!
Не Гіацинтъ ли ты, любимый сынъ небесъ?
Иль тотъ, за кѣмъ орла ниспосылалъ Зевесъ?
Иль тотъ, кто, зарожденъ плѣнять богинь собою,
Изъ лона Мирры шелъ, одѣтаго корою)?

) Мирра, дочь ассирійскаго царя Цинира, превращеннаго въ благовонное дерево. Плиній говоритъ, что кору этого дерева разрѣзали съ верху до низу, добывая благовоніе. Циниръ прижилъ съ Миррою Адониса.

Дитя, кто бъ ни былъ ты, хочу тебя обнять!
Дитя, люби меня! Какъ часто отвергать
Умѣла юношей я пылъ неукротимый!..
Но ты, ты будь моимъ, хочу я быть любимой!

И возвѣститъ вѣкамъ мой камень гробовой,
Что Гименеемъ былъ развязанъ поясъ мой».

Супругъ надменный козъ, лоснящійся отъ жиру,
Всталъ на дыбы и, лобъ склоня, грозитъ Сатиру.
Сатиръ, понявъ его недружелюбный видъ,
Сильнѣе уперся разрѣзами копытъ,—
И вотъ навстрѣчу лбу несется лобъ наклонный,
Ударъ,—и грянулъ лѣсъ, и дрогнулъ воздухъ сонный.

ИЗЪ ШИЛЛЕРА.

БОГИ ГРЕЦІИ.

(Первоначальная редакція).

Какъ еще вы правили вселенной
И, забавъ на легкихъ помочахъ,
Свой народъ водили вожделѣнный,
Чада сказокъ въ творческихъ ночахъ.—
Ахъ, пока служили вамъ открыто,
Былъ и смыслъ иной у бытія,
Какъ вѣнчали храмъ твой, Афродита,
Ликъ твой, Аматузія!

Какъ еще покровъ свой вдохновенье
Налагало правдѣ на чело,
Жизнь полнѣй текла чрезъ все творенье,—
Что̀ и жить не можетъ, все жило;
Цѣлый міръ возвышенъ былъ уборомъ,
Чтобъ прижать къ груди любой предметъ:
Открывало посвященнымъ взорамъ
Все боговъ завѣтный слѣдъ.

Гдѣ теперь, какъ намъ твердятъ сторицей,
Пышетъ шаръ, вращаясь безъ души,
Правилъ тамъ златою колесницей
Геліосъ въ торжественной тиши;
Здѣсь на высяхъ жили Ореады,
Безъ Дріадъ—ни рощи ни лѣсовъ.
И изъ урны радостной Наяды
Пѣна прядала ручьевъ.

Этотъ лавръ стыдливость дѣвы прячетъ,
Дочь Тантала въ камнѣ томъ молчитъ,

Въ тростникѣ вотъ здѣсь Сиринкса плачетъ,
Филомела въ рощѣ той грустить:
Въ тотъ потокъ какъ много слезъ, Церера,
Ты о Персефонѣ пролила,
А съ того холма вотще Цитера
Друга нѣжнаго звала.

Къ порожденнымъ отъ Девкаліона
Нисходилъ весь сонмъ небесный самъ:
Посохъ взявъ, пришелъ твои сынъ, Латона,
Къ Пирринымъ прекраснымъ дочерямъ.
Между смертнымъ, богомъ и героемъ
Самъ Эротъ союзы закрѣплялъ,
Смертный рядомъ съ богомъ и героемъ
Въ Амалунтѣ умолялъ.

Строгій чинъ съ печальнымъ воздержаньемъ
Были чужды жертвенному дню.
Счастье было общимъ достояньемъ,
И счастливецъ къ вамъ вступалъ въ родню.
Было лишь прекрасное священно:
Наслажденья не стыдился богъ,
Коль улыбку скромную Камены
Иль Хариты вызвать могъ.

Свѣтлый храмъ не вѣдалъ стѣнъ несносныхъ:
Въ славу вамъ герой искалъ мѣты
На Истмійскихъ играхъ вѣнценосныхъ,
И гремѣли колесницъ четы.
Хороводы въ пляскѣ безупречной
Вкругъ вились убранныхъ алтарей:
На вискахъ у васъ вѣнокъ цвѣточный,
Подъ вѣнцами шелкъ кудрей.

Тирсоносцевъ радостныхъ эвое
Тамъ, гдѣ тигровъ пышно запрягли,
Возвѣщало о младомъ героѣ,
И Сатиръ и Фавнъ, шатаясь, шли.
Предъ царемъ неистово менады
Прославлять летятъ его вино,
И зовутъ его живые взгляды
Осушать у кружки дно.

Не костякъ ужасный въ часъ томленій
Подступалъ къ одру, а уносилъ
Поцѣлуй послѣдній вздохъ,—и геній,
Наклоняя, факелъ свой гасилъ.
Даже въ Оркѣ судіей правдивымъ
Возсѣдалъ съ вѣсами смертной внукъ;
Внесъ ѳракіецъ пѣснью сиротливой
До Эринній грустный звукъ.

Въ Елисей къ ликующему кругу
Тѣнь слетала землю помянуть,
Обрѣтала вѣрность вновь подругу,
И возница находилъ свой путь.
Для Линоса лира вновь отрада,
Предъ Алцестой дорогой Адметъ,
Узнаётъ Орестъ опять Пилада,
Стрѣлы друга—Филоктетъ.

Ждалъ борецъ высокаго удѣла
На тяжеломъ доблестномъ пути;
Совершитель дѣлъ великихъ смѣло
До боговъ высокихъ могъ дойти:
Сами боги, преклонясь, смолкаютъ
Предъ зовущимъ къ жизни мертвецовъ,
И надъ кормчимъ свѣточи мерцаютъ
Олимпійскихъ близнецовъ.

Свѣтлый міръ, о, гдѣ ты? Какъ чудесенъ
Былъ природы радостный расцвѣтъ!
Ахъ, въ странѣ одной волшебныхъ пѣсенъ
Не утраченъ сказочный твой слѣдъ!
Загрустя, повымерли долины,
Взоръ нигдѣ не встрѣтитъ божества,—
Ахъ, отъ той живительной картины
Только тѣнь видна едва!

Всѣхъ цвѣтовъ душистыхъ строй великій
Злымъ дыханьемъ сѣвера снесенъ;
Чтобъ одинъ возвысился владыкой,
Міръ боговъ на гибель осужденъ
Я ищу по небу, грусти полный,

Но тебя, Селена, нѣтъ какъ нѣтъ!
Оглашаю рощи, кличу въ волны,—
Безотвѣтенъ мой привѣтъ.

Безъ сознанья радость расточая,
Не провидя блеска своего,
Надъ собой вождя не сознавая,
Не дѣля восторга моего,
Безъ любви къ виновнику творенья,
Какъ часы, не оживленъ и сиръ,
Рабски лишь закону тяготѣнья,
Обезбоженъ, служитъ міръ.

Чтобъ плодомъ на завтра разрѣшиться,
Рыть могилу нынче суждено;
Самъ собой въ ущербъ и въ ширь крутится
Мѣсяцъ все на то жъ веретено;
Праздно въ міръ искусства скрылись боги,
Безполезны для вселенной той,
Что, у нихъ не требуя подмоги,
Связь нашла въ себѣ самой.

Да, они укрылись въ область сказки,
Унося туда же за собой
Все величье, всю красу, всѣ краски,
А у насъ остался звукъ пустой,—
И взамѣнъ вѣковъ и поколѣній
Имъ вершины Пинда лишь на часть:
Чтобъ безсмертнымъ жить средь пѣснопѣній,
Надо въ жизни этой пасть.

ВЕЧЕРЪ.

Богъ лучезарный, спустись! Жаждутъ долины
Вновь освѣжиться росой, люди томятся,
Медлятъ усталые кони,—
Спустись въ золотой колесницѣ!

Кто, посмотри, мани́тъ изъ свѣтлаго моря
Милой улыбкой тебя,—узнало ли сердце?
Кони помчались быстрѣе:
Ма́нитъ Өетида тебя.

Быстро въ объятія къ ней, вожжи покинувъ,
Спрянулъ возничій; Эротъ держитъ за узды;
Будто вкопаны, кони
Пьютъ прохладную влагу.

Ночь по своду небесъ, прохладою вѣя,
Легкой стопою идетъ съ подругой-любовью.
Люди, покойтесь, любите:
Фебъ влюбленный почилъ.

ДИѲИРАМБЪ.

Боги всегда къ намъ на землю приходятъ
Дружной толпой
Только-что Бахусъ ко мнѣ принесется,
Тотчасъ крылатый Амуръ улыбнется,
И прилетитъ Аполлонъ золотой.
Стремятся, несутся
Жильцы небо-края:
Безсмертныхъ пріемлетъ
Обитель земная.

Скажите, чѣмъ приметъ убогій сынъ Геи
Хоръ неземной?
О, дайте вы, боги, мнѣ жизнь неземную!
Скажите, что, смертный, вамъ въ даръ принесу я?
Возьмите меня на Олимпъ за собой.
Въ чертогѣ Зевеса
Лишь царствуетъ радость...
Налейте же въ кубокъ
Мнѣ нектара сладость!

«Подай ему кубокъ!—Полонъ поэту,
Геба, налей.
Росою небесной смочи ему очи,
Чтобъ они вѣчной не видѣли ночи,
Чтобъ онъ былъ равенъ намъ славой своей».
Небесная влага,
Напѣнясь, бѣлѣетъ—
И грудь не мятётся,
И око свѣтлѣетъ.

ДИТЯ ВЪ КОЛЫБЕЛИ.

Кропка-счастливецъ, теперь для тебя колыбель безгранична;
Мужемъ ты станешь,—и міръ цѣлый тебя не вмѣстить.

КЪ ЦВѢТАМЪ.

Дѣти солнечнаго всхода,
Пестрыхъ пажитей цвѣты,
Васъ взлелѣяла природа
Въ честь любви и красоты:
Ваши яркіе уборы
Подъ перстомъ прозрачнымъ Флоры
Такъ нарядно-хороши!
Но, любимцы нѣги вешней,
Плачьте: прелесть жизни внѣшней
Не вдохнула въ васъ души.

Вслѣдъ за жаворонкомъ, нѣжно
Соловьи о васъ грустятъ;
На листахъ у васъ небрежно,
Колыхаясь, сильфы спятъ;
Ваши пышныя короны
Превратила дочь Діоны
Въ брачный пологъ мотыльковъ,—
Плачьте, плачьте, дѣти свѣта:
Въ васъ тоска понятна эта,
Вамъ невѣдома любовь.

Но томленіе разлуки
Выношу я не скорбя:
Другъ мой, Нанни, эти руки
Вьютъ подарокъ для тебя.
Жизнь и душу, страсть и рѣчи,
Сердца нѣжныя предтечи,
Вамъ теперь передаю—
И сильнѣйшій межъ богами
Здѣсь подъ скромными листами
Скрылъ божественность свою.

СЕМЕЛА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Юнона.
Семела, ѳивская царевна.
Юпитеръ.
Меркурій.

Дѣйствіе происходитъ въ Ѳивахъ, во дворцѣ Кадма.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Юнона *(сходитъ съ колесницы, окруженная облакомъ).*

Прочь, вы, съ колесницей крылатой,
Павлины Юноны: ждите меня
На заоблачныхъ высяхъ Цитеры.

(Колесница и облако исчезаютъ).

А, здравствуй, домъ моей несытой злобы,
Привѣтъ тебѣ, проклятья вражій кровъ
И ненавистный дворъ! Такъ вотъ то мѣсто,
Гдѣ предъ лицомъ стыдливымъ дня Юпитеръ
Безчеститъ ложе гордое мое!
Здѣсь громовержца смѣетъ женщина,—
Простая смертная, мгновенный прахъ,—
Исхитивъ лаской изъ моихъ объятій,
Теперь къ своимъ приковывать устамъ!
Юнона, Юнона!
У горняго трона

Ты одна стоишь!
Храмы шлють тебѣ куренье,
Всюду чтители твои...
Безъ любви на что почтенье?
Что̀ и небо безъ любви?
  Нужно было мнѣ въ обиду,
Чтобы пѣна родила̀ Киприду!
Вѣчныхъ и смертныхъ
Всѣхъ побѣдилъ ея взоръ огневой.
Горе,—въ гнѣвъ тебѣ, Юнона,
Родила и Герміона,—
И навѣкъ прости покой!
  Иль не царица боговъ я?
Иль не сестра громовержца?
Иль мнѣ властитель-Зевесъ не супругъ?
Развѣ не мнѣ повинуются оси
Грузнаго неба? Не я ли блистаю въ вѣнцѣ олимпійскомъ?
Га! Я чувствую
Въ жилахъ безсмертныхъ Сатурнову кровь!
Сердце богини въ груди разрослось:
Мести! Мести!
Унижать меня безнаказанно!
Безнаказанно сѣять раздоръ межъ богами
И въ ясный чертогъ небожителей звать
Эриду! Какая безмѣрная дерзость!
Знай же, безумная:
Смерть у Коцита научитъ тебя
Божеское различать отъ праха земли!
Пусть задавитъ тебя твои гигантскіи уборъ:
Прахомъ ты будешь
Вмѣсто богини
  Въ доспѣхахъ мести
Схожу съ Олимпа высокаго я
И сладко-снотворныя
Льстивыя рѣчи
Изобрѣла:
Смерть и погибель
Скрываются въ нихъ.
  Чу, шаги ея!
Вотъ ближе...

Ближе къ паденью и гибели вѣрной!
Увейся покровомъ земнымъ, божество!

(Уходитъ).

Семела *(кричитъ на сцену).*

Ужь солнце къ западу!.. Скорѣй, служанки,
Наполните чертогъ пріятной амброй!
Розъ и нарцизовъ набросать вокругъ!
Да не забудьте златотканный пологъ...
Ужь солнце къ западу, а онъ еще нейдетъ!

Юнона *(входитъ въ образъ старухи).*

Благодареніе безсмертнымъ! Дочь моя!

Семела.

О, боги! Бодрствую иль брежу я? Берoя!

Юнона.

Ужель свою кормилицу-старушку
Забыла ты?

Семела.

Берoя, видитъ Зевсъ!
Позволь, чтобъ дочь тебя прижала къ сердцу!
Здорова ль ты? Зачѣмъ изъ Эпидавра
Пришла ко мнѣ? Ну, какъ живешь? Не правда ль,
Попрежнему еще ты мать мнѣ?

Юнона.

Мать!
Давно ты такъ звала меня.

Семела.

Зову
И буду звать—пока изъ темной Леты
Я не напьюсь.

Юнона.

Бероѣ, можетъ-быть,
Не долго ждать до волнъ самозабвенья;
Но Кадма дочь изъ нихъ не будетъ пить.

Семела.

Какъ, милая? Загадками ты прежде
Не говорила; духъ сѣдыхъ волосъ
Теперь въ уста твои влагаетъ рѣчь;
Ты говоришь: я Леты не увижу?

Юнона.

Да, я сказала. Что жь сѣдинамъ ты
Смѣешься? Правда, что богамъ онѣ,
Какъ свѣтлые власы, сѣтей не ставятъ.

Семела.

Прости,—могла ль смѣяться я власамъ
Сѣдымъ, какъ будто эти вѣчно будутъ
Златой волной катиться мнѣ на плечи?
Но что же ты сквозь зубы проворчала?
Богъ, говоришь ты?

Юнона.

Богъ, сказала я?
Ну да, вѣдь боги всюду! Ихъ молить
Намъ, слабымъ смертнымъ, должно. Боги тамъ,
Гдѣ ты, Семела. Какъ спросила ты?

Семела.

Какая злость! Однакожъ говори:
Что привело тебя изъ Эпидавра?
Не то ли ужъ, что боги окружаютъ
Твою Семелу?

Юнона.

Только то, клянусь!
Какимъ огнемъ твои покрылись щеки,
Когда «Юпитеръ» я произнесла!
Послушай, дочь моя: ужасный моръ
Свирѣпствуетъ въ несчастномъ Эпидаврѣ:
Тамъ каждое дыханье ядовито;
Женихъ невѣсту, мать сжигаетъ сына;
Костры горятъ и превращаютъ въ день

Полночный сумракъ: вопли и рыданья
По воздуху разносять смертный ужасъ.
Прогнѣваннымъ Юпитеръ смотритъ окомъ
На бѣдный нашъ народъ. Вотще предъ нимъ
Струится жертвенная кровь. вотще
У алтаря, измучась, на колѣнахъ
Взываетъ жрецъ,—онъ на моленье глухъ.
И вотъ меня несчастная отчизна
Ко дщери Кадма шлетъ: не упрошу ль
Ее избавить насъ отъ смертной кары?
Кормилица Берая, говорятъ,
Должно-быть, много значитъ у Семелы.
Семела же у Зевса много значитъ;
А вотъ и все... Не поняла я словъ:
«Семела много значитъ у Зевеса».

Семела (*съ жаромъ и забывшись*).

Скажи, что завтра кончится зараза!
Меня Зевсъ любитъ,—нынче жъ стихнетъ моръ!

Юнона (*неожиданно пораженная*).

Такъ правда, что̀ стоустая молва
Отъ Гемуса до Иды разглашаетъ?
Тебя Зевсъ любитъ? Зевсъ привѣтствуетъ
Тебя во всемъ величьѣ, какъ Юнону,
Средь изумленныхъ небожителей?
О, боги! Пусть теперь сокроетъ Оркусъ
Мои сѣдины,—я жила довольно:
Во всемъ величіи нисходитъ сынъ Сатурна
Къ ней, къ ней,—она сосала грудь мою!
Къ ней!

Семела.

О, Берая, онъ явился мнѣ.
Красавецъ, краше всѣхъ аврориныхъ дѣтей...
Да, въ этотъ мигъ онъ былъ небеснѣй и свѣтлѣй,
Чѣмъ Геспферъ, ароматомъ окруженный
И членами въ эѳирѣ погруженный!
Онъ гордо шелъ, какъ бы Гиперіонъ
Когда за мощными плечами

Звенятъ колчанъ и лукъ; зефиромъ окрыленъ,
Блисталъ покровъ, віясь за нимъ клубами,—
Такъ океанъ сребристыми волнами
Блистаетъ; серебра пріятный звонъ
Его слова; ихъ переливъ свѣтлѣе
Живой мелодіи на лирѣ у Орфея.

Юнона.

Ахъ, дочь моя! Какъ все въ тебѣ полно
Минувшаго небеснымъ наслажденьемъ!
Что жъ дѣлалось тогда съ твоими слухомъ, зрѣньемъ,
Когда воспоминаніе одно
Тѣснится въ грудь дельфійскимъ вдохновеньемъ?
Но что же ты не склонишь разговоръ
На Зевсовъ драгоцѣннѣйшій уборъ?
Что жъ ты скупишься? Разскажи, какъ стрѣлы
Громовыя сверкаютъ предъ Семелой,—
А имъ бы рвать густыя облака!
Девкаліонъ и Прометей красою
Могли снабжать—громить же лишь Зевесъ:
Одинъ лишь громъ, который онъ бросалъ
Къ твоимъ ногамъ, одинъ лишь громъ тебя
Такъ высоко возноситъ надъ землей.

Семела.

Что говоришь ты? Здѣсь о громѣ рѣчи
Не можетъ быть.

Юнона (*улыбаясь*).

Тебѣ къ лицу и шутки!

Семела.

Небеснѣй моего Юпитера не можетъ
Быть сынъ земли; но громъ... какой же громъ?

Юнона.

И, ревность!

Семела.

Нѣтъ, Бероя! Видитъ Зевсъ,

Юнона.

Клянешься?

Семела.

Видитъ Зевсъ! Мой Зевсъ!

Юнона *(восклицаетъ)*.

Клянешься?

Несчастная!

Семела *(въ испугь)*.

Берояі Что съ тобой?

Юнона.

Ну, повтори слова тѣ, по которымъ
Несчастнѣй нѣтъ тебя на всей землѣ!
Погибшая! То былъ не Зевсъ!

Семела.

Не Зевсъ?

Презрѣнная!

Юнона.

Коварный соблазнитель
Изъ Аттики, подъ маской божества,
Похитилъ честь твою, невинность, стыдъ!

(Семела падаетъ безъ чувствъ).

Да, упади,—чтобъ вѣчно не вставать!
Пусть ночь навѣкъ потушитъ свѣточь твой,
Пусть тишина скуетъ навѣкъ твой слухъ!
Останься здѣсь на мѣстѣ хладнымъ камнемъ!
О, стыдъ! о, срамъ! Стыдливый день бѣжитъ
Опять назадъ въ объятія Гекаты!
О, боги. боги! Неужель Бероѣ
Шестнадцать лѣтъ въ разлукѣ пространствъ
И встрѣтить такъ дочь Кадма суждено?
Я съ радостью пошла изъ Эпидавра
И со стыдомъ должна итти домой·

Отчаянье я принесу... О, горе!
О, мой народъ! Скорѣе до второго
Потопа моръ пробудетъ, онъ скорѣй
Загромоздитъ тѣлами темя Эты,
Скорѣй вся Греція въ кладбище превратится,
Чѣмъ ты, Семела, гнѣвъ боговъ смягчишь:
Обмануты я, ты, и Греція, и все!

Семела *(подымается, дрожа, и протягиваетъ къ ней руку).*

Моя Берая!

Юнона.

Другъ, очнись. Быть-можетъ,
То былъ Зевесъ! Но кажется, что нѣтъ!
А все жъ, быть-можетъ, онъ! Теперь узнать намъ должно.
Пусть онъ откроется, не то навѣкъ
Бѣги его; пусть Ѳивы за тебя
Презрѣнному отмстятъ кровавой местью.
Взгляни, о, дочь, взгляни своей Бероѣ
Въ лицо; уже по симпатіи я
Всегда твоя... Не испытать ли намъ
Его, Семела?

Семела.

Нѣтъ, клянусь богами,
Я въ немъ ошиблась бы.

Юнона.

Ужели бъ ты
Была покойнѣй, вѣчно сомнѣваясь,
Хотя бы онъ и подлинно былъ Зевсъ...

Семела *(скрываетъ лицо на коленяхъ Юноны).*

Нѣтъ! Онъ не Зевсъ!

Юнона.

...И, блескомъ окруженный.
Тебѣ бы такъ явился, какъ едва ль

Являлся онъ Олимпу? Что̀ тогда,
Семела? Ты бы каялась, зачѣмъ
Его пытала?

Семела *(съ силой).*

Онъ открыться долженъ.

Юнона *(скоро).*

Дотолѣ онъ не знай твоихъ объятій —
Откройся прежде! Слушай, дочь моя,
Что̀ вѣрная кормилица тебѣ
Съ любовью отъ души совѣтуетъ:
Скажи: когда онъ явится? Скажи!

Семела.

Онъ обѣщалъ, что прежде, чѣмъ къ Ѳетидѣ
Въ объятія сойдетъ Гесперіонъ.

Юнона *(забывшись, съ жаромъ).*

Какъ? Га! Сегодня снова? *(Сдержавшись)* Пусть придетъ—
И только-что въ восторгѣ упоенья
Онъ распахнетъ объятья за тобой,
Ты отступи, припомни, будто громомъ
Поражена. Га! Какъ смутится онъ!
Не долго, дочь моя, ты дли смущенье
И продолжай желѣзнымъ, хладнымъ взоромъ
Отталкивать его. Страстнѣй, сильнѣе
Онъ будетъ льнуть къ тебѣ: вѣдь спесь красавицъ —
Плотина лишь, что̀ дождевой потокъ
Запретъ на мигъ — и съ яростію новой
Нахлынутъ волны... Тутъ ты станешь плакать;
Противъ гигантовъ онъ стоялъ спокойно,
Глядя, какъ гнѣвъ сторукаго Тифея
Въ его престолъ кидалъ Олимпъ и Оссу, —
Но слезы милой побѣдятъ его...
Ты улыбаешься? А, вижу, ученица
Здѣсь превзошла наставницу свою!
Вотъ и попросишь ты, чтобъ богъ исполнилъ
Одно твое невинное желанье:
Въ знакъ божества и пламенной любви

Онъ Стиксомъ поклянется — избѣжать
Ему нельзя — ужъ Стиксъ его связалъ —
А ты скажи: — «Не знай меня, доколѣ
Во всей красѣ, какъ дочери Сатурна,
Не явишься ты царской дщери Кадма».
Семела, ты не бойся, если онъ
Начнетъ тебѣ присутствіе свое
Описывать ужаснымъ, въ пламени
Трескучемъ, при раскатахъ громовыхъ,
Чтобъ, запугавъ, лишить тебя желанья:
Семела, это все пустые страхи,
И боги лишь скупятся для людей
Такой красой, такимъ величьемъ славы.
Не отступайся, — и сама Юнона
Завистливо скосится на тебя...

Семела.

Дурная-то, съ воловьими глазами?
Въ жару любви онъ часто признавался,
Какъ черной желчью мучаетъ она
Его.

Юнона *(въ гнѣвѣ, въ замѣшательствѣ, въ сторону).*

Га! Смерть червю за поношенье!

Семела.

Что? Какъ, Берoя? Что ты тамъ ворчишь?

Юнона *(въ замѣшательствѣ).*

Такъ, ничего, Семела! Черной желчью
И я терзаюсь... Часто строгій взглядъ
Зовется у влюбленныхъ черной желчью;
Воловьи же глаза не такъ дурны.

Семела.

О, самые безпутные, Берoя,
Какіе могутъ въ головѣ свѣтить!
Къ тому жъ примѣта ядовитой злобы
Желто-зеленый цвѣтъ ланитъ. Мнѣ жаль

Зевса: отъ навязчивой любви
И вздорной ревности царицы нѣтъ ему
Одной покойной ночи. Это просто
Должна быть въ небѣ пытка Иксіона.

Юнона *(съ ужаснымъ смущеніемъ и злобою ходитъ взадъ и впередъ).*

Ну, полно же!

Семела.

Берoя! Что̀ за горечь?
Иль я сказала болѣе, чѣмъ правда
И умъ велять?

Юнона.

Ты болѣе сказала,
Чѣмъ умъ и правда дѣвушкѣ велятъ.
Считай за счастье, если голубые
Глаза твои не рано въ челнъ Харона
Заглянутъ: у Юноны тоже храмы!..
Бродя между людьми, она не мститъ
Такъ ни за что, какъ за насмѣшки злыя.

Семела.

Что̀ жъ, пусть придетъ и слушаетъ! Что̀ мнѣ?
Юпитеръ каждый волосъ на главѣ
Моей хранитъ—такъ что̀ же тутъ Юнона?
Однакоже, Берoя, бросимъ это.
Еще сегодня я во всей красѣ
Увижу Зевса,—пусть себѣ Юнона
Хоть въ Оркусъ путь отыщетъ!

Юнона *(въ сторону).*

Этотъ путь
Найдетъ другая, можетъ-быть, но прежде:
Ужъ въ этомъ мнѣ порукой Зевсовъ громъ!

(Къ Семелѣ)

Да, да! У ней займетъ дыханье зависть,

Когда дочь Кадма предъ лицомъ Эллады
Подымется съ тріумфомъ на Олимпъ.

Семела *(легковѣрно улыбаясь).*
Ужель
Про Кадма дочь узнаетъ Греція?

Юнона.

А будто бъ отъ Сидона до Аѳинъ
Про что другое говорятъ? Семела!
Боги, боги станутъ предъ тобой
На колѣни,—боги предъ тобой!
Смертные съ покорной головою
Будутъ ждать за трепетной чертою,
Что невѣста громовержца...

Семела *(быстро вскакивая, кидаясь къ ней на шею).*

Ахъ!

Юнона.

И въ вѣка во всѣ предѣлы
То разскажетъ мраморъ бѣлый,
Что Семелу чтили здѣсь—
Ту красавицу Семелу,
Чьи лобзанія свели
Въ прахъ владыку громовержца
Съ олимпійской высоты.
Тысячезвучныя крылья молвы встрепенутся.
Звуки ихъ съ моря возстанутъ и съ горъ разольются.

Семела *(внѣ себя).*

О, Аполлонъ! О, Пиѳія! Что жъ онъ
Не явится!

Юнона.

И сквозь облако куренья
Ты услышишь ихъ моленья...

Семела *(вдохновенная).*

И доступна буду всѣмъ.
Гнѣвъ его смягчу мольбами,

Молніи—залью слезами,
Счастье, счастье обѣщаю всѣмъ.

Юнона *(про себя)*.

Бѣдная! Зачѣмъ?

(Погрузясь въ размышленіе).

Чувствую!.. Но—звать меня безпутной...
Нѣтъ же, въ Тартаръ состраданье! *(Къ Семелѣ)*.
Ну, бѣги жъ, мой другъ, бѣги же,
Чтобы Зевсъ не видѣлъ; чѣмъ онъ долѣ
Будетъ ждать, тѣмъ пламеннѣй восхощетъ
Онъ къ тебѣ...

Семела.

Берои, небеса
Въ твои уста вложили сами рѣчи!
О, блаженство! Боги предо мною
На колѣни станутъ, а вокругъ
Смертные съ покорной головою...
Нѣтъ же, нѣтъ, бѣгу, бѣгу, мой другъ!

(Поспѣшно удаляется).

Юнона *(съ восторгомъ смотритъ ей вслѣдъ)*.

Слабая, гордая женщина! Жаль мнѣ тебя!
Огнь пожирающій—страстные взоры его;
Въ каждомъ лобзаніи—смерть, въ каждомъ объятіи—
Вихрь удушающій; смертному тѣлу нельзя
Снесть лицезрѣнье того, чья рука
Громы кидаетъ... Га! Пусть

(въ изступленномъ видѣ).

Подъ молньеносной рукой
Воскъ ея смертнаго тѣла растаетъ,
Какъ предъ лампадою солнца
Утренній снѣгъ,—и невѣрный
Вмѣсто нѣжнаго стана невѣсты
Собственный ужасъ обниметъ. Съ какимъ торжествомъ я тогда,
Взоръ пресыщая, съ вершины Цитеры къ нему воззову

Такъ, что въ рукѣ у него задрожитъ громовая стрѣла:
«Полно,—что жъ ты, Сатурній,
Такъ обнимаешь жестоко!»

(Поспѣшно уходитъ).

(Симфонія).

ВТОРАЯ СЦЕНА.

Прежняя зала.

ВНЕЗАПНЫЙ СВѢТЪ.

Зевесъ *въ образѣ юноши.* **Меркурій** *въ отдаленіи.*

Зевесъ.

Сынъ Майи!

Меркурій *(съ преклоненной головой становится на колѣни).*

Зевесъ!

Зевесъ.

Скорѣй, спѣши, лети!
Направь полетъ на берега Скамандра:
Тамъ плачетъ надъ холмомъ своей пастушки
Пастухъ,—никто не долженъ плакать,
Когда Сатурній любитъ:
Ступай и оживи умершую!

Меркурій *(вставая).*

Твоей главы могучей мановенье
Меня уноситъ вдаль въ одно мгновенье
И вмигъ назадъ.

Зевесъ.

Летя черезъ Аргосъ,
Я встрѣтилъ дымъ, клубящійся отъ жертвы
На алтарѣ моемъ: пріятно было мнѣ,
Что мой народъ такъ чтитъ меня; слетай
Къ моей сестрѣ Церерѣ и скажи,
Чтобъ въ десять тысячъ разъ она посѣвъ
Умножила аргійцамъ на полвѣка.

Меркурій.

Я съ быстротою трепетной всегда
Спѣшу исполнить гнѣвъ твой, вседержитель.
А милость—съ радостной: вѣдь счастьемъ надѣлять
Людей богамъ отрадно, а карать
Людей богамъ прискорбно. Гдѣ велишь
Принесть ихъ благодарность: нанизу,
Въ пыли, иль наверху, въ божественномъ чертогѣ?

Зевесъ.

Внизу, въ божественномъ чертогѣ! Во дворцѣ
Моей Семелы! Ну, лети! *(Меркурій уходитъ).*
Она нейдетъ
Принять царя Олимпа, какъ всегда,
На грудь свою, взволнованную нѣгой?
О, что жъ нейдетъ ко мнѣ моя Семела
Навстрѣчу? Мертвое, пустынное молчанье
Во всемъ дворцѣ, который прежде такъ
Вакхически неистово шумѣлъ...
Ни вѣтерка. Я видѣлъ торжество
Въ очахъ Юноны—своему Зевесу
Не хочетъ въ срѣтенье Семела поспѣшить...

(Молчаніе. Онъ продолжаетъ)

Га! Неужель преступная войти
Въ святилище моей любви дерзнула?
Сатурнія—Цитера—и тріумфъ...
Ужасно... признаки... Семела, ты не бойся!
Не бойся: я твой Зевсъ! Дохну—и небеса,
Подвинувшись, покажутъ: я твой Зевсъ!
Гдѣ воздухъ тотъ, который смѣетъ сильно
Подуть на ту, что Зевсъ своей зоветъ?
А козни мнѣ смѣшны... Семела, гдѣ ты?
Давно я жду прильнуть къ твоей груди
Главою, отягченной цѣлымъ міромъ.
Отъ бурь правленья чувства убаюкать,
Забыть во снѣ кормило и бразды
И потонуть въ отрадѣ наслажденья.
О, счастіе! О, нѣга опьяненья

Самимъ безсмертнымъ! Чтò Урана кровь,
Чтò нектаръ и амброзія, и чтò
Олимпа тронъ, златой вѣнецъ небесъ.
Могущество, безсмертье, вѣчность, богъ, —
Безъ любви?
Пастухъ, чтò подъ журчаніе ручья
Въ объятьяхъ милой забываетъ стадо,
Моимъ громамъ не позавидуетъ.
Она идетъ... О, перлъ моихъ созданій!
О, женщина! Передъ творцомъ твоимъ
Молиться должно. Я тебя создàлъ:
Молися мнѣ! Зевсъ молится Зевесу,
Создавшему тебя! Га! Кто во всей вселенной
Мнѣ изречетъ проклятье? Какъ презрѣнны,
Какъ незамѣтны всѣ мои міры.
Мои моря лучей, мои системы
И вся моя огромная цѣвница,
Какъ мудрецы твердятъ,—какъ это все мертво
Въ сравненіи съ душой!

Семела (*приближается, не подымая глазъ*).

Зевесъ.

Моя краса! Престолъ мой—прахъ! Семела! Ты
(*спѣшитъ ей навстрѣчу: она хочетъ уйти*).
Бѣжишь? Безмолвствуешь? Семела! Ты бѣжишь?

Семела (*отталкивая его*).

Прочь!

Зевесъ (*пораженный, послѣ молчанья*).

Грезитъ Зевсъ? Или природа хочетъ
Разрушиться?—Такъ говоритъ Семела?—
Кàкъ, нѣтъ отвѣта? Жадно простираю
Къ тебѣ объятья—такъ не билось сердце
Мое предъ дщерью Агенора, такъ
Оно и къ Ледѣ не рвалось, уста
Мои такъ устъ Данаи не искали,
Какъ въ этотъ мигъ!

Семела.

Молчи! Ты лжецъ!

Зевесъ *(съ нѣжнымъ упрекомъ).*

Семела!

Семела.

Прочь!

Зевесъ *(съ величьемъ смотря на нее).*

Я Зевесъ!

Семела.

Ты Зевесъ?
Страшись, хвастунъ,—онъ грозно у тебя
Потребуетъ украденный уборъ,
Которымъ ты ругался: ты не Зевсъ!

Зевесъ *(величественно).*

Вселенная, вращаясь вкругъ меня,
Такъ назвала меня.

Семела.

Га! Богохульство!

Зевесъ *(кротко).*

Какъ, милая? Откуда рѣчь такая?
Кто жъ у меня похитилъ это сердце?

Семела.

Оно того, кого ты обезьянишь.
Чтобъ женщину увлечь, приходятъ люди
Подъ маской божества... Прочь! Ты не Зевсъ!

Зевесъ.

Ты сомнѣваешься? Ужель сомнительно
Семелѣ божество мое?

Семела *(печально).*

Когда бы ты
Былъ Зевсъ! Никто изъ смертныхъ не коснулся бъ
До этихъ устъ... О, если бъ ты былъ Зевсъ!

Зевесъ.

Ты плачешь? Здѣсь Зевесъ, а ты въ слезахъ, Семела? *(Преклоняется).*
Скажи, проси,—и рабская природа
Падетъ, дрожа, къ твоимъ ногамъ. Скажи,—
И рѣки бой начнутъ съ своимъ теченьемъ,
И горы—Геликонъ, Кавказъ и Циитъ,
Аоосъ, Микала, и Родопъ, и Пиндъ,—
Вслѣдъ за моимъ могучимъ мановеньемъ,
Сорвавшись, на поля и долы налетятъ,
Завьются въ воздухѣ и солнце затемнятъ:
Скажи,—и вѣтры всѣ, въ одно мгновенье ока,
Помчатся съ сѣвера на море и съ востока,
Посидаона тронъ тяжелый покачнутъ,
Пучины вздуются и берега зальютъ,
Въ огняхъ предстанетъ ночь, изъ грома громъ родится,
И полюсъ затрещитъ, и небо задымится.
Волнами океанъ начнетъ топить Олимпъ;
Передъ тобой Орканъ засвищетъ пѣснь побѣды...
Скажи!

Семела.

Я женщина, я смертная.
Какъ можно предъ горшкомъ горшечнику склоняться,
Или художнику передъ статуей пасть?

Зевесъ.

Пигмаліонъ палъ предъ своимъ созданьемъ —
Своей Семелѣ молится Зевесъ.

Семела *(сильнѣе плача).*

Ну, встань же, встань! О, горе мнѣ, несчастной!
Я лишь боговъ могу любить, а боги
И самъ Зевесъ—смѣются надо мной!

Зевесъ.

Зевесъ у ногъ твоихъ..

Семела.

О, встань же! Высоко

Тамъ на громахъ въ объятіяхъ Юноны
Зевесъ смѣется слабости червя.

Зевесъ (*съ жаромъ*).

Семела и Юнона! Га! Кто червь?

Семела.

О, необъятно-счастлива была бы
Дочь Кадма, если бъ ты былъ Зевсъ,
Но ты не Зевсъ!

Зевесъ (*встаетъ*).

Я Зевсъ.

(*Онъ протягиваетъ руку: въ залъ появляется радуга. Музыка сопровождаетъ явленіе*).

Что,—видишь ли?

Семела.

И человѣкъ могучъ любовью вѣчныхъ:
Тебя Сатурній любитъ,—я однихъ
Боговъ могу любить.

Зевесъ.

Еще сомнѣнья!
Какъ будто власть свою я у боговъ
На время выпросилъ, а не родился съ ней!
Семела, боги людямъ сообщаютъ
Благотворенья силу, но не каръ,
А смерть и гибель—вотъ печать боговъ:
Карающимъ увидишь ты Зевеса.

(*Онъ протягиваетъ руку: ударъ, огонь, дымъ и землетрясеніе. Музыка сопровождаетъ эти явленія*).

Семела.

Довольно! Опусти десницу! О, помилуй,
Помилуй бѣдный свой народъ! Тебя
Родилъ Сатурнъ!

Зевесъ.

А, легковѣрная!
Ужель Зевесу, женщинѣ въ угоду,

Планетъ и солнцъ теченье измѣнять?
Зевсъ все исполнитъ! Часто сынъ боговъ
Скалѣ огнечреватой рвалъ утробу;
Но онъ землей и связанъ: это—можетъ
Одинъ Зевесъ!

(Онъ протягиваетъ руку: солнце исчезаетъ, внезапная ночь).

Семела *(падаетъ передъ нимъ).*

О, если бъ, всемогущій,
Ты могъ любить! *(Снова день).*

Зевесъ.

Дочь Кадма вопрошаетъ
Кроніона, что—любитъ ли Кроніонъ?
Одинъ намекъ—и, сбросивъ божество,
Онъ приметъ плоть, чтобъ только быть любимымъ.

Семела.

И будто Зевсъ?..

Зевесъ.

Самъ Аполлонъ признался
Намъ, какъ отрадно человѣкомъ быть
Между людьми. Скажи—я человѣкъ!

Семела *(кидается къ нему на шею).*

Зевсъ, въ Эпидаврѣ женщины зовутъ
Твою Семелу дѣвушкою глупой:
Любима Зевсомъ, говорятъ, а что жъ
Не выпроситъ у Зевса ничего?

Зевесъ *(съ жаромъ).*

Пусть женщины краснѣютъ въ Эпидаврѣ!
Проси, проси—и видитъ Стиксъ, владыка
Самихъ боговъ—и если Зевсъ замедлитъ,
Пусть грозный богъ меня въ одно мгновенье
Въ бездонный мракъ небытія сразитъ!

Семела *(вскакиваетъ съ радостью).*

Теперь я вижу своего Зевеса!
Ты поклялся—и клятву слышалъ Стиксъ!
Такъ никогда не обнимай иначе
Меня, какъ ты...

Зевесъ *(кричитъ въ испугѣ).*

Несчастная! Постой!

Семела.

Сатурнію...

Зевесъ *(хочетъ ей зажать ротъ).*

Умолкни!

Семела.

Обнимаешь.

Зевесъ *(блѣдный, отвернувшись отъ нея).*

Ужъ поздно! Звукъ разлился! Стиксъ! Семела!
Ты выпросила смерть.

Семела.

А, такъ-то любитъ Зевсъ!

Зевесъ.

Я небо отдалъ бы за то, чтобъ меньше
Любить тебя!
(Съ холоднымъ ужасомъ смотритъ на нее).
Погибшая!

Семела.

Юпитеръ!

Зевесъ *(свирѣпо уставивъ глаза въ землю).*

Теперь я понялъ твой тріумфъ, Юнона!
Проклятье ревности! Увы, красотка-роза,
Ты слишкомъ хороша, ты слишкомъ драгоцѣнна
Для Ахерона!

Семела

Не скупись же славой!

Зевесъ.

Проклятье славѣ: ею ты ослѣплена!
Проклятье моему величью,—раздробило
Оно тебя! Проклятіе, проклятье
Мнѣ,—счастіе я строилъ на пескѣ!

Семела.

Пустые страхи, Зевсъ, я не боюсь
Твоихъ громовъ.

Зевесъ.

Обманутый ребенокъ!
Ступай, простись въ послѣдніе съ твоими
Подругами: ничто, ничто не въ силахъ
Теперь спасти тебя, Семела! Я твой Зевсъ..
И этого ужъ нѣтъ!..—Ступай.

Семела.

Завистникъ!.. Стиксъ! Ты не уйдешь теперь. (*Уходитъ*).

Зевесъ.

Нѣтъ, не тріумфъ, а трепетъ ждетъ ее!
И въ силу власти, по которой мнѣ
Подножіемъ земля и небо служатъ,
Къ утесу самому крутому Ѳракіи
Алмазной цѣпью прикую злодѣйку...
Да, я клянусь! (*Меркурій является въ отдаленіи*).
Что значитъ твой полетъ?

Меркурій

Горячія признательныя слезы
Счастливыхъ.

Зевесъ.

Всѣхъ ихъ погуби опять!

Меркурій *(въ изумленіи).*

Зевесъ!

Зевесъ.

Никто не долженъ быть счастливымъ! Она умретъ...

(Занавѣсъ падаетъ).

Съ нѣмецкаго.

Я съ лучшей стороны смотрѣть на все готовъ:
Печалятъ розы васъ колючими шипами,—
А я отъ сердца радъ благодарить боговъ,
Что розы есть между шипами.

Съ китайскаго.

ТѢНЬ.

Башня лежитъ—
Всѣ уступы сочтешь,
Только ту башню
Ничѣмъ не сметешь:
Солнце ее
Не успѣетъ угнать,—
Смотришь, луна
Положила опять.

Пѣсни кавказскихъ горцевъ.

Станетъ пасынь могилы моеи просыхать, —
И забудешь меня ты, родимая мать;

Какъ заглушитъ трава все кладбище въ конецъ,
То заглушитъ и скорбь твою, старый отецъ;

А обсохнутъ глаза у сестры у моей,
Такъ и вылетитъ горе изъ сердца у ней.

Ты, горячая пуля, смерть носишь съ собой,
Но не ты ли была моей вѣрной рабой?

Земля черная, ты ли покроешь меня?
Не тебя ли топталъ я ногами коня?

Холодна ты, о, смерть, даже смерть храбреца;
Но я былъ властелиномъ твоимъ до конца:

Свое тѣло въ добычу землѣ отдаю,
Но зато небеса примутъ душу мою.

«Выйди, мать, наружу, посмотри на диво:
Изъ-подъ снѣга травка проросла красиво.
Взлѣзь-ка, мать, на крышу, глянь-ка на востокъ:
Изъ-подъ льда ущелья вешній вонъ цвѣтокъ».

—«Не пробиться травкѣ изъ-подъ груды снѣжной,
Изо льда ущелья цвѣтъ не виденъ нѣжный
Никакого дива: влюблена-то ты,
Такъ тебѣ на снѣгѣ чудятся цвѣты»

ПОДРАЖАНІЕ ВОСТОЧНЫМЪ СТИХОТВОРЦАМЪ.

Вселенной цѣлой потерявъ владѣнье,
Ты не крушись о томъ: оно ничто.
Стяжавъ вселенной цѣлой поклоненье,
Не радуйся ему: оно ничто.

Минутно наслажденье и мученье,
Пройди ты мимо міра: онъ ничто.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ИЗЪ АНАКРЕОНА.

Сядь, Ваѳиллъ, въ тѣни отрадной
Здѣсь, подъ деревомъ красивымъ!
Посмотри: до тонкой вѣтки
Каждый нѣжный листъ трепещетъ;

Мимо съ сладостнымъ журчаньемъ
Пробирается источникъ;
Кто такое ложе лѣни,
Увидавши, проминуетъ?

АРХИЛОХЪ.

Здѣсь Архилохъ опочилъ. Его въ безпощадные ямбы
Ринула Муза, пѣвцу Іоніи сладостный другъ.

ДВА ГРЕНАДЕРА.

Изъ Гейне.

Во Францію два гренадера пошли,—
Въ Россіи въ плѣну они были,—
Но только нѣмецкой достигли земли,
То головы тутъ же склонили.

Печальная вѣсть раздалася въ ушахъ,
Что нѣтъ уже Франціи болѣ,
Разбита великая армія въ прахъ,
И самъ императоръ въ неволѣ.

И слезъ гренадеры не въ силахъ сдержать,
Такъ горько то слышать имъ было!
И молвилъ одинъ:—«О, какъ тяжко дышать!
Какъ старая рана заныла!»

Другой промолвилъ:—«Конецъ всему!
Съ тобой бы я умеръ съ печали!
Но ждутъ тамъ жена и ребята въ дому,—
Они безъ меня бы пропали».

—«Что̀ значатъ мнѣ дѣти, что̀ участь жены!
Душа моя выше стремится:
Пусть по міру ходятъ, когда голодны! —
Въ плѣну императоръ томится!

Исполни ты просьбу, собратъ дорогой:
Когда здѣсь глаза я закрою,
Во Францію трупъ мой возьми ты съ собой,
Французской засыпь тамъ землею.

И крестъ мой почетный на сердце мое
На красной возложишь ты лентѣ,
И въ руку мою положи мнѣ ружье,
И шпагу мнѣ тоже надѣньте

Такъ буду лежать я во гробѣ своемъ,
Какъ бы на часахъ и въ молчаньи,
Покуда заслышу я пушечный громъ,
И топотъ, и конское ржанье:

На гробъ императоръ наѣдетъ тутъ мой,
Мечи зазвенятъ отовсюду,
И, вставъ изъ могилы въ красѣ боевой,
Спасать императора буду».

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

И если ты будешь моею женой,
Завидную выберешь долю:
Начнутся забавы одна за другой,
Плезировъ и радостей вволю.

Бранись и шути, сколько хочешь,—я тихъ,
Безмолвно всему покорюся:
Но, если стиховъ не похвалишь моихъ,
Я тутъ же съ тобой разведуся.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

На блѣдномъ ты лицѣ моемъ,
Знать, не прочла ни слова
И слышать жалкій мой упрекъ
Изъ устъ моихъ готова?

О, для надменныхъ этихъ устъ
Все бъ шутки да лобзанья:
Мнѣ могутъ быть смѣшны мои
Предсмертныя страданья.

ИЗЪ КАРОЛИНЫ ФОНЪ-ГЕЛЛЬ.

Забыть,—ахъ, въ мигъ забыть бы!—
Кто бъ это смогъ душой?
Тогда бъ все горе смыло,
Какъ бы морской волной;

Тогда бъ безъ мукъ и въ счастьѣ
Пришлось бы вѣкъ прожить:
Забыть,—было̀ бъ блаженнымъ,
Хоть и забытымъ быть

ИЗЪ ГОЛЬДШМИТА.

Зачѣмъ я влюбился въ тебя, дорогая?—
Спроси соловья, что̀ поетъ надъ тобою!
Поймешь ли ты жаворонка, если, играя,
Трепещетъ въ эөирѣ онъ съ пѣснью живою?

И шепчетъ дубрава, и рѣчка катится,
И небо сіяетъ,—не знаю, зачѣмъ;
Такъ сердце мое за тобою стремится.
Люблю и пою я,—не знаю, зачѣмъ.

ЛѢСНОЙ ЦАРЬ.

Изъ Гете.

Кто поздній верховый подъ вѣтромъ ночнымъ?
То ѣдетъ отецъ съ малюткой своимъ.
Онъ мальчика вѣрною обнялъ рукой,
Его прижимаетъ и грѣетъ собой.

—«Сынокъ мой, что̀ жмешься ты, взоры вперя?»
—«Отецъ, иль не видишь ночного царя?
Лѣсного царя, что̀ въ коронѣ, съ хвостомъ?»
—«Сынокъ, то полоска въ туманѣ густомъ».

«Ребенокъ милый, пойдемъ за мной:
Мы чудныя игры затѣемъ съ тобой.
Долина цвѣтами пестро поросла,
Одеждъ золотыхъ моя мать припасла».

—«Отецъ мой, отецъ, или ты не слыхалъ,
Что̀ шопотомъ царь мнѣ лѣсной обѣщалъ?»
—«Не бойся, мой мальчикъ, покоенъ будь ты:
То вѣтеръ сухіе тревожитъ листы».

«Иди же, прелестный малютка, скорѣй:
Я дамъ тебѣ въ няньки моихъ дочерей,—
Мои дочери станутъ ночною порой
Плясать и, баюкая, пѣть надъ тобой».

—«Отецъ мой, отецъ, иль не видишь и самъ
Лѣсного царя дочерей ты вонъ тамъ?»
—«Сынокъ мой, сынокъ, я давно разглядѣлъ:
То рядъ старыхъ ветелъ во멀кѣ такъ бѣлъ».

«Люблю тебя, сердцу ты милъ моему;
Коль самъ не пойдешь, я насильно возьму».
—«Отецъ мой, отецъ, вотъ меня онъ схватилъ,—
Лѣсной царь, я чувствую, мнѣ повредилъ!»

Отцу стало страшно, онъ гонитъ коня,
Онъ мальчика держитъ, что̀ дышитъ, стеня,—
Насилу достигъ онъ двора своего...
Ребенокъ былъ мертвъ на рукахъ у него.

СВИТЕЗЯНКА.

Изъ Мицкевича.

Кто этотъ юноша скромный, прекрасный,
Рядомъ съ нимъ дѣва кто эта,
Идутъ по берегу Свитязи ясной
Въ проблескахъ луннаго свѣта?

Дѣва ему предлагаетъ малины,
Онъ ей цвѣтовъ предлагаетъ:
Знать, то виновникъ дѣвичьей кручины;
Видно, по ней онъ вздыхаетъ.

Каждую ночь я въ условную пору
Тутъ ихъ подъ дубомъ встрѣчаю.
Здѣшній стрѣлокъ онъ и рыщетъ по бору;
Кто эта дѣва—не знаю.

Скрылась—куда? И откуда? Понынѣ
Это никто не узнаетъ.
Всходитъ она, какъ цвѣтокъ, на трясинѣ,
Искрой ночной пропадаетъ.

«Другъ мой, скажи мнѣ,—зачѣмъ ты скрываешь?
Тайна къ чему намъ пустая?—
Что за тропинку глухую ты знаешь?
Гдѣ твоя кровля родная?

Лѣто минуло, дождлива погода,
Листъ пожелтѣлъ на вершинахъ,—
Буду ль всегда твоего я прихода
Ждать на прибрежныхъ долинахъ?

Полно блуждать, какъ упырь, невидима,
Серной мелькать молодою,
Лучше останься ты съ тѣмъ, кѣмъ любима!
Милая, слѣдуй за мною!

Домикъ мой здѣсь недалеко: раздольно
Въ немъ межъ кустами ольшины;
Тамъ молока и плодовъ съ насъ довольно,
Всякой довольно дичины».

—«Стой! Стой! Отвѣчу предъ гордымъ мужчиной,
Вспомня отцовскій обычай:
Въ голосѣ вашемъ привѣтъ соловьиный,
Въ сердцѣ же помыслъ лисичій.

Страшно! Любви я не вѣрю, робѣю;
Хитрый обманъ злонамѣренъ.
Можетъ-быть, я и была бы твоею,
Только ты будешь ли вѣренъ?»

Юноша палъ на колѣни, хватаетъ
Землю, клянется ей свѣтомъ,
Ясной луною и адомъ... Кто знаетъ,
Будетъ онъ вѣренъ обѣтамъ?

«Этимъ обѣтамъ будь вѣренъ, мой милый!
Кто нарушаетъ подобный,—
Здѣсь ему горе, и тамъ, за могилой,
Горе душѣ его злобной».

Дѣва вѣнокъ свой надѣла въ смущеньи,
Смолкла, махнула рукою
И, поклонившись стрѣлку, въ отдаленьи
Скрылась знакомой тропою.

Онъ ей вослѣдъ, но напрасны старанья!
Сколько стрѣлокъ ни метался,
Дѣва исчезла, какъ вѣтра дыханье;
Онъ одинокій остался.

Гдѣ онъ? Свернулъ незнакомой тропою...
Гнется трясина живая,
Тихо кругомъ, лишь трещитъ подъ ногою
Изрѣдка вѣтка сухая.

Вотъ и къ водѣ подошелъ онъ въ смущеньи,
Взоры блуждаютъ безъ цѣли...
По лѣсу вѣтеръ завылъ въ отдаленьи...
Волны, кипя, зашумѣли...

Льются и плещутъ, кипя и сверкая...
О, это призракъ напрасный:
Чудная дѣва всплыла, разверзая
Влагу на Свитязи ясной!

Въ капляхъ чело ея мягче сіяетъ
Розъ бѣлоснѣжныхъ завоя,
Легче тумана покровъ обвиваетъ
Тѣло ея неземное.

«Юноша, юноша нѣжный, прекрасный,—
Дѣва взываетъ съ упрекомъ:—
Что ты тутъ бродишь у Свитязи ясной
Въ полночь въ раздумьѣ глубокомъ?

Юнаго сердца порывы такъ жарки,
Ты околдованъ мечтою...
Можетъ-быть, рѣчи вертлявой дикарки
Были насмѣшкой пустою?

Слушай и вѣрь мнѣ: съ тоскою разставшись,
Брось этотъ призракъ печальный;
Здѣсь оживешь ты; здѣсь будемъ, обнявшись,
Плавать по влагѣ кристальной,

Взлюбишь ли ты лишь, какъ ласточка, шибко
Волнъ по верхамъ прикасаться
Или доволенъ и веселъ, какъ рыбка,
День весь со мною плескаться,

Ночью жъ, на днѣ серебристой купели
Подъ зеркалами живыми,
Нѣжась на мягкой лилейной постели,
Тѣшиться снами златыми!»

То, не касаясь до влаги стопами,
Радугой блещетъ лучистой,
То, погружаясь, играетъ съ волнами,
Пѣною брызжетъ сребристой.

Юноша къ ней; но, опомнясь, съ разбѣгу
Хочетъ прыгнуть и не хочетъ:
Въ ноги къ нему подкатившись по брегу,
Нѣжно волна ихъ щекочетъ.

Льнетъ и щекочетъ такъ сладко-игриво,
Такъ въ немъ душа замираетъ,
Будто бы руку ему торопливо
Милая тайно сжимаетъ.

Вмигъ позабыты душой омраченной
Клятвы предъ дѣвой лѣсною;

Къ гибели мчится стрѣлокъ ослѣпленный,
Новой взманенъ красотою...
Мчится и смотритъ, и смотритъ и мчится
Слѣдомъ коварнаго тока,
Синяя бездна дрожитъ и кружится,
Берегъ остался далеко.

Рукъ бѣлоснѣжныхъ онъ ищетъ руками,
Очи въ очахъ утопаютъ,
Хочетъ къ устамъ прикоснуться устами,
Волны бѣгутъ и сверкаютъ.

Вдругъ вѣтерокъ пропорхнулъ, разгоняя
Тучки сребристой завѣсу;
Юноша смотритъ, черты узнавая...
Ахъ, это дѣва изъ лѣсу!

«Гдѣ же обѣтъ твой священный, мой милый?
Кто нарушаетъ подобный,
Здѣсь ему горе, и тамъ, за могилой,
Горе душѣ его злобной.

Гдѣ тебѣ мчаться равниною водной,
Съ бездной играть голубою?
Бренное тѣло землею холодной,
Очи закроются тьмою.

А у знакомаго дуба скитаться
Будетъ душа твоя злая;
Тысячу лѣтъ суждено ей терзаться,
Въ пламени адскомъ сгорая!»

Слышитъ стрѣлокъ эти рѣчи въ смущеньи,
Взоры блуждаютъ безъ цѣли;
По лѣсу вѣтеръ завылъ въ отдаленьи,
Волны, кипя, зашумѣли.

Мечутся волны толпой разъяренной,
Плещутъ, клокочутъ и стонутъ,
Пасть разверзается хляби бездонной,
Дѣва и юноша тонутъ.

Волны понынѣ и въ брызгахъ и въ пѣнѣ
Плещутъ, исполнены гнѣва;
Мчатся по нимъ двѣ знакомыя тѣни —
Юный стрѣлокъ то и дѣва!

ДОЗОРЪ.

Изъ Мицкевича.

Отъ садоваго входа впопыхахъ воевода
Въ домъ вбѣжалъ,—еле духъ переводитъ,
Дернулъ занавѣсъ,—что же? Глядь на женино ложе, —
Задрожалъ,—никого не находитъ.

Онъ поникъ головою и дрожащей рукою
Сивый усъ покрутилъ онъ угрюмо;
Взоромъ ложе окинулъ, рукава въ тылъ закинулъ
И позвалъ казака онъ Наума.

«Гей, ты, хамово племя! Отчего въ это время
У воротъ ни собаки ни дворни?
Снимешь сумку барсучью и винтовку гайдучью
Да съ крюка карабинъ мой проворнѣй».

Взяли ружья, помчались, до ограды подкрались,
Гдѣ бесѣдка стоитъ садовая.
На скамейкѣ изъ дерна что-то бѣло и черно:
То сидѣла жена молодая.

Бѣлой ручки перстами, скрывши очи кудрями,
Грудь сорочкой она прикрывала,
А другою рукою отъ колѣнъ передъ собою
Плечи юноши прочь отклоняла.

Тотъ, къ ногамъ преклоненный, говоритъ ей, смущенный:
«Такъ конецъ и любви и надеждѣ!
Такъ за эти объятья, за твои рукожатья
Заплатилъ воевода ужъ прежде!

Сколько лѣтъ я вздыхаю, той же страстью сгораю,
И удѣлъ мой страдать безконечно!
Не любилъ, не страдалъ онъ, лишь казной побряцалъ онъ,
И ты все предала ему вѣчно.

Онъ—что ночь—властелиномъ на пуху лебединомъ
Старый лобъ къ этимъ персямъ склоняетъ
И съ ланитъ воспаленныхъ и съ кудрей благовонныхъ
Мнѣ запретную сладость впиваетъ.

Я жъ, коня осѣдлавши, чуть луну увидавши,
Торопился по хладу ненастья,
Чтобъ встрѣчаться стенаньемъ и прощаться желаньемъ
Доброй ночи и долгаго счастья».

Не плѣнивши ей слуха, вѣрно, шепчетъ ей въ ухо
Онъ иныя мольбы и заклятья,
Что она безъ движенья и полна упоенья
Пала къ милому тихо въ объятья.

Съ казакомъ воевода ладятъ съ перваго взвода,
И патроны изъ сумки достали,
И скусили зубами, и въ стволы шомполами
Порохъ съ пулями плотно дослали.

«Панъ,—казакъ замѣчаетъ:—бѣсъ какой-то мѣшаетъ:
Не бывать въ этомъ выстрѣлѣ толку.
Я, курокъ нажимавши, сыпалъ мимо, дрожавши,
И слеза покатилась на полку».

—«Ты, гайдукъ, сталъ калякать? Научу тебя плакать,
Только слово промолвить осмѣлься!
Всыпь на полку, да живо! Сдерни ногтемъ огниво
И той женщинѣ въ лобъ ты прицѣлься.

Выше, вправо, до разу, моего жди приказу!
Молодца-то при первомъ наводѣ...»
Но казакъ не дождался, громко выстрѣлъ раздался
И прямехонько въ лобъ—воеводѣ!

— - —

ПОКИНУТАЯ ДѢВУШКА.

Изъ Мерике.

Чуть пѣтухи кричать
Станутъ зарею,
У очага стоять
Мнѣ надъ золою.

Брызжутъ съ огней моихъ
Искры,—невольно
Я загляжусь на нихъ...
Станетъ такъ больно...

Вотъ средь мечты моей
Помыслъ явился,
Что эту ночь, злодѣй,
Ты мнѣ приснился,—

Слезы текутъ ручьемъ..
Вотъ показался
День за минувшимъ днемъ...
Хоть бы кончался!

ИЗЪ МУРА.

Прощай, Тереза! Печальныя тучи,
Что̀ темнымъ покровомъ луну облегли,
Еще помѣшаютъ улыбкѣ летучей,
Когда твой любовникъ ужъ будетъ вдали.

Какъ эти тучи, я долго тѣнью
Мрачилъ твое сердце и жизнь безъ заботъ:
Сошлись мы—ка̀къ вѣрила ты наслажденью,
Ка̀къ вѣрила счастью,—о. Боже!.. И вотъ...

Теперь свободна ты, диво созданья,—
Скорѣе тяжелый свой сонъ разгоняй:
Смотри,—и луны ужъ прошло обаянье,
И тучи минуютъ. Тереза, прощай!

ЭЛЕГІЯ.

Изъ Мюссе.

Когда я умру, надо мной
Посадите вы иву, друзья;
Плакучая ива, прикрой
Ты любимою тѣнью меня:
Она не придавитъ собой
Той земли, гдѣ лежать буду я.

Разъ вечеромъ одни мы были. Рядомъ съ ней
Я сѣлъ. Она головку наклонила,
И въ забытьѣ едва-едва бродила
Ея рука по ряду бѣлыхъ клавишей.
То былъ задумчивый и тихій ропотъ,
Какъ легкій вѣтръ, скользящій межъ кустовъ;
Изъ-за него въ благоуханіи цвѣтовъ
Таинственный былъ ночи слышенъ шопотъ.
Въ саду, подъ темной зеленью листовъ своихъ
Семейство старое дубовъ дремало
Въ полуоткрытое окно влетало
Съ весною много чувствъ и мыслей дорогихъ.
Кругомъ все было тихо, молчаливо.
Одни мы были, намъ пятнадцать было лѣтъ.
Я на нее глядѣлъ: лица прозрачный цвѣтъ
Ей оттѣняли кудри такъ красиво;
Въ глазахъ задумчивыхъ, какъ небо голубыхъ,
Душа и небо ярко отражались;
Мои глаза ей жадно упивались:
Какъ небо, я любилъ лазурь тѣхъ глазъ святыхъ.
Задумчивы, мы тихо съ ней мечтали,
Я чувствовалъ, что въ свѣтѣ были мы одни,
Но сердца молодость и молодые дни
Для насъ все остальное замѣняли...
Вдругъ длинною и яркой полосой луна
Осеребрила ей лицо и плечи,
И замеръ звукъ едва начатой рѣчи...
Въ глазахъ моихъ себя увидѣла она,

Въ улыбку тихую сложились губы,
И пѣсня грустная чуть слышно полилась...

. . . .

. . . .

Гармонія, печали дочь, ты создана
Лишь для любви, тебя намъ вызвалъ геній.
Между другихъ божественныхъ явленій,
Была Италіи богами ты дана.
Въ тебѣ проходитъ мысль безъ покрывала,
Какъ дѣвственница, глазъ нескромныхъ не боясь;
Кто догадается, о чемъ, въ тебѣ носясь,
Головка чудная сейчасъ мечтала?
Подмѣтятъ лишь слезу иль выдающій взглядъ,
Но тайна для толпы все остальное —
Какъ океана шумъ въ его покоѣ,
Какъ тишь ночей и ихъ божественный нарядъ.
Я близъ нея сидѣлъ, дрожали звуки
Послѣдней музыки и словъ въ душѣ моей;
Дитя мое, въ прижавшейся груди твоей
Я слышалъ Дездемоны стонъ и муки.
Ты тихо плакала, на поцѣлуй отвѣтъ
Твои мнѣ губки тихій, долгій дали.
Тотъ поцѣлуй былъ дань твоей печали,
Онъ лучшей жизни былъ пророческій завѣтъ:
Послѣднему ужъ не было отвѣта;
Увядши, какъ цвѣтокъ, ты вскорѣ умерла, —
И смерть твоя, какъ жизнь, улыбкою была:
Ребенкомъ чистымъ ты ушла изъ свѣта...

. . . .

Когда я умру, надо мной
Посадите вы иву, друзья;
Плакучая ива, прикрой
Ты любимою тѣнью меня:
Она не придавитъ собой
Той земли, гдѣ лежать буду я.

ИЗЪ ОВИДІЯ.

Элегіи.

(Изъ книги любви).

1.

Славить доспѣхи и войны сбирался я строгимъ размѣромъ,
Чтобъ содержанью вполнѣ былъ соотвѣтственъ и строй.
Всѣ были равны стихи. Но вдругъ Купидонъ разсмѣялся,
Онъ изъ второго стиха ловко похитилъ стопу.
«Кто, злой мальчикъ, тебѣ такую далъ власть надъ стихами?
Вѣщій пѣвецъ Піеридъ, не челядинецъ я твой.
Къ стати ль Венерѣ хватать доспѣхъ бѣлокурой Минервы,
Ей, бѣлокурой, къ лицу ль факела жаръ раздувать?
Кто похвалилъ бы, когда бъ Церера владѣла лѣсами,
А властелинкой полей дѣва съ колчаномъ была бъ?
Кто представитъ себѣ съ копьемъ златовласаго Феба,
Марса, напротивъ того, съ лирой богинь Аонидъ?
Много, мальчикъ, и такъ у тебя огромныхъ владѣній. —
Что жъ, честолюбецъ, тебѣ новыхъ успѣховъ искать?
Или все въ мірѣ твое? Твоя Геликона долина?
Можетъ ли Фебъ называть даже и лиру своей?
Только-что первымъ стихомъ достойно я началъ страницу,
Тотчасъ же ты на второмъ силы ослабилъ мои.
Нѣтъ у меня и предмета, приличнаго легкимъ размѣрамъ —
Отрока иль дорогой дѣвушки въ длинныхъ кудряхъ».
Такъ роптал я. Но онъ, колчанъ растворяя немедля,
Выбралъ, на горе мое, мнѣ роковую стрѣлу.
Сильнымъ колѣномъ согнувъ полумѣсяцемъ лукъ искривленный,
«Вотъ же,—сказалъ онъ:—воспѣть можешь ты это, пѣвецъ!»
Горе несчастному мнѣ! Какъ мѣтки у мальчика стрѣлы!
Вольное сердце горитъ, въ немъ воцарилась любовь:
Шестистопнымъ стихомъ начну, пятистопнымъ окончу,
Битвамъ желѣзнымъ и ихъ пѣснямъ скажу я: прости!
Миртомъ прибрежнымъ теперь укрась золотистые кудри,
Муза, и въ пѣсню вводи только одиннадцать стопъ.

2.

Чтò бъ это значило? Все какъ будто жестка мнѣ постеля,
 И одѣялу нигдѣ мѣста сыскать не могу.
Цѣлую долгую ночь провелъ въ безсонницѣ томной;
 Какъ ни ворочался я, больно усталымъ костямъ.
Я бы почувствовалъ, кажется, если бъ томился любовью.
 Иль незамѣтно она въ сердце вливаетъ свой ядъ?
Подлинно такъ! Вонзились мнѣ въ сердце колючія стрѣлы,
 И побѣжденную грудь злобный смущаетъ Амуръ.
Чтò жъ, уступить, иль раздуть борьбою мгновенное пламя?
 Да, уступлю. Покорясь, ношу удобнѣй нести.
Видывалъ я, какъ вдругъ отъ качанія вспыхивалъ факелъ,
 Видывалъ, какъ потухалъ онъ, не тревожимъ никѣмъ.
Терпятъ ударовъ волы, еще непривычные къ плугу,
 Больше гораздо, чѣмъ тѣ, чтò покорились ярму.
Ротъ у строптивыхъ коней колючими рвутъ удилами.
 Чувствуютъ меньше узду тѣ, чтò покорны браздамъ.
Злѣе гораздо палитъ Амуръ душой непокорныхъ,
 Чѣмъ такихъ, чтò терпѣть рабство ему поклялись.
Видишь,—себя я призналъ, Купидонъ, твоею добычей;
 Руки покорныя самъ я воздѣваю къ тебѣ.
Нечего мнѣ воевать, прошу пощады и мира,
 Я безоруженъ, меня чтò за хвала покорить?
Волосы миртомъ вѣнчай, у матери взявши голубокъ,
 А колесницу для нихъ вотчимъ тебѣ подаритъ.
Въ ней ты будешь стоять: подъ крикъ тріумфальный народа
 Править запряжкою птицъ ловкой ты будешь рукой.
Юношей плѣнныхъ вослѣдъ и дѣвъ поведутъ за тобою;
 Шествіе ихъ для тебя будетъ славнѣйшій тріумфъ.
Самъ я, плѣнникъ недавній, пойду со свѣжею раной,
 Новыя цѣпи твои чувствуя плѣнной душой.
Здравый Смыслъ поведутъ, связавъ ему за спину руки,
 Стыдъ туда же, и всѣхъ, кто на Амура возсталъ,—
Всѣ да боятся тебя. И, руки къ тебѣ воздѣвая,

Голосомъ громкимъ народъ пусть восклицаетъ: тріумфъ!
Спутники Лести, пойдутъ при тебѣ Заблужденье и Дерзость:
Эта толпа за тебя вѣчно готова стоять.
Этимъ-то войскомъ своимъ ты людей и боговъ побѣждаешь:
Стóитъ отнять у тебя только ихъ помощь,—ты нагъ.
Рада тріумфу сыновнему, мать на высокомъ Олимпѣ
Зарукоплещетъ и розъ станетъ кидать на тебя.
Ты же, алмазами крылья, алмазами кудри убравши,
На золотыхъ колесáхъ будешь стоять золотой.
Тутъ, я знаю тебя, зажжешь сердецъ ты немало
И мимоходомъ людей многихъ поранишь тогда.
Если бы даже хотѣлъ, унять своихъ стрѣлъ ты не въ силахъ.
Жаркое пламя своей близостью жгучей палитъ.
Такъ же шествовалъ Вакхъ, покоривши предѣлы Гангеса:
Тиграми онъ управлялъ, правишь голубками ты.
Если часть твоего могу я составить тріумфа,
Такъ пощади! На меня силъ, побѣдитель, не трать!
Цезарь, родственникъ твой, тебѣ да послужитъ примѣромъ:
Дланью побѣдной своей онъ побѣжденныхъ хранитъ.

5.

Солнце палило и только полуденный часъ миновало.
  Членамъ давая покой, я на постелю прилегъ.
Часть пріоткрыта была и часть закрыта у ставней.
  Въ комнатѣ былъ полусвѣтъ, тотъ, что̀ бываетъ въ лѣсахъ.
Сумерки такъ-то сквозятъ вослѣдъ уходящему Фебу,
  Или когда перейдетъ ночь, а заря не взошла.
Должно такой полусвѣтъ для застѣнчивой дѣвы готовить:
  Въ немъ-то укрыться скорѣй робкій надѣется стыдъ.
Вижу, Коринна идетъ,—и пояса нѣтъ на туникѣ,
  Плечи бѣлѣютъ у ней подъ распущенной косой.
Семирамида роскошная въ брачный чертогъ такъ вступила
  Или Лаиса, красой милая многимъ сердцамъ.
Я тунику сорвалъ; прозрачная мало мѣшала,
  А между тѣмъ за нее дѣва вступила въ борьбу.
Но какъ боролась она,—какъ бы не желая побѣды:
  Было легко побѣдить ту, что̀ себя предала.
Тутъ появилась она очамъ безъ всякой одежды,
  Безукоризненно все тѣло предстало мнѣ.
Что̀ за плечи и что̀ за руки тогда увидалъ я!
  Такъ и хотѣлось пожать формы упругихъ грудей!
Какъ подъ умѣренной грудью округло весь станъ развивался!
  Юность какая видна въ этомъ роскошномъ бедрѣ!
Что жъ я хвалю по частямъ? Что̀ видѣлъ я, было прекрасно.
  Тѣло нагое къ себѣ много я разъ прижималъ.
Кто не знаетъ конца? Усталые, мы отдыхали
  Если бы мнѣ довелось чаще такъ полдень встрѣчать!

На смерть попугая.

Попка, восточный индіецъ, всему подражатель крылатый,
Умеръ: пернатыхъ стада, будемъ его хоронить.
Въ грудь ударяйте себя крылами, честныя птицы,
И проведите слѣды рѣзкихъ ногтей по щекамъ.
Съ горя, вмѣсто волосъ, чубы торчащіе рвите,
Вмѣсто печальной трубы пусть ваши пѣсни звучать!
О преступленьи тирана измарскаго ты, Филомела,
Плачешь, но грусти твоей много исполнилось лѣтъ:
Пой надгробную пѣснь несчастной и рѣдкостной птицѣ:
Итисъ причина тоски сильной, но древней уже.
Всѣ, которымъ дано по текучему воздуху плавать,
Ты жъ неутѣшнѣй другихъ, нѣжная горлица, плачь.
Жизнь вся ваша была наполнена добрымъ согласьемъ,
И до конца простоялъ долгій и прочный союзъ.
Чѣмъ арголійцу Оресту былъ нѣкогда юный фокеецъ,
Попочка, тѣмъ для тебя горлица долго была.
Но къ чему вся вѣрность. къ чему нарядныя перья?
Голосъ къ чему, мастерски звуки умѣвшій мѣнять?
Много ль въ томъ пользы, что мнѣ подаренъ ты и нравился милой
Дѣвѣ? Пернатыхъ краса, вотъ ты, несчастный. лежишь!
Цвѣтомъ крыльевъ ты могъ затмить изумрудовъ сіянье,
Крокомъ пунійскимъ горѣлъ, словно окрашенъ, твой клювъ.
Не было на землѣ въ подражаньи искуснѣе птицы,
Такъ отчетливо ты, съ хрипомъ, слова повторялъ.
Зависть сразила тебя. Не пускался ты въ жаркія битвы;
Мирный болтунъ, полюбилъ въ жизни отрадный покой.
Вотъ погляди, перепелки весь вѣкъ свой дерутся, а живы.—
Можетъ-быть, оттого часто такъ стары онѣ.
Малымъ былъ ты доволенъ. Любя разглагольствовать часто,
Времени много не могъ яствамъ твой родъ удѣлять.
Пищей тебѣ былъ орѣхъ, да макъ, наводящій дремоту.
Жажду поила вода влагой простою своей.
Ястребъ-обжора живетъ и кружащійся въ воздухѣ коршунъ.
Также и грачъ полевой, вѣрный предвѣстникъ дождей,

И ворона живетъ, ненавистная мощной Минервѣ:
  Въ девять столѣтій она развѣ да развѣ умретъ.
Умеръ мой попка-болтунъ, человѣчьихъ рѣчей отголосокъ,
  Даръ, попавшій ко мнѣ съ крайнихъ предѣловъ земли.
Такъ почти все лучшее жадныя руки хватаютъ;
  Только ничтожному нѣтъ въ пріумноженьи границъ.
Грустную видѣлъ Өерситъ Филакида-героя кончину,
  Гекторъ сталъ прахомъ, въ живыхъ братья остались его.
Сколько обѣтовъ дала за тебя дрожавшая дѣва!
  Буйный вѣтеръ умчалъ къ морю обѣты ея.
День седьмой наступилъ безъ всякой надежды въ грядущемъ
  (Съ праздною пряжкой уже Парка стояла твоя),
Но не изсякли еще слова въ утомленной гортани.
  Передъ кончиной языкъ крикнулъ: «Коринна, прощай!».
Подъ Елисейскимъ холмомъ густая темнѣетъ дубрава,
  Влажная почва кругомъ вѣчной травой зелена:
Если вѣрить преданью, пріютъ тамъ для честныхъ пернатыхъ:
  Птицамъ безстыднымъ туда доступъ навѣкъ возбраненъ.
Тамъ выходятъ пастись безвредные лебеди въ поле;
  Тамъ же и фениксъ живой, вѣчно межъ всѣхъ одинокъ.
Птица Юноны, по прихоти перья свои распускаетъ,
  Тихо голубка зоветъ къ страстнымъ лобзаньямъ самца.
Тамъ попугаю пріютъ уготованъ подъ сѣнью дубравы,
  Честныя птицы внимать голосу станутъ его.
Кости холмикъ покроетъ: для тѣла онъ слишкомъ обширенъ.
  Крошечный камень лежитъ, надпись такая жъ на немъ:
«Памятникъ—признакъ того, какъ мной госпожа дорожила;
  Больше, чѣмъ птицамъ дано, я говорить былъ ученъ».

ИЗЪ СААДИ.

Обремененный славой міра,
Сровняйся съ смоквою полей:
Она тѣмъ ниже гнется долу,
Чѣмъ смоквъ обильнѣе на ней.

ЛИРИЧЕСКІЙ ПАНТЕОНЪ

МАЙСКАЯ ПѢСНЯ.

Изъ Гете.

Все нѣжитъ взоры,
Все нѣжитъ слухъ,
Блистаетъ солнце,
Смѣется лугъ,

Я вижу, вѣтви
Полны цвѣтовъ;
Я слышу птичекъ
Изъ-за кустовъ;

Восторгъ и нѣга
Тѣснятся въ грудь...
О, счастье, счастье,
Продлись, побудь!

Не ты ли это,
Любовь, любовь,
Одѣла жизнью
Природу вновь,

Благословила
Лугъ молодой
И расцвѣтила
Весь кругъ земной?

О, дѣва, какъ я
Люблю тебя!
Какъ взоръ твой свѣтелъ!
Люби меня!

Какъ сладко птичкѣ
Поутру пѣть,
Иль пышной розѣ
Зарей алѣть,

Такъ сладко, дѣва,
Тебя любить,
Тобой воскреснуть,
Тобою жить.

Ты оживила
Мои мечты,
Будь вѣкъ счастлива,
Какъ любишь ты.

НОЧНЫЯ ДУМЫ.

Изъ Гете.

Какъ вы жалки мнѣ, бѣдняжки-звѣзды,
Съ вашей нѣгой, съ вашимъ чуднымъ блескомъ,
Что пловцамъ отрадно такъ сіяетъ
Безъ награды отъ боговъ и смертныхъ!
Вамъ любовь чужда,—и вы мнѣ жалки:
Васъ ведутъ безъ устали по нѣбу
Вѣчные часы путемъ далекимъ.
Сколько вы ужъ протекли пространства
Съ той поры, какъ я, въ объятьяхъ милой,
Васъ и часъ полночи забываю!

ПЕРВАЯ ПОТЕРЯ.

Изъ Гете.

Кто воротитъ мнѣ дни блаженные,
Дни крылатые, страсти первенца?
Кто воротитъ мнѣ хоть одинъ часокъ
Драгоцѣннаго того времени?

Каждый день болитъ сердце бѣдное,
Каждый день грущу о минувшихъ дняхъ...
Кто воротитъ мнѣ хоть одинъ часокъ
Драгоцѣннаго того времени?

ПѢВЕЦЪ.

Изъ Гете.

— «Я слышу пѣсню,—у воротъ
Иль у моста, не знаю:
Взови пѣвца,—пусть пропоетъ,
Послушать я желаю».
Король сказалъ—и пажъ бѣжитъ;
Вернулся—и король кричитъ:
— «Позвать скорѣе старца!»

— «Привѣтствую господъ и дамъ
Вкругъ царственнаго трона;
Кто перечтетъ по именамъ
Всѣ звѣзды небосклона?
Ахъ, какъ все блещетъ вкругъ меня!..
Закройся, взоръ: теперь тебя
Мнѣ услаждать не время».

Пѣвецъ запѣлъ—и по лицу
Игралъ восторга генiй.
Всѣ взоры рыцарей—къ пѣвцу,
И взоры дамъ—въ колѣни.
Король доволенъ пѣснью той
И старца цѣпью золотой
Онъ жалуетъ за пѣнье.

— «Златую цѣпь мнѣ не дари,—
Не мнѣ удѣлъ героя:
Пускай твои богатыри
Ей блещутъ послѣ боя,

Пусть ей гордится канцлеръ твой
И этой цѣпью золотой
Онъ старыя умножитъ.

А я пою, какъ соловей
На вѣткѣ винограда,
И пѣсня отъ души моей
Сама себѣ награда.
Но просьба у меня одна:
Вели мнѣ лучшаго вина
Подать въ златомъ бокалѣ».

Поднесъ—и разомъ осушилъ:
— «О, царственный напитокъ!
Господь тотъ домъ благословилъ,
Гдѣ благъ такой избытокъ.
Молитесь Вѣчному Царю
Такъ, какъ васъ я благодарю
За этотъ полный кубокъ».

УТРЕННЯЯ ЖАЛОБА.

Изъ Гете.

О, скажи мнѣ, милая рѣзвушка,
Чѣмъ передъ тобой я провинился,
Что такой меня ты мучишь пыткой
И не держишь даннаго мнѣ слова?

Не сама ль вчерашній вечеръ жала
Ты мнѣ руку и шептала нѣжно:
— «Я приду поутру непремѣнно
Въ твою комнату,—приду, увидишь».

Дверь слегка я затворилъ и радъ былъ,
До безумья радъ былъ, какъ замѣтилъ,
Что намъ петли измѣнить не могутъ.

Я всю ночь томился въ ожиданьи,
Я не спалъ, всѣ четверти считая:
Лишь глаза сомкнутся на минуту,—
А уже сердце, этотъ чуткій сторожъ,
Въ грудь начнетъ стучаться и разбудитъ.

Какъ я тьму благословлялъ ночную
За покой, которымъ все дышало!
Какъ я слушалъ, затая дыханье,—
Нѣтъ ли звуковъ въ этой чуткой тиши?

Если бы у ней такія жъ мысли,
Если бы у ней такія жъ чувства,—
Не дождалась бы она разсвѣта,
А тотчасъ же бы сюда явилась!

На чердакъ вспрыгнетъ ли рѣзвый котикъ,
Заскребетъ ли мышка за карнизомъ,—
Все какъ будто бы твоя походка,
Все шаги твои какъ будто слышу.

Такъ я долго-долго ждалъ въ томленьи—
И вотъ свѣтъ денной уже забрезжилъ,
И ужъ тамъ и сямъ раздался шелестъ. .

Не ея ли дверь-то?.. Не моя ли?..
Я сидѣлъ, поджавшись, на кровати
И смотрѣлъ на дверь полъ-освѣщенну,—
Ждалъ, не распахнутся ль половинки?
Нѣтъ,—на тихихъ петляхъ неподвижно
Виснутъ въ ожиданьи половинки.

День все ярче, ярче становился;
Слышу, дверь сосѣда заскрипѣла,
И сосѣдъ пошелъ ужъ на работу—
И потомъ колеса загремѣли,

Ворота градскія растворились,
И вся дрянь на рынкѣ завозилась,
Въ суматохѣ безъ толку мѣшаясь.

Взадъ, впередъ пошли таскаться въ домѣ,
По ступенямъ вверхъ и внизъ,—то двери
Затрещатъ, то простучитъ походка,—
А мнѣ все еще, какъ съ милой жизнью,
Жаль разстаться съ сладостной надеждой.

Наконецъ, когда, къ моей досадѣ,
Солнышко мнѣ въ окна засвѣтило,
Я вскочилъ и въ садъ бѣжать пустился,
Чтобъ смѣшать горячее дыханье
Съ утренней прохладою зефира,
Можетъ-быть, здѣсь встрѣтиться съ тобою...
Ждалъ,—и что жъ? Тебя нѣтъ ни въ бесѣдкѣ,
Ни въ высокой липовой аллеѣ!..

НАДЕЖДА.

Изъ Шиллера.

Надѣются люди, мечтаютъ свой вѣкъ
Судьбу покорить роковую,
И хочетъ поставить себѣ человѣкъ
Цѣль счастія—цѣль золотую.
За днями несчастій дни счастья идутъ,
И люди все лучшаго, лучшаго ждутъ.

Надежда ведетъ на путь жизни людей:
Дитя уже ей веселится;
Она манитъ юношу блескомъ лучей
И съ старцемъ въ гробъ не ложится.
Пусть насъ утомленье въ могилу сведетъ:
Надежда для насъ и за гробомъ цвѣтетъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не пустымъ, не безумнымъ мечтамъ
Мы духъ предаемъ съ колыбели!
Не даромъ твердитъ сердце вѣщее намъ:
Для высшей мы созданы цѣли.
А что̀ голосъ сердца намъ внятно твердитъ,
То намъ неизмѣнной судьбою горитъ.

ОЗЕРО.

Изъ Ламартина.

Итакъ, всему конецъ! Къ таинственному брегу
Во мракъ небытія несетъ меня волной,
И воспротивиться на мигъ единый бѣгу
Не въ силахъ якорь мой.

Ахъ, озеро, взгляни: одинъ лишь годъ печали
Промчался,—и теперь на самыхъ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ мы бродили съ ней, сидѣли и мечтали,
Сижу одинъ въ слезахъ...

Ты такъ же со скалой угрюмою шептало,
И грызло грудь ея могучею волной,
И вѣтромъ пѣну съ волнъ встревоженныхъ кидало
На ножки дорогой.

О, вечеръ счастія, гдѣ ты, когда я съ нею
Скользилъ по озеру, исполненъ сладкихъ думъ,
И услаждалъ мой слухъ гармоніей своею
Согласныхъ веселъ шумъ?

Но вдругъ раздался звукъ средь тишины священной,
И эхо сладостно завторило словамъ,
Притихло озеро,—и голосъ незабвенный
Понесся по волнамъ:

«О, время, не лети! Куда, куда стремится
Часовъ твоихъ побѣгъ?
О, дай, о, дай ты намъ подолѣ насладиться
Днемъ счастья, днемъ утѣхъ!

«Бѣги для страждущихъ,—довольно ихъ воззвала
Судьба на жизни путь!—
Лети и притупи ихъ рока злое жало
И счастливыхъ забудь.

«Напрасно я прошу хоть мигъ одинъ у рока:
Сатурнъ летитъ стрѣлой.
Я говорю: о, ночь, продлись!—и блескъ востока
Ужъ споритъ съ темнотой.

«Любовь, любовь! Восторговъ неужели
Не подаришь ты намъ?
У насъ нѣтъ пристани, и время насъ безъ цѣли
Мчитъ быстро по волнамъ».

О, время, неужель позволено судьбою,
Чтобъ дни, когда любовь всѣ радости свои
Даетъ намъ, пронеслись съ такой же быстротою,
Какъ горестные дни?

Ахъ, если бы хоть слѣдъ остался наслажденій!
Неужели всему конецъ и навсегда,
И время воротить намъ радостныхъ мгновеній
Не хочетъ никогда?

Пучины прошлаго, ничтожество и вѣчность,
Какая цѣль у васъ похищеннымъ часамъ?
Скажите, можетъ ли хоть разъ моя безпечность
Повѣрить райскимъ снамъ?

Ахъ, озеро, скалы, лѣса и сумракъ свода
Пещеры,—смерть отъ васъ съ весною мчится прочь!
Не забывай хоть ты, прелестная природа,
Блаженнѣйшую ночь,

Въ часъ мертвой тишины, въ часъ бурь освирѣпѣлыхъ
И въ берегахъ твоихъ, играющихъ съ волной,
И въ соснахъ сумрачныхъ, и въ скалахъ посѣдѣлыхъ,
Висящихъ надъ водой,

И въ тихомъ вѣтеркѣ съ прохладными крылами,
И въ шумѣ береговъ, вторящихъ берегамъ,
И въ ясной звѣздочкѣ, сребристыми лучами
Скользящей по струнамъ,—

Чтобъ свѣжій вѣтерокъ дыханьемъ ароматнымъ,
И даже шелестомъ таинственнымъ тростникъ, —
Все бъ говорило здѣсь молчаніемъ понятнымъ:
«Любовь, заплачь о нихъ!»

ПРИЗЫВАНІЕ.

Изъ Ламартина.

О, ты, которая мнѣ въ душу заглянула,
Какъ странница земли, какъ горній серафимъ, —
Твоя любовь лучомъ во тьмѣ блеснула
Глазамъ восторженнымъ моимъ.
Явися мнѣ, прелестное созданье,
Скажи мнѣ имя, родину и цѣль:
Земля ль твоя святая колыбель,
Иль ты небесное дыханье?
Не завтра ль озаритъ тебя вѣковъ свѣтило,
Или тебя здѣсь небо осудило
Итти въ изгнаніи по трудному пути?..
Ахъ, кто бъ ты ни была, съ какимъ бы назначеньемъ,
О, дочь земли, иль гостья горнихъ мѣстъ,
Позволь мнѣ жизнь съ твоимъ боготвореньемъ
Тебѣ, какъ даръ любви моей, принесть!
Когда ты на землѣ здѣсь съ нами остаешься,
Будь мнѣ подругою—и знай, что я тотъ прахъ
Цѣлую, гдѣ земли ты ножкою коснешься;
Но если ты на мигъ одинъ у насъ въ гостяхъ
И скоро къ ангеламъ на ангельскихъ крылахъ,
Любивъ меня лишь мигъ, на небо вознесешься, —
То вспомни обо мнѣ въ блаженныхъ небесахъ.

Оглавленіе

II тома.

Стр.

Баллады.

Соловей и роза 5
„Подъ палаткою пунцовой...“ 10
Крезъ. 11
„При свѣтѣ лампады надъ чернымъ сукномъ...“ 12
Легенда („Вдоль по берегу полями...“). 13
Тайна. 15
Лихорадка 16
Змѣй 17
Мятель 18
Курганъ. 20
Мѣсяцъ и роза 21
„Ты такъ любишь гулять...“ 22

Поэмы.

Сабина 25
Талисманъ 32
Сонъ поручика Лосева. 39
Двѣ липки 46
Студентъ. 59
Лизіасъ и Вакхида. Идиллія. 70
Саконтала 74

Приложеніе.

Предисловія Фета къ прежнимъ изданіямъ:
I. Къ изданію 1863 года. 81
II. Къ третьему выпуску „Вечернихъ огней“ 82
III. Къ четвертому выпуску „Вечернихъ огней“. . . . 86

стр.

Стихотворенія.

Veille sur ce que j'aime 89
„Безмолвныя поля одѣлись темнотою...“. . . . . —
Ѳ. Е. Коршу въ отвѣтъ на его эпическое посланіе. 90
„Бѣда съ негромкими чинами. .“. 91
„Вижу, снова небо тмится...“. . . . . —
„Виноватъ ли я, что долго мѣсяцъ...“ 92
А. П. Боткиной при полученіи апельсиновъ. 93
Вчера и сегодня. . . . . —
„Въ небесахъ летаютъ тучи...“. . . . . —
„Въ рукѣ съ тамбуриномъ, въ глазахъ съ упоеньемъ...“ . . . 94
„Въ тѣ дни, какъ божествамъ для происковъ влюбленныхъ...“. —
Споръ. 96
Къ жаворонку. 97
„За красавицу-сосѣдку...“ 98
„И вотъ письмо. Онъ въ немъ не пишетъ...“ . . . . —
Е. Д. Дункеръ („Ихъ вмѣстѣ видя и, къ тому же...“). . . . . —
„Какая холодная осень!“ 99
„Какой горючій пламень...“. . . . . —
„Какъ на чертѣ полночной дали...“ 100
„Какъ умъ къ ней идетъ, какъ къ ней чувство идетъ...“ . . . —
„Когда кичливый умъ, измученный борьбою...“ 101
Крысы 102
Къ Офеліи. 1. „Какъ идетъ къ вамъ чепчикъ новый...“ . . . 103
2. „Сосна такъ темна, хоть и мѣсяцъ...“ . . . . —
3. „Какъ майскій голубоокій...“ . . . . —
4. „Сонетъ („Съ тѣхъ поръ, какъ Богъ въ тебѣ осуществилъ...“) 104
5. „Стихомъ моимъ незвучнымъ и упорнымъ...“ . —
6. „Горный ключъ...“ . . . . —
Къ памятнику Маркевича 105
Фетъ-Али-Шаха 106
„Между счастіемъ вѣчнымъ твоимъ и моимъ...“ . . . . . . —
Элегія („Мечту младенчества въ меня вдохнула ты...“) . . . —
„Многимъ богамъ въ тишинѣ я оиміамъ воскуряю...“ 107
Языкъ цвѣтовъ . . . . —
„Мудрымъ нужно слово свѣта...“ 108
„Мы съ тобой не просимъ чуда...“ . . . . —
„Мы ѣхали двое. Подъ нею...“ 109
Хижина въ лѣсу . . . . —
Къ нашимъ осламъ 110
Посланіе П. Н. Каратѣеву . . . . —
Вечерній садъ. 111
Къ картинѣ. 112
Художнику 113
Новогреческая пѣсня . . . . —
Блудница. 114
„Ночь тиха. По тверди зыбкой...“ . . . . —

стр.
„О, для тебя я сдѣлаюсь поэтомъ...“ 115
Переводъ французскаго стихотворенія Ѳ. И. Тютчева . . . . . —
„Опять я затеплю лампаду...“ 116
Шиллеру . . . . —
„Отвергнувъ гордое сомнѣнье...“ 117
„Перлы восточные—зубы у ней...“ . . . . —
Перчатка 118
„Петръ и Павелъ—вотъ примѣры...“ . . . . —
„Погляди мнѣ въ глаза хоть на мигъ...“ 119
Эолова арфа 120
„Понятенъ зовъ твой сердобольный...“ 121
„Послѣ ранняго ненастья...“ . . . . —
Т. А. Кузминской при посылкѣ портрета . . . . —
Я. П. Полонскому при посылкѣ 3-го выпуска „Вечернихъ огней“ 122
Къ памятнику Пушкина . . . . —
„Смотри, красавица,—на матовомъ фарфорѣ...“ . . . . —
„Смотрѣть на васъ и страшно мнѣ, и больно...“ 123
„Смотрю, завидуя немножко...“ . . . . —
О. И. Щукиной („Спасибо вамъ! Мы вспоминаемъ...“) 124
Ю. Б. Шумахеръ („Среди фіалокъ, въ царствѣ розъ...“) . .
Горы. Ода 125
„Сядь у моря—жди погоды...“ 126
The Echoes 127
„Тотъ, кто владѣетъ громаднѣйшимъ царствомъ...“ . . . . —
Свиданіе въ лѣсу 128
„Ура, нашъ архангелъ отвинченъ...“ . . . . —
Весенняя пѣснь 129
„Утромъ курится поляна...“ 130
Застольная пѣснь 131
А. П. Боткиной. Невѣстѣ 132
„Чѣмъ долѣ я живу, чѣмъ больше пережилъ...“ . . . . —
А. Л. Бржесской („Я вамъ пророчилъ поклоненье...“) 133
„Я вдаль иду моей дорогой...“ . . . . —
Е. И. Баратынской („Я невпопадъ у васъ въ гостиной...“) . . 134
Въ альбомъ А. Я. Марченко . . . . —

Лирическій Пантеонъ.

„Пуская въ свѣтъ мои мечты...“ 137
Похищеніе изъ гарема 138
Замокъ Рауфенбахъ 139
Удавленникъ 142
Безумная 143
Двѣ розы 145
Серенада („Плыветъ луна по высотѣ...“) 147
Мой садъ 148
Признаніе 149
Кольцо 150
Утѣшеніе 151

Стр.

Странность 151
Откровенность 152
Одалиска 153
Ласточка . . . . —
Въ альбомъ („Пусть геній пропілаго съ улыбкой...") . . . . —
Вакхическая пѣсня 154
На смерть юной дѣвы 155
Художникъ къ дѣвѣ 156
Вакханка 158
Колодникъ 159
Тоска по невозвратномъ . . . . -
Невозвратное . . . . —
Вздохъ 160
Къ лѣшему . . . .
Хандра 161
Ночь и день 163
Эпитафія („Любилъ онъ пѣснямъ дѣвъ задумчиво внимать...") . - -
Арабескъ . . . . —
Вечерній звонъ. Памяти Козлова 164
„Солнце потухло. Плаваетъ запахъ..." 165
„Ты мнѣ простишь, мой другъ, что каждый разъ 166
„Сними твою одежду дорогую..." . . . .
„Не плачь, моя душа: вѣдь сердцу не легко 167
„Доволенъ я, на днѣ моей души..." . . . .
„Надъ моремъ спитъ косматый боръ" . . . . —
„На балконѣ золоченомъ..." 168
„Посмотри, какъ боецъ зашатался, упалъ." . . . .
„Она легка, какъ тонкій паръ." . . . . -
„Ужъ, серпы на плеча взложивъ, усталыя жницы..." . . . 169
„Сто кратъ блаженъ, когда я могъ стяжать ." 170

Дополненія.

Прекрасная ночь. Изъ Гёте. Первоначальная редакція . . . 173
Ивы и березы. Первая редакція 174
Къ Цирцеѣ 175
„Я зналъ, что намъ близкое горе грозило." . . . . - -
Мой ангелъ 176
„Кенкеты, и мраморъ, и бронза..." . . . . --
„Мы нравимся уѣздамъ и столицамъ..." 177
„Весеннихъ чувствъ не должно вспоминать" . . . .
„Я въ моихъ тебя вижу все снахъ ." . . . . -
Спичъ въ честь И. С. Тургенева 178
Экспромптъ („Весь переѣздъ забавою...") . . . . -
А. Л. Бржеской („Хоть строчкой, бѣдная подруга.."). . . . --
Изъ Лонгфелло 179
Рододендронъ 180
И. П. Борисову („Перекладываютъ тройки..") 181
„Что молчишь? Иль не видишь,—горю ." 182

Переводы и подражанія.

		стр.
Изъ Байрона.	„О, солнце глазъ безсонныхъ,—звѣздный лучъ...“.	185
Изъ Беранже.	Послѣдняя пѣсня	186
Изъ Гафиза.		187
	„Звѣзда полуночи дугой золотою скатилась...“ .	189
	„О, если бы озеромъ былъ я ночнымъ...“ . . .	—
	„Мы, Шемзеддинъ со чадами своими...“	190
	„Если вдругъ, безъ видимыхъ причинъ...“ . .	191
	„Я былъ пустынною страной...“.	—
	„О, какъ подобенъ я—смотри!..“. . . .	192
	„Дано тебѣ и мнѣ...“	-
	„Десять языковъ лилеи...“	.
	„Вѣтеръ нѣжный, окрыленный... . . .	193
	„Падеть ли взоръ твой гордый...“ . . .	194
	„Книгу мудрую берешь ты...“ . .	195
	„Ты въ мозгу моемъ убогомъ...“.	-
	„Пусть, насколько хватитъ силъ.. . . .	196
	„Въ царство розы и вина -приди...“ . . .	197
	„Веселись, о, сердце-птичка...“	
	„Предавъ себя судьбамъ на произволъ.. “ . . .	198
	„Грозныя тѣни ночей...“	—
	„Ахъ, какъ сладко-сладко дышитъ...“	—
	„Въ доброй вѣсти, нѣжный другъ, не откажи...“	199
	„Ежели осень наноситъ...“	200
	„Гіацинтъ своихъ кудрей..“	—
	„Твой вѣчно, неизмѣнно .“	—
	„О помыслахъ Гафиза...“	201
	„Сошло дыханье свыше...“	-
	„Ужъ если все отъ вѣка рѣшено...“	—
	„Не будь, о, богословъ, такъ строгъ...“	202
	„Гафизъ убитъ. А что его убило..“	203
Изъ Гейне.	„Ахъ, опять все тѣ же глазки . “.	204
	„Во снѣ я милую видѣлъ ..“	205
	„Въ молодые тоже годы...“	206
	„Да, ты несчастна,—и мой гнѣвъ угасъ...“ . .	
	„Дитя, мои пѣсни далеко...“	207
	„Дитя, мы дѣтьми еще были...“	208
	„Желтѣетъ древесная зелень. “	209
	„Изъ словъ моихъ родится...“	210
	„Какъ изъ пѣны водъ рожденная..“	—
	„Какъ луна, свѣтя во мракѣ...“	211
	„Какъ цвѣтъ, ты чиста и прекрасна...“	—
	„Когда на дорогѣ, случайно...“	212
	„Когда я про горе свое говорилъ...“	-

стр.

Изъ Гейне. „Красавица-рыбачка...“ 213
„Ланитой къ ланитѣ моей прикоснись...“ . . . . . —
„Лилеею, розой, голубкой, денницей...“ . . . . . —
„Мой другъ, мы съ тобою сидѣли...“ 214
„На сѣверѣ кедръ одинокій...“. . . . . —
„Не глумись надъ чортомъ, смертный...“ . . . . . —
„Нисходятъ во гробъ поколѣнья...“ 215
„Они любили другъ друга...“ . . . . —
„По бульварамъ Саламанки...“ . . . . —
„Слышу ли пѣсенки звуки...“ 216
„Съ порога рыбачьей избушки..“ 217
„Твои пылаютъ щечки...“ 218
„Томный звонъ въ груди моей...“ . . . . —
„Трубятъ голубые гусары...“ . . . . —
„Ты вся въ жемчугахъ и алмазахъ...“. 219
„Ужъ вечеръ надвинуться хочетъ...“ 220
„Хотѣлъ я съ тобою остаться...“ 221
„Цвѣтовъ подбавила весна...“ 222
„Я не ропщу,—пусть сердце и въ огнѣ...“ . . . . —
„Я плакалъ во снѣ. Мнѣ приснилось...“ 223
„Я цѣлый день изнемогаю...“ . . . . —
Горная идиллія 224
Посейдонъ 226
Эпилогъ 228

Изъ Гёте. Прекрасная ночь. 229
Границы человѣчества. 230
Зимняя поѣздка на Гарцъ 232
На озерѣ. 235
Пажъ и мельничиха. 236
Юноша и мельничный ручей 238
Рыбакъ 240
Новая любовь—новая жизнь 241
Ночная пѣсня путника. . . . . —
Самообольщеніе 242
Германъ и Доротея 243

Изъ Кернера. Москва 303

Изъ Мицкевича. „Всплываю на просторъ сухого океана...“ . . 304
„О, милая дѣва, къ чему намъ, къ чему говорить?“ 305

Изъ Мерике. Ѳеокритъ. 306
Пѣснь охотника . . . . —

Изъ Мюссе. Дюпонъ и Дюранъ. Діалогъ 307

Изъ Рюккерта. „Если ты меня разлюбишь...“ 316
„И улыбки и угрозы...“ . . . . —
„Какъ мнѣ рѣшить, о, другъ прелестный...“ . . —
„Не хочу морозной я...“ 317

стр.

Изъ Рюккерта. „Пусть бы люди про меня забыли...“ 317
„У моей возлюбленной есть украшенье...“ . . . 318

Изъ Уланда. Бертранъ де-Борнъ 319
Изъ Шенье. Лида 321
„Супругъ надменный козъ, лоснящійся отъ жиру...“. 323

Изъ Шиллера. Боги Греціи. Первоначальная редакція 324
Вечеръ 328
Диѳирамбъ. 329
Дитя въ колыбели . . . . —
Къ цвѣтамъ 330

Семела 331
Съ нѣмецкаго. „Я съ лучшей стороны смотрѣть на все готовъ...“. 354
Съ китайскаго. Тѣнь 355
Пѣсни кавказскихъ горцевъ.
„Станетъ насыпь могилы моей просыхать...“ . . 356
„Ты, горячая пуля, смерть носишь съ собой...“ . —
„Выйди, мать, наружу, посмотри на диво...“. . . —

Подражаніе восточнымъ стихотворцамъ 357

Приложенія.

Изъ Анакреона 358
Архилохъ . . . . —
Два гренадера. Изъ Гейне 359
Изъ Гейне. „И если ты будешь моею женой...“ 360
„На блѣдномъ ты лицѣ моемъ...“ . . . . —
Изъ Каролины фонъ-Гелль. „Забыть,—ахъ, въ мигъ забыть бы!..“. 361
Изъ Гольдшмита. „Зачѣмъ я влюбился въ тебя, дорогая?“. . . —
Лѣсной царь. Изъ Гёте 362
Свитезянка. Изъ Мицкевича. 363
Дозоръ. Изъ Мицкевича. 367
Покинутая дѣвушка. Изъ Мерике 369
Изъ Мура. „Прощай, Тереза! Печальныя тучи...“. . . . . . —
Элегія. Изъ Мюссе 370
Изъ Овидія. Элегіи. Изъ книги любви.
1. „Славить доспѣхи и войны сбирался я строгимъ размѣромъ...“ 372
2. „Что бъ это значило? Все какъ будто жестка мнѣ постеля...“ 373
5. „Солнце палило и только полуденный часъ миновало...“ 375
На смерть попугая 376
Изъ Саади. „Обремененный славой міра...“ 377

Лирическій Пантеонъ.

стр.
Майская пѣсня. Изъ Гёте. 378
Ночныя думы. Изъ Гёте 379
Первая потеря. Изъ Гёте. . . . . —
Пѣвецъ. Изъ Гёте 380
Утренняя жалоба. Изъ Гёте 382
Надежда. Изъ Шиллера 384
Озеро. Изъ Ламартина 385
Призываніе. Изъ Ламартина. 387

Алфавитный указатель.

стр.

Авадонъ. „Ангелъ, и левъ, и телецъ, и орелъ". I. 71
Ave Maria. „Ave Maria!.. Лампада тиха..." I 298
Александры Георгіевны и Великаго Князя Павла Александровича, На бракосочетаніе Великой Княгини. „Не воспѣвай, не славословь". I. 403
Александры Георгіевны, На погребеніе Великой Княгини. „Тамъ. гдѣ на красныя ступени". I. 409
Алмазъ. „Не украшать чело царицы". I 81
Alter ego „Какъ лилея глядится въ нагорный ручей". I . . . 108
Альбомъ А. Я. Марченко, Въ. „Стихомъ простымъ, стихомъ случайнымъ". II 134
Альбомъ, Въ. Къ Офеліи. „Я васъ разсматривалъ украдкой". I. 350
Альбомъ, Въ. „Пусть геній прошлаго съ улыбкой". II . . . 153
Альбомъ Козлову, Въ. „Тому, что было, не бывать". I . . . 451
Альбомъ М. П. Боткиной, Въ. „Побѣда! Безоружна злоба". I . 453
Альбомъ А. Я. Полонской, Въ. „Стихи мои въ ряду другихъ". I. 452
Аммона. „Это у васъ, на сѣверѣ, все нипочемъ!.. Посмотри-ка". I 170
„Ангелъ, и левъ, и телецъ, и орелъ". Авадонъ. I 71
Ангелъ, Мой. „Какъ онъ прекрасенъ". II. 176
„Anruf an die Geliebte" Бетховена. „Пойми хоть разъ тоскливое признанье". I 338
Аполлонъ Бельведерскій. „Упрямый лукъ, съ прицѣла чуть склоненъ". I 155
Арабескъ. „Черную урну съ прахомъ поэта". II 163
Арфа, Эолова. „По листамъ пронесся шорохъ" II 120
Архилохъ. „Здѣсь Архилохъ опочилъ. Его въ безпощадные ямбы". II 358
„Ахъ, дитя, къ тебѣ привязанъ..." I 326
„Ахъ, какъ сладко-сладко дышитъ". Изъ Гафиза. II 198
„Ахъ, не плачь и не тужи". Безумная. II 143
„Ахъ, опять все тѣ же глазки". Изъ Гейне. II 204
Бабочка. „Ты правъ: однимъ воздушнымъ очертаньемъ". I. . 230

стр.

Балъ. „Когда трепещутъ эти звуки“. I 333
Баратынской, Е. И. „Я невпопадъ у васъ въ гостиной“. II. . 134
„Барашковъ буря шлетъ своихъ...“ I 251
„Башня лежитъ“. Тѣнь. Съ китайскаго. II 355
„Бди надъ тѣмъ, что сердцу мило“. Veille sur ce que j'aime. II. 89
„Безмолвныя поля одѣлись темнотою...“ II 89
„Безобиднѣй всѣхъ и проще...“ I 125
Безумная. „Ахъ, не плачь и не тужи“. II 143
Бельведерскій, Аполлонъ. „Упрямый лукъ, съ прицѣла чуть склоненъ“. I 155
Берегъ, Морской. „Какъ хорошъ чуть мерцающимъ утромъ“. I. 249
„Березы сѣвера мнѣ милы“. Ивы и березы. I. 235 и II . . . 174
Бертранъ де-Борнъ. Изъ Уланда. „На утесѣ томъ дымится“. II. 319
Бетховена, Anruf an die Geliebte. „Пойми хоть разъ тоскливое признанье“. I 338
Біона, Подражаніе XVI идилліи. „Прекрасная звѣзда Венеры свѣтлоокой“. I. 182
„Благовонная ночь, благодатная ночь...“ I 259
„Блаженъ, о, Цирцея, кто въ черныя волны забвенья“. Къ Цирцеѣ. II 175
„Блескомъ вечернимъ овѣяны горы...“ I. 135
„Близъ рощи, на пригоркѣ, сѣрый домъ“. Двѣ липки. И. С. Тургеневу. II. 46
Блудница. „Но Онъ на крикъ не отвѣчалъ“. II 114
„Блѣденъ ликъ твой, блѣденъ, дѣва“. Геро и Леандръ. I. . . 164
„Боги всегда къ намъ на землю приходятъ“. Диѳирамбъ. Изъ Шиллера. II. 329
Боги Греціи. Изъ Шиллера. „Какъ еще вы правили вселенной“. II 324
„Богини дѣвственной округлыя черты“. Діана. I 156
„Богомъ свѣта покинута, дочь Громовержца нѣмая“. Сонъ и смерть. I. 171
„Богъ лучезарный, спустись! Жаждутъ долины...“ Вечеръ. Изъ Шиллера. II 328
Больной. „Его томилъ недугъ. Тяжелый зной ночей“. I . . . 378
„Больному классику чтобъ дать отвѣтъ россійскій“. Ѳ. Е. Коршу. II 90
Борисову, П. И. „Перекладываютъ тройки“. II 181
Борисову, П. И. „Спасибо, другъ: ты упросилъ“. I 439
Борозда, Первая. „Со степи зелено-сѣрой“. I 238
Боткина, На смерть Мити. „Тебя любили мы за рѣзвость молодую“. I 394
Боткина, Памяти В. П. „Прости! Разверстая могила“. I . . . 79
Боткиной, А. П. „Вотъ спасибо, мой дружокъ“. II 93
Боткиной, А. П. „Хотя любовь препобѣдила“. II 132
Боткиной, М. П., Въ альбомъ. „Побѣда! Безоружна злоба“. I . 453
Боткиной, Памяти С. С. „Ужель на вопль и зовъ молебный“. I. 147
Боткину, Митѣ. „Митя-крошка“. I 393
Боткину, П. П. „Христосъ Воскресе!—кличъ весенній“. I. . . 437

стр.
Боткинымъ, Д. П. и С. С., въ день 25-лѣтія ихъ свадьбы. „Сегодня пиръ отрадный мы вѣнчаемъ". I. 432
Бражникова, На смерть. „Взводъ впередъ, справа по три, не плачь!" I 148
Бракосочетаніе Великаго Князя Павла Александровича и Великой Княгини Александры Георгіевны, На. „Не воспѣвай, не славословь". I 403
Бракосочетаніе Е. Д. и К. Г. Дункеръ, На. „Въ часы забавъ, во дни пировъ". I. 431
Братское кладбище, Севастопольское. „Какой тутъ дышитъ миръ! Какая славы тризна!" I. 76
Бржесскимъ. „Откуда вдругъ въ смиренный уголъ мой". I . . 444
Бржесской, А. Л. „Далекій другъ, пойми мои рыданья..." I . . 132
Бржесской, А. Л. „Нѣтъ, лучше голосомъ, ласкательно обычнымъ". I. 115
Бржесской, А. Л. „Опять весна—опять дрожатъ листы..." I . . 133
Бржесской, А. Л. „Хоть строчкой, бѣдная подруга". II. . . . 178
Бржесской, А. Л. „Я вамъ пророчилъ поклоненье". II 133
Бржесскому, А. Ѳ. „Изъ смертныхъ, жизнью пресыщенныхъ". I. 425
Брюллова, картина. Діана, Эндиміонъ и Сатиръ. „У звучнаго ключа, какъ сладокъ первый сонъ!" I 160
„Будто на нивѣ колосья". Эпилогъ. Изъ Гейне. II 228
„Будь, Ѳеокритъ, о, прелестнѣйшій, мной упомянутъ съ хвалою". Ѳеокритъ. Изъ Мерике. II 306
Бури, Послѣ. „Пронеслась гроза сѣдая". I 252
„Буря на небѣ вечернемъ..." I 306
Буря. „Свѣжѣетъ вѣтеръ, меркнетъ ночь". I 252
„Была пора, и ледъ потока..." I. 142
„Была пора—своей игрою". Гр. Л. Н. Толстому. I 97
„Былъ чудный майскій день въ Москвѣ..." I 143
„Быть-можетъ, все оставило поэта". Вздохъ. II 160
„Бѣда съ негромкими чинами..." II. 91
Бѣдный мальчикъ. „Дай-ка нянѣ ручки-крошки". I 392
Бѣдный мальчикъ. „На дворѣ не слышно вьюги". I 391
Бюсту Ртищева въ Воробьевкѣ, Къ. „Прости меня, почтенный ликъ". I. 448
Бюстъ. „Когда изъ мрамора иль гипса—предо мною". I . . . 161
Вакханка. „Зачѣмъ, какъ газель". II 158
Вакханка. „Подъ тѣнью сладостной полуденнаго сада". I. . . 158
Вакхида, Лизіасъ и. „О, непонятные, жестокіе мужчины!" II . 70
Вакхическая пѣсня. „Побольше влаги свѣтлой мнѣ". II . . . 154
„Вамъ пѣснь моя! Въ степи мірской". Гр. П. М. Соллогубъ. I 415
Ванлярской, М. Ѳ. „Мечтамъ покорствуя отважнымъ". I. . . 446
„Васъ нѣтъ—и плакать я готовъ". Н. А. Офросимовой. I. . . 443
„Вблизи семи холмовъ, гдѣ такъ невыразимо". Дакн. I . . . 157
„Вдали огонекъ за рѣкою..." I 258
„Вдоль по берегу полями". Легенда. II 13

стр.
Veille sur ce que j'aime. „Бди надъ тѣмъ, что̀ сердцу мило". II. 89
Великаго князя Павла Александровича и Великой Княгини Александры Георгіевны, На бракосочетаніе. „Не воспѣвай, не славословь". I 403
Великой Княгини Александры Георгіевны и Великаго Князя Павла Александровича, На бракосочетаніе. „Не воспѣвай, не славословь". I 403
Великой Княгини Александры Георгіевны. На погребеніе. „Тамъ, гдѣ на красныя ступени". I 409
Великой Княгинѣ Елисаветѣ Маврикіевнѣ и Великому Князю Константину Константиновичу. I. 402
Великой Княгинѣ Елисаветѣ Маврикіевнѣ, Великому Князю Константину Константиновичу и. „Давно познавъ, какъ ранятъ больно". I 402
Великой Княгинѣ Елисаветѣ Маврикіевнѣ и Великому Князю Константину Константиновичу. „Когда дыханье множитъ муки". I 410
Великой Княгинѣ Елисаветѣ Маврикіевнѣ и Великому Князю Константину Константиновичу. „Сердце желаніемъ встрѣчи томимо". I 404
Великой Княгинѣ Елисаветѣ Маврикіевнѣ. Къ Ней. „Кто постигнетъ улыбку твою". I. 405
Великой Княгинѣ Елисаветѣ Маврикіевнѣ. „Людскія такъ грубы слова". I. 404
Великой Княгинѣ Елисаветѣ Маврикіевнѣ. Она. „Двѣ незабудки, два сапфира". I 403
Великому Князю Константину Константиновичу и Великой Княгинѣ Елисаветѣ Маврикіевнѣ. „Давно познавъ, какъ ранятъ больно". I 402
Великому Князю Константину Константиновичу и Великой Княгинѣ Елисаветѣ Маврикіевнѣ. „Когда дыханье множитъ муки". I 410
Великому Князю Константину Константиновичу и Великой Княгинѣ Елисаветѣ Маврикіевнѣ. „Сердце желаніемъ встрѣчи томимо". I 404
Великому Князю Константину Константиновичу. „Когда колеблемъ треволненьемъ". I 406
Великому Князю Константину Константиновичу. „Не сѣтуй, будто бы увяла". I 408
Великому Князю Константину Константиновичу. „Предъ вами правда несомнѣнно". I 405
Великому Князю Константину Константиновичу. „Пѣвцамъ, высокое намъ мило". I 399
Великому Князю Константину Константиновичу. „Сплываютъ ледяные своды". I 400
Великому Князю Константину Константиновичу. „Трепетный факелъ,—съ вечернимъ мерцаніемъ". I. 402
Венера Милосская. „И цѣломудренно и смѣло". I 155
Венеція ночью. „Всплески водъ сверкаютъ ярко". I 256

стр.

„Веселись, о, сердце-птичка“. Изъ Гафиза. II 197
„Весеннее небо глядится...“ I. 332
Весенній дождь. „Еще свѣтло,—передъ окномъ“. I 291
„Весеннихъ чувствъ не должно вспоминать“. II 177
Весеннія мысли. „Снова птицы летятъ издалека“. I 288
Весенняя пѣснь. „Уснули метели“. II 129
„Весна и ночь покрыли долъ...“ I 60
Весна на дворѣ. „Какъ дышитъ грудь свѣжо и ёмко“. I . . . 285
Весна на югѣ. „Ночью мѣсяцъ, полонъ блеска“. I. 290
„Весь вешній день среди стремленья“. I. 369
„Весь переѣздъ забавою“. Экспромптъ. II 178
Вечерній звонъ. Памяти Козлова. „Мечтанье было то, иль сонъ“. II 164
Вечерній садъ. „Не бойся вечерняго сада“ II. 111
Вечеромъ, Степь. „Клубятся тучи, млѣя въ блескѣ аломъ“. I . 217
Вечеръ. Изъ Шиллера. „Богъ лучезарный, спустись! Жаждутъ долины“. II 328
Вечеръ. „Прозвучало надъ ясной рѣкою“. I 254
Вечеръ у взморья. „Засверкалъ огонь зарницы“. I. 255
„Взводъ впередъ, справа по три, не плачь!“ На смерть Бражникова. I. 148
Вздохъ. „Быть-можетъ, все оставило поэта“. II 160
Взморья, Вечеръ у. „Засверкалъ огонь зарницы“. I. 255
„Видишь—мы теперь свободны“. Свобода и неволя. I 357
Видѣніе. „Не ночью, не лживо“. I 324
„Вижу, снова небо тмится...“ II 91
„Виноватъ ли я, что долго мѣсяцъ“. II 92
Viardot, Къ фотографической карточкѣ M-lle. „Послушный снимокъ съ идеала“. I 450
„Владычица Сіона, предъ Тобою“. I 348
„Влажное ложе покинувши, Фебъ златокудрый направилъ...“ I. 172
„Влачась въ бездѣйствіи лѣнивомъ...“ I 128
Водопадъ. „Тамъ, какъ сраженный“. I 173
„Воздушной, дѣтскою и ясной“. Л. И. Офросимовой. I. . . . 416
Воздушный городъ. „Вонъ тамъ по зарѣ растянулся“. I . . . 299
Волна. „Вчера разстались мы съ тобой“. I. 253
Вольный соколъ. „Не вскормленъ ты пищей нѣжной“. I. . 75
„Вонъ тамъ по зарѣ растянулся“. Воздушный городъ. I . . . 299
Воротъ. „Спать пора! Свѣча сгорѣла“. I. 388
Во снѣ. „Какъ вешній день, твой ликъ приснился снова“. I . 328
„Во снѣ я милую видѣлъ“. Изъ Гейне. II 205
Восточный мотивъ. „Съ чѣмъ насъ сравнить съ тобою, другъ прелестный?“ I 451
Восточнымъ стихотворцамъ подражаніе. „Вселенной цѣлой потерявъ владѣнье“. II 357
„Вотъ груди—жаркій пухъ, вотъ взоры — звѣзды ночи“. Одалиска. II 153
„Вотъ и лѣтніе дни убавляются...“ I 269
„Вотъ наша книжка въ толстомъ томѣ“. Гр. А. В. Олсуфьеву. I. 441

стр.

„Вотъ нашъ патентъ на благородство“. На книжкѣ стихотвореній Тютчева. I. 97
„Вотъ снова ночь съ своей тоской безсонной...“ I 344
„Вотъ спасибо, мой дружокъ“. А. П. Боткиной. II 93
„Вотъ съ избушкой я прощаюсь“. Прекрасная ночь. Изъ Гёте. I. 229
„Вотъ сынъ Ея, Онъ — тайна Іеговы“. Къ Сикстинской Мадоннѣ. I 318
„Вотъ утро сѣвера, сонливое, скупое...“ I. 276
„Во Францію два гренадера пошли“. Изъ Гейне. Два гренадера. II 359
„Все вокругъ и пестро такъ и шумно...“ I. 302
„Все, все мое, что есть и прежде было“. I. 85
„Все дождь и дождь, и солнце ликъ свой прячетъ“. А. А. Тимирязеву. I. 435
„Все, какъ бывало, веселый, счастливый...“ I. 334
„Вселенной цѣлой потерявъ владѣнье“. Подражаніе восточнымъ стихотворцамъ. II. 357
„Все нѣжитъ взоры“. Майская пѣсня. Изъ Гёте. II. 378
„Все стремлюсь къ тебѣ мечтою“. Графу Л. Н. Толстому. I. . 421
„Все тучки, тучки,—а кругомъ“. Нежданный дождь. I. . . . 70
„Все, что волшебно такъ манило...“ I. 136
„Всплески водъ сверкаютъ ярко“. Венеція ночью. I 256
„Всплываю на просторъ сухого океана“. Изъ Мицкевича. II . 304
„Вспорхнулъ твой вѣтренникъ, ужъ нѣтъ его съ тобою!“ Утѣшеніе. II. 151
„Встаетъ мой день, какъ труженикъ убогій...“ I 111
„Всталъ я рано надъ горой“. Мѣсяцъ и роза. II. 21
„Встрѣчу ль яркую въ небѣ зарю...“ I 309
„Всю жизнь душа моя алкала“. Королевѣ Эллиновъ Ольгѣ Константиновнѣ. I. 399
„Всю ночь гремѣлъ оврагъ сосѣдній...“ I 383
„Второй бригады изъ-за фронта“. Гр. А. В. Олсуфьеву. I . . 440
„Вчера землѣ довѣрилъ я“. Къ молодому дубу. I. 450
„Вчера златокудрявый“. Двѣ розы. II. 115
Вчера и сегодня. „Вчера, при блескѣ свѣчъ, въ двѣнадцатомъ часу“. II. 93
„Вчера, при блескѣ свѣчъ, въ двѣнадцатомъ часу“. Вчера и сегодня. II 93
„Вчера разстались мы съ тобой“. Волна. I. 253
„Вчера, увѣнчана душистыми цвѣтами...“ I. 196
„Вчера—ужъ солнце рдѣло низко“. Георгины. I 232
„Вчерашній вечеръ помню живо...“ I. 207
„Вчера я шелъ по залѣ освѣщенной...“ I 334
Въ альбомъ А. Я. Марченко. „Стихомъ простымъ, стихомъ случайнымъ“. II 134
Въ альбомъ Козлову. „Тому, что было, не бывать“. I 451
Въ альбомъ. Къ Офеліи. „Я васъ разсматривалъ украдкой“. I. 350
Въ альбомъ М. П. Боткиной. „Побѣда! Безоружна злоба!“ I. . 453
Въ альбомъ А. Я. Полонской. „Стихи мои въ ряду другихъ“ . 452

стр.

Въ альбомъ. „Пусть геній прошлаго съ улыбкой“. II 153
„Въ благословенный день, когда стремлюсь душою...“ I . . . 112
„Въ вечеръ такой золотистый и ясный“. На распутьѣ. I . . 241
„Въ день позавидуешь разъ сô сто...“ I 455
„Въ доброй вѣсти, нѣжный другъ, не откажи!“ Изъ Гафиза. II. 199
„Въ долгія ночи, какъ вѣжды на сонъ не сомкнуты...“ I. . . 345
„Въ душѣ, измученной годами...“ I. 117
„Въ дымкѣ-невидимкѣ...“ I. 312
„Въ златомъ сіяніи лампады полусонной...“ I 183
Въ колыбели, Дитя. Изъ Шиллера. „Крошка-счастливецъ, теперь для тебя колыбель безгранична“. II. 329
Въ лунномъ сіяніи. „Выйдемъ съ тобой побродить“. I. . . . 244
„Въ лѣса безлюдной стороны“. I. 328
Въ лѣсу, Свиданіе. „Ты ль это? Такъ поздно?“—„Я сбился въ потемкахъ съ дороги“. II 128
Въ лѣсу, Хижина. „На лѣсъ насунулися тучи“. II 109
„Въ минувшемъ жизнь твоя богата“. Я. П. Полонскому. I . . 452
„Въ мірѣ, гдѣ радостей нѣтъ, Эпикуръ говоритъ: наслаждайся“ Странность. II 151
„Въ моемъ саду, въ тѣни густыхъ аллей“. Мой садъ. II . . . 148
„Въ молодые тоже годы“. Изъ Гейне. II. 206
„Въ небесахъ летаютъ тучи...“ II 93
„Въ обширномъ саду, непещренномъ живыми цвѣтами“. На смерть юной дѣвы. II 155
Въ половодье, На Днѣпрѣ. А. Я. Панаевой. „Свѣтало. Вѣтеръ гнулъ упругое стекло“. I 216
„Въ полуночной тиши безсонницы моей...“ I 343
„Въ пору любви, мечты, свободы...“ I 203
„Въ пѣнѣ несется потокъ...“ I 85
„Въ рукѣ съ тамбуриномъ, въ глазахъ съ упоеньемъ...“ II . 94
Въ саду. „Привѣтствую тебя, мой добрый, старый садъ“. I . . 200
„Въ Сардахъ пиръ. Дворецъ раскрылъ подвалы“. Крезъ. II. . 11
„Въ смущенный умъ, не свяжешь взглядомъ“. Гр. А. А. Олсуфьевой. I 444
„Въ степной глуши, надъ влагой молчаливой...“ I 360
„Въ страданьи блаженства стою предъ тобою...“ I 315
„Въ стѣнахъ, куда внесла Паллада“. Королевѣ Эллиновъ Ольгѣ Константиновнѣ. I 397
„Въ твоей Пустынькѣ подгородной“. Гр. А. К. Толстому. I . . 83
„Въ темнотѣ на треножникѣ яркомъ...“ I 261
„Въ тиши и мракѣ таинственной ночи...“ I. 111
„Въ тѣ дни, какъ божествамъ для происковъ влюбленныхъ...“ II. 94
„Въ уединеніи забудусь ли порою“. Неотразимый образъ. I. . 382
„Въ царство розы и вина—приди“. Изъ Гафиза. II. 197
„Въ часъ вечерній, лишь стихаетъ“. Изъ Лонгфелло. II . . . 179
„Въ часы забавъ, во дни пировъ“. На бракосочетаніе Е. Д. и К. Г. Дункеръ. I 431
Въ честь И. С. Тургенева, Спичъ. „Поднять бокалъ въ честь дружнаго союза“. II. 178

стр.

„Выйдемъ съ тобой побродить“. Въ лунномъ сіяніи. I 244
„Выйди, мать, наружу, посмотри на диво...“ Пѣсни кавказскихъ горцевъ. II 356
Высь, Горная. „Превыше тучъ, покинувъ горы“. I 73
Вѣкъ, Золотой. „Я посѣщалъ тотъ край обѣтованный“ I. . . 152
„Вѣтеръ злой, вѣтръ крутой въ полѣ“. I 281
„Вѣтеръ нѣжный, окрыленный“. Изъ Гафиза. II 193
„Вѣчный хмель мнѣ не отрада...“ I 129
Гарема, Похищеніе изъ. „Кто въ ночи при лунѣ открываетъ окно?“ II. 138
Гарцъ, Зимняя поѣздка на. Изъ Гёте. „Съ коршуномъ сходно“. II. 232
„Гаснетъ заря,—въ забытьѣ, въ полуснѣ...“ I 363
„Гафизъ убитъ. А что его убило“. Изъ Гафиза. II . . . 203
„Гдѣ нимфа рѣзвая, покинувъ горный токъ“. Споръ. II 96
„Гдѣ, средь иного поколѣнья“. Гр. С. А. Толстой. I. 134
„Гдѣ сѣверъ,—я знаю!..“ I 298
Георгины. „Вчера—ужъ солнце рдѣло низко“. I 232
Германъ и Доротея. Изъ Гёте. II. 243
Геро и Леандръ. „Блѣденъ ликъ твой, блѣденъ, дѣва!“ I . . . 164
„Геройскихъ лѣтъ поклонникъ жадный“. Ѳ. Е. Коршу. I. 440
„Гіацинтъ твоихъ кудрей“. Изъ Гафиза II 200
„Глубь небесъ опять ясна...“ I 282
„Глупый перепелъ, гляди-ка“. Перепелъ. I. 429
„Гляжу на васъ я, умница моя“. Студентъ. С. Н. Хитрово. II . 59
„Гляжу съ обычнымъ умиленьемъ“. Л. Н. Офросимовой. I . . 442
„Говорили въ древнемъ Римѣ...“ I 68
„Говорятъ, мой голосъ звонокъ“. Пѣснь пажа. I . . 381
Голицыной, Княгинѣ С. Н. „Когда надежды упорхнули“. I . . 454
Горная высь. „Превыше тучъ, покинувъ горы“. I 73
Горная идиллія. Изъ Гейне. „На горѣ стоитъ избушка“. II . . 224
Горное ущелье. „За лѣсомъ лѣсъ, и за горами горы“. I . . 222
Горный ключъ. Къ Офеліи. „Съ камня на камень висящій“. II 104
Городъ, Воздушный. „Вонъ тамъ по зарѣ растянулся“. I . . . 299
Горцевъ, Пѣсни кавказскихъ. II 356
Горы. „Стою у каменной стремнины“. II. 125
„Горѣлъ напрасно я душой“. Ракета. I 119
Горячій ключъ. „Помнишь тотъ горячій ключъ?“ I 229
Границы человѣчества. Изъ Гёте. „Когда стародавній“. II . 230
Грезы. „Мнѣ снился сонъ, что сплю я непробудно“. I. . . . 142
Гренадера, Два. Изъ Гейне. „Во Францію два гренадера пошли“. II 359
Греціи, Боги. Изъ Шиллера. „Какъ еще вы правили вселенной“. II. 324
Греція. „Тамъ, подъ оливами, близъ шумнаго каскада“. I . . 151
„Грозныя тѣни ночей“. Изъ Гафиза. II 198
Группа Ставассера. Нимфа и молодой сатиръ. „Постой хотя на мигъ! О камень или пень“. I 159
„Густая крапива“. Узникъ. I 377
„Давно въ любви отрады мало...“ I 136
„Давно,—въ порѣ ребяческой твоей“. Превращенья. I. . . . 372

Стр.
„Давно забытыя, подъ легкимъ слоемъ пыли“. Старыя письма I. 198
„Давно ль на шутки вызывала...“ I 368
„Давно ль подъ волшебные звуки...“ I. 307
„Давно познавъ, какъ ранятъ больно“. Великому Князю Константину Константиновичу и Великой Княгинѣ Елисаветѣ Маврикіевнѣ. I 402
„Дай-ка нянѣ ручки-крошки“. Бѣдный мальчикъ. I. 392
„Дай руку мнѣ, дай руку, пери злая...“ I 427
Даки „Вблизи семи холмовъ, гдѣ такъ невыразимо“. I . . . 157
„Далекій другъ, пойми мои рыданья“. А. Л. Бржесской. I . . 132
Данилевскаго, Памяти Н. Я. „Если жить суждено, и на свѣтъ не родиться нельзя“. I. 68
„Дано тебѣ и мнѣ“. Изъ Гафиза. II 192
„Да, ты несчастна—и мой гнѣвъ угасъ“. Изъ Гейне. II. . . . 206
„Да, я не Пиндаръ: мнѣ страшнѣй“. П. Ѳ. Офросимову. I . . 438
Два гренадера. Изъ Гейне. „Во Францію два гренадера пошли“ II 359
„Два міра властвуютъ отъ вѣка“. Добро и зло. I. 69
Дворѣ, Весна на. „Какъ дышитъ грудь свѣжо и ёмко“. I . . 285
Двѣ липки. И. С. Тургеневу „Близъ рощи, на пригоркѣ, сѣрый домъ“ II 46
„Двѣ незабудки, два сапфира“. Она. Великой Княгинѣ Елисаветѣ Маврикіевнѣ. I. 403
Двѣ розы. „Вчера златокудрявый“. II. 145
Девятое марта 1863 года. „Какой восторгъ! Ужъ прилетѣли“. I. 286
„День искупительнаго чуда“. 1 марта 1881 года. I. 397
День, Ночь и. „Мила мнѣ ночь, когда въ невѣрной тьмѣ“. II . 163
„День проснется, и рѣчи людскія..“ I. 114
Деревня „Люблю я пріютъ вашъ печальный“. I 228
„Десять языковъ лилеи“. Изъ Гафиза. II. 192
Дитя въ колыбели. Изъ Шиллера „Крошка-счастливецъ, теперь для тебя колыбель безгранична“. II 329
„Дитя, мои пѣсни далеко“. Изъ Гейне. II 207
„Дитя, мы дѣтьми еще были“. Изъ Гейне. II 208
„Дитя, покорное любви...“ I 206
Диѳирамбъ. Изъ Шиллера. „Боги всегда къ намъ на землю приходятъ“. II 329
Діана. „Богини дѣвственной округлыя черты“. I. 156
Діана, Эндиміонъ и Сатиръ. Картина Брюллова „У звучнаго ключа какъ сладокъ первый сонъ“. I 160
„Днемъ ли или вечеромъ“. Къ жаворонку. II 97
Днѣпрѣ въ половодье, На. А. Я Панаевой. „Свѣтало Вѣтеръ гнулъ упругое стекло“. I. 216
Добро и зло. „Два міра властвуютъ отъ вѣка“. I. 69
„Доволенъ я, на днѣ моей души...“ II 167
Дождливое лѣто. „Ни тучки нѣтъ на небосклонѣ“. I 269
Дождь, Весенній. „Еще свѣтло,—передъ окномъ“. I. 291
Дождь, Нежданный. „Все тучки, тучки,—а кругомъ“. I. . . . 70
Дозоръ. Изъ Мицкевича „Отъ садоваго входа впопыхахъ воевода“. II 367

стр.
„Долго еще прогоритъ Веспера скромная лампа...“ I 184
„Долго ль впивать мнѣ мерцаніе ваше“. Угаснимъ звѣздамъ. I. 62
„Долго снились мнѣ вопли рыданій твоихъ...“ I 108
Дорогѣ, На желѣзной. „Морозъ и ночь надъ далью снѣжной“. I 225
Другу. „Когда въ груди твоей страданье“. I 205
„Другъ вѣковъ, повѣренный преданій...“ Курганъ. II 20
„Другъ мой, безсильны слова,—одни поцѣлуи всесильны!..“ I. 169
„Другъ мой, я сегодня боленъ“. Хандра, III. I. 273
„Другъ, о чемъ ты все тоскуешь?“ Невозвратное. II 159
Дружинина, На смерть А. В. „Умолкъ твой голосъ навсегда“. I 78
„Друзья, какъ онъ хорошъ за чашею вина!“ Къ юношѣ. I . . 180
Дубу, Къ молодому. „Вчера землѣ довѣрилъ я“. I 150
Дубъ, Одинокій. „Смотри,—синѣя другъ за другомъ“. I . . . 234
„Дулъ сѣверъ, плакала трава...“ I. 130
Думы, Ночныя. Изъ Гёте. „Какъ вы жалки мнѣ, бѣдняжки-звѣзды“. II 379
Дункеръ. Е. Д. „Если захочешь ты душу мою разгадать“. I . 106
Дункеръ, Е. Д. „Ихъ вмѣстѣ видя и, къ тому же“. II 98
Дункеръ, Е. Д. „Хвалить я браковъ не умѣю“. I. 431
Дункеръ, На бракосочетаніе Е. Д. и К. Г. „Въ часы забавъ, во дни пировъ“. I 131
„Дѣва, не спрашивай!“ Художникъ къ дѣвѣ. II. 156
„Дѣвой слово назовемъ“. Изъ Гёте. II. 187
Дѣвушка, Покинутая. Изъ Мерике. „Чуть пѣтухи кричатъ“. II. 369
Дѣвы, На смерть юной. „Въ обширномъ саду, испещренномъ живыми цвѣтами“. II 155
Дѣвѣ, Художникъ къ. „Дѣва, не спрашивай“. II 156
„Дѣдушка, это звѣзда не такая“. Комета. I. 390
„Дѣти солнечнаго всхода“. Изъ Шиллера. Къ цвѣтамъ. II . . 330
Дюпонъ и Дюранъ. Изъ Мюссе. „О, тѣни праотцевъ, какъ я тоской томимъ!“ II 307
Ego, Alter. „Какъ лилея глядится въ нагорный ручей“. I. . . 108
„Его томилъ недугъ. Тяжелый зной печей“. Больной. I . . . 378
„Ежели осень наноситъ“. Изъ Гафиза. II 200
Echoes, The. „Та же звѣздочка на небѣ“. II 127
Елисаветѣ Маврикіевнѣ, Великой Княгинѣ. Къ ней. „Кто постигнетъ улыбку твою“. I 405
Елисаветѣ Маврикіевнѣ, Великой Княгинѣ. „Людскія такъ грубы слова“. I 404
Елисаветѣ Маврикіевнѣ, Великой Княгинѣ. Она. „двѣ незабудки, два сапфира“. I 403
Елисаветѣ Маврикіевнѣ, Великому Князю Константину Константиновичу и Великой Княгинѣ. „Давно познавъ, какъ ранятъ больно“. I 402
Елисаветѣ Маврикіевнѣ, Великой Княгинѣ и Великому Князю Константину Константиновичу. „Когда дыханье множитъ муки“. I 410
Елисаветѣ Маврикіевнѣ, Великой Княгинѣ и Великому Князю

стр

Константину Константиновичу. „Сердце желаніемъ встрѣчи томимо“. I 404
„Ель рукавомъ мнѣ тропинку завѣсила...“ I 221
„Если бъ въ сердцѣ тебя я не грѣлъ, не ласкалъ...“ I . . . 370
„Если вдругъ, безъ видимыхъ причинъ“. Изъ Гафиза. II. . . 191
„Если жить суждено, и на свѣтъ не родиться нельзя“. Памяти Н. Я. Данилевскаго. I 68
„Если захочешь ты душу мою разгадать“. Е. Д. Дункеръ. I . 106
„Если зимнее небо звѣздами горитъ...“ I. 325
„Если радуетъ утро тебя...“ I. 88
„Если ты любишь, какъ я, безконечно...“ I. 364
„Если ты меня разлюбишь“. Изъ Рюккерта. II. 316
„Есть ночи зимней блескъ и сила...“ I 282
„Еще акація одна..“ I 246
„Еще весна. Какъ будто неземной“. I. 294
„Еще весны душистой нѣга“. I 285
„Еще вчера, на солнцѣ млѣя...“ I 276
„Еще, еще! Ахъ, сердце слышитъ...“ I 287
„Еще люблю, еще томлюсь..“ I 131
Еще майская ночь. „Какая ночь! На всемъ какая нѣга!..“ I. . 293
„Еще одно забывчивое слово.“ I 131
„Еще свѣтло,—передъ окномъ“. Весенній дождь. I 291
„Ея не знаетъ свѣтъ, она еще ребенокъ...“ I 179
Жаворонку, Къ. „Днемъ ли или вечеромъ“. II 97
Жалоба, Утренняя. Изъ Гете. „О, скажи мнѣ, милая рѣзвушка“. II 382
„Жди яснаго на завтра дня...“ I. 254
„Жду я, тревогой объятъ...“ I. 309
„Желаю Олѣ“. 1881 года, 11 іюля. I 392
„Желтѣетъ древесная зелень. Изъ Гейне“. II 209
Желѣзной дорогѣ, На. „Морозъ и ночь надъ далью снѣжной“. I. 225
Жизнь, Новая любовь—новая. Изъ Гёте. „Сердце, сердце, что такое“. II 241
„Жизнь пронеслась безъ явнаго слѣда...“ I. 137
„Забудь меня, безумецъ изступленный...“ I. 123
„Забыть, — ахъ, въ мигъ забыть бы!“ Изъ Каролины фонъ-Гелль. II. 361
„За вздохомъ утреннимъ мороза“. Сентябрьская роза. I . . . 233
„Завтра—я не различаю...“ I. 363
„За горами, песками, морями...“ I 383
„Задрожали листы, облетая...“ I. 387
„Заиграли на роялѣ..“ I 101
„За кормою струйки вьются...“ I 339
„За красавицу-сосѣдку...“ II 98
Заливъ, Морской. „Третью ужъ ночь вотъ на этомъ холмѣ за оврагомъ“. I 257
„За лѣсомъ лѣсъ, и за горами горы“. Горное ущелье. I . . . 222
Замокъ Рауфенбахъ. „На гранитъ ступаетъ твердо“. II. . . . 139
„Запретили тебѣ выходить...“ I 89

стр.

„Заря восточный свой алтарь". Погода. I 223
„Заря прощается съ землею..." I 61
„Засверкалъ огонь зарницы". Вечеръ у взморья. I . . . 255
Застольная пѣсня. „Фіалъ кипитъ янтарной Ипокреной". II. . 131
„Зачѣмъ, какъ газель". Вакханка. II 158
„Зачѣмъ я влюбился въ тебя, дорогая!" Изъ Гольдшмита. II . 361
Звонъ, Вечерній. Памяти Козлова. „Мечтанье было то, иль сонъ?" II. 164
Звѣздамъ, Угаснимъ. „Долго ль впивать мнѣ мерцанье ваше". I. 62
„Звѣзда полуночи дугой золотою скатилась". Изъ Гафиза. II . 189
„Звѣзда сіяла на Востокѣ". Королевѣ Эллиновъ Ольгѣ Константиновнѣ. I 401
Звѣздъ, Среди. „Пусть мчитесь вы, какъ я, покорны мигу". I. 264
Звѣзды, Море и. „На море ночное мы оба глядѣли". I . . . 265
Звѣзды. „Отчего всѣ звѣзды стали". I 263
„Здравствуй! Тысячу разъ мой привѣтъ тебѣ, ночь!" I . . 188
„Здѣсь Архилохъ опочилъ. Его въ безпощадные ямбы". Архилохъ. II 358
Зевесъ „Шумъ и гамъ. Хохочутъ дѣвы". I. . . 165
„Зеркало въ зеркало, съ трепетнымъ лепетомъ..." I . . 317
Зимняя поѣздка на Гарцъ. Изъ Гёте. „Съ коршуномъ сходно". II. 232
„Злая пѣснь, какъ больно возмутила". Романсъ. I 341
Зло, Добро и. „Два міра властвуютъ отъ вѣка". I 69
„Злой дельфинъ, ты просишь ходу". Пароходъ. I 226
Змѣй. „Чуть вечернею росою". II. 17
Знакомкѣ съ юга. „На сѣверъ грустный съ пламеннаго юга". I. 249
„Знаю, зачѣмъ ты, ребенокъ больной..." I 367
„Знаю я, что ты, малютка..." I 278
Зной. „Что за зной! Даже тутъ подъ вѣтвями" I . . . 223
Золотой вѣкъ. „Я посѣщалъ тотъ вѣкъ обѣтованный". I . . . 152
„Зрѣетъ рожь надъ жаркой нивой..." I 268
Ива. „Сядемъ здѣсь, у этой ивы". I 236
„И вотъ письмо. Онъ въ немъ не пишетъ..." II 98
„И вотъ портретъ! И схоже - и несхоже". Къ портрету графини С. А. Толстой. I 449
Ивы и березы. „Березы сѣвера мнѣ милы". I. . . 235 и II, 174
„Игривый плескъ въ рѣкѣ меня остановилъ". Купальщица. I. 239
Идилліи XVI Біона, Подражаніе. „Прекрасная звѣзда Венеры свѣтлоокой". I. 182
Идиллія, Горная. Изъ Гейне. „На горѣ стоитъ избушка". II. . 224
„И если ты будешь моею женой". Изъ Гейне. II 360
„Измученъ жизнью, коварствомъ надежды..." I. 57
Изъ Анакреона. „Сядь, Ваѳиллъ, въ тѣни отрадной". II. . . . 358
Изъ Байрона. „О, солнце глазъ безсонныхъ,—звѣздный лучъ". II. 185
Изъ Беранже. Послѣдняя пѣснь. „О, Франція, мой часъ насталъ: я умираю". II. 186
Изъ гарема, Похищеніе. „Кто въ ночи при лунѣ открываетъ окно". II. 138
Изъ Гафиза. „Ахъ, какъ сладко, сладко дышитъ". II 198

Стр.
Изъ Гафиза. „Веселись, о, сердце-птичка“. II 197
Изъ Гафиза. „Въ доброй вѣсти, нѣжный другъ, не откажи“. II. 199
Изъ Гафиза. „Въ царство розы и вина—приди“. II. 197
Изъ Гафиза. „Вѣтеръ нѣжный, окрыленный“. II. 193
Изъ Гафиза „Гафизъ убитъ. А что его убило?“ II 203
Изъ Гафиза. „Гіацинтъ твоихъ кудрей“. II 200
Изъ Гафиза „Грозныя тѣни ночей“. II 198
Изъ Гафиза. „Дано тебѣ и мнѣ“. II. 192
Изъ Гафиза. „Десять языковъ лилеи“. II. 192
Изъ Гафиза. „Ежели осень наноситъ“. II. 200
Изъ Гафиза „Если вдругъ, безъ видимыхъ причинъ“. II. . . 191
Изъ Гафиза „Звѣзда полуночи дугой скатилась“. II. 189
Изъ Гафиза. „Книгу мудрую берешь ты“. II 195
Изъ Гафиза „Мы, Шемзеддинъ со чадами своими“. II. . . . 190
Изъ Гафиза „Не будь, о, богословъ, такъ строгъ“. II. 202
Изъ Гафиза. „О, если бы озеромъ былъ я ночнымъ“. II . . . 189
Изъ Гафиза. „О, какъ подобенъ я—смотри!..“ II. 192
Изъ Гафиза. „О помыслахъ Гафиза“. II. 201
Изъ Гафиза. „Падетъ ли взоръ твой гордый“. II. 194
Изъ Гафиза „Предавъ себя судьбамъ на произволъ“. II . . . 198
Изъ Гафиза „Пусть, насколько хватитъ силъ“. II. 196
Изъ Гафиза. „Сошло дыханье свыше“. II 201
Изъ Гафиза. „Твой вѣчно, неизмѣнно“. II. 200
Изъ Гафиза. „Ты въ мозгу моемъ убогомъ“. II. 195
Изъ Гафиза „Ужъ если все отъ вѣка рѣшено“. II 201
Изъ Гафиза. „Я былъ пустынною страной“. II. 191
Изъ Гейне. „Ахъ, опять все тѣ же глазки“. II. 204
Изъ Гейне. „Будто на нивѣ колосья“. Эпилогъ. II. 228
Изъ Гейне. „Во снѣ я милую видѣлъ“. II. 205
Изъ Гейне. „Во Францію два гренадера пошли“. Два гренадера. II. 359
Изъ Гейне. „Въ молодые тоже годы“. II. 206
Изъ Гейне. Горная идиллія. „На горѣ стоитъ избушка“. II . . 224
Изъ Гейне. „Да, ты несчастна,—и мой гнѣвъ угасъ“. II . . . 206
Изъ Гейне. Два гренадера. „Во Францію два гренадера пошли“. II. 359
Изъ Гейне. „Дитя, мои пѣсни далеко“. II 207
Изъ Гейне. „Дитя, мы дѣтьми еще были“. II 208
Изъ Гейне. „Желтѣетъ древесная зелень“. II 209
Изъ Гейне. „И если ты будешь моею женой“. II. 360
Изъ Гейне. „Изъ слезъ моихъ родится“. II 210
Изъ Гейне. „Какъ изъ пѣны водъ рожденная“. II 210
Изъ Гейне. „Какъ луна, свѣтя во мракѣ“. II 211
Изъ Гейне. „Какъ цвѣтъ, ты чиста и прекрасна“. II 211
Изъ Гейне. „Когда на дорогѣ, случайно“. II 212
Изъ Гейне. „Когда я про горе свое говорилъ“. II. 212
Изъ Гейне. „Красавица-рыбачка“. II 213
Изъ Гейне. „Ланитой къ ланитѣ моей прикоснись“. II. . . . 213
Изъ Гейне. „Лилеею, розой, голубкой, денницей“. II. 213
Изъ Гейне. „Мой другъ, мы съ тобою сидѣли“. II. 214

стр.
Изъ Гейне. „На блѣдномъ ты лицѣ моемъ“. II. 360
Изъ Гейне. „На горѣ стоитъ избушка“. Горная идиллія. II . 224
Изъ Гейне. „На сѣверѣ кедръ одинокій“. II. 214
Изъ Гейне. „Не глумись надъ чортомъ, смертный“. II. . . . 214
Изъ Гейне. „Нисходятъ во гробъ поколѣнья“. II. 215
Изъ Гейне. „Они любили другъ друга“. II 215
Изъ Гейне. „По бульварамъ Саламанки“. II. 215
Изъ Гейне. Посейдонъ. „Солнце лучами играло“. II. 226
Изъ Гейне. „Слышу ли пѣсенки звуки“. II. 216
Изъ Гейне. „Солнце лучами играло“. Посейдонъ. II. 226
Изъ Гейне. „Съ порога рыбачьей избушки“. II 217
Изъ Гейне. „Твои пылаютъ щечки“. II 218
Изъ Гейне. „Томный звонъ въ груди моей“. II 218
Изъ Гейне. „Трубятъ голубые гусары“. II 218
Изъ Гейне. „Ты вся въ жемчугахъ и алмазахъ“. II . . . 219
Изъ Гейне. „Ужъ вечеръ надвинуться хочетъ“. II 220
Изъ Гейне. „Хотѣлъ я съ тобою остаться“. II 221
Изъ Гейне. „Цвѣтовъ подбавила весна“. II 222
Изъ Гейне. Эпилогъ. „Будто на нивѣ колосья“. II . . . 228
Изъ Гейне. „Я не ропщу,—пусть сердце и въ огнѣ“. II . . 222
Изъ Гейне. „Я плакалъ во снѣ. Мнѣ приснилось“. II . . . 223
Изъ Гейне. „Я цѣлый день изнемогаю“. II 223
Изъ Гёте. „Вотъ съ избушкой я прощаюсь“. Прекрасная ночь. II. 229
Изъ Гёте. „Все нѣжитъ взоры“. Майская ночь. II 378
Изъ Гёте. Германъ и Доротея. II 243
Изъ Гёте. Границы человѣчества. „Когда стародавній“. II . . 230
Изъ Гёте. „Дѣвой слово назовемъ“. II. 187
Изъ Гёте. Зимняя поѣздка на Гарцъ. „Съ коршуномъ сходно“. II. 232
Изъ Гёте. „И силу въ грудь и свѣжесть въ кровь“. На озерѣ. II. 235
Изъ Гёте. „Какъ вы жалки мнѣ, бѣдняжки звѣзды“. Ночныя думы. II 379
Изъ Гёте. „Когда стародавній“. Границы человѣчества. II . . 230
Изъ Гёте. „Кто воротитъ мнѣ дни блаженные“. Первая потеря. II. 379
Изъ Гёте. „Кто поздній верховый подъ вѣтромъ ночнымъ?“ Лѣсной царь. II 362
Изъ Гёте. „Куда жъ ты, прочь?“ Пажъ и мельничиха. II . . 236
Изъ Гёте. „Куда ты, свѣтлый ручеекъ“. Юноша и мельничный ручей. II. 238
Изъ Гёте. Лѣсной царь. „Кто поздній верховый подъ вѣтромъ ночнымъ?“ II 362
Изъ Гёте. Майская пѣсня. „Все нѣжитъ взоры“. II. . . . 378
Изъ Гёте. На озерѣ. „И силу въ грудь и свѣжесть въ кровь“. II. 235
Изъ Гёте. „Неслась волна, росла волна“. Рыбакъ. II 240
Изъ Гёте. Новая любовь—новая жизнь. „Сердце, сердце, что такое?“ II 241
Изъ Гёте. Ночная пѣсня путника. „Ты, что съ неба и вполнѣ“. II. 241
Изъ Гёте. Ночныя думы. „Какъ вы жалки мнѣ, бѣдняжки звѣзды“. II 379
Изъ Гёте. „О, скажи мнѣ, милая рѣзвушка“. Утренняя жалоба. II. 382

стр.

Изъ Гёте. Пажъ и мельничиха. „Куда жъ ты, прочь?“ II. . . 236
Изъ Гёте. Первая потеря. „Кто воротитъ мнѣ дни блаженные“. II. 379
Изъ Гёте. Прекрасная ночь. „Вотъ съ избушкой я прощаюсь“. II. 229
Изъ Гёте. Прекрасная ночь. „Оставляю домикъ милой“. II . . 173
Изъ Гёте. Пѣвецъ. „Я слышу пѣсню,—у воротъ...“ II 380
Изъ Гёте. Рыбакъ. „Неслась волна, росла волна“. II 240
Изъ Гёте. Самообольщеніе. „Сосѣдкинъ занавѣсъ въ окнѣ“. II. 242
Изъ Гёте. „Сердце, сердце,—что̀ такое?“ Новая любовь—новая жизнь. II. 241
Изъ Гёте. „Сосѣдкинъ занавѣсъ въ окнѣ“. Самообольщеніе. II. 242
Изъ Гёте. „Съ коршуномъ сходно“. Зимняя поѣздка на Гарцъ. II. 232
Изъ Гёте. „Ты, что̀ съ неба и вполнѣ“. Ночная пѣсня путника. II. 241
Изъ Гёте. Утренняя жалоба. „О, скажи мнѣ, милая рѣзвушка“. II. 382
Изъ Гёте. Юноша и мельничный ручей. „Куда ты, свѣтлый ручеекъ“. II 238
Изъ Гёте. „Я слышу пѣсню,—у воротъ...“ Пѣвецъ. II 380
Изъ Гольдшмита. „Зачѣмъ я влюбился въ тебя, дорогая“. II. . 361
„Изъ дебрей туманы несмѣло...“ I 224
Изъ Каролины фонъ-Гелль. „Забыть,—ахъ, въ мигъ забыть бы“. II. 361
Изъ Кернера. Москва. „Какъ высоки церквей златыя главы“. II. 303
Изъ Ламартина. Озеро. „Итакъ, всему конецъ! Къ таинственному брегу“. II 385
Изъ Ламартина. Призываніе. „О, ты, которая мнѣ въ душу заглянула“. II. 387
Изъ Лонгфелло. „Въ часъ вечерній, лишь стихаетъ“. II . . . 179
„Изъ мачтъ и паруса,—какъ честно̀ онъ служилъ“. Тургеневу. I. 215
Изъ Мерике. „Будь, Ѳеокритъ, о, прелестнѣйшій, мной упомянутъ съ хвалою“. Ѳеокритъ. II 306
Изъ Мерике. „Какъ красивъ на утренней зарѣ“. Пѣснь охотника. II 366
Изъ Мерике. Покинутая дѣвушка. „Чуть пѣтухи кричатъ“. II . 369
Изъ Мерике. Пѣснь охотника. „Какъ красивъ на утренней зарѣ“. II. 306
Изъ Мерике. „Чуть пѣтухи кричатъ“. Покинутая дѣвушка. II . 369
Изъ Мерике. Ѳеокритъ. „Будь, Ѳеокритъ, о, прелестнѣйшій, мной упомянутъ съ хвалою“. II 306
Изъ Мицкевича. „Всплываю на просторъ сухого океана“. II . 304
Изъ Мицкевича. Дозоръ. „Отъ садоваго входа впопыхахъ воевода“. II. 367
Изъ Мицкевича. „Кто этотъ юноша, скромный, прекрасный?“ Свитезянка. II. 363
Изъ Мицкевича. „О, милая дѣва, къ чему намъ, къ чему говорить?“ II 395
Изъ Мицкевича. „Отъ садоваго входа впопыхахъ воевода“. Дозоръ. II 367
Изъ Мицкевича. Свитезянка. „Кто этотъ юноша, скромный, прекрасный?“ II 363
Изъ Мура. „Прощай, Тереза! печальныя тучи“. II 369
Изъ Мюссе. Дюпонъ и Дюранъ. II 307

стр.

Изъ Мюссе. Элегія. „Когда я умру, надо мной“. II 370
Изъ Овидія. На смерть попугая. „Попка, восточный индіецъ, всему подражатель крылатый“. II 376
Изъ Овидія. Элегіи изъ книги любви:
1. „Славить доспѣхи и войны собирался я строгимъ размѣромъ“. II 372
2. „Что̀ бъ это значило? Все какъ будто жестка мнѣ постеля“. II. 373
3. „Солнце палило и только полуденный часъ миновало“. II . 375
Изъ Рюккерта. „Если ты меня разлюбишь“. II 316
Изъ Рюккерта. „И улыбки и угрозы“. II. 316
Изъ Рюккерта. „Какъ мнѣ рѣшить, о, другъ прелестный“. II . 316
Изъ Рюккерта. „Не хочу морозной я...“ II 317
Изъ Рюккерта. „Пусть бы люди про меня забыли“. II . . . 317
Изъ Рюккерта. „У моей возлюбленной есть украшенье“. II . . 318
Изъ Саади. „Обремененный славой міра“. II . . . 377
„Изъ слезъ моихъ много родится“. Изъ Гейне. II. 210
„Изъ смертныхъ, жизнью пресыщенныхъ“. А. Ѳ Бржесскому. I. 425
„Изъ тонкихъ лилій идеала...“ I. 368
Изъ Уланда. Бертранъ де-Борнъ. „На утесѣ томъ дымится“. II 319
Изъ Уланда. „На утесѣ томъ дымится“. Бертранъ де-Борнъ. II. 319
Изъ Шенье. „Ланиты у меня на солнцѣ загорѣли“. Лида. II. 321
Изъ Шенье. Лида. „Ланиты у меня на солнцѣ загорѣли“. II 321
Изъ Шенье. „Супругъ надменный козъ, лоснящійся отъ жиру“. II. 323
Изъ Шиллера. „Боги всегда къ намъ на землю приходятъ“. Диѳирамбъ II. 329
Изъ Шиллера. Боги Греціи. „Какъ еще вы правили вселенной“. II. 324
Изъ Шиллера. „Богъ лучезарный, спустись! Жаждутъ долины“. Вечеръ. II 328
Изъ Шиллера. Вечеръ. „Богъ лучезарный, спустись! Жаждутъ долины“. II. 328
Изъ Шиллера. Дитя въ колыбели. „Крошка-счастливецъ, теперь для тебя колыбель безгранична“. II 329
Изъ Шиллера. Диѳирамбъ. „Боги всегда къ намъ на землю приходятъ“. II 329
Изъ Шиллера. „Дѣти солнечнаго всхода“. Къ цвѣтамъ. II. . . 330
Изъ Шиллера. „Какъ еще вы правили вселенной“. Боги Греціи. II. 321
Изъ Шиллера. „Крошка-счастливецъ, теперь для тебя колыбель безгранична“. Дитя въ колыбели. II. 329
Изъ Шиллера. Къ цвѣтамъ. „Дѣти солнечнаго всхода“. II . . 330
Изъ Шиллера. Надежда. „Надѣются люди, мечтаютъ свой вѣкъ“. II. 384
Изъ Шиллера. „Надѣются люди, мечтаютъ свой вѣкъ“. Надежда. II. 384
Изъ Шиллера. Семела. II 331
„И опять въ полусвѣтѣ ночномъ“. На качеляхъ. I. 384
„И силу въ грудь и свѣжесть въ кровь“. Изъ Гёте. На озерѣ. II. 235
„Исполнилось твое пророческое слово“. Къ памятнику Пушкина. I. 417
„Истрепалися сосенъ мохнатыя вѣтви отъ бури...“ I. . . . 347
„Итакъ, всему конецъ! Къ таинственному брегу“. Озеро. Изъ Ламартина. II 385
Италія. „Италія, ты сердцу солгала!“ I 213

стр.

„И тихо и свѣтло. До сумерекъ далеко". Примѣты. I. 251
„И улыбки и угрозы". Изъ Рюккерта. II. 316
„Ихъ вмѣстѣ видя и, къ тому же". Е. Д. Дункеръ. II. . . . 98
„И цѣломудренно и смѣло". Венера Милосская. I 155
Іостъ, О. И. „Опять меня балуешь ты". I. 447
11 іюля 1881 года. „Желаю Олѣ". I 392
Кавказскихъ горцевъ, Пѣсни. II. 356
„Каждое чувство бываетъ понятнѣй мнѣ ночью, и каждый..." I. 185
„Какая горькая обида". Отъѣздъ. I. 206
„Какая грусть! Конецъ аллеи..." I. 64
„Какая ночь! Какъ воздухъ чистъ". I. 259
„Какая ночь! На всемъ какая нѣга!" Еще майская ночь. I. . 293
„Какая холодная осень..." II 99
„Какіе-то носятся звуки..." I 332
„Какое счастіе: и ночь, и мы одни..." I 195
„Какой восторгъ! Ужъ прилетѣли". 9 марта 1863 года. I . . 286
„Какой горячій пламень..." II. 99
„Какой тутъ дышитъ миръ! Какая славы тризна!" Севастопольское братское кладбище. I 76
„Какъ ангелъ неба безмятежный". Къ Офеліи. I. 351
„Какъ богатъ я въ безумныхъ стихахъ!.." I 92
„Какъ бѣденъ нашъ языкъ: хочу—и не могу..." I 89
„Какъ вешній день, твой ликъ приснился снова". Во снѣ. I. . 328
„Какъ вы жалки мнѣ, бѣдняжки-звѣзды". Изъ Гёте. Ночныя думы. II 379
„Какъ высоки церквей златыя главы". Москва. Изъ Кернера. II. 303
„Какъ геній ты, нежданный, статный". Къ Офеліи. I. 350
„Какъ грустны сумрачные дни". Осень. I. 270
„Какъ дышитъ грудь свѣжо и ёмко". Весна на дворѣ. I. . . 285
„Какъ еще вы правили вселенной". Изъ Шиллера. Боги Греціи. II. 324
„Какъ здѣсь свѣжо подъ липою густою..." I. 222
„Какъ идетъ къ вамъ чепчикъ новый". Къ Офеліи. II. . . . 103
„Какъ изъ пѣны водъ рожденная". Изъ Гейне. II 210
„Какъ красивъ на утренней зарѣ". Пѣснь охотника. Изъ Мерике. II 306
„Какъ лилея глядится въ нагорный ручей". Alter ego. I. . . 108
„Какъ луна, свѣтя во мракѣ". Изъ Гейне. II 211
„Какъ майскій голубоокій". Къ Офеліи. II 103
„Какъ много, Боже мой, за то бъ я отдалъ дней..." I 194
„Какъ мнѣ рѣшить, о, другъ мой прелестный". Изъ Рюккерта. II. 316
„Какъ мошки зарею..." I. 331
„Какъ на чертѣ полночной дали..." II 100
„Какъ нѣжишь ты, серебряная ночь..." I 243
„Какъ онъ прекрасенъ". Мой ангелъ. II. 176
„Какъ отрокъ зарею..." I 331
„Какъ первый золотистый лучъ". Туманное утро. I. 95
„Какъ привлечь къ себѣ вниманье". На юбилей А. Н. Майкова. I. 99
„Какъ солнце вешнее сіяя". 15 мая 1883 года. I. 398
„Какъ трудно повторять живую красоту". I. 92
„Какъ умъ къ ней идетъ, какъ къ ней чувство идетъ..." II. . 100

стр.

„Какъ хорошъ чуть мерцающимъ утромъ". Морской берегъ. I. 249
„Какъ цвѣтъ, ты чиста и прекрасна". Изъ Гейне. II 211
„Какъ эта ночь, ты радостно-свѣтла..." I. 243
„Какъ ярко полная луна..." I. 93
„Какъ ясность безоблачной ночи..." I 90
„Какъ ястребу, который просидѣлъ". Графу Л. Н. Толстому. I. 443
Калинсы, Телемакъ у. „Солнце низко легкой мглою". I . . . 162
„Каменъ нетлѣнныя созданья". Ѳ. Е. Коршу. I 441
Камина, У. „Тускнѣютъ угли въ полумракѣ". I 303
Каратѣеву П. Н., Посланіе. „На петербургскихъ плюнь злодѣевъ". II. 110
Картина Брюллова. Діана, Эндиміонъ и Сатиръ. „У звучнаго ключа какъ сладокъ первый сонъ!" I 160
Картинѣ, Къ. „Не говори, что счастливъ я". II 112
„Качаяся, звѣзды мигали лучами..." I. 266
Качеляхъ, На. „И опять въ полусвѣтѣ ночномъ". I 384
Quasi una fantasia. Е. М. Семенковичъ. „Сновидѣнье — пробужденье". I 113
„Кенкеты, и мраморъ, и бронза..." II 176
Китайскаго, Съ. Тѣнь. „Бания лежитъ". II. 355
Кладбище, Севастопольское братское. „Какой чуть дышитъ міръ! Какая славы тризна!" I 76
„Клубятся тучи, млѣя въ блескѣ аломъ". Степь вечеромъ. I . 217
Ключъ, Горный. Къ Офеліи. „Съ камня на камень висящій". II. 104
Ключъ, Горячій. „Помнишь тотъ горячій ключъ?" I. 229
Ключъ. „Межъ селеньемъ и рощей нагорной". I 114
„Кляните насъ: намъ дорога свобода..." I 83
„Книгу мудрую берешь ты". Изъ Гафиза. II 195
Книжкѣ стихотвореній Тютчева, На. „Вотъ нашъ патентъ на благородство". I 97
Княгинѣ С. Н. Голицыной. „Когда надежды упорхнули". I . . 454
Ковалевскому, Е. П. „Напрасно жизнь зовешь ты жалкою ошибкой". I. 75
„Когда Божественный бѣжалъ людскихъ рѣчей..." I 80
„Когда бъ въ полетѣ скоротечномъ..." I. 204
„Когда бъ дерзалъ, когда бъ я славилъ". Королевѣ Эллиновъ Ольгѣ Константиновнѣ. I. 401
„Когда вослѣдъ весеннихъ бурь..." I 283
„Когда въ груди твоей страданье". Другу. I. 205
„Когда дыханье множитъ муки". Великому Князю Константину Константиновичу и Великой Княгинѣ Елисаветѣ Маврикіевнѣ. I. 410
„Когда измученъ жаждой счастья". Смерти. I. 141
„Когда изъ мрамора иль гипса—предо мною". Бюстъ. I . . . 161
„Когда кичливый умъ, измученный борьбою..." II 101
„Когда, колеблемъ треволненьемъ". Великому Князю Константину Константиновичу. I 406
„Когда мечтательно я преданъ тишинѣ..." I. 194
„Когда мои мечты за гранью прошлыхъ дней..." I 191

стр.

„Когда надежды упорхнули“. Княгинѣ С. Н. Голицыной. I . . 454
„Когда на дорогѣ, случайно“. Изъ Гейне. II 212
„Когда на сѣрый, мутный небосклонъ“. Хандра. II. 161
„Когда не свищетъ вихрь въ истерзанныхъ снастяхъ...“ I . . 177
„Когда отъ хмеля преступленій“. Сонетъ. I. 95
„Когда пѣтухъ...“ I. 174
„Когда свѣтильникомъ предъ нашими очами“. Памяти Д. Л. Крюкова. I 77
„Когда сквозная паутина“. Осенью. I. 270
„Когда, смущенный, умолкаю...“ I 366
„Когда стародавній“. Границы человѣчества. Изъ Гёте. II . . 230
„Когда стопой слегка усталой“. Графинѣ С. А. Толстой. I . . 413
„Когда такъ нѣжно расточала“. Графинѣ С. А. Толстой. I . . 413
„Когда-то Ольга душу живу“. Королевѣ Эллиновъ Ольгѣ Константиновнѣ. I 407
„Когда трепещутъ эти звуки“. Балъ. I 333
„Когда у райскихъ вратъ изгнанникъ...“ I 96
„Когда читала ты мучительныя строки...“ I 117
„Когда я блестящій твой локонъ цѣлую...“ I 314
„Когда я про горе свое говорилъ“. Изъ Гейне. II 212
„Когда я умру, надо мной“. Элегія. Изъ Мюссе. II 370
Козлова. Памяти. Вечерній звонъ. „Мечтанье было то, иль сонъ“. II 164
Козлову. (Въ альбомъ. „Тому, что было, не бывать“. I 451
Колодникъ. „Съ каждымъ шагомъ тяжкія оковы“. II 159
Колокольчикъ. „Ночь нѣма, какъ духъ безплотный“. I. . . . 232
Колыбели. Дитя въ. Изъ Шиллера. „Крошка-счастливецъ, теперь для тебя колыбель безгранична“. II 329
Колыбельная пѣсня сердцу. „Сердце,—ты, малютка“. I. . . . 146
Кольцо. „Скажи, кольцо, какъ другъ иль какъ злодѣй“. II . . 150
Комета. „Дѣдушка, это звѣзда не такая“. I. 390
„Кометой огненно-эонрной“. Эпиталама графу Л. Н. Толстому. I. 430
„Кому вѣнецъ: богинѣ ль красоты...“ I 90
Константину Константиновичу, Великому Князю и Великой Княгинѣ Елисаветѣ Маврикіевнѣ. „Давно познавъ, какъ ранятъ больно“. I 402
Константину Константиновичу, Великому Князю и Великой Княгинѣ Елисаветѣ Маврикіевнѣ. „Когда дыханье множитъ муки“. I 410
Константину Константиновичу, Великому Князю и Великой Княгинѣ Елисаветѣ Маврикіевнѣ. „Сердце желаніемъ встрѣчи томимо“. I 401
Константину Константиновичу, Великому Князю. „Когда колеблемъ треволненьемъ“. I 406
Константину Константиновичу, Великому Князю. „Не сѣтуй, будто ты увяла“. I 408
Константину Константиновичу, Великому Князю. „Предъ вами правда несомнѣнно“. I. 405
Константину Константиновичу, Великому Князю. „Пѣвцамъ, высокое намъ мило“. I. 399

Стр.

Константину Константиновичу, Великому Князю. „Сплываютъ ледяные своды“. I. 400
Константину Константиновичу, Великому Князю. „Трепетный факелъ,— съ вечернимъ мерцаніемъ“. I 402
Коншиной, М. Н. „Явись, явись ко мнѣ, больному“. I. 417
Кораблѣ, На. „Летимъ! Туманною чертою“. I 226
Королевѣ Эллиновъ Ольгѣ Константиновнѣ. „Всю жизнь душа моя алкала“. I. 399
Королевѣ Эллиновъ Ольгѣ Константиновнѣ. „Въ стѣнахъ, куда внесла Паллада“. I. 397
Королевѣ Эллиновъ Ольгѣ Константиновнѣ. „Звѣзда сіяла на Востокѣ“. I 401
Королевѣ Эллиновъ Ольгѣ Константиновнѣ. „Когда бъ дерзалъ, когда бъ я славилъ“. I. 401
Королевѣ Эллиновъ Ольгѣ Константиновнѣ. „Когда-то Ольга душу живу“. I. 407
Королевѣ Эллиновъ Ольгѣ Константиновнѣ. „Съ безумною отвагою поэта“. I 398
Коршу, Ѳ. Е. „Больному классику, чтобъ дать отвѣтъ россійскій“. II 90
Коршу, Ѳ. Е. „Геройскихъ лѣтъ поклонникъ жадный“. I . . . 440
Коршу, Ѳ. Е. „Каменъ нетлѣнныя созданья“. I 441
Коршу, Ѳ. Е. „На-дняхъ пускаемся мы въ путь“. I 424
Коршу, Ѳ. Е. „Членъ Академіи больной“. I 423
„Котъ поетъ, глаза прищуря!..“ I. 389
„Красавица-рыбачка“. Изъ Гейне. II 213
Красавцу, Къ. „Природы баловень, какъ счастливъ ты судьбой!“ I. 180
Крезъ. „Въ Сардахъ пиръ. Дворецъ раскрылъ подвалы“. II. . 11
„Кричатъ перепела, трещатъ коростели...“ I 127
„Кровію сердца пишу я къ тебѣ эти строки...“ I. 370
„Крошка-счастливецъ, теперь для тебя колыбель безгранична“. Изъ Шиллера. Дитя въ колыбели. II. 329
Крымскій обвалъ. „Ты былъ для насъ всегда вонъ той скалою“. I. 116
Крысы. „Къ хозяину въ день стачки“. II. 102
Крюкова, Памяти Д. Л. „Когда свѣтильникомъ предъ нашими очами“. I. 77
„Кто воротитъ мнѣ дни блаженные“. Первая потеря. Изъ Гёте. II 379
„Кто въ ночи при лунѣ открываетъ окно?“ Похищеніе изъ гарема. II. 138
„Кто писалъ стихи иль прозу?..“ I 91
„Кто поздній верховый подъ вѣтромъ ночнымъ?“ Изъ Гёте. Лѣсной царь. II 362
„Кто постигнетъ улыбку твою“. Къ ней. Великой Княгинѣ Елисаветѣ Маврикіевнѣ. I. 405
„Кто самъ такъ пышно въ тогу эту“. А. Н. Майкову. I . . . 422
„Кто этотъ юноша скромный, прекрасный“. Свитезянка. Изъ Мицкевича. II 363
„Куда жъ ты, прочь?“ Изъ Гёте. Пажъ и мельничиха. II. . . 236
„Куда ни обращаю взоръ“. Лѣсъ. I. 220

стр.

„Куда ты, свѣтлый ручеекъ“. Изъ Гёте. Юноша и мельничный ручей. II 238
Кузминской, Т. А. „Пускай мой старческій портретъ“. II. . . 121
Кузминской, Т. А. „Смотрю, завидую немножко“. II 123
Кукушка. „Пышныя гнутся макушки“. I. 320
Купальщица. „Игривый плескъ въ рѣкѣ меня остановилъ“. I . 239
Курганъ. „Другъ вѣковъ, повѣренный преданій“. II. 20
Кусокъ мрамора. „Тщетно блуждаетъ мой взоръ, измѣряя твой мраморъ начатый“. I 172
Къ бюсту Ртищева въ Воробьевкѣ. „Прости меня, почтенный ликъ“. I 448
Къ дѣвѣ. Художникъ. „Дѣва, не спрашивай“. II 156
Къ жаворонку. „Днемъ ли или вечеромъ“. II 97
Къ картинѣ. „Не говори, что счастливъ я“. II. 112
Къ красавцу. „Природы баловень, какъ счастливъ ты судьбой“. I. 180
Къ лѣшему. „На мшистомъ старомъ пнѣ, скрестивъ кривыя ноги“. II 160
Къ молодому дубу. „Вчера землѣ довѣрилъ я“. I. 450
Къ Морфею. „На ложѣ, свѣжими цвѣтами испещренномъ“. I . 181
Къ нашимъ осламъ. „Намъ повторяли всѣ въ рѣчахъ картинныхъ“. II. 110
Къ ней. Великой Княгинѣ Елисаветѣ Маврикіевнѣ. „Кто постигнетъ улыбку твою“. I 405
Къ N. N. „Морщины думы и совѣта“. I. 455
„Къ окну прпникнувъ головой“. У окна. I 329
„Къ окну я въ потемкахъ приникъ“. Шарманщикъ. I 342
Къ Офеліи. Въ альбомъ. „Я васъ разсматривалъ украдкой“. I . 350
Къ Офеліи. Горный ключъ. „Съ камня на камень висящій“. II. 104
Къ Офеліи. „Какъ ангелъ неба безмятежный“. I. 351
Къ Офеліи. „Какъ геній ты, нежданный, стройный“. I . . . 350
Къ Офеліи. „Какъ идетъ къ вамъ чепчикъ новый“. II. . . . 103
Къ Офеліи. „Какъ майскій голубоокій“. II 103
Къ Офеліи. „Не здѣсь ли ты легкою тѣнью“. I 351
Къ Офеліи. „Офелія гибла и пѣла“. I. 352
Къ Офеліи. Прости. „Прости,—я помню то мгновенье“. I. . . 353
Къ Офеліи. Сонетъ. „Съ тѣхъ поръ, какъ Богъ въ тебѣ осуществилъ“. II 104
Къ Офеліи. „Сосна такъ темна, хоть и мѣсяцъ“. II 103
Къ Офеліи. „Стихомъ моимъ незвучнымъ и упорнымъ“. II . . 104
Къ Офеліи. „Съ камня на камень висящій“. Горный ключъ. II. 104
Къ Офеліи. „Съ тѣхъ поръ, какъ Богъ въ тебѣ осуществилъ“. Сонетъ. II 104
Къ Офеліи. „Я боленъ, Офелія, милый мой другъ“. I 351
Къ Офеліи. „Я говорилъ при разставаньи“. I 354
Къ памятнику Маркевича. „Любилъ онъ истину, любилъ онъ красоту“. II. 105
Къ памятнику Пушкина. „Исполнилось твое пророческое слово“. I. 447

стр.

Къ памятнику Пушкина. „Свободнаго стиха прославленный творецъ“. II. 122
Къ портрету гр. С. А. Толстой. „И вотъ портретъ! И схоже—и несхоже“. I. 419
Къ Сикстинской Мадоннѣ. „Вотъ сынъ Ея.—Онъ, тайна Іеговы“. I. 348
Къ фотографической карточкѣ M-lle Viardot. „Послушный снимокъ съ идеала“. I 450
„Къ хозяину въ день стачки“. Крысы. II 102
Къ цвѣтамъ. Изъ Шиллера. „Дѣти солнечнаго всхода“. II . . 330
Къ Цирцеѣ. „Блаженъ, о, Цирцея, кто въ черныя волны забвенья“. II 175
Къ юношѣ „Друзья, какъ онъ хорошъ за чашею вина“. I. . 180
Ландышъ Первый. „О, первый ландышъ! Изъ-подъ снѣга“. I. . 231
„Ланитой къ ланитѣ моей прикоснись“. Изъ Гейне. II. . . . 213
„Ланиты у меня на солнцѣ загорѣли“. Лида. Изъ Шенье. II . 321
Ласточка. „Я люблю посмотрѣть“. II 153
Ласточки. „Природы праздный соглядатай“. I 61
„Ласточки пропали“. Осень. I. 274
Леандръ. Геро и. „Блѣденъ ликъ твой, блѣденъ, дѣва!“ I. . . 164
Леверрье, Нептуну. „Птицей“. I 176
Легенда. „Вдоль по берегу полями“. II 13
„Летимъ! Туманною чертою“. На кораблѣ. I 226
Лида. „Ланиты у меня на солнцѣ загорѣли“. Изъ Шенье. II . 321
Лизіасъ и Вакхида. „О, непонятные, жестокіе мужчины“. II . 70
„Лилеею, розой, голубкой, денницей“. Изъ Гейне. II . . . 213
Лилѣ. „Лови, лови ты“. I 451
Липки, Двѣ. И. С. Тургеневу. „Близъ рощи, на пригоркѣ, сѣрый домъ“. II 46
Лихорадка. „Няня, что-то все не сладко“. II 16
„Ловецъ, всѣ дни отдавшій лѣсу“. Свѣточъ. I 65
„Лови, лови ты“. Лилѣ. I 451
Лодкѣ, На. „Ты скажешь, брося взоръ по голубой равнинѣ“. I. 227
„Лозы мои за окномъ разрослись живописно и даже...“ I . . 169
Лосева, Сонъ поручика. „Мнѣ не спалось. Томителенъ и жгучъ“. II 39
Лунномъ сіяніи, Въ. „Выйдемъ съ тобой побродить“. I. . . . 244
Лѣсной царь. Изъ Гете. „Кто поздній верховый подъ вѣтромъ ночнымъ?“ II 362
„Лѣсомъ мы шли по тропинкѣ единственной...“ I. 311
Лѣсу, Свиданіе въ. „Ты ль это? Такъ поздно?“—„Я сбился въ потемкахъ съ дороги“. II. 128
Лѣсу, Хижина въ. „На лѣсъ насунулися тучи“. II 109
Лѣсъ. „Куда ни обращаю взоръ“. I 220
„Лѣтній вечеръ тихъ и ясенъ...“ I 254
Лѣто, Дождливое. „Ни тучки нѣтъ на небосклонѣ“. I 269
Лѣшему, Къ. „На мшистомъ старомъ пнѣ, скрестивъ кривыя ноги“. II 160
„Любилъ онъ истину, любилъ онъ красоту“. Къ памятнику Маркевича. II 105

стр.

„Любилъ онъ пѣснямъ дѣвъ задумчиво внимать“. Эпитафія. II. 163
„Люби меня! Какъ только твой покорный...“ I. 87
„Люблю я пріютъ вашъ печальный“. Деревня. I 228
„Любовь и знанье вертопраховъ“. Фетъ-Али-Шаха. II 106
Любовь – новая жизнь, Новая. Изъ Гёте. „Сердце, сердце, что такое?“ II 241
„Любо мнѣ въ комнатѣ ночью стоять у окошка въ потемкахъ...“ I. 184
„Люди нисколько ни въ чемъ предо мной невиновны, я знаю...“ I. 344
„Люди спятъ,—мой другъ, пойдемъ въ тѣнистый садъ...“ I . . 310
„Людскія такъ грубы слова“. Великой Княгинѣ Елисаветѣ Маврикіевнѣ. I 404
Мадонна. „Я не ропщу на трудный путь земной“. I 347
Мадоннѣ, Къ Сикстинской „Вотъ сынъ Ея,—онъ, тайна Іеговы“. I. 348
Майкова, На юбилей А. Н. „Какъ привлечь къ себѣ вниманье“. I. 99
Майкова, На юбилей А. Н. „Пятьдесятъ лебедей пронесли“. I. 100
Майкову, А. Н. „Кто самъ такъ пышно въ тогу эту“. I . . . 422
Майская ночь. „Отсталыхъ тучъ надъ нами пролетаетъ“ I . . 292
Майская ночь, Еще. „Какая ночь! На всемъ какая нѣга!“ I . 293
Майская пѣсня. Изъ Гёте. „Все нѣжитъ взоры“. II 378
Мальчику, Мотылекъ. „Цвѣты киваютъ мнѣ, головки наклоня“. I. 230
Мальчикъ, Бѣдный. „Дай-ка нянѣ ручки-крошки“. I 392
Мальчикъ, Бѣдный. „На дворѣ не слышно вьюги“. I 391
„Мама, глянь-ка изъ окошка...“ I 389
Марія, Аvе. „Аve Марія! Лампада тиха“. I 298
Маркевича, Къ памятнику. „Любилъ онъ истину, любилъ онъ красоту“. II. 105
9 марта 1863 года. „Какой восторгъ! Ужъ прилетѣли“. I . . 286
1 марта 1881 года. „День искупительнаго чуда“. I 397
Марченко, А. Я. Въ альбомъ. „Стихомъ простымъ, стихомъ случайнымъ“. II 134
15 мая 1883 года. „Какъ солнце вешнее сіяя“. I 398
„Между счастіемъ вѣчнымъ твоимъ и моимъ...“ II 106
„Межъ селеньемъ и рощей нагорной“. Ключъ I. 114
Мелодія. „Мѣсяцъ зеркальный плыветъ по лазурной пустынѣ“. I. 243
Мельничиха, Пажъ и. Изъ Гёте. „Куда жъ ты, прочь?“ II . . 236
Мельничный ручей, Юноша и. Изъ Гёте. „Куда ты, свѣтлый ручеекъ“. II. 238
„Мечтамъ покорствуя отважнымъ“. М. Ѳ Ванлярской. I . . . 446
„Мечтанье было то, иль сонъ?“ Вечерній звонъ. Памяти Козлова II 164
„Мечту младенчества въ меня вдохнула ты“. Элегія. II . . . 106
„Мила мнѣ ночь, когда въ невѣрной тьмѣ“. Ночь и день. II . 163
„Милой меня называлъ онъ вчера“. Сестра. I. 380
Милосская, Венера. „И цѣломудренно и смѣло“. I 155
Мити Боткина, На смерть. „Тебя любили мы за рѣзвость молодую“. I 394
„Митя-крошка“. Митѣ Боткину. I. 393
„Младенческой ласки доступенъ мнѣ лепетъ...“ I. 314
„Многимъ богамъ въ тишинѣ я ѳиміамъ воскуряю...“ II. . . 107

стр.

„Мнѣ не спалось. Томителенъ и жгучъ“. Сонъ поручика Лоева. II 39
„Мнѣ снился сонъ, что сплю я непробудно“. Грезы. I. . . . 142
„Моего тотъ безумства желалъ, кто смежалъ...“ I 130
Мой ангелъ. „Какъ онъ прекрасенъ“. II. 176
„Мой другъ, мы съ тобою сидѣли“. Изъ Гейне. II 214
„Мой обожаемый поэтъ“. Ѳ. И. Тютчеву. I. 422
„Мой прахъ уснетъ, забытый и холодный“. Теперь. I. . . . 86
„Мой пучокъ блеститъ росой“. Языкъ цвѣтовъ. II 107
Мой садъ. „Въ моемъ саду, въ тѣни густыхъ аллей“. II. . . 148
„Молода и черноока“. Цыганкѣ. I 258
Молодой Сатиръ, Нимфа и. Группа Ставассера. „Постой, хотя на мигъ! О камень или пень“. I 159
Молодому дубу, Къ. „Вчера землѣ довѣрилъ я“. I. 450
„Молчали листья, звѣзды рдѣли...“ I 242
„Молчи, поникни головою“. Певцо-поэту. I. 84
„Молятся звѣзды, мерцаютъ и рдѣютъ...“ I. 265
Море и звѣзды. „На море ночное мы оба глядѣли“. I. . . . 265
„Морозъ и ночь надъ далью снѣжной“. На желѣзной дорогѣ. I. 225
„Морская даль во мглѣ туманной...“ I. 250
Морской берегъ. „Какъ хорошъ чуть мерцающимъ утромъ“. I. 249
Морской заливъ. „Третью ужъ ночь вотъ на этомъ холмѣ за оврагомъ“. I 257
Морфею, Къ. „На ложѣ, свѣжими цвѣтами испещренномъ“. I . 181
„Морщины думы и совѣта“. Къ NN. I 455
Москва. Изъ Кернера. „Какъ высоки церквей златыя главы“. II. 303
Мотивъ, Восточный. „Съ чѣмъ насъ сравнить съ тобою, другъ прелестный“. I. 451
Мотылекъ мальчику. „Цвѣты киваютъ мнѣ, головки наклоня“. I. 230
Моя Ундина. „Она рѣзва“. I 372
Мрамора, Кусокъ. „Тщетно блуждаетъ мой взоръ, измѣряя твой мраморъ начатый“. I 172
„Мудрымъ нужно слово свѣта...“ II. 108
Муза. „Не въ сумрачный чертогъ Наяды говорливой“. I. . . 102
Муза. „Ты хочешь проклинать, рыдая и стеня“. I. 104
Музы, На пятидесятилѣтіе. „Насъ отпѣваютъ... Въ этотъ день“. I. 106
Музы, На пятидесятилѣтіе. „На утрѣ дней все ярче и чудеснѣй“. I 105
Музѣ. „Надолго ли опять мой уголъ посѣтила“. I 103
Музѣ. „Пришла и сѣла. Счастливъ и тревоженъ...“ I. . . . 82
„Мы встрѣтились вновь послѣ долгой разлуки...“ I. 375
„Мы нравимся уѣздамъ и столицамъ..“ II 177
„Мы одни. Изъ сада въ стекла оконъ“. Фантазія. I. 321
Мысли, Весеннія. „Снова птицы летятъ издалека“. I. . . . 288
„Мы съ тобой не просимъ чуда“. II 108
„Мы, Шемзединъ со чадами своими“. Изъ Гафиза. II. . . . 190
„Мы ѣхали двое. Подъ нею...“ II 109
„Мѣсяцъ зеркальный плыветъ по лазурной пустынѣ“. Мелодія. I. 243
Мѣсяцъ и роза. „Всталъ я рано надъ горой“. II. 21

стр.

Мятель. „Ночью буря разозлилась". II 18
„На балконѣ золоченомъ..." II 168
„На блѣдномъ ты лицѣ моемъ". Изъ Гейне. II. 360
На бракосочетаніе Великаго Князя Павла Александровича и Великой Княгини Александры Георгіевны. „Не воспѣвай, не славословь". I 403
На бракосочетаніе. Е. Д. и К. Г. Дункеръ. „Въ часы забавъ, во дни пировъ". I 431
„На водахъ Гвадалквивира..." I. 256
На Гарцѣ, Зимняя поѣздка. Изъ Гёте. „Съ коршуномъ сходно". II. 232
„На горѣ стоитъ избушка". Изъ Гейне. Горная идиллія. II. . 224
„На гранитъ ступаетъ твердо". Замокъ Рауфенбахъ. II . . . 139
„На двойномъ стеклѣ узоры." I. 280
На дворѣ, Весна. „Какъ дышитъ грудь свѣжо и ёмко". I. . . 285
„На дворѣ не слышно вьюги". Бѣдный мальчикъ. I 391
Надежда. Изъ Шиллера. „Надѣются люди, мечтаютъ свой вѣкъ". II. 384
На Днѣпрѣ въ половодье. А. Я. Панаевой. „Свѣтало. Вѣтеръ гнулъ упругое стекло". I. 216
„На-дняхъ пускаемся мы въ путь". Ѳ. Е. Коршу. I. 424
„Надолго ли опять мой уголъ посѣтила". Музѣ. I 103
„Надъ грудой мусора, гдѣ плющъ тоскливо вьется". На развалинахъ цезарскихъ палатъ. I 154
„Надъ міромъ царствовалъ Иеронъ". Сабина. II 25
„Надъ моремъ спитъ косматый боръ..." II 167
„Надъ озеромъ лебедь въ тростникъ протянулъ.." I 248
„Надѣются люди, мечтаютъ свой вѣкъ". Надежда. Изъ Шиллера. II 384
На желѣзной дорогѣ. „Морозъ и ночь надъ далью снѣжной". I. 225
„На зарѣ ты ее не буди " I 306
„На зеленыхъ уступахъ лѣсовъ..." I 73
На качеляхъ. „И опять въ полусвѣтѣ ночномъ". I 384
На книжкѣ стихотвореній Тютчева. „Вотъ нашъ патентъ на благородство". I 97
На кораблѣ. „Летимъ' Туманною чертою". I 226
„На креслѣ отвалясь, гляжу на потолокъ.." I. 329
На лодкѣ. „Ты скажешь, бросая взоръ по голубой равнинѣ". I . 227
„На ложѣ, свѣжими цвѣтами испещренномъ". Къ Морфею. I . 181
„На лѣсъ насунулися тучи". Хижина въ лѣсу. II 109
„На море ночное мы оба глядѣли". Море и звѣзды. I. . . . 265
„На мшистомъ старомъ пнѣ, скрестивъ кривыя ноги". Къ лѣшему. II 160
„Намъ повторяли всѣ въ рѣчахъ картинныхъ". Къ нашимъ осламъ. II 110
На озерѣ. Изъ Гёте. „И силу въ грудь, и свѣжесть въ кровь". II. 235
„На пажитяхъ нѣмыхъ люблю въ морозъ трескучій..." I. . . 277
„На петербургскихъ плюнь злодѣевъ". Посланіе П. Н. Каратѣеву. II. 110
На погребеніе Великой Княгини Александры Георгіевны. „Тамъ, гдѣ на красныя ступени". I. 409

стр.

„Напрасно, дивная, смѣшавшися съ толпою...“ I. 193
„Напрасно жизнь зовешь ты жалкою ошибкой“. Е. П. Ковалевскому. I 75
„Напрасно. Куда ни взгляну я, встрѣчаю вездѣ неудачу“ I. . 66
„Напрасно ты восходишь надо мной...“ I 136
На пятидесятилѣтіе Музы. „Насъ отпѣваютъ... Въ этотъ день“. I. 106
На пятидесятилѣтіе Музы. „На утрѣ дней все ярче и чудеснѣй“. I. 105
На развалинахъ цезарскихъ палатъ. „Надъ грудой мусора, гдѣ плющъ тоскливо вьется“. I 154
На разсвѣтѣ. „Плавно у ночи съ чела“. I 245
На распутьѣ. „Въ вечеръ такой серебристый и ясный“. I . . 241
На серебряную свадьбу ,Е. П. Щукиной. „Ты говоришь: „День свадьбы--день чудесный“. I. 433
„На склонѣ у лона морской глубины“. Стѣна. I. 237
На смерть А. В. Дружинина. „Умолкъ твой голосъ навсегда“. I. 78
На смерть Бражникова. „Взводъ впередъ, справа по три, не плачь“. I. 148
На смерть Мити Боткина. „Тебя любили мы за рѣзвость молодую“. I. 394
На смерть попугая. Изъ Овидія. „Попка, восточный индіецъ, всему подражатель крылатый“. II 376
На смерть юной дѣвы. „Въ обширномъ саду, испещренномъ живыми цвѣтами“. II. 155
„На стогѣ сѣна ночью южной...“ I. 263
„Насъ отпѣваютъ... Въ этотъ день“. На пятидесятилѣтіе Музы. I. 106
„На сѣверъ грустный съ пламеннаго юга“. Знакомкѣ съ юга I. 249
„На сѣверѣ кедръ одинокій“. Изъ Гейне. II 214
„На утесѣ томъ дымится“. Изъ Уланда. Бертранъ де-Борнъ. II. 319
„На утрѣ дней все ярче и чудеснѣй“. На пятидесятилѣтіе Музы. I. 105
Нашимъ осламъ, Къ. „Намъ повторяли всѣ въ рѣчахъ картинныхъ“. II. 110
„Нашъ шефъ—владыка полусвѣта...“ I 438
На юбилей А. Н. Майкова. „Какъ привлечь къ себѣ вниманье“. I. 99
На юбилей А. Н. Майкова. „Пятьдесятъ лебедей пронесли“. I. 100
На югѣ, Весна. „Ночью—мѣсяцъ, полонъ блеска“. I. 290
„Небесъ и земли повелитель“. Соловей и роза. II 5
„Не бойся вечерняго сада!“ Вечерній садъ. II. 111
„Не будь, о, богословъ, такъ строгъ“. Изъ Гафиза. II . . . 202
„Не вижу ни красы души твоей неттѣнной...“ I. 364
Невозвратное. „Другъ, о чемъ ты все тоскуешь?“ II 159
Невозвратномъ, Тоска по. „Опять въ душѣ минувшая тревога“. II. 159
Неволя, Свобода и. „Видишь,—мы теперь свободны“. I . . . 357
„Не ворчи, мой котъ-мурлыка“. Хандра I 272
„Не вскормленъ ты пищей нѣжной“. Вольный соколъ. I . . 75
„Не воспѣвай, не славословь“. На бракосочетаніе Великаго Князя Павла Александровича и Великой Княгини Александры Георгіевны. I. 403
„Не въ сумрачный чертогъ Наяды говорливой“. Муза. I. . . 102
„Не вѣдалъ жизни онъ и не растратилъ силъ“. Ошибка. I. . 379

Стр.

„Не глумись надъ чортомъ, смертный“. Изъ Гейне. II 214
„Не говори, мой другъ: „Она меня забудетъ...“ I. 179
„Не говори, что счастливъ я“. Къ картинѣ. II. 112
„Недвижныя очи, безумныя очи...“ I. 313
„Не дивись, что я черна..“ I. 374
Нежданный дождь. „Все тучки, тучки,—а кругомъ“. I. 70
„Не здѣсь ли ты легкою тѣнью“. Къ Офеліи. I 351
„Не избѣгай: я не молю...“ I 123
Нельзя. „Проснулся день. Свѣтло, широко“. I. 67
„Не могу я слышать этой птички...“ I 121
„Не навѣвай тоскливой муки“. Римскій праздникъ. I. . . . 341
„Не ночью, не лживо“. Видѣніе. I 324
„Не нужно, не нужно мнѣ проблесковъ счастья...“ I 119
„Не отнеси къ холодному безстрастью...“ I. 367
Неотразимый образъ. „Въ уединеніи забудусь ли порою“. I. . 382
„Не отходи отъ меня...“ I. 304
„Не первый годъ у этихъ мѣстъ...“ I. 144
„Не плачь, моя душа: вѣрь, сердцу не легко...“ II 167
„Непогода. Осень. Куришь“. Хандра. I 271
Нептуну Леверрье.„Птицей..“ I. 176
„Не силенъ жаръ ланитъ твоихъ младыхъ“. Откровенность. II. 152
„Неслась волна, росла волна“. Изъ Гёте. Рыбакъ. II 240
„Не слушай ихъ, когда съ улыбкой злою“. Художнику. II . . 113
„Не смѣйся, не дивися мнѣ...“ I. 128
„Не спится. Дай, зажгу свѣчу! Къ чему читать?“ I. 346
„Не спрашивай, надъ чѣмъ задумываюсь я...“ I. 201
„Не сѣтуй, будто бы увяла“. Великому Князю Константину Константиновичу. I. 408
„Нетлѣнностью божественной одѣты...“ I. 74
„Не тѣмъ, Господь, могучъ, непостижимъ...“ I. 60
„Не украшать чело царицы“. Алмазъ. I. 81
„Не упрекай, что я смущаюсь...“ I 365
„Не хочу морозной я“. Изъ Рюккерта. II. 317
Никогда. „Проснулся я. Да, крыша гроба!—Руки“. I 140
Нимфа и молодой сатиръ. Группа Ставассера. „Постой хотя на мигъ! О камень или пень“. I 159
„Нисходятъ во гробъ поколѣнья“. Изъ Гейне. II. 215
„Ни тучки нѣтъ на небосклонѣ“. Дождливое лѣто. I. 269
Ничтожество. „Тебя не знаю я“. Болѣзненные крики. I. . . 138
N. N. Къ. „Морщины думы и совѣта. I. 455
Новая жизнь, Новая любовь. Изъ Гёте. „Сердце, сердце, что такое?“ II 241
Новая любовь, Новая жизнь. Изъ Гёте. „Сердце, сердце, что такое?“ II 241
Новогреческая пѣсня. „Но — на что твоей матери лампа ночная“. II 113
Nocturno. „Ты спишь одинъ, забытъ на мѣстѣ дикомъ“. I . . 323
„Но — на что твоей матери лампа ночная“. Новогреческая пѣсня. II. 113

стр.

„Но Онъ на крикъ не отвѣчалъ“. Блудница. II 114
Ночная пѣсня путника. Изъ Гёте. „Ты, что съ неба и вполнѣ“. II 241
„Ночную фіалку лобзаетъ зефиръ“. Сильфы. I 322
Ночныя думы. Изъ Гёте. „Какъ вы жалки мнѣ, бѣдняжки звѣзды“. II 379
„Ночь весенней нѣгой дышитъ...“ I 255
Ночь, Еще майская. „Какая ночь! На всемъ какая нѣга“. I. . 293
Ночь и день. „Мила мнѣ ночь, когда въ невѣрной тьмѣ“. II . 163
„Ночь и я, мы оба дышимъ...“ I 63
„Ночь крещенская морозна...“ I 319
„Ночь лазурная смотритъ на скошенный лугъ..“ I. 244
Ночь, Майская. „Отсталыхъ тучъ надъ нами пролетаетъ“. I . 292
Ночь. „Не слышно городского шума...“ I. 257
„Ночь нѣма, какъ духъ безплотный“. Колокольчикъ. I. . . . 232
Ночь, Прекрасная. Изъ Гёте. „Вотъ съ избушкой я прощаюсь“. I. 229
Ночь, Прекрасная. Изъ Гёте. „Оставляю домикъ милой“. II . 173
„Ночь свѣтла, морозъ сіяетъ...“ I 279
„Ночь тиха. По тверди зыбкой...“ II. 114
„Ночью буря разозлилась“. Мятель. II 18
Ночью, Венеція. „Всплески водъ сверкаютъ ярко“. I . . . 256
„Ночью какъ-то вольнѣе дышать мнѣ...“ I 188
„Ночью—мѣсяцъ, полонъ блеска“. Весна на югѣ I 290
„Нынче первый мы слышали громъ...“ I 369
Нѣмецкаго, Съ. „Я съ лучшей стороны смотрѣть на все готовъ“. II 354
„Нѣтъ, даже не тогда, когда, стопой воздушной...“ I 192
„Нѣтъ, лучше голосомъ, ласкательно обычнымъ“. А. Л. Бржесской. I 115
„Нѣтъ, не жди ты пѣсни страстной“. I 297
„Нѣтъ, я не измѣнилъ: до старости глубокой“. I. 110
„Няня, что-то все не сладко“. Лихорадка. II 16
Обвалъ, Крымскій. „Ты былъ для насъ всегда вонъ той скалою“. I. 116
„О, Береника! сердцемъ чую“. Графинѣ Н. М. Соллогубъ. I. . 415
„Облакомъ волнистымъ“. I. 311
Образъ, Неотразимый. „Въ уединеніи забудусь ли порою“. I . 382
„Обремененный славой міра“. Изъ Саади. II 377
Оброчникъ. „Хоругвь священную подъявъ своей десной“. I. . 80
Одалиска „Вотъ груди—жаркій пухъ, вотъ взоры—звѣзды ночи“. II 153
Одиннадцатаго іюля 1881 года. „Желаю Олѣ“. I 392
Одинокій дубъ. „Смотри,—синѣя другъ за другомъ“. I . . . 234
„О, для тебя я сдѣлаюсь поэтомъ“. II. 115
„Одна звѣзда межъ всѣми дышитъ“. I. 266
„Однимъ толчкомъ согнать ладью живую“. I 94
„О, долго буду я въ молчаньи ночи тайной“. I 177
„О, другъ, не мучь меня жестокимъ приговоромъ“. I 197
„О, если бы озеромъ былъ я ночнымъ“. Изъ Гафиза. II. . . 189
Озеро. Изъ Ламартина. „Итакъ, всему конецъ! Къ таинственному брегу“. II 385
Озерѣ, На. Изъ Гёте „И силу въ грудь и свѣжесть въ кровь“. II. 235

„Озираясь на юность тревожно...“ I 81
„О, какъ волнуюся я мыслію больною...“ I. 242
„О, какъ люблю я возвращаться“. Переводъ французскаго стихотворенія Ѳ. И. Тютчева. II 115
„О, какъ подобенъ я—смотри!“ Изъ Гафиза. II 192
„Окна въ рѣшеткахъ, и сумрачны лица..“ I 125
Окна, У. „Къ окну приникнувъ головою“. I 329
„Октавами и повѣсть, признаюсь!“ Талисманъ. II. 32
Олсуфьевой, Гр. А. А. „Въ смущенья умъ не свяжешь взглядомъ“. I. 444
Олсуфьеву, Гр. А. В. „Вотъ ваша книжка въ толстомъ томѣ“. I. 441
Олсуфьеву, Гр. А. В. „Второй бригады изъ-за фронта“. I . . 440
Ольгѣ Константиновнѣ, Королевѣ Эллиновъ. „Всю жизнь душа моя алкала“. I. 399
Ольгѣ Константиновнѣ, Королевѣ Эллиновъ. „Въ стѣнахъ, куда внесла Паллада“. I 397
Ольгѣ Константиновнѣ, Королевѣ Эллиновъ. „Звѣзда сіяла на востокѣ“. I 401
Ольгѣ Константиновнѣ, Королевѣ Эллиновъ. „Когда бъ дерзалъ, когда бъ я славилъ“. I 401
Ольгѣ Константиновнѣ, Королевѣ Эллиновъ. „Когда-то Ольга душу живу“. I. 407
Ольгѣ Константиновнѣ, Королевѣ Эллиновъ. „Съ безумною отвагою поэта“. I. 398
„О, милая дѣва, къ чему намъ, къ чему говорить?“ Изъ Мицкевича. II 305
Она. Великой Княгинѣ Елисаветѣ Маврикіевнѣ. „Двѣ незабудки, два сапфира“. I 403
„Она ему--образъ мгновенный...“ I 375
„Она легка, какъ тонкій паръ...“ II 168
„Она рѣзва“. Моя Ундина. I 372
„О, не ввѣряйся ты шумному...“ I 112
„О, не зови! Страстей твоихъ такъ звонокъ...“ I 361
„О, непонятные, жестокіе мужчины!“ Лизіасъ и Вакхида. II . 70
„Они любили другъ друга“. Изъ Гейне. II 215
„Онъ ѣсть,—а ты цвѣтешь напрасной красотою...“ I 375
„О, нѣтъ, не стану звать утраченную радость...“ I 202
„Опавшій листъ дрожитъ отъ нашего движенья...“ I 135
„О, первый ландышъ! Изъ-подъ снѣга“. Первый ландышъ. I. . 231
„О помыслахъ Гафиза“. Изъ Гафиза. II 201
„Опять весна—опять дрожатъ листы“. А. Л. Бржесской. I. . . 133
„Опять въ душѣ минувшая тревога“. Тоска по невозвратномъ. II. 159
„Опять меня балуешь ты“. О. И. Іостъ. I 447
„Опять незримыя усилья...“ I. 284
„Опятъ осенній блескъ денницы...“ I 270
„Опять я затеплю лампаду...“ II 116
„Орелъ могучихъ, свѣтлыхъ пѣсенъ“. Шиллеру. II 116
Осенняя роза. „Осыпалъ лѣсъ свои вершины“. I 233
Осень. „Какъ грустны сумрачные дни“. I 270
Осень. „Ласточки пропали“. I. 274

стр.

Осенью. „Когда сквозная паутина“. I 270
„О, скажи мнѣ, милая рѣзвушка“. Утренняя жалоба. Изъ Гёте. II. 382
Осламъ, Къ нашимъ. „Намъ повторяли всѣ въ рѣчахъ картинныхъ“. II. 110
„О, солнце глазъ безсонныхъ,—звѣздный лучъ“. Изъ Байрона. II. 185
„Оставляю домикъ милой“. Изъ Гёте. Прекрасная ночь. II . . 173
„Осыпалъ лѣсъ свои вершины“. Осенняя роза. I 233
„Отвергнувъ гордое сомнѣнье...“ II. 117
Отвѣтъ Тургеневу. „Поэтъ, ты хочешь знать, за что такой любовью“. I. 212
Откровенность. „Не силенъ жаръ ланитъ твоихъ младыхъ“. II. 152
„Откуда вдругъ въ смиренный уголъ мой“. Бржесскимъ. I . . 444
Отошедшей. „Ты отстрадала, я еще страдаю...“ I 110
„Отсталыхъ тучъ надъ нами пролетаетъ“. Майская ночь. I. . 292
„Отчего всѣ звѣзды стали“. Звѣзды. I 263
„Отчего со всѣми я любезна...“ I 381
„Отъ огней, отъ толпы безпощадной...“ I 261
„Отъ садоваго входа впопыхахъ воевода“. Дозоръ. Изъ Мицкевича. II 367
Отъѣздъ. „Какая горькая обида“. I. 206
„О, ты, которая мнѣ въ душу заглянула“. Призываніе. Изъ Ламартина. II 387
„О, тѣни праотцевъ, какъ я тоской томимъ“. Дюпонъ и Дюранъ. Изъ Мюссе. II. 307
Офеліи, Къ. Въ альбомъ. „Я васъ разсматривалъ украдкой“. I. 350
Офеліи, Къ. Горный ключъ. „Съ камня на камень висящій“. II. 104
Офеліи, Къ. „Какъ ангелъ неба безмятежный“. I. 351
Офеліи, Къ. „Какъ геній ты, нежданный, стройный“. I . . . 350
Офеліи, Къ. „Какъ идетъ къ вамъ чепчикъ новый“. II . . . 103
Офеліи, Къ. „Какъ майскій голубоокій“. II 103
Офеліи, Къ. „Не здѣсь ли ты легкою тѣнью“. I 351
Офеліи, Къ. „Офелія гибла и пѣла“. I 352
Офеліи, Къ. Прости. „Прости,—я помню то мгновенье“. I . . 353
Офеліи, Къ. Сонетъ. „Съ тѣхъ поръ, какъ Богъ въ тебѣ осуществилъ“. II 104
Офеліи, Къ. „Сосна такъ темна, хоть и мѣсяцъ“. II. . . . 103
Офеліи, Къ. „Стихомъ моимъ незвучнымъ и упорнымъ“. II. . 104
Офеліи, Къ. „Съ камня на камень висящій“. Горный ключъ. II. 104
Офеліи, Къ. „Съ тѣхъ поръ, какъ Богъ въ тебѣ осуществилъ“. Сонетъ. II 104
Офеліи, Къ. „Я боленъ, Офелія, милый мой другъ“. I. . . . 351
Офеліи, Къ. „Я говорилъ при разставаньи“. I. 354
„Офелія гибла и пѣла“. Къ Офеліи. I. 352
„О, Франція, мой часъ насталъ: я умираю!“ Изъ Беранже. Послѣдняя пѣсня. II 186
Офросимовой, Л. И. „Воздушной, дѣтскою и ясной“. I . . . 416
Офросимовой, Л. И. „Гляжу съ обычнымъ умиленьемъ“. I . . 442
Офросимовой, Н. А. „Васъ нѣтъ—и плакать я готовъ“. I. . . 443
Офросимову, И. Ѳ. „Да, я не Пиндаръ: мнѣ страшнѣй“. I . . 438

стр.

Охота, Псовая. „Послѣдній снопъ свезенъ съ нагихъ полей“. I. . 219
Охотника, Пѣснь. Изъ Мерике. „Какъ красивъ на утренней зарѣ“. II. 306
Ошибка. „Не вѣдалъ жизни онъ и не растратилъ силъ“. I . . 379
„О, этотъ сельскій день и блескъ его красивый...“ I 241
Павла Александровича, Великаго Князя и Великой Княгини Александры Георгіевны, На бракосочетаніе. „Не воспѣвай, не славословь“. I. 403
„Падетъ ли взоръ твой гордый“. Изъ Гафиза. II. 194
Пажа, Пѣснь. „Говорятъ, мой голосъ звонокъ“. I 381
Пажъ и Мельничиха. Изъ Гёте. „Куда жъ ты, прочь“. II . . 236
Пазифая, Сонъ и. „Ярко-блестящая пряжка надъ бѣлою, полною грудью“. I 171
Палатъ, На развалинахъ цезарскихъ. „Надъ грудой мусора, гдѣ плющъ тоскливо вьется“. I. 154
Памяти В. П. Боткина. „Прости! Разверстая могила“. I 79
Памяти Д. Л. Крюкова. „Когда свѣтильникомъ предъ нашими очами“. I. 77
Памяти Козлова. Вечерній звонъ. „Мечтанье было то, иль сонъ?“ II. 164
Памяти Н. Я. Данилевскаго „Если жить суждено, и на свѣтъ не родиться нельзя“. I. 68
Памяти С. С. Боткиной. „Ужель на вопль и зовъ молебный“. I. 147
Памятнику Маркевича, Къ. „Любилъ онъ истину, любилъ онъ красоту“. II. 105
Памятнику Пушкина, Къ. „Исполнилось твое пророческое слово“. I. 447
Памятнику Пушкина, Къ. „Свободнаго стиха прославленный творецъ“. II. 122
Панаевой. А. Я. На Днѣпрѣ въ половодье. „Свѣтало. Вѣтеръ гнулъ упругое стекло“. I. 216
Паркъ, Старый. „Собирались умирать послѣдніе цвѣты“. I. . . 218
Пароходъ. „Злой дельфинъ, ты просишь ходу“. I. 226
Первая борозда. „Со степи зелено-сѣрой“. I 238
Первая потеря. Изъ Гёте. „Кто воротитъ мнѣ дни блаженные“. II. 379
Первое марта 1881 г. „День искупительнаго чуда“. I. . . . 397
Первый ландышъ. „О, первый ландышъ! Изъ-подъ снѣга“. I. . 231
Переводъ французскаго стихотворенія Ѳ. И. Тютчева. „О, какъ люблю я возвращаться“. II. 115
„Перекладываютъ тройки“. П. П. Борисову. II 181
„Перекрестокъ, гдѣ ракитка...“ I. 316
Перепелъ. „Глупый перепелъ, гляди-ка“. I. 429
„Перлы восточные - зубы у ней...“ II. 117
Перчатка. „Перчатку эту“. II. 118
„Петръ и Павелъ — вотъ примѣры“. II 118
„Печальная береза“. I. 277
Письма, Старыя. „Давно забытыя подъ легкимъ слоемъ пыли“. I. 198
„Питомецъ радости, покорный наслажденью...“ I 182
„Плавно у ночи съ чела“. На разсвѣтѣ. I. 245

стр.

„Плыветъ луна по высотѣ“. Серенада. II. 147
„Побольше влаги свѣтлой мнѣ“. Вакхическая пѣсня. II. . . . 154
„По бульварамъ Саламанки“. Изъ Гейне. II 215
„Побѣда! Безоружна злоба!“ Въ альбомъ М. П. Боткиной. I . 453
„По вѣтви нижнія лѣса...“ I. 268
„Погляди мнѣ въ глаза хоть на мигъ“. II. 119
Погода. „Заря восточный свой алтарь“. I 223
Погребеніе Великой Княгини Александры Георгіевны, На. „Тамъ, гдѣ на красныя ступени“. I. 409
„Поднять бокалъ въ честь дружнаго союза“. Спичъ въ честь И. С. Тургенева. II. 178
„Поднять васъ трудишься напрасно...“ I. 455
Подражаніе восточнымъ стихотворцамъ. „Вселенной цѣлой потерявъ владѣнье“. II. 357
Подражаніе XVI идилліи Біона. „Прекрасная звѣзда Венеры свѣтлоокой“. I. 182
„Подъ небомъ Франціи, среди столицы свѣта...“ I. 211
„Подъ палаткою пунцовой...“ II. 10
„Подъ тѣнью сладостной полуденнаго сада“. Вакханка. I. . . 158
„Подѣлись живыми снами...“ I. 325
„Пойду навстрѣчу къ нимъ знакомою тропою...“ I. 183
„Пойми хоть разъ тоскливое признанье“. Anruf an die Geliebte Бетховена. I. 338
Покинутая дѣвушка. Изъ Мерике. „Чуть пѣтухи кричать“. II. . 369
„По листамъ пронесся шорохъ“. Эолова арфа. II. 120
„Полно смѣяться, — что это съ вами“ .“ I. 318
„Полно спать: тебѣ двѣ розы“... I. 305
Половодье, На Днѣпрѣ въ. А. Я. Панаевой. „Свѣтало. Вѣтеръ гнулъ упругое стекло“. I. 216
Полонской, А. Я. Въ альбомъ. „Стихи мои въ ряду другихъ“. I. 452
Полонской, А. Я. „Я вмигъ разсѣялъ бы, кажись“. I. 453
Полонскому. „Спасибо! Лирой вдохновенной“. I. 82
Полонскому, Я. П. „Въ минувшемъ жизнь твоя богата“. I. . . 452
Полонскому, Я. П. „Пѣвецъ мой дорогой, поэтъ мой знаменитый“. II. 122
„Полунóчные образы рѣютъ...“ I. 346
„Полуразрушенный, полужилецъ могилы...“ I. 124
„Получивши туберозы“. Е. С. Хомутовой. I. 445
„Помнишь тотъ горячій ключъ?“ Горячій ключъ. I. 229
„Помню я: старушка няня...“ I. 316
По невозвратномъ, Тоска. „Опять въ душѣ минувшая тревога“. II. 159
„Понятенъ зовъ твой сердобольный...“ II. 121
„Попка, восточный индіецъ, всему подражатель крылатый“. На смерть попугая. Изъ Овидія. II. 376
Попугая, На смерть. Изъ Овидія. „Попка, восточный индіецъ, всему подражатель крылатый“. II. 376
„Пора, — по влагѣ кругосвѣтной“. Графинѣ С. А. Толстой. I. . 414
Портрету Гр. С. А. Толстой, Къ. „И вотъ портретъ! И схоже — и несхоже...“ I. 449
Поручика Лосева, Сонъ. „Мнѣ не спалось. Томителенъ и жгучъ“. II. 39

стр.

Посейдонъ. Изъ Гейне. „Солнце лучами играло". II. 226
Посланіе П. Н. Каратѣеву. „На петербургскихъ плюнь злодѣевъ". II. 110
„Послушный снимокъ съ идеала". Къ фотографической карточкѣ M-lle Viardot. I. 450
Послѣ бури. „Пронеслась гроза сѣдая". I. 252
Послѣднее слово. „Я громомъ ихъ въ отчаяньи застигну". I. . 72
„Послѣдній звукъ умолкъ въ лѣсу глухомъ..." I. 195
„Послѣдній снопъ свезенъ съ нагихъ полей". Псовая охота. I. 219
Послѣдняя пѣсня. Изъ Беранже. „О, Франція, мой часъ насталъ: я умираю". II. 186
Послѣ представленія „Фрейшюца". Ревель. „Театръ во мглѣ затихъ. Агата". I. 338
„Послѣ ранняго ненастья..." II. 121
„Посмотри, нашъ боецъ зашатался, упалъ..." II. 168
Посреднику М. М Хрущову. „Противу вѣчнаго закона". I . 436
„Постой — здѣсь хорошо! Зубчатой и широкой..." I. 196
„Постой хотя на мигъ! О камень или пень". Нимфа и молодой сатиръ. Группа Ставассера. I. 159
Потеря, Первая. Изъ Гёте. „Кто воротитъ мнѣ дни блаженные". II. 379
Похищеніе изъ гарема. „Кто въ ночи при лунѣ открываетъ окно?" II. 138
Почему. „Почему, какъ сидишь озаренной". I. 313
„Почти ребенкомъ я была". Тайна. II. 15
Поѣздка на Гарцъ, Зимняя. Изъ Гёте. „Съ коршуномъ сходно". II. 232
Поэтамъ. „Сердце трепещетъ отрадно и больно". I 94
Поэту, Псевдо. „Молчи, поникни головою". I. 84
„Поэтъ, пророкъ, орловскій знатный баринъ..." I. 154
„Поэтъ, ты хочешь знать, за что такой любовью". Отвѣтъ Тургеневу. I. 212
„Право, отъ полной души я благодаренъ сосѣду..." I. 166
Праздникъ, Римскій. „Не навѣвай тоскливой муки". I . . . 341
Превращенья. „Давно, — въ порѣ ребяческой твоей..." I. . . 372
„Превыше тучъ, покинувъ горы". Горная высь. I. 73
„Предавъ себя судьбамъ на произволъ". Изъ Гафиза. II. . . . 198
Предисловіе Фета къ прежнимъ изданіямъ: I. Къ изданію 1863 года. II. 81
Предисловіе Фета къ прежнимъ изданіямъ: II. Къ третьему выпуску „Вечернихъ огней". II. 82
Предисловіе Фета къ прежнимъ изданіямъ: Къ четвертому выпуску „Вечернихъ огней". II. 86
Представленія „Фрейшюца", Послѣ. Ревель. „Театръ во мглѣ затихъ. Агата". I. 338
„Предъ вами правда несомнѣнно". Великому Князю Константину Константиновичу. I. 405
„Прежніе звуки — съ былымъ обаяньемъ". I. 340
„Прекрасная звѣзда Венеры свѣтлоокой". Подражаніе XVI идилліи Біона. I. 182
Прекрасная ночь. Изъ Гёте. „Вотъ съ избушкой я прощаюсь". II. 229
Прекрасная ночь. Изъ Гёте. „Оставляю домикъ милой". II. . . 173

стр.

Прибой. „Утесы, зной и сонъ въ пустынѣ". I. 250
„Привѣтствую тебя, мой добрый, старый садъ". Въ саду. I. . 200
Признаніе. „Простите мнѣ невольное признанье". II. 149
Призываніе. Изъ Ламартина. „О, ты, которая мнѣ въ душу заглянула". II. 387
Примѣты. „И тихо и свѣтло. До сумерекъ далеко". I. . . . 251
„Природы баловень, какъ счастливъ ты судьбой!" Къ красавцу. I. 180
„Природы праздный соглядатай". Ласточки. I. 61
„При свѣтѣ лампады надъ чернымъ сукномъ..." II 12
„Пришла и сѣла. Счастливъ и тревоженъ". Музѣ. I. 82
„Пришла, — и таетъ все вокругъ..." I. 287
„Прозвучало надъ ясной рѣкою". Вечеръ. I. 254
„Прозрачную канву цвѣтами убирая". Ручка. I. 181
„Пронеслась гроза сѣдая". Послѣ бури. I. 252
„Пропаду отъ тоски я и лѣни". Пчелы. I. 291
„Проснулся день. Свѣтло, широко". Нельзя. I. 67
„Проснулся я. Да, крыша гроба!—Руки". Никогда. I. . . . 140
„Прости, — во мглѣ воспоминанья". I. 208
„Прости — и все забудь въ безоблачный ты часъ..." I. . . . 365
Прости. Къ Офеліи. „Прости, — я помню то мгновенье". I. . . 353
„Прости меня, почтенный ликъ". Къ бюсту Ртищева въ Воробьевкѣ. I. 448
„Прости! Разверстая могила". Памяти В. П. Боткина. I. . . 79
„Простите мнѣ невольное признанье". Признаніе. II. 149
„Прости, — я помню то мгновенье". Къ Офеліи. Прости. I. . 353
„Противу вѣчнаго закона". Посреднику М. М. Хрущову. I. . 436
„Прошла весна, темнѣетъ лѣсъ". Ѳ. И. Тютчеву. I. 98
„Прошла зима, затихла вьюга". Тургеневу. I. 214
„Прощай, Тереза! Печальныя тучи". Изъ Мура. II. 369
Псевдо-поэту. „Молчи, поникни головою". I. 84
Псовая охота. „Послѣдній снопъ свезенъ съ нагихъ полей". I. 219
„Птицей". Нептуну Леверрье. I. 176
„Пускай мой старческій портретъ". Т. А. Кузминской. II. . . 121
„Пускай съ копьемъ противу злого". М. М. Хрущову. I. . . 436
„Пуская въ свѣтъ мои мечты..." II. 137
„Пусть бы люди про меня забыли". Изъ Рюккерта. II . . . 314
„Пусть геній прошлаго съ улыбкой". Въ альбомъ. II. . . . 157
„Пусть мчитесь вы, какъ я, покорны мигу". Среди звѣздъ. I. 263
„Пусть, насколько хватитъ силъ". Изъ Гафиза. II. 196
„Пусть не забудутся и путь". В. С. Соловьеву. I. 439
Путника, Ночная пѣсня. Изъ Гёте. „Ты, что съ неба и вполнѣ". II. 241
Пушкина, Къ памятнику. „Исполнилось твое пророческое слово". I. 147
Пушкина, Къ памятнику. „Свободнаго стиха прославленный творецъ". II. 122
Пчелы. „Пропаду отъ тоски я и лѣни". I 291
„Пышныя гнутся макушки". Кукушка. I. 320
Пѣвецъ. Изъ Гете. „Я слышу пѣсню,—у воротъ". II. 380
„Пѣвецъ мой дорогой, поэтъ мой знаменитый". Я. П. Полонскому. II. 122

стр.

Пѣвицѣ. „Уноси мое сердце въ звенящую даль“. I. 339
„Пѣвцамъ, высокое намъ мило“. Великому Князю Константину Константиновичу. I. 399
Пѣсни кавказскихъ горцевъ. „Выйди, мать, наружу, посмотри на диво“. „Станетъ насыпь могилы моей просыхать“. „Ты, горячая пуля, смерть носишь съ собой“. II. 356
Пѣснь, Весенняя. „Уснули мятели“. II. 129
Пѣснь охотника. Изъ Мерике. „Какъ красивъ на утренней зарѣ“. II. 306
Пѣсня, Вакхическая. „Побольше влаги свѣтлой мнѣ“. II. . . 154
Пѣсня, Застольная. „Фіалъ кипитъ янтарной Ипокреной“. II. . 131
Пѣсня, Майская. Изъ Гёте. „Все нѣжитъ взоры“. II. 378
Пѣсня, Новогреческая. „Но — на что твоей матери лампа ночная?“ II 113
Пѣсня пажа. „Говорятъ, мой голосъ звонокъ“. I 381
Пѣсня, Послѣдняя. Изъ Беранже. „О, Франція, мой часъ насталъ: я умираю!“ II 186
Пѣсня путника, Ночная. Изъ Гёте. „Ты, что съ неба и вполнѣ“. II. 241
Пѣсня сердцу, Колыбельная. „Сердце,—ты, малютка!“ I . . . 146
Пятидесятилѣтіе Музы, На. „Насъ отпѣваютъ... Въ этотъ день“. I. 106
Пятидесятилѣтіе Музы, На. „На утрѣ дней все ярче и чудеснѣй“. I 105
Пятнадцатое мая 1883 года. „Какъ солнце вешнее, сіяя“. I. . 398
„Пятьдесятъ лебедей пронесли“. На юбилей А. Н. Майкова. I. 100
„Радъ я дождю: отъ него тучнѣетъ мягкое поле...“ I 186
Развалинахъ цезарскихъ палатъ, На. „Надъ грудой мусора, гдѣ плющъ тоскливо вьется“. I 154
Разсвѣтѣ, На. „Плавно у ночи съ чела“. I. 245
„Разсказывалъ я много глупыхъ сновъ...“ I 349
„Разстались мы, ты странствуешь далече...“ I 362
„Разсыпаяся смѣхомъ ребенка...“ I. 330
„Разсѣянной, невѣрною рукою“. О. М. Соловьевой. I 86
Ракета. „Горѣлъ напрасно я душою“. I 119
Распутьѣ, На. „Въ вечеръ такой золотистый и ясный“. I. . . 241
Растутъ, растутъ причудливыя тѣни...“ I 253
Рауфенбахъ, Замокъ. „На гранитъ ступаетъ твердо“. II . . . 139
Ребенку. „Я слышу звонъ твоихъ рѣчей“. I 392
Ревель. Послѣ представленія „Фрейшюца“. „Театръ во мглѣ затихъ. Агата“. I. 338
Римскій праздникъ. „Не навѣвай тоскливой муки“. I 341
Рододендронъ. II. 180
Роза, Мѣсяцъ и. „Всталъ я рано надъ горой“. II. 21
Роза, Осенняя. „Осыпалъ лѣсъ свои вершины“. I 233
Роза, Сентябрьская. „За вздохомъ утреннимъ мороза“. I. . . 233
Роза, Соловей и. „Небесъ и земли повелитель“. II. 5
Роза. „У пурпурной колыбели“. I 59
Розы, Двѣ. „Вчера златокудрявый“. II. 145
Романсъ. „Злая пѣснь, какъ больно возмутила“. I 341
Романсъ. „Угадалъ—и я взволнованъ“. I. 336

стр.

Романсъ. „Я тебѣ ничего не скажу“. I 335
„Роями поднялись крылатыя мечты...“ I. 88
„Рояцимся мечтамъ летѣть давъ волю...“ I 120
Ртищева въ Воробьевкѣ, Къ бюсту. „Прости меня, почтенный ликъ“. I. 448
„Руку бы снова твою мнѣ хотѣлось пожать...“ I. 370
Ручей, Юноша и мельничный. Изъ Гёте. „Куда ты, свѣтлый ручеекъ“. II 238
Ручка. „Прозрачную канву цвѣтами убирая“. I 181
Рыбакъ. Изъ Гёте. „Неслась волна, росла волна“. I 240
Рыбка. „Тепло на солнышкѣ. Весна“. II. 239
Сабина. „Надъ міромъ царствовалъ Неронъ“. I 25
Саду, Въ. „Привѣтствую тебя, мой добрый, старый садъ“. I. . 200
„Садъ весь въ цвѣту. .“ I 292
Садъ, Вечерній. „Не бойся вечерняго сада!“ II 111
Садъ, Мой. „Въ моемъ саду, въ тѣни густыхъ аллей“. II . 148
„Сады молчатъ. Унылыми глазами“. Тополь. I. 237
Саконтала. „Саконтала, изъ всѣхъ царицъ, украшавшихъ индійскій“. II 74
Самообольщеніе. Изъ Гёте. „Сосѣдкинъ занавѣсъ въ окнѣ“. II. 242
Сатиръ, Діана, Эндиміонъ и. Картина Брюллова. „У звучнаго ключа, какъ сладокъ первый сонъ!“ I. 160
Сатиръ, Нимфа и молодой. Группа Ставассера. „Постой хотя на мигъ! О камень или пень“. I 159
„Сбирались умирать послѣдніе цвѣты“. Старый паркъ. I. . . 218
Свадьбу Е. П. Щукиной, На серебряную. „Ты говоришь: „День свадьбы -день чудесный“. I. 433
Свиданіе въ лѣсу. „Ты ль это? Такъ поздно?“ „Я сбился въ потемкахъ съ дороги“. II. 128
Свитезянка. Изъ Мицкевича. „Кто этотъ юноша скромный, прекрасный“. II 363
Свобода и неволя. „Видишь, -мы теперь свободны“. I . . . 355
„Свободнаго стиха прославленный творецъ“. Къ памятнику Пушкина. II 122
„Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ...“ I 312
„Свѣжѣетъ вѣтеръ, меркнетъ ночь“. Буря. I 252
„Свѣтало. Вѣтеръ гнулъ упругое стекло“. На Днѣпрѣ въ половодье. А. Я. Панаевой. I. 216
„Свѣтилъ намъ день, будя огонь въ крови...“ I 109
Свѣточъ. „Ловецъ, всѣ дни отдавшій лѣсу“. I. 65
„Свѣча нагорѣла. Портреты въ тѣни...“ I 303
Севастопольское братское кладбище. „Какой тутъ дышитъ миръ! Какая славы тризна“. I 76
„Сегодня всѣ звѣзды такъ пышно...“ I 267
Сегодня, Вчера и. „Вчера, при блескѣ свѣчъ, въ двѣнадцатомъ часу“. II. 93
„Сегодня день твой просвѣтлѣнья...“ I. 118
„Сегодня пиръ отрадный мы вѣнчаемъ“. Д. П. и С. С. Боткинымъ въ день 25-лѣтія ихъ свадьбы. I. 432

стр.

Семела. Изъ Шиллера. II 331
Семенковичъ, Е. М. Quasi una fantasia. „Сновидѣнье — пробужденье“. I 113
Сентябрьская роза. „За вздохомъ утреннимъ мороза“. I . . . 233
„Сердце желаніемъ встрѣчи томимо“. Великому Князю Константину Константиновичу и Великой Княгинѣ Елисаветѣ Маврикіевнѣ. I 404
„Сердце, сердце, что̀ такое“. Изъ Гёте. Новая любовь — новая жизнь. II. 241
„Сердце трепещетъ отрадно и больно“. Поэтамъ. I 94
„Сердце,—ты, малютка!“ Колыбельная пѣсня сердцу. I . . . 146
Сердцу, Колыбельная пѣсня. „Сердце,—ты, малютка“. I . . . 146
Серебряную свадьбу Е. П. Щукиной, На. „Ты говоришь: „День свадьбы—день чудесный“. I. 433
Серенада. „Плыветъ луна по высотѣ“. II 147
Серенада. „Тихо вечеръ догораетъ“. I 335
Сестра. „Милой меня называлъ онъ вчера“. I. 380
Сикстинской Мадоннѣ, Къ. „Вотъ сынъ Ея,—Онъ тайна Іеговы. I. 348
Сильфы. „Ночную фіалку лобзаетъ зефиръ“. I 322
„Сіяла ночь. Луной былъ полонъ садъ. Лежали...“ I 340
Сіяніи, Въ лунномъ. „Выйдемъ съ тобой побродить“. I . . . 244
„Скажи, кольцо, какъ другъ иль какъ злодѣй“. Кольцо. II . . 150
„Скрипъ шаговъ вдоль улицъ бѣлыхъ...“ I. 278
„Скучно мнѣ вѣчно болтать о томъ, что̀ высоко, прекрасно...“ I. 168
„Славить доспѣхи и войны сбирался я строгимъ размѣромъ“. Изъ Овидія. II. 372
„Слеза слезу съ ланиты жаркой гонитъ...“ I 301
Слово, Послѣднее. „Я громомъ ихъ въ отчаяньи застигну“. I . 72
„Слышишь ли ты, какъ шумитъ вверху угловатое стадо...“ I . 169
„Слышу ли пѣсенки звуки“. Изъ Гейне. II. 216
„Слѣдить твои шаги, молиться и любить...“ I 193
Смерти. „Когда, измученъ жаждой счастья“. I. 141
Смерти. „Я въ жизни обмиралъ—и чувство это знаю“. I. . . 139
Смерть А. В. Дружинина, На. „Умолкъ твой голосъ навсегда“. I. 78
Смерть Бражникова, На. „Взводъ впередъ, справа по три, не плачь!“ I. 148
Смерть Мити Боткина, На. „Тебя любили мы за рѣзвость молодую“. I 394
Смерть попугая, На. Изъ Овидія. „Попка, восточный индіецъ, всему подражатель крылатый“. II 376
Смерть, Сонъ и. „Богомъ свѣта покинута, дочь Громовержца нѣмая“. I 171
Смерть юной дѣвы, На. „Въ обширномъ саду, испещренномъ живыми цвѣтами“. II 155
Смерть. „Я жить хочу!“ кричитъ онъ, дерзновенный“. I. . . 139
„Смотри, красавица,—на матовомъ фарфорѣ“. II. 122
„Смотри,—синѣя другъ за другомъ“. Одинокій дубъ. I. . . . 234
„Смотрѣть на васъ и страшно мнѣ и больно...“ II. 123
„Смотрю, завидую немножко...“ Кузминской, И. А. II 123

стр

„Снился берегъ мнѣ скалистый...“ Сонъ. I 327
„Сними твою одежду дорогую...“ II. 166
„Снова птицы летятъ издалека“. Весеннія мысли. I 288
„Снова слышу голосъ твой...“ I. 359
„Сновидѣнье — пробужденье“. Е. М. Семенковичъ. Quasi una fantasia. I 113
„Сны и тѣни...“ I 326
Снѣ, Во. „Какъ вешній день, твой ликъ приснился снова“. I . 328
„Соизмѣряя даръ съ привѣтомъ“. Е. С. Хомутовой. I 446
Соколъ, Вольный. „Не вскормленъ ты пищей нѣжной“. I . . 75
Соллогубъ, Гр. Н. М. „Вамъ пѣснь моя! Въ степи мірской“. I. 415
Соллогубъ, Гр. Н. М. „О, Береника! Сердцемъ чую“. I. . . . 415
Соллогубъ, Гр. Н. М. „Тобой привычный восхищаться“. I . . 416
„Солнца лучъ промежъ липъ былъ и жгучъ и высокъ...“ I. . 109
„Солнце лучами играло“. Посейдонъ. Изъ Гейне. II. 226
„Солнце нижетъ лучами въ отвѣсъ...“ I 220
„Солнце низко. Легкой мглою“. Телемакъ у Калипсы. I . . . 162
„Солнце палило и только полуденный часъ миновало“. Изъ Овидія. II 375
„Солнце потухло. Плаваетъ запахъ...“ II. 165
„Солнце садится, и вѣтеръ утихнулъ летучій...“ I 145
Соловей и роза. „Небесъ и земли повелитель“. II 5
Соловьевой, О. М. „Разсѣянной, невѣрною рукою“. I 86
Соловьеву, В. С. „Пусть не забудутся и пусть“. I 439
Соловьеву, В. С. „Ты изумляешься, что я еще пою...“ I. . . 129
Сонетъ. „Когда отъ хмеля преступленій“. I. 95
Сонетъ. Къ Офеліи. „Съ тѣхъ поръ, какъ Богъ въ тебѣ осуществилъ“. II 104
Сонъ и Пазифая. „Ярко-блестящая пряжка надъ бѣлою, полною грудью“. I 171
Сонъ и смерть. „Богомъ свѣта покинута, дочь Громовержца нѣмая“. I 171
Сонъ поручика Лосева. „Мнѣ не спалось. Томителенъ и жгучъ“. II. 39
Сонъ. „Снился берегъ мнѣ скалистый“. I 327
„Сосна такъ темна, хоть и мѣсяцъ“. Къ Офеліи. II. 103
Сосны. „Средь кленовъ дѣвственныхъ и плачущихъ березъ“. I. 236
„Со степи зелено-сѣрой“. Первая борозда. I 238
„Сосѣдкинъ занавѣсъ въ окнѣ“. Изъ Гёте. Самообольщеніе. II. 242
„Сошло дыханье свыше“. Изъ Гафиза. II 201
„Спасибо вамъ! Мы вспоминаемъ“. О. И. Щукиной. II. . . . 124
„Спасибо, другъ: ты упросилъ“. П. И. Борисову. I 439
„Спасибо! Лирой вдохновенной“. Полонскому. I 82
„Спать пора! Свѣча сгорѣла“. Воротъ. I. 388
„Сперва мѣняя типъ за типомъ...“ I 455
„Спи,—еще зарею...“ I 305
Спичъ въ честь И. С. Тургенева. „Поднять бокалъ въ честь дружнаго союза“. II. 178
„Сплываютъ ледяные своды“. Великому Князю Константину Константиновичу. I 400

стр.

„Сплю я. Тучки дружныя". I. 327
Споръ. „Гдѣ нимфа рѣзвая, покинувъ горный токъ". II. . . . 96
Среди звѣздъ. „Пусть мчитесь вы, какъ я, покорны мигу". I . 264
„Среди несмѣтныхъ звѣздъ полночи..." I. 360
„Среди фіалокъ въ царствѣ розъ". Ю. Б. Шумахеръ. II . . . 124
„Средь кленовъ дѣвственныхъ и плачущихъ березъ". Сосны. I. 236
Ставассера. Группа. Нимфа и молодой Сатиръ. „Постой хотя на мигъ! О камень или пень". I 159
„Станетъ насыпь могилы моей просыхать". Пѣсни кавказскихъ горцевъ. II 356
Старый паркъ. „Сбирались умирать послѣдніе цвѣты". I. . . 218
Старыя письма. „Давно забытыя подъ легкимъ слоемъ пыли". I. 198
Степь вечеромъ. „Клубятся тучи, млѣя въ блескѣ аломъ". I. . 217
„Стихи мои въ ряду другихъ". Въ альбомъ Н. Я. Полонской. I. 452
„Стихомъ моимъ незвучнымъ и упорнымъ". Къ Офеліи. II . . 104
„Стихомъ простымъ, стихомъ случайнымъ". Въ альбомъ А. Я. Марченко. II 134
Стихотвореній Тютчева, На книжкѣ. „Вотъ нашъ патентъ на благородство". I 97
Стихотворцамъ, Подражаніе восточнымъ. „Вселенной цѣлой потерявъ владѣнье". II 357
„Стократъ блаженъ, когда я могъ стяжать". II 170
„Стою у каменной стремнины". Горы. II. 125
„Страницы милыя опять персты раскрыли..." I 199
„Странное чувство какое-то въ нѣсколько дней овладѣло". I . 167
Странность. „Въ мірѣ, гдѣ радостей нѣтъ, Эпикуръ говоритъ: наслаждайся". II. 151
Студентъ. С. П. Хитрово. „Гляжу на васъ я, умница моя". II . 59
Стѣна. „На склонѣ у лона морской глубины". I. 237
„Супругъ надменный козъ, лоснящійся отъ жиру". Изъ Шенье. II. 323
„Съ безумною отвагою поэта". Королевѣ Эллиновъ Ольгѣ Константиновнѣ. I. 398
„Съ бородою сѣдою верховный я жрецъ..." I. 88
„Съ гнѣздъ замахали крикливыя цапли..." I 288
„Съ каждымъ шагомъ тяжкія оковы". Колодникъ. II 159
„Съ какой я нѣгою желанья..." I. 267
„Съ камня на камень висящій". Къ Офеліи. Горный ключъ. II. 104
Съ китайскаго. Тѣнь. „Башня лежитъ". II 355
„Съ корзиной, полною цвѣтовъ, на головѣ..." I 183
„Съ коршуномъ сходно". Изъ Гёте. Зимняя поѣздка на Гарцъ. II. 232
Съ нѣмецкаго. „Я съ лучшей стороны смотрѣть на все готовъ". II. 354
„Съ полей несется голосъ стада". Цвѣты. I. 231
„Съ порога рыбачьей избушки". Изъ Гейне. II 217
„Съ солнцемъ склоняясь за темную землю..." I. 107
„Съ тѣхъ поръ, какъ Богъ въ тебѣ осуществилъ". Къ Офеліи. Сонетъ. II 104
„Съ чѣмъ насъ сравнить съ тобою, другъ прелестный". Восточный мотивъ. I. 451
Съ юга, Знакомкѣ. „На сѣверъ грустный съ пламеннаго юга". I. 249

стр.
„Сядемъ здѣсь, у этой ивы“. Ива. I. 236
„Сядь, Ваѳиллъ, въ тѣни отрадной“. Изъ Анакреона. II . . . 358
„Сядь у моря—жди погоды...“ II. 126
„Та же звѣздочка на небѣ“. The Echoes. II. 127
Тайна. „Почти ребенкомъ я была“. II. 15
„Такъ, онъ безумствуетъ; то бредъ воображенья...“ I 428
Талисманъ. „Октавами и повѣсть, признаюсь“. II. 32
„Тамъ, гдѣ на красныя ступени“. На погребеніе Великой Княгини Александры Георгіевны. I. 409
„Тамъ, какъ сраженный“. Водопадъ. I. 173
„Тамъ, подъ оливами, близъ шумнаго каскада“. Греція. I . . 151
„Твоей привѣтливой щедротой“. М. М. Хрущову. I. 446
„Твои пылаютъ щечки“. Изъ Гейне. II 218
„Твой вѣчно, неизмѣнно“. Изъ Гафиза. II 200
„Твоя старушка-мать могла...“ I. 428
„Театръ во мглѣ затихъ. Агата“. Ревель. Послѣ представленія „Фрейшюца“. I. 338
„Тебѣ въ молчаніи я простираю руку...“ I. 197
„Тебя искалъ мой стихъ по всѣмъ концамъ земли“. И. С. Тургеневу. I. 418
„Тебя любили мы за рѣзвость молодую“. На смерть Мити Боткина. I. 394
„Тебя не знаю я. Болѣзненные крики“. Ничтожество. I . . . 138
Телемакъ у Калипсы. „Солнце низко. Легкой мглою“. I. . . . 162
Теперь. „Мой прахъ уснетъ, забытый и холодный“. I. . . . 86
„Тепло на солнышкѣ. Весна“. Рыбка. I. 239
„Теплый вѣтеръ тихо вѣетъ...“ I. 224
„Теплымъ вѣтромъ потянуло...“ I 260
Тимирязеву, А. А. „Все дождь и дождь, и солнце ликъ свой прячетъ“. I. 435
„Тихая, звѣздная ночь...“ I. 304
„Тихо вечеръ догораетъ“. Серенада. I. 335
„Тихо ночью на степи“. I. 324
„Тихонько движется мой конь...“ I. 283
„Тобой привычный восхищаться“. Гр. Н. М. Соллогубъ. I . 416
„Толпа тѣснилася. Рука твоя дрожала...“ I. 376
Толстой, Гр. С. А. „Гдѣ, средь иного поколѣнья“. I. . . . 134
Толстой, Гр. С. А. „Когда стопой слегка усталой“. I . . . 413
Толстой, Гр. С. А. „Когда такъ нѣжно расточала“. I. 413
Толстой, Гр. С. А. Къ портрету. „И вотъ портретъ! И схоже—и несхоже“. I. 449
Толстой, Гр. С. А. „Пора,—по влагѣ кругосвѣтной“. I. . . 414
Толстой, Гр. С. А. „Я не у васъ, я обдѣленъ“. I. 411
Толстому, Гр. А. К. „Въ твоей Пустынькѣ подгородной“. I 83
Толстому, Гр. Л. Н. „Была пора—своей игрою“. I 97
Толстому, Гр. Л. Н. „Все стремлюсь къ тебѣ мечтою“. I. . 421
Толстому, Гр. Л. Н. „Какъ ястребу, который просидѣлъ“. I. 443
Толстому, Гр. Л. Н., Эпиталама. „Кометой огненно-эѳирной“. I. 430
„Только встрѣчу улыбку твою...“ I. 91

стр.

„Только въ мірѣ и есть, что тѣнистый..." I. 308
„Только мѣсяцъ взошелъ..." I. 300
„Только станетъ смеркаться немножко". I 302
„Только-что спрячется солнце..." I. 121
„Томительно-призывно и напрасно..." I 124
„Томный звонъ въ груди моей". Изъ Гейне. II 218
„Тому не лестны наши оды". П. И. Чайковскому. I . . . 434
„Тому, что было, не бывать". Въ альбомъ Козлову. I. . . . 451
Тополь. „Сады молчатъ. Унылыми глазами". I. 237
Тоска по невозвратномъ. „Опять въ душѣ минувшая тревога". II. 159
„Тотъ, кто владѣетъ громаднѣйшимъ царствомъ..." II 127
„Трепетный факелъ,—съ вечернимъ мерцаніемъ". Великому Князю Константину Константиновичу. I 402
„Третью ужъ ночь вотъ на этомъ холмѣ за оврагомъ". Морской заливъ. I. 257
„Трубятъ голубые гусары". Изъ Гейне. II 218
Туманное утро. „Какъ первый золотистый лучъ". I. 95
Тургенева, И. С., Спичъ въ честь. „Поднять бокалъ въ честь дружнаго союза". II. 178
Тургеневу, И. С. Двѣ липки. „Близъ рощи, на пригоркѣ сѣрый домъ". II. 46
Тургеневу. „Изъ мачтъ и паруса,—какъ честно онъ служилъ". I. 215
Тургеневу, Отвѣтъ. „Поэтъ, ты хочешь знать, за что такой любовью". I. 212
Тургеневу. „Прошла зима, затихла вьюга". I. 214
Тургеневу, И. С. „Тебя искалъ мой стихъ по всѣмъ концамъ земли". I. 418
„Тускнѣютъ угли. Въ полумракѣ". У камина. I 303
Тучка. „Тучка-челнъ, небесъ волною". I. 300
The Echoes. „Та же звѣздочка на небѣ". II 127
„Тщетно блуждаетъ мой взоръ, измѣряя твой мраморъ начатый". Кусокъ мрамора. I 172
„Ты былъ для насъ всегда вонъ той скалою". Крымскій обвалъ. I. 116
„Ты видишь,—за спиной косцовъ". I 262
„Ты всѣ стихи переплела". М. П. Шеншиной. I. 442
„Ты вся въ жемчугахъ и въ алмазахъ". Изъ Гейне. II . . . 219
„Ты вся въ огняхъ,—твоихъ зарницъ..." I 122
„Ты въ мозгу моемъ убогомъ". Изъ Гафиза. II 195
Ты говоришь: „День свадьбы—день чудесный". На серебряную свадьбу Е. П. Щукиной. I 433
„Ты говоришь мнѣ: прости!" I 359
„Ты, горячая пуля, смерть носишь съ собой". Пѣсни кавказскихъ горцевъ. II 356
„Ты изумляешься, что я еще пою". В. С. Соловьеву. I . . . 129
„Ты ль это? Такъ поздно?"—„Я сбился въ потемкахъ съ дороги". Свиданіе въ лѣсу. II 128
„Ты мелькнула, ты предстала". Шопену. I 337
„Ты мнѣ простишь, мой другъ, что каждый разъ..." II . . . 166
„Ты отстрадала, я еще страдаю". Отошедшей. I. 110

стр.

„Ты помнишь, что̀ было тогда...“ I. 275
„Ты правъ, мы старимся. Зима недалека...“ I. 126
„Ты правъ: однимъ воздушнымъ очертаньемъ“. Бабочка. I . . 230
„Ты расточительна на милыя слова...“ I. 191
„Ты скажешь, бросая взоръ по голубой равнинѣ“. На лодкѣ. I. 227
„Ты спишь одинъ, забытъ на мѣстѣ дикомъ“. Nocturno. I . . 323
Тысяча восемьсотъ восемьдесятъ перваго года, 11 іюля. I. . . 392
„Ты такъ любишь гулять...“ II 22
„Ты хвастаешь, что ты съ безсмертными въ союзѣ...“ I . . . 454
„Ты хочешь проклинать, рыдая и стеня“. Муза. I 104
„Ты, что̀ съ неба и вполнѣ“. Изъ Гёте. Ночная пѣсня путника. II 241
Тѣнь. Съ китайскаго. „Башня лежитъ“. II 355
„Тѣснѣе и ближе сюда!..“ I 87
Тютчева, На книжкѣ стихотвореній. „Вотъ нашъ патентъ на благородство“. I 97
Тютчева, Ѳ. И., Переводъ французскаго стихотворенія. „О, какъ люблю я возвращаться“. II 115
Тютчеву, Ѳ. И. „Мой обожаемый поэтъ“. I. 422
Тютчеву, Ѳ. И. „Прошла весна, темнѣетъ лѣсъ“. I 98
„Тяжело въ ночной тиши...“ I 67
У взморья, Вечеръ. „Засверкалъ огонь зарницы“. I 255
„Угадалъ—и я взволнованъ“. Романсъ. I 339
Угасшимъ звѣздамъ. „Долго ль впивать мнѣ мерцаніе ваше“. I. 62
„Угрюмъ и празденъ часто я брожу...“ I 349
Удавленникъ. „Ужинъ сняли. Слава Богу“. II 142
„Ужель на вопль и зовъ молебный“. Памяти С. С. Боткиной. I 147
„Ужинъ сняли. Слава Богу“. Удавленникъ. II 142
„Ужъ верба вся пушистая...“ I 286
„Ужъ вечеръ надвинуться хочетъ“. Изъ Гейне. II 220
„Ужъ если все отъ вѣка рѣшено“. Изъ Гафиза. II 201
„Ужъ, серпы на плеча взложивъ, усталыя жницы...“ II . . . 169
„У звучнаго ключа какъ сладокъ первый сонъ“. Діана, Эндиміонъ и Сатиръ. Картина Брюллова. I. 160
Узникъ. „Густая крапива“. I 377
У Калипсы, Телемакъ. „Солнце низко. Легкой мглою“. I. . . 162
У камина. „Тускнѣютъ угли. Въ полумракѣ“. I 303
„Улыбка томительной скуки...“ I. 333
„У моей возлюбленной есть украшенье“. Изъ Рюккерта. II . . 318
„Умолкъ твой голосъ навсегда“. На смерть А. В. Дружинина. I. 78
Ундина, Моя. „Она рѣзва“. I 372
„Уноси мое сердце въ звенящую даль“. Пѣвицѣ. I. 339
У окна. „Къ окну приникнувъ головой“. I 329
„Упрекомъ, жалостью внушеннымъ...“ I 120
„Упрямый лукъ, съ прицѣла чуть склоненъ“. Аполлонъ Бельведерскій. I. 155
„У пурпурной колыбели“. Роза. I 59
„Ура, нашъ архангелъ отвинченъ...“ II 128
„Уснули мятели“. Весенняя пѣснь. II 129

стр.
„Уснуло озеро. Безмолвенъ черный лѣсъ...“ I 325
„Устало все кругомъ: усталъ и цвѣтъ небесъ...“ I 274
„Утесы, зной и сонъ въ пустынѣ“. Прибой. I. 250
Утренняя жалоба. Изъ Гёте. „О, скажи мнѣ, милая рѣзвушка“. II. 382
„Утромъ курится поляна...“ II. 130
Утро, Туманное. „Какъ первый золотистый лучъ“. I 95
Утѣшеніе. „Вспорхнулъ твой вѣтренникъ, ужъ нѣтъ его съ тобою“. II 151
„Учись у нихъ,—у дуба, у березы...“ I 62
Ущелье, Горное. „За лѣсомъ лѣсъ, и за горами горы“. I. . . 222
Фантазія. „Мы одни. Изъ сада въ стекла оконъ“. I. 321
Фетъ-Али-Шаха. „Любовь и званье вертопраховъ“. II. 106
„Фіалъ кипитъ янтарной Ипокреной“. Застольная пѣсня. II. . 131
Фотографической карточкѣ M-lle Viardot, Къ. „Послушный снимокъ съ идеала“. I 450
„Фрейшюца“, Послѣ представленія. Ревель. „Театръ во мглѣ затихъ. Агата“. I 338
Хандра. III. „Другъ мой, я сегодня боленъ“. I. 273
Хандра. „Когда на сѣрый, мутный небосклонъ“. II 161
Хандра. II. Не ворчи, мой котъ-мурлыка. I. 272
Хандра. I. „Непогода. Осень. Куришь“. I. 271
„Хвалить я браковъ не умѣю“. Е. Д. Дункеръ. I. 431
Хижина въ лѣсу. „На лѣсъ насунулися тучи“. II 109
Хитрово, С. П. Студентъ. „Гляжу на васъ я, умница моя“. II . 59
Хитрово, С. П. „Я опоздалъ—и какъ жалѣю!“ I 417
Хомутовой, Е. С. „Получивши туберозы“. I. 445
Хомутовой, Е. С. „Соизмѣряя даръ съ привѣтомъ“. I 446
Хомутовой, Е. С. „Цвѣты и пѣсни съ давнихъ лѣтъ“. I . . . 444
Хомутовой, Е. С. „Чѣмъ пышнѣе ваши розы“. I. 445
„Хоругвь священную подъявъ своей десной“. Оброчникъ. I. . 80
„Хоть нельзя говорить, хоть и взоръ мой поникъ...“ I. . . . 93
„Хоть строчкой, бѣдная подруга“. А. Л. Бржеесской. II. . . . 178
„Хоть счастіе судьбой даровано не мнѣ...“ I 192
„Хотѣлъ я съ тобою остаться“. Изъ Гейне. II 221
„Хотя любовь препобѣдила“. А. П. Боткиной. II 132
„Хотя попрежнему зѣваю...“ I 426
„Христосъ Воскресе!—кличъ весенній“. П. П. Боткину. I . . 437
Хрущовой, Е. Г. „Я видѣлъ преданность и рвенье“. I. . . . 416
Хрущову, Посреднику М. М. „Противу вѣчнаго закона“. I . . 436
Хрущову, М. М. „Пускай съ копьемъ противу злого“. I 436
Хрущову, М. М. „Твоей привѣтливой щедроты“. I 446
Художнику. „Не слушай ихъ, когда съ улыбкой злою“. II . . 113
Художникъ къ дѣвѣ. „Дѣва, не спрашивай“. II 156
Царь, Лѣсной. Изъ Гёте. „Кто поздній верховый подъ вѣтромъ ночнымъ?“ II 362
Цвѣтамъ, Къ. Изъ Шиллера. „Дѣти солнечнаго всхода“. II . . 330
„Цвѣтовъ подбавила весна“. Изъ Гейне. II 222
Цвѣтовъ, Языкъ. „Мой пучокъ блеститъ росой“. II 107
„Цвѣты и пѣсни съ давнихъ лѣтъ“. Е. С. Хомутовой. I . . . 444

Стр.

„Цвѣты киваютъ мнѣ, головки наклоня“. Мотылекъ мальчику. I. 230
Цвѣты. „Съ полей несется голосъ стада“. I 231
Цезарскихъ палатъ, На развалинахъ. „Надъ грудой мусора, гдѣ плющъ тоскливо вьется“. I 154
Цирцеѣ, Къ. „Блаженъ, о, Цирцея, кто въ черныя волны забвенья“. II 175
Цыганкѣ. „Молода и черноока“. I 358
„Цѣлый заставила день меня промечтать ты сегодня...“ I . . 168
„Цѣлый міръ отъ красоты...“ I 91

Чайковскому, П. И. „Тому не лестны наши оды“. I 434
Человѣчества, Границы. Изъ Гёте. „Когда стародавній“. II . . 230
„Черезъ тѣсную улицу здѣсь въ высотѣ...“ I 366
„Черную урну съ прахомъ поэта“. Арабескъ. II 163
Честь И. С. Тургенева, Спичъ въ. „Поднять бокалъ въ честь дружнаго союза“. II. 178
„Членъ Академіи больной“. Ѳ. Е. Коршу. I. 423
„Что̀ бъ 'это значило? Все какъ будто жестка мнѣ постеля“. Изъ Овидія. II. 373
„Что̀ за вечеръ! А ручей...“ I. 240
„Что̀ за звукъ въ полумракѣ вечернемъ?—Богъ вѣсть!“ I . . 310
„Что̀ за зной! Даже тутъ подъ вѣтвями“. Зной. I. 223
„Что̀ за ночь! Прозрачный воздухъ скованъ...“ I. 260
„Что̀ молчишь? Иль не видишь,—горю...“ 182
„Что̀ ты, голубчикъ, задумчивъ сидишь...“ I 330
„Чудная картина...“ I. 277
„Чуждыя огласки...“ I 308
„Чуть вечернею росою“. Змѣй. II 17
„Чуть пѣтухи кричатъ“. Покинутая дѣвушка. Изъ Мерике . . 369
„Чуя внушенный другими отвѣтъ...“ I. 308
„Чѣмъ безнадежнѣе и строже...“ I 118
„Чѣмъ долѣ я живу, чѣмъ больше пережилъ“. II 132
„Чѣмъ пышнѣе ваши розы“. Е. С. Хомутовой. I. . . 445
„Чѣмъ тоскѣ, я не знаю, помочь!“ I 345

Шарманщикъ. „Къ окну я въ потемкахъ приникъ“. I . . . 342
Шеншиной, М. П. „Ты всѣ стихи переплела“. I. 442
Шиллеру. „Орелъ могучихъ, свѣтлыхъ пѣсенъ“. II 116
Шопену. „Ты мелькнула, ты предстала“. I. 337
„Шопотъ. Робкое дыханье...“ I 262
Шумахеръ, Ю. Б. „Среди фіалокъ въ царствѣ розъ“. II . . . 124
„Шумъ и гамъ. Хохочутъ дѣвы“. Зевесъ. I. 165
„Шумѣла полночная вьюга...“ I 307

Щечки рдѣютъ алымъ жаромъ“. I. 279
Щукиной, Е. П., На серебряную свадьбу. „Ты говоришь: День свадьбы—день чудесный“. I. 433
Щукиной, О. И. „Спасибо вамъ! Мы вспоминаемъ“. II. . . 124
Echoes, The. „Та же звѣздочка на небѣ“. II 127
Экспромптъ. „Весь переѣздъ забавою“. II 178
Элегія. Изъ Мюссе. „Когда я умру, надо мной“. II 370

стр.

Элегія. Изъ Овидія. Изъ книги любви. „Славить доспѣхи и войны сбирался я строгимъ размѣромъ“. II 372
Элегія. Изъ Овидія. Изъ книги любви. „Солнце палило и только полуденный часъ миновало“. II 375
Элегія. Изъ Овидія. Изъ книги любви. „Чтò бъ это значило? Все какъ будто жестка мнѣ постеля“. II. 373
Элегія. „Мечту младенчества въ меня вдохнула ты“. II . . . 106
Эндиміонъ и Сатиръ, Діана. Картина Брюллова. „У звучнаго ключа, какъ сладокъ первый сонъ!“ I 160
Эолова арфа. „По листамъ пронесся шорохъ“. II 120
Эпилогъ. Изъ Гейне. „Будто на нивѣ колосья“. II 228
Эпиталама графу Л. Н. Толстому. „Кометой огненно-эѳирной“. I. 430
Эпитафія. „Любилъ онъ пѣснямъ дѣвъ задумчиво внимать“. II. 163
„Эти думы, эти грезы...“ I. 320
„Это у васъ, на сѣверѣ, все нипочемъ!.. Посмотри-ка“. Амимона. I 170
„Это утро, радость эта“. I 289
„Эхъ, шутка-молодость!..“ I. 281
Юбилей А. Н. Майкова, На. „Какъ привлечь къ себѣ вниманье“. I. 99
Юбилей А. Н. Майкова, На. „Пятьдесятъ лебедей пронесли“. I. . 100
Юга, Знакомкѣ съ. „На сѣверъ грустный съ пламеннаго юга“. I. 249
Югѣ, Весна на. „Ночью—мѣсяцъ, полонъ блеска“. I. 290
Юной дѣвы, На смерть. „Въ обширномъ саду, испещренномъ живыми цвѣтами“. II 155
„Юноша, вздромъ блестя, ты видишь всѣ прелести дѣвы...“ I. 375
Юноша и мельничный ручей. Изъ Гёте. „Куда ты, свѣтлый ручеекъ“. II 238
Юношѣ, Къ. „Друзья, какъ онъ хорошъ за чашею вина!“ I . 180
„**Я** боленъ, Офелія, милый мой другъ“. Къ Офеліи. I. . . . 351
„Я былъ опять въ саду твоемъ...“ I 247
„Я былъ пустынною страной“. Изъ Гафиза. II. 191
„Я вамъ пророчилъ поклоненье“. А. Л. Бржесской. II. . . . 133
„Я васъ разсматривалъ украдкой“. Въ альбомъ. Къ Офеліи. I . 350
„Я вдаль иду моей дорогой...“ II. 133
„Я видѣлъ преданность и рвенье“. Е. Г. Хрущовой. I. . . . 416
„Я видѣлъ твой млечный, младенческій волосъ...“ I. 315
„Явись, явись ко мнѣ, больному“. М. Н. Коншиной. I. . . . 417
„Я вмигъ разсѣялъ бы, кажись“. Н. Я. Полонской. I 453
„Я въ жизни обмиралъ—и чувство это знаю“. Смерти. I. . . 139
„Я въ моихъ тебя вижу все снахъ...“ II. 177
„Я говорилъ при разставаньи“. Къ Офеліи. I 354
„Я говорю, что я люблю съ тобою встрѣчи...“ I 364
„Я громомъ ихъ въ отчаяньи застигну“. Послѣднее слово. I. . 72
„Я долго стоялъ неподвижно...“ I 264
„Я ждалъ... Невѣстою-царицей...“ I. 288
„Я жду. Соловьиное эхо...“ I 258
„Я жить хочу!—кричитъ онъ, дерзновенный“. Смерть. I . . . 139
„Я зналъ ее малюткою кудрявой...“ I. 371

стр

„Я зналъ, что намъ близкое горе грозило...“ II 175
„Я знаю, гордая, ты любишь самовластье...“ I. 178
Языкъ цвѣтовъ. „Мой пучокъ блеститъ росой“. II 107
„Я люблю его жарко: онъ тигромъ въ бою...“ I 373
„Я люблю многое, близкое сердцу...“ I 187
„Я люблю посмотрѣть“. Ласточка. II 153
„Я невпопадъ у васъ въ гостиной“. Е. И. Баратынской. II . . 134
„Я не знаю, не скажу я...“ I. 122
„Я не ропщу на трудный путь земной“. Мадонна. I 347
„Я не ропщу,—пусть сердце и въ огнѣ“. Изъ Гейне. II 222
„Я не у васъ, я обдѣленъ!“ Гр. С. А. Толстой. I. 414
„Я опоздалъ—и какъ жалѣю“. С. П. Хитрово. I 417
„Я плакалъ во снѣ. Мнѣ приснилось“. Изъ Гейне. II 223
„Я повторялъ:—Когда я буду...“ I 427
„Я полонъ думъ, когда, закрывши вѣжды“. I 301
„Я посѣщалъ тотъ край обѣтованный“. Золотой вѣкъ. I . . . 152
„Я потрясенъ, когда кругомъ“. I. 58
„Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ...“ I 245
„Я радъ, когда съ земного лона...“ I 290
„Яркимъ солнцемъ въ лѣсу пламенѣетъ костеръ...“ I 221
„Ярко-блестящая пряжка надъ бѣлою, полною грудью“. Сонъ и Пазифая. I 171
„Я слышу звонъ твоихъ рѣчей“. Ребенку. I 392
„Я слышу—и судьбѣ я покоряюсь грозной...“ I 362
„Я слышу пѣсню,—у воротъ“. Пѣвецъ. Изъ Гёте. II 380
„Я съ лучшей стороны смотрѣть на все готовъ“. Съ нѣмецкаго. II 354
„Я тебѣ ничего не скажу“. Романсъ. I 335
„Я узнаю тебя и твой бѣлый вуаль...“ I. 299
„Я уѣзжаю. Замираетъ...“ I 207
„Я цѣлый день изнемогаю“. Изъ Гейне. II 223
Ѳеокритъ. Изъ Мерике. „Будь, Ѳеокритъ, о, прелестнѣйшій, мной упомянуть съ хвалою“. II 306

Заявленъ Отдѣлу Промышленности

Переплетная „НИВА“, С.П.Б.